

Л. Лазин

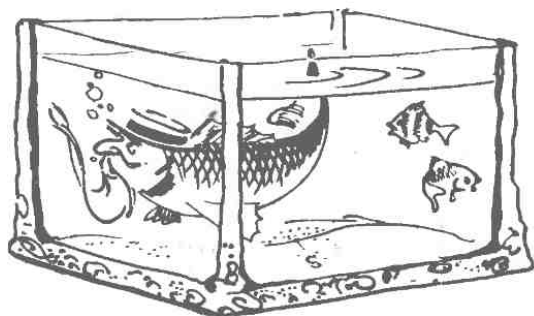
Старик Хоттабыч

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Л. Лазин
Старик
Хоттабыч

Повесть-сказка

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1983

Рисунки Г. Мазурина

Лагин Л. И.

Л14 Старик Хоттабыч: Повесть-сказка/Рис. Г. Ма-
зурина.—М.: Дет. лит., 1983.—336 с., ил.—
(Школьная б-ка для нерусских школ).

В пер.: 1 р. 20 к.

Весёлая повесть-сказка советского писателя Л. Лагина (1903—1979) о необычайных приключениях джинна, попавшего из старинной волшебной сказки в обстановку современного советского города; о дружбе старика Хоттабыча с пионером Волькой, которому он никак не может «угодить» своим волшебством, потому что его представления о жизни, о счастье не имеют ничего общего со взглядами советского школьника.

Впервые повесть была опубликована в 1938 году.

Л 4803010102—557 524—83
М101(03)83

В книге «Тысяча и одна ночь» есть «Сказка о рыбаке». Вытащил рыбак из моря свои сети, а в них — медный сосуд, а в сосуде — могучий чародей джинн. Он был заточён в нём без малого две тысячи лет. Этот джинн поклялся осчастливить того, кто выпустит его на волю: обогатить, открыть все сокровища земли, сделать могущественнейшим из султанов и, сверх всего, выполнить ещё три его желания.

Или, например, «Волшебная лампа Аладдина». Казалось бы, ничем не примечательная старая лампа, можно сказать — просто утиль. Но стоило только потерять её — и вдруг неизвестно откуда возникал джинн и выполнял любые, самые невероятные желания её владельца. Вам угодны редчайшие яства и пития? Пожалуйста. Сундуки, по самые края наполненные золотом и драгоценными камнями? Готово. Роскошный дворец? Сюю же минутой. Превратить вашего недруга в зверя или гада? С превеликим удовольствием.

Предоставь такому чародею по собственному вкусу одарить своего повелителя — и снова посыпались бы всё те же драгоценные сундуки, всё те же султанские дворцы в личное пользование.

По понятию джіннов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желанія онѣ в ѣтих сказках выполняли, это и было самое полное человеческое счастье, о котором только и можно было мечтать.

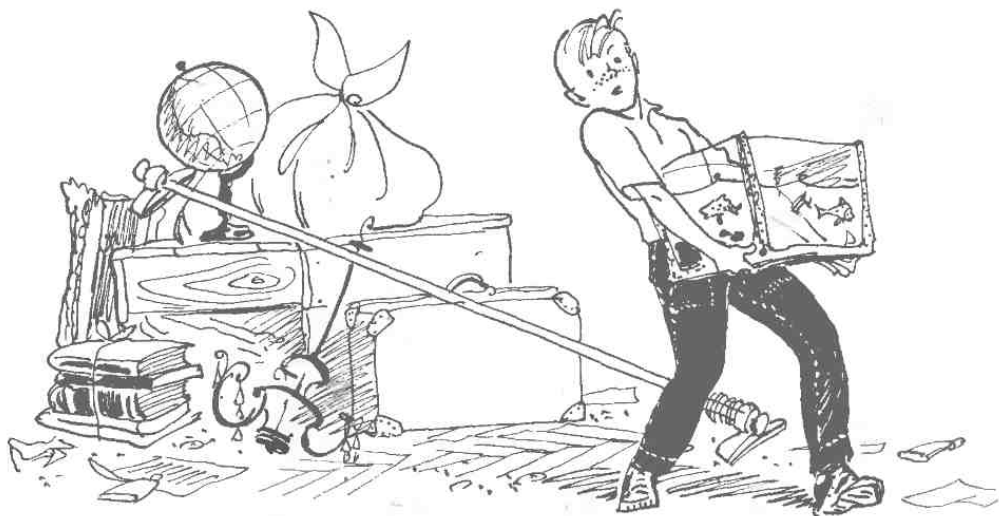
Сотни и сотни лет прошли с тех пор, как впервые были рассказаны ѣти сказки, но представления о счастье долго ещё связывались, а в капиталистических странах у многих людей и по сей день ещё связываются с сундуками, битком набитыми золотом и брильянтами, с властью над другими людьми.

Ах, как мечтают те люди хоть о самом завалющем джинне из старинной сказки, который явился бы к ним со своими дворцами и сокровищами! Конечно, думают онѣ, любой джинн, проведший две тысячи лет в заточении, поневоле несколько отстал бы от жизни. И возможно, что дворец, который он преподнесёт в подарок, будет не совсем благоустроен с точки зрения современных достижений техники. Ведь архитектура со времён калифа Гарун аль Рашида так шагнула вперёд! Появились ваннные комнаты, лифты, большие, светлые окна, паровое отопление, электрическое освещение... Да ладно уж, стоит ли придира́ться. Пусть дарит такие дворцы, какие ему заблагорассудится. Были бы только сундуки с золотом и брильянтами, а остальное приложится: и почёт, и власть, и яства, и блаженная, праздная жизнь богатого «цивилизованного» бездельника, презирающего всех тех, кто живёт плодами своих трудов. От такого джинна можно и люббе огорчение стерпеть. И не беда, если он не знает многих правил современного общежития и светских манёр и если он иногда и поставит тебя в скандальное положение. Чародею, швыряющемуся сундуками с драгоценностями, ѣти люди всё простят...

Ну, а что, если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости, где власть богачей давно и навсегда уничтожена и где только честный труд приносит человеку счастье, почёт и славу?

Я старался вообразить, что случилось бы, если бы джинна спас из заточения в сосуде самый обыкновенный советский мальчик, такой, каких миллионы в нашей счастливой социалистической стране.

И вдруг я, представьте себе, узнаю, что Волька Костыльков, тот самый, который жил раньше у нас в Трёхпрудном переулке, ну, тот самый Волька Костыльков, который в прошлом году в лагере лучше всех нырял... Впрочем, давайте я вам лучше всё расскажу по порядку.

I. НЕОБЫКНОВЕННОЕ УТРО

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика шестого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

— Ничего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит — сегодня у него экзамены.

Волька поморщился.

Когда это мама перестанет наконец называть его ребёнком!

— Ну что за чепуха! — ответил за перегородкой отец. — Парню скоро тринадцать лет. Пускай встаёт и помогает складывать вещи... У него вот-вот борода начнёт пробиваться, а ты всё: ребёнок, ребёнок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Волька сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру в новеньком шестизэтажном доме. Ещё накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду в ванночку, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожнички набрав полный рот гвоздён, заколачивал ящики с книгами. Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром. Потом пили чай по-походному, за столом без скатерти. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру...

Не успели напиться чаю, как с грохотом ввалились грузчики. Первым делом они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

— Можно начинать?

— Пожалуйста, — ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу к крытому трёхтонному грузовику диванные валики и спинку.

— Переезжаете? — спросил у него соседский мальчишка.

— Переезжаем, — небрежно ответил Волька с таким видом, словно он переезжал с квартиры на квартиру каждую неделю и в этом не было для него ничего удивительного.

Подошёл дворник Степаныч, глубококомбиненно свернул сигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал: «С нашим удовольствием». Одним словом, налаживалась серьёзная и положительная беседа двух мужчин когда вдруг из квартиры раздался голос матери:

— Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребёнок?

Волька помчался в опустевшую, непривычно просторную квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

— Наконец-то! — сказала мать. — Берё свой знаменитый аквариум и срочно влезай в машину. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум в руках. Больше давать его некуда. Только смотри не расплескай воду на диван...

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

II. ТАЙНСТВЕННЫЙ СОСУД

В конце концов Волька устроился неплохо.

Внутри машины царил таинственный и прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было вообразить, будто едешь не по Трёхпрудному переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в далёких сибирских просторах, где тебе предстоит в суровых боях с природой возводить новый гигант советской индустрии. И конечно, в первых рядах отличников этой стройки будет Волька Костыльков. Он первый соскочит с машины, когда караван грузовиков прибывает к месту назначения. Он первый раскинет свою палатку и представит её заболевшим в пути, а сам, перекидываясь шуточками с товарищами по стройке, останется греться у костра, который он же быстро и умело разведёт. А когда в трескучие морозы или свирепые бураны кое-кто вздумает сдавать темпы, ему будут говорить: «Стыдитесь, товарищ! Берите пример с показательной бригады Владимира Костылькова...»

За диваном возвышался ставший вдруг удивительно интересным и необычайным перевернутый вверх ногами обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное разными склянками. У боковой стенки кузова тускло по-

блѣскивала никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, неожиданно приобрела столь таинственный и торжественный вид, что Волька нисколько не удивился бы, если бы узнал, что именно в ней проживал когда-то философ Диоген, тот самый, который из древней греческой истории.

Сквозь дырки в брезентовых стенках пробивались тоненькие столбики солнечных лучей. Волька прильнул к одной из них. Перед ним, словно на экране в кино, стремительно пробегали веселые и шумные улицы, тихие и тенистые переулки, просторные площади, по которым во всех четырех направлениях двигались в два ряда пешеходы. За пешеходами, поблѣскивая просторными зеркальными витринами, возвышались неторопливо убегающие назад магазины, наполненные товарами, продавцами и озабоченными покупателями; школы и дворы при школах, уже пестревшие белыми блузками и красными галстуками наиболее нетерпеливых школьников, которым не сиделось дома в день экзаменов; театры, клубы, заводы, красные громады строящихся зданий, огражденные от прохожих высокими дощатыми заборами и узенькими, в три доски, деревянными тротуарами.

Вот мимо Волькиного грузовика медленно проплыло приземистое, с круглым, кирпичного цвета куполом заветное здание цирка. На его стенах не было теперь обильных реклам с ярко-желтыми львами и красавицами, изящно стоящими на одной ножке на спинах неопишимо роскошных лошадей. По случаю летнего времени цирк перешел в Парк культуры и отдыха, в огромный брезентовый шатер. Недалеко от опустевшего цирка грузовик обогнал голубой автобус с экскурсантами. Десятка три карапузов, держась по двое за руки, шли по тротуару и солидно пели звонким, но нестройным хором: «Не нужен нам берег турецкий!..» Наверно, это детский сад шел гулять на бульвар... И снова убежали от Вольки школы, булочные, магазины, клубы, заводы, кинотеатры, библиотеки, новостройки...

Но вот грузовик, устало фырчá и отдувáясь, остановился у подъезда нóвого Вóлькиного дóма. Грúзчики лóвко перетащили вёщи в квартíру и уехали.

Отéц, кóе-как распаковáв ящички с сáмыми необходимыми вещáми, сказáл:

— Остальное доделаем пóсле рáботы.

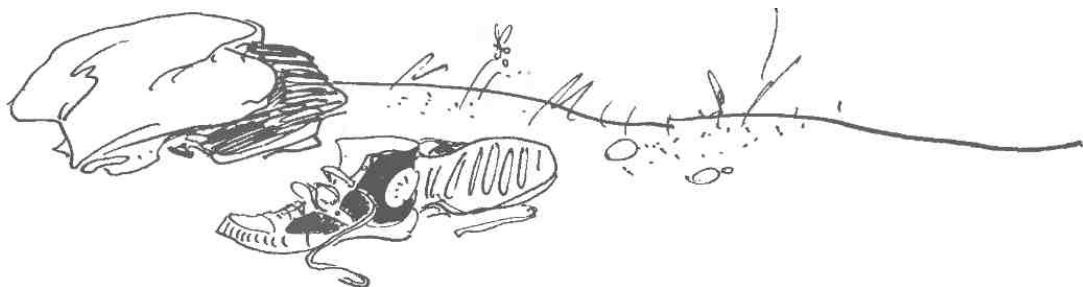
И ушёл на завóд.

Мáма с бáбушкой принялись распаковывать кúхонную и столóвую посúду, а Вóлька решил сбéгать тем врéменем нá реку. Прáвда, отéц предупредил, чтóбы Вóлька не смёл без него ходитъ купáться, потому что тут стрáшно глубоко, но Вóлька бýстро нашёл для себя оправдáние:

«Мне необходимо вýкупаться, чтóбы была свёжая голова. Как ёто я могу явítся на экзáмен с несвёжей головой!»

Прóсто удивítельно, как Вóлька умёл всегда придúмывать оправдáние, когда собирáлся делáть то, что ему за-прещáли!..

Ёто большóе удóбство, когда рекá недалекó от дóма. Вóлька сказáл мáме, что пойдёт на бéрег готóвиться по географии. И он действítельно собирáлся минут дéсять политáть учебник. Но, прибежáв нá реку, он, не мёдля ни минуты, разделся и брóсился в вóду. Шёл одýннадцатый час, и на берегú нé было ни одного человека. Ёто было хорошó и плóхо. Хорошó — потому, что никто не мог ему помешáть вслáсть вýкупаться. Плóхо — потому, что нéкому бýло восторгáться, как красíво и легкó Вóлька плáвает и

в особенности как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанырjлся до того, что буквально посинел. Тогда он понял, что хватит, совсем было вылез из воды, но передумал и решил напоследок ещё разок нырнуть в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый миг, когда Волька уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг

нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Волька схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках был скользкий, замшелый глиняный сосуд необычной формы. Больше всего он походил, пожалуй, на древнюю амфору. Его горлышко было наглухо замазано зеленым смолистым веществом, на котором было выдавлено нечто отдаленно напоминавшее печать.

Волька прикинул сосуд на вес. Сосуд был тяжелый, и Волька обмер.

Клад! Клад со старинными вещами, имеющими огромное научное значение!.. Вот это здорово!

Быстренько одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать сосуд.

Пока он добежал до дому, в его голове уже успела сложиться заметка, которая завтра обязательно появится во всех газетах. Он даже придумал для нее название: «Пионер помог науке».

«Вчера в N-е отделение милиции явился пионер Костыльков Владимир и вручил дежурному клад из редких старинных золотых вещей, найденный им на дне реки, на

очень глубоком месте. Клад передан милицией в Исторический музей. По сведениям из достоверных источников, Костыльков Владимир — прекрасный ныряльщик».

Проскользнув мимо кухни, где мама готовила обед, Волька юркнул в комнату с такой быстротой, что чуть не сломал себе ногу: он споткнулся о люстру, которую ещё не успели повесить. Это была знаменитая бабушкина люстра. Когда-то, ещё до революции, её собственноручно переделал покойный дедушка из висячей керосиновой лампы. Это была память о бабушке, и бабушка ни за что в жизни с ней бы не рассталась. А так как вешать её в столовой было не так уж красиво, то предполагалось повесить её как раз в той комнате, куда сейчас и забрался Волька. На сей предмет был уже вколочен в потолок большущий железный крюк.

Потирая ушибленную колёнку, Волька запер за собой дверь, вытащил из кармана перочинный ножик и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка сосуда.

В то же мгновение вся комната наполнилась ёдким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за тот самый крюк, на который предполагалось повесить бабушкину люстру.

III. СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался разобраться в том, что произошло, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг обнаружил, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был толстый и смуглый старичок с бородой по пояс, в роскошной чалме, тонком белом шерстяном кафтানে, обильно расшитом золотом и серебром, в белоснежных шелковых шароварах и нежно-розовых сафьяновых туфлях с высоко загнутыми носками.

— Апчхí! — оглушительно чихнул старичок и пал ниц. — Привétствую тебя, о прекрасный и мýдрый óтрок!

Волька зажмурил глаза, снова их раскрыл: нет, этот удивительный старичок, пожалуй, ему и на самом деле не мерещился. Вот он, потирая сухонькие ладошки и всё ещё не поднимаясь с колен, тарачит умные и не по-стариковски шустрые глаза на обстановку Волькиной комнаты, словно это невесть какое чудо.

— Вы откуда? — осторожно осведомился Волька, медленно расклевываясь под самым потолком, точно маятник. — Вы... Вы из самодеятельности?

— О нет, о юный мой повелитель, — высокопарно ответил старичок, оставаясь всё в том же неудобном положении и немилосердно чихая, — я не из неведомой мне страны Самодеятельность. Я вот из этого трижды проклятого сосуда.

С этими словами он вскочил на ноги, бросился к валявшемуся поблизости сосуду, из которого ещё продолжал струиться небольшой дымок, и стал яростно его топтать, пока от сосуда не остался ровный слой мелких черепков. Затем старичок с хрустальным звоном выдернул из бороды волосок, разорвал его, и черепки вспыхнули каким-то небывалым, зелёным пламенем и мгновенно сгорели без следа.

Но Вольку всё ещё глодало сомнение.

— Что-то вроде не похоже... — протянул он, — сосуд был такой маленький, а вы такой... сравнительно большой.

— Не веришь, презренный?! — свирепо вскричал старичок, но тут же взял себя в руки, снова рухнул на колени и с такой силой стукнулся при этом лбом об пол, что в аквариуме заметно колыхнулась вода и сонные рыбки всполошённо зашевелились взад и вперёд. — Прости меня, о юный мой спаситель, но я не привык, чтобы мои слова брались под сомнение... Знай же, благословеннейший из отроков, что я не кто иной, как могучий и прославленный во всех четырёх странах света джинн Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, то есть сын Хоттаба.

Всё было настолько интересно, что Волька даже позабыл о том, что он висит под потолком на ламповом крюке:

— Джин?.. Джин — это, кажется, такой американский спиртной напиток?..

— Не напиток я, о пылливый отрок! — снова вспылил старичок, снова спохватился и снова взял себя в руки. — Не напиток я, а могущественный и неустрашимый дух, и нет в мире такого волшебства, которое было бы мне не по силам, и зовут меня, как я уже имел счастье довести до твоего много- и высокочтимого сведения, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович.

Назови моё имя первому попавшемуся ифриту, или джинну, что одно и то же, и ты увидишь, — хвастливо продолжал старичок, — как он задрожит мелкой дрожью и слюна в его рту пересохнет от страха.

И случилась со мной — апчхи! — удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, ослушался Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — я и брат мой Омар Юсуф Хоттабович. И тот Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот доставил нас насильно. И Сулейман ибн Дауд — мир с ними обоими! — приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, — в медном. Он запечатал оба сосуда, отгнав на них величайшее из имён аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня — в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, — апчхи, апчхи! — извлёк меня. Да продлятся дни твои, о... Прости меня, я был бы несказанно счастлив узнать твоё имя, прелестнейший отрок.

— Меня зовут Волька, — ответил наш герой, продолжая медленно раскачиваться под потолком.

— А имя счастливого отца твоего, да будет он благословен во веки веков? Скажи мне нежнейшее из его имён, ибо он поистине достоин великой любви и благодарности — человек, подаривший миру такого достойного отпрыска.

— Его зовут Алексей. А самое нежное... самое нежное его имя — Алёша, Алёшенька...

— Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алёша, что я буду впредь выполнять всё, что ты мне прикажешь, ибо ты спас меня из страшного заточения... Апчхи!..

— Почему вы так чихаете? — спросил Волька, словно всё остальное было ему совершенно ясно.

— Несколько тысячелетий, проведённых в сырости, без

благодатного солнечного света, в холодном сосуде, по-
кóящемся в глубинах вод, наградили меня, недостóйного
твоего слугу, утомительным насморком. Апчхí!.. апчхí!..
Но всё это сущая чепуха и недостóйно твоего драгоценней-
шего вниманія. Повелевай мной, о юный господін! — с
жаром заключил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрáв
вверх голову, но продолжая оставаться на колéнях.

— Прэжде всего поднимитесь, пожáлуйста, с колéн, —
сказал Вóлька.

— Твоё слóво для меня закон, — послушно ответство-
вал старик и встал на ноги. — Я жду твоих дальнэйших
повелéний.

— А тепёрь, — неуверенно промóлвил Вóлька, — если
это вас не затруднит... будьте добры... конечно, если это
вас не очень затруднит... Одним слóвом, мне бы очень хо-
телось очутиться на полу.

В тот же миг он оказалсá внизу, рядом со стариком
Хоттабычем, как мы будем в дальнэйшем для краткости
величáть нашего нóвого знакомого. Пёрвым дéлом Вóлька
схватился за штаны. Штаны были совершénно цéлы.

Начинались чудеса.

IV. ЭКЗАМЕН ПО ГЕОГРАФИИ

— Повелевай мною! — продолжал Хоттабыч, глядя на
Вóлку преданными глазами. — Нет ли у тебя како́го-ни-
будь гóря, о Вóлька ибн Алёша? Скажи, и я помогу тебе.

— Ой, — всплеснул руками Вóлька, кинул взгляд на
бóдро тикавший на его столе будильник. — Опáздываю!
Опáздываю на экзамен!..

— На что ты опáздываешь, о драгоценнейший Вóлька
ибн Алёша? — деловито осведомился Хоттабыч. — Что ты
назывáешь этим странным слóвом «эк-за-мен»?

— Это то же самое, что испытанія. Я опáздываю в
школу на испытанія.

— Знай же, о Вóлька, — обиделся старичок, — что ты
плóхо цéнишь моё могúщество. Нет, нет и ещё раз нет! Ты

не опоздаешь на экзамен. Скажи только, что тебе больше по праву: задержать экзамены или немедленно оказаться у врат твоей школы?

— Оказаться у врат, — сказал Волька.

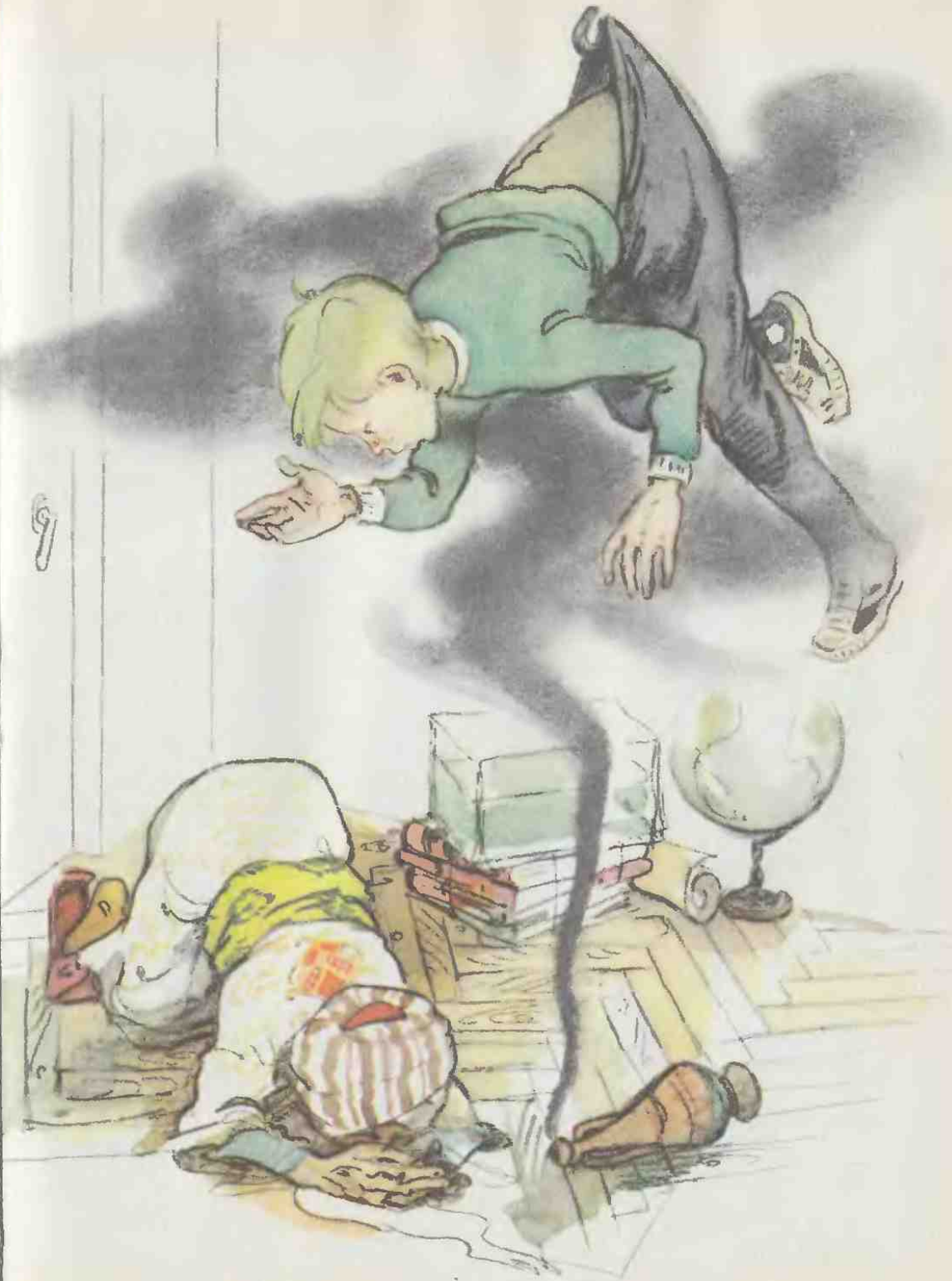
— Нет ничего легче! Сейчас ты будешь там, куда ты так жадно тянешься своей юной и благородной душой, и ты потрясешь своими познаниями учителей своих и товарищей своих.

С приятным хрустальным звоном старичок снова выдернул из бороды сначала один волосок, а за ним другой.

— Боюсь, что не потрясу, — рассудительно вздохнул Волька, бистренько переодеваясь в форменную одежду. — По географии я, честно говоря, на пятёрку не вытяну.

— По географии? — вскричал старик и торжественно поднял свои иссохшие волосатые руки. — Тебе предстоит экзамен по географии?! Знай же, о изумительнейшей из изумительных, что тебе неслыханно повезло, ибо я больше кого-либо из джиннов богат знаниями по географии — я, твой верный слуга Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдём с тобой в школу, да будут благословенны её фундамент и крыша! Я буду тебе незримо подсказывать ответы на все вопросы, которые будут тебе заданы, и ты прославишься среди учеников своей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города. И пусть только попробуют твой учителя не удостоить тебя самых высочайших похвал: они будут иметь дело со мной! — Тут Хоттабыч рассвирепел: — О, тогда им придётся очень, очень плохо! Я превращу их в ослов, на которых возят воду, в бездомных собак, покрытых коростой, в самых отвратительных и мерзких жаб — вот что я с ними сделаю!.. Впрочем, — успокоился он так же быстро, как и рассвирепел, — до этого дело не дойдёт, ибо все, о Волька ибн Алёша, будут восхищены твоими ответами.

— Спасибо, Гассан Хоттабыч, — тяжко-тяжко вздохнул Волька. — Спасибо, только никаких подсказок мне не надо. Мы — пионеры — принципиально против подсказок. Мы против них организованно боремся.

Ну откúда было старóму джίνну, провёдшему стóлько лет в заточéнии, знать учёное слóво «принципиально»? Но вздох, котóрым его юный спаситель сопровождал свой слóва, пóлные печального благородства, утвердил Хоттабыча в том, что пóмощь его нужна Вóльке ибн Алёше больше чем когда бы то ни было.

— Ты меня́ очень огорчаешь своим отказом,— сказа́л Хоттабыч.— И ведь, глáвное, учти́: никто́ моёй подсказки не замéтит.

— Ну да! — горько усмехну́лся Вóлька.— У Варва́ры Степа́новны такой то́нкий слух, спасу нет!

— Тепе́рь ты меня́ не то́лько огорчаешь, но и обижа́ешь, о Вóлька ибн Алёша. Если Гассáн Абду́ррахма́н ибн Хотта́б говорíт, что никто́ не замéтит, значíт, так онó и бóдет.

— Никто́-никто́? — переспроси́л для ве́рности Вóлька.

— Никто́-никто́. То, что я бóду имéть сча́стье тебе́ подсказа́ть, пойдёт из мо́их почтíteльных уст пра́мо в твой высокочтíмые у́ши.

— Прóсто не зна́ю, что мне с ва́ми де́лать, Гассáн Хотта́быч,— притво́рно вздохну́л Вóлька.— Ужáсно не хóчется огорча́ть вас отказом... Ла́дно, так и быть!.. Геогра́фия — э́то тебе́ не матемáтика и не ру́сский язы́к. По матемáтике и́ли ру́сскому я бы ни за что не согласи́лся на са́мую малюсенькую подсказку. Но поско́льку геогра́фия всё-таки не са́мый глáвный предмёт... Ну, тогда́ пошли́ побыстрéе!.. То́лько...— Тут он окíнул критиче́ским взро́м необы́чное одея́ние старика́.— М-м-м-да-а-а... Как бы э́то вам переоде́ться, Гассáн Хотта́быч?

— Ра́зве моё оде́жды не услажда́ют твой взор, о досто́йнейший из Во́лек? — огорчи́лся Хотта́быч.

— Услажда́ют, безусло́вно услажда́ют,— дипломатично отве́тил Вóлька,— но вы одéты... как бы э́то сказа́ть... У нас не́сколько друго́я мо́да... Ваш костю́м сли́шком уж бóдет броса́ться в глаза́.

— Но как же одева́ются сейча́с досто́йные уваже́ния мужи́ почтённых лет?

Волька попробовал растолковать старику, что такое пиджак, брюки, шляпа, но, сколько он ни старался, ничего толком объяснить не мог. Он совсем было отчаялся, когда его взгляд случайно упал на висевший на стенке дедушкин портрет. Тогда он подвёл Хоттабыча к этой порывёвшейся от времени фотографии, и старик несколько мгновений вглядывался в неё с любопытством и нескрываемым недоумением: ему странно и удивительно было видеть одеяние, столь не похожее на своё.

Через минуту из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел Волька, держа под руку Хоттабыча. Старик был великолепен в новой парусиновой пиджачной паре, украинской вышитой сорочке и твёрдой соломенной шляпе канотье. Единственное, что он не согласился сменить, была обувь. Сославшись на мозоли трёхтысячелетней давности, он остался в розовых туфлях с загнутыми носками, которые в своё время свели бы, вероятно, с ума самого большого модника при дворе калифа Гаруна аль Рашида.

И вот Волька с преобразившимся Хоттабычем почти бегом приблизились к подъезду 245-й московской средней школы. Старик кокетливо посмотрелся в стеклянную дверь, как в зеркало, и остался собой доволен.

Пожилой швейцар, лениво читавший газету, с удовольствием отложил её, завидев Вольку и его спутника. Ему было жарко и хотелось поговорить.

Пересканивая сразу через несколько ступенек, Волька помчался вверх по лестнице. В коридорах было тихо и пустынно — верный и печальный признак, что экзамены уже начались и что Волька, следовательно, опоздал.

— А вы, гражданин, куда? — спросил швейцар Хоттабыча, последовавшего было за своим юным другом.

— Ему к директору нужно! — крикнул сверху Волька.

— Извините, гражданин, директор занят. Он сейчас на экзаменах. Зайдите, пожалуйста, ближе к вечеру.

Хоттабыч сердито насупил брови:

— Если мне будет позволено, о почтенный старец, я

предпочёл бы подождать его здесь.— Затем он крикнул Вольке: — Спешь к себе в класс, о Волька ибн Алёша! Я верю, ты потрясёшь своими знаниями учителей своих и товарищей своих!

— Вы ему, гражданин, дедушкой приходитеесь или как? — попытался швейцар завязать разговор.

Но Хоттабыч, пожевав губами, промолчал. Он считал ниже своего достоинства беседу с привратником.

— Разрешите предложить вам кипячёной воды, — продолжал между тем швейцар.— Жара сегодня — не приведи господь.

Налив из графина полный стакан, он повернулся, чтобы подать его неразговорчивому незнакомцу, и с ужасом убедился, что тот пропал неизвестно куда, словно сквозь паркет провалился. Потрясённый этим невероятным обстоятельством, швейцар залпом опрокинул в себя воду, предназначенную для Хоттабыча, налил и осушил второй стакан, третий и остановился только, когда в графине не осталось ни единой капли. Тогда он откинулся на спинку стула и стал в изнеможении обмахиваться газетой.

А в это время на втором этаже, как раз над швейцаром, в шестом классе «Б», происходила не менее волнующая сцена. Перед классной доской, увешанной географическими картами, за столом, по-парадному покрытым сукном, разместились учителя во главе с директором школы Павлом Васильевичем. Перед ними сидели на партах чинные, торжественно подтянутые ученики. В классе стояла такая тишина, что слышно было, как где-то под самым потолком монотонно гудит одинокая муха. Если бы ученики шестого класса «Б» всегда вели себя так тихо, это был бы безусловно самый дисциплинированный класс во всей Москве.

Нужно, однако, подчеркнуть, что тишина в классе была вызвана не только экзаменационной обстановкой, но и тем, что выкликнули к доске Костылькова, а его в классе не оказалось.

— Костыльков Владимир! — повторил директор и

окинул недоумевающим взглядом притихший класс. Стало ещё тише.

И вдруг из коридора донёсся гулкий топот чьих-то бегущих ног, и в тот самый момент, когда директор в третий, и последний, раз провозгласил: «Костыльков Владимир!» — с шумом распахнулась дверь и запыхавшийся Волька пискнул:

— Я!

— Пожалуй к доске, — сухо промолвил директор, — о твоём опоздании мы поговорим позже.

— Я... я... болен, — пробормотал Волька первое, что ему пришло в голову, и неуверенным шагом приблизился к столу.

Пока он размышлял, какой бы из разложенных на столе билетов ему выбрать, в коридоре прямо из стены появился старик Хоттабыч и с озабоченным видом прошёл сквозь другую стену в соседний класс.

Наконец Волька решился: взял первый попавшийся билет, медленно-медленно, пытая свою судьбу, раскрыл его и с удовольствием убедился, что ему предстоит отвечать про Индию. Как раз про Индию он знал много. Он давно интересовался этой страной.

— Ну что ж, — сказал директор, — докладывай.

Начало билета Волька даже помнил слово в слово по учебнику. Он раскрыл рот и хотел сказать, что полуостров Индостан напоминает по своим очертаниям треугольник, что омывается этот огромный треугольник Индийским океаном и его частями: Аравийским морем — на западе и Бенгальским заливом — на востоке, что на этом полуострове расположены две большие страны — Индия и Пакистан, что населяет их добрый, миролюбивый народ со старинной и богатой культурой, что американские и

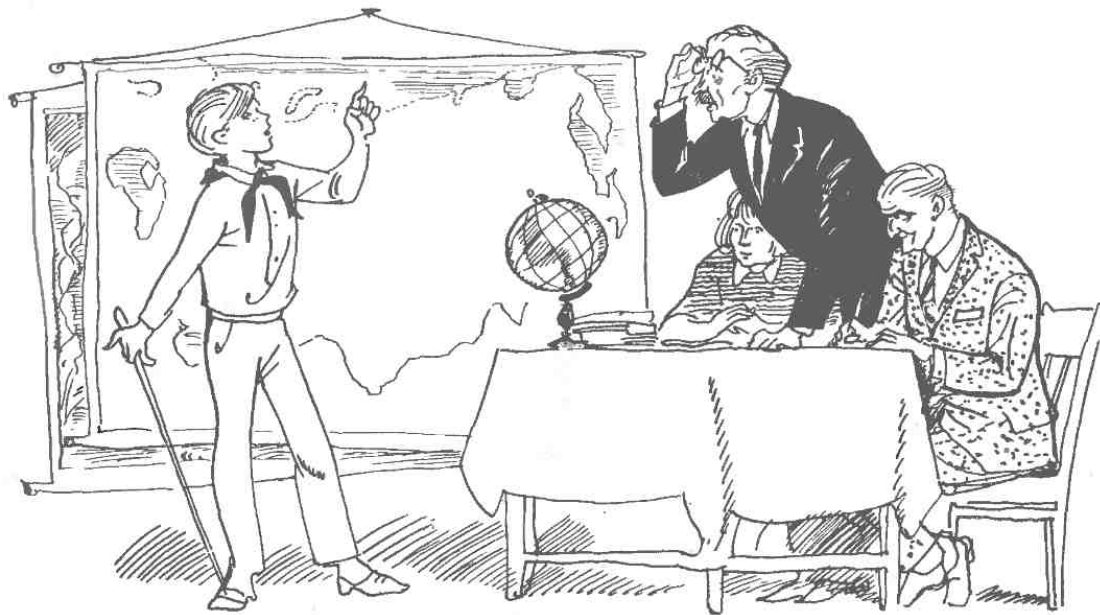

английские империалисты всё время нарочно стараются поссорить обе эти страны, и так далее и тому подобное. Но в это время в соседнем классе Хоттабыч прильнул к стенке и трудолюбиво забормотал, приставив ко рту ладонь трубочкой.

— Индия, о высокочтимый мой учитель...

И вдруг Волька, вопреки собственному желанию, стал пороть несусветную чушь:

— Индия, о высокочтимый мой учитель, находится почти на самом краю земного диска и отделена от этого края безлюдными и неизведанными пустынями, ибо на восток от неё не живут ни звери, ни птицы. Индия — очень богатая страна, и богата она золотом, которое там не копают из земли, как в других странах, а неустанно, день и ночь, добывают особые, золотоносные муравьи, каждый из которых величиной почти с собаку. Они роют себе жилища под землёю и трижды в сутки выносят оттуда на поверхность золотой песок и самородки и складыва-

ют в большіе кучи. Но горе тем индійцам, котóрые без дол́жной сноровки попыта́ются похитить это́ золото! Муравьи́ пуска́ются за ними в погоню и, настíгнув, убива́ют на мѣсте. С се́вера и за́пада Индия грани́чит со страной, где прожива́ют плешивые лю́ди. И мужчи́ны и же́нщины, и взро́слые и де́ти — все плешивы в э́той странѣ, и пита́ются э́ти удивительные лю́ди сыро́й ры́бой и древе́сными ши́шками. А ещѣ бли́же к ним лежи́т страна́, в котóрой нельзя́ ни смотре́ть вперед, ни пройти́, вследствие того́ что там в неисчисли́мом мно́жестве рассы́паны перья́. Перья́ми за́полнены там во́здух и земля́; онѣ-то и меша́ют ви́деть...

— Постой, постой, Костыльков! — улыбу́лась учи́тельница геогра́фии. — Никто́ тебя́ не про́сит рассказывать о взгля́дах дре́вних на геогра́фию Азии. Ты расскажи́ современны́е, нау́чные да́нные об Индии.

Ах, как Во́лька был бы сча́слив изложѣть свой познáния по э́тому вопро́су! Но что он мог поде́лать, е́сли уже́ бо́льше не был вла́стен над свое́й речью́ и свои́ми поступи́ками! Согласившись на подсказку Хоттабыча, он стал безво́льной игру́шкой в его́ доброжелательных, но неве́жественных руках. Он хоте́л подтверди́ть, что, конечно́, то, что он то́лько что сказа́л, ниче́го о́бщего не имѣет с да́нными современно́й нау́ки, но Хоттабыч за стено́й недоу́менно пожа́л плеча́ми, отрицáтельно мотну́в голово́й, и Во́лька здесь, пе́ред экзаменаціо́нным столо́м, вы́нужден был та́кже пожа́ть плеча́ми и отрицáтельно мотну́ть голово́й:

— То, что я имѣ́л честь сказа́ть тебе́, о высокочтима́я Варва́ра Степа́новна, осно́вано на са́мых достовере́ных исто́чниках, и нет бо́лее нау́чных све́дений об Индии, чем те, котóрые я то́лько что, с твоего́ разреше́ния, сообщи́л тебе́.

— С ка́ких э́то пор ты, Костыльков, стал говори́ть ста́ршим «ты»? — удиви́лась учи́тельница геогра́фии. — И перестáнь пая́сничать. Ты на экза́мене, а не на костюми́рованном ве́чере. Если ты не зна́ешь э́того билѣта, то

честнее будет так и сказать. Кстати, что ты там такое наговорил про земной диск? Разве тебе не известно, что Земля — шар?

Известно ли Вольке Костылькову, действительному члену астрономического кружка при Московском планетарии, что Земля — шар?! Да ведь это знает любой первоклассник!

Но Хоттабыч за стеной рассмеялся, и из Волькиного рта, как наш бедняга ни старался сжать свои губы, сам по себе вырвался высокомерный смешок:

— Ты изволишь шутить над твоим преданнейшим учеником! Если бы Земля была шаром, воды стекали бы с неё вниз, и люди умерли бы от жажды, а растения засохли. Земля, о достойнейшая и благороднейшая из преподавателей и наставников, имела и имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекой, называемой «Океан». Земля покоится на шести слонах, а те стоят на огромной черепахе. Вот как устроен мир, о учительница!

Экзаменаторы смотрели на Вольку со всё возрастающим удивлением. Тот от ужаса и сознания своей полнейшей беспомощности покрылся холодным потом.

Ребята в классе всё ещё не могли разобраться, что такое произошло с их товарищем, но кое-кто начинал посмеиваться. Уж очень это забавно получилось про страну плешивых, про страну, наполненную перьями, про золотых муравьёв величиной с собаку, про плоскую Землю, покоящуюся на шести слонах и одной черепахе. Что касается Жени Богорада, закадычного Волькиного приятеля и звеньёвого его звена, то он не на шутку встревожился. Кто-кто, а он-то отлично знал, что Волька — староста астрономического кружка и уж во всяком случае знает, что Земля — шар.

Неужели Волька ни с того ни с сего вдруг решил хулиганить, и где — на экзаменах! Очевидно, Волька заболел. Но чем? Что за странная небывалая болезнь? И потом, очень обидно за звено. Всё время шли первыми по

своим показателям, и вдруг всё летит кувыркóм из-за нелёпых отвéтов Костылькóва, тако́го дисциплини́рованного и сознáтельного пионéра!

Тут на све́жие раны Жéни поспешил насы́пать со́ли сидéвший на соседней па́рте Го́га Пиллю́кин, пренеприятный мальчи́шка, про́званный одноклáссниками Пиллю́лей.

— Горит твоё звено́, Жéнечка! — шепну́л он, злора́дно хихи́кнув. — Горит, как свéчечка!..

Жéня молча показáл Пиллю́ле кулак.

— Варвára Степáновна! — жалóстно возопи́л Го́га. — Богора́д мне кулако́м грози́тся.

— Сиди́ спокойно́ и не я́бедничай, — сказа́ла ему́ Варвára Степáновна и снова обрати́лась к Во́льке, кото́рый сто́ял пе́ред не́ю ни жив ни мёртв: — Ты что э́то, серьёзно насче́т слоно́в и черепа́х?

— Как никогда́ бо́лее серьёзно, о почтённой из учи́тельниц, — повтори́л Во́лька старико́ву подсказку, сгора́я от стыда́.

— И тебе́ не́чего доба́вить? Неужели ты полага́ешь, что отвеча́ешь по существу́ твоего́ билéта?

— Нет, не имéю, — отрицáтельно покача́л голово́й там, за стéнкой, Хотта́быч.

И Во́лька, изныва́я от беспомощности пе́ред си́лой, толка́ющей его́ к прова́лу, та́кже сде́лал отрицáтельный жест:

— Нет, не имéю. Ра́зве то́лько, что горизóнты в бога́той Индии обрамле́ны зóлотом и жемчу́гами.

— Невероятно! — развела́ рука́ми учи́тельница.

Не ве́рилось, что́бы Костылькóв, дово́льно дисциплини́рованный ма́льчик, да ещё в такую́ серьёзную мину́ту, реши́л ни с того́ ни с сего́ так нелéпо шути́ть над учителя́ми, риску́я к тому́ же переэкзаменóвкой.

— По-мо́ему, ма́льчик не совсе́м здоро́в, — шепну́ла она́ дире́ктору.

Иско́са броса́я бы́стрые и сочу́вственные взгля́ды на онемéвшего от тоски́ Во́льку, экзамена́торы ста́ли шёпотом совеща́ться.

Варвара Степановна предложила:

— А что, если задать ему вопрос специально для того, чтобы мальчик успокоился? Ну, хотя бы из прошлогóднегo кóурса. В прошлoм годú у него по географии была пятёрка.

Остальные экзаменаторы согласились, и Варвара Степановна снова обратилась к несчастному Вольке:

— Ну, Костыльков, вытри слёзы, не нервничай. Расскажи-ка, что такое горизонт.

— Горизонт? — обрадовался Волька. — Это совсем просто. Горизонтом называется воображаемая линия, которая...

Но за стеной снова закопошился Хоттабыч, и Костыльков снова пал жертвой его подсказки.

— Горизонтом, о высокочтимая, — поправился он, — горизонтом я назову ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

— Час от часу не легче! — простонала Варвара Степановна. — Как прикажешь понимать твои слова насчёт хрустального купола небес: в буквальном или переносном смысле слова?

— В буквальном, о учительница, — подсказал из-за стены Хоттабыч.

И Вольке пришлось вслед за ним повторить:

— В буквальном, о учительница.

— В переносном! — прошипел ему кто-то с задней скамейки.

Но Волька снова промолвил:

— Конечно, в буквальном и ни в каком ином.

— Значит, как же? — всё ещё не верила своим ушам Варвара Степановна. — Значит, небо, по-твоему, твёрдый купол?

— Твёрдый.

— И, значит, есть такое место, где Земля кончается?

— Есть такое место, о высокочтимая моя учительница.

За стеной Хоттабыч одобрительно кивал головой и удовлетворённо потирал свои сухие ладони.

В клáссе наступила напряжённая тишина. Сáмые смешливые ребята перестали улыбаться. С Волькой определённо творилось неладное.

Варвара Степановна встала из-за стола, озабоченно пощупала Волькин лоб. Температуры не было.

Но Хоттабыч за стёнкой растрогался, отвёсил низкий поклон, коснулся, по восточному обычаю, лба и груди и зашептал. И Волька, понуждаемый той же недоброй силой, в точности повторил эти движения:

— Благодарю тебя, о великодушнейшая дочь Степана! Благодарю тебя за беспокойство, но оно ни к чему. Оно излишне, ибо я, хвала аллаху, совершенно здоров.

Варвара Степановна ласково взяла Вольку за руку, вывела из класса и погладила по поникшей голове:

— Ничего, Костыльков, не унывай... Видимо, ты несколько переутомился... Придешь, когда хорошенько отдохнешь, ладно?

— Ладно, — сказал Волька. — Только, Варвара Степановна, честное пионерское, я несколько, ну совсем несколько не виноват!

— А я тебя ни в чём и не виню, — мягко отвечала учительница. — Знаешь, давай заглянем к Петру Ивановичу.

Пётр Иванович — школьный доктор — минут десять выслушивал и выстукивал Вольку, заставил его зажмурить глаза, вытянуть перед собой руки и стоять с растопыренными пальцами; постучал по его ноге ниже колёнки, чертил стетоскопом¹ линии на его голом теле.

За это время Волька окончательно пришёл в себя. Щеки его снова покрылись румянцем, настроение поднялось.

— Совершенно здоровый мальчик, — сказал Пётр Иванович. — То есть прямо скажу: на редкость здоровый мальчик! Надо полагать, сказалось небольшое переутомление... Переусердствовал перед экзаменами... А так здоров, здорово-о-о-о-о-о-о! Микюла Селянинович, да и только!

Это не помешало ему на всякий случай накапать в ста-

¹ Стетоскоп — врачебная трубка для выслушивания сердца и лёгких.

кан каких-то капель, и Микúле Селяниновичу пришлòсь скрепя сердце проглотить их.

И тут Вòлке пришлá в гòлову шальная мысль. А что, ёсли ёменно здесь, в кабинетe Петра Иваныча, воспòльзовавшись отсутствием Хоттáбыча, попробòвать сдать Варвáре Степáновне экзáмен?

— Ни-ни-ни! — замахáл рука́ми Пётр Иваныч. — Ни в кòем слúчае не рекомендо́ю. Пусть лúчнее нёсколько денёчков отдохнёт. Географ́ия от него́ никуда́ не убежít.

— Что вёрно, то вёрно, — облегчённо промòлвила учительница, дово́льная, что всё в конёчном счёте так благополúчно обошлòсь. — Иди́-ка ты, дружи́ще Костылькòв, до до́му, до хáты и отдыхай. Отдохнёшь хорошёнько — приходи́ и сдавай. Я увёрена, что ты обяза́тельно сдашь на пятёрку... А вы как дúмаете, Пётр Иваныч?

— Такой богаты́рь? Да он мёньше чем на пять с плю́сом ни за что не пойдёт!

— Да, вот что... — сказа́ла Варвáра Степáновна. — А не лúчнее ли бóдет, ёсли кто́-нибудь его́ провòдит до до́му?

— Что вы, что вы, Варвáра Степáновна! — всполощё́лся Вòлка. — Я отлúчно сам дойдú.

Не хватáло то́лько, что́бы провожа́тый столкну́лся нòсом к нòсу с ётим каверзным старикòм Хоттáбычем!

Вòлка вы́глядел уже́ совсём хорошò, и учительница со спокойной душо́й отпусти́ла его́ домо́й. Навстрéчу ему́ бросился швейцáр:

— Костылькóв! Тут с тобой дедушка приходил или кто, так он...

Но как раз в это время из стены появился старик Хоттабыч. Он был весел, как жаворонок, и что-то напевал себе под нос.

— Ой! — тихо вскрикнул швейцар и тщетно попытался налить себе воды из пустого графина.

А когда он поставил графин на место и оглянулся, в вестибюле не было ни Вольки Костылькова, ни его загадочного спутника. Они уже вышли на улицу и завернули за угол.

— Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, — горделиво обратился Хоттабыч, нарушив довольно продолжительное молчание, — потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

— Потряс! — вздохнул Волька и с отвращением посмотрел на старика.

Хоттабыч просиял:

— Я другого и не ожидал!.. А мне было показалось, что эта почтеннейшая дочь Степана осталась недовольна широтой и полнотой твоих познаний.

— Что ты, что ты! — испуганно замахал руками Волька, вспомнив страшные угрозы Хоттабыча. — Это тебе только показалось.

— Я бы превратил её в колоду, на которой мясники разделяют бараньи туши, — свирепо заявил старик (и Волька не на шутку струхнул за судьбу своей классной руководительницы), — если бы не увидел, что она оказала тебе высший почёт, проводив тебя до самых дверей класса, а затем и чуть ли не до самой лестницы! И тогда я понял, что она по достоинству оценила твои ответы. Мир с нею!

— Конечно, мир с нею, — торопливо подхватил Волька, у которого словно гора с плеч свалилась.

За несколько тысячелетий своей жизни Хоттабыч не раз имел дело с грустившими людьми и знал, как улучшить их настроение. Во всяком случае, он был убеждён,

что знает: надо человеку подарить что-либо особенно желанное. Только что подарить?

Случай подсказал ему ответ, когда Волька обратился к одному из прохожих:

— Извините, пожалуйста, разрешите узнать, который час.

Прохожий кинул взгляд на свои наручные часы:

— Без пяти два.

— Спасибо,— сказал Волька и продолжал путь в полном безмолвии.

Молчание прервал Хоттабыч:

— Скажи мне, о Волька, как этот пешеход, не глянув на солнце, столь точно определил время?

— Ты же видел, он посмотрел на свои часы.

Старик в недоумении поднял брови:

— На часы?!

— Ну да, на часы,— пояснил Волька.— Они у него были на руке... Такие кругленькие, хромированные...

— Почему же таких часов нет у тебя — достойнейшего из спасителей джиннов?

— Мне ещё рановато иметь такие часики,— смиренно отвечал Волька.— Годами не вышел.

— Да позволено будет мне, о достойнейший пешеход, осведомиться, который теперь час,— остановил Хоттабыч первого попавшегося прохожего и впился глазами в его наручные часы.

— Без двух минут два,— отвечал тот, несколько удивлённый необычной витиеватостью вопроса.

Отблагодарив его в наиизысканнейших восточных выражениях, Хоттабыч с лукавой усмешечкой обратился к Вольке:

— Да будет позволено мне, о лучший из Волек, осведомиться и у тебя, который час.

И вдруг на Волькиной левой руке засверкали точь-в-точь такие же часы, как у того гражданина, но только не из хромированной стали, а из чистейшего червонного золота.

— Да будут они достойны твоей руки и твоего доброго сердца, — растроганно промолвил старик, наслаждаясь Волькиной радостью и удивлением.

Тогда Волька сделал то, что делает на его месте любой мальчик и любая девочка, когда они впервые оказываются владельцами часов, — он приложил часы к уху, чтобы насладиться их тиканьем.

— Э-э-э! — протянул он. — Да они не заведены. Надо их завести.

Волька попытался вертеть заводную головку, но она, к величайшему его разочарованию, не вертелась.

Тогда Волька вынул из кармана штанов перочинный ножик, с тем чтобы открыть крышку часов. Но при всём старании он не мог найти и признаков щели, куда можно было бы воткнуть лезвие ножа.

— Они из цельного куска золота! — хвастливо подмигнул ему старик. — Я не из тех, кто дарит дутые золотые вещи.

— Значит, внутри у них ничего нет? — разочарованно воскликнул Волька.

— А разве там что-то должно быть, внутри? — забеспокоился старый джинн.

Вместо ответа Волька молча отстегнул часы и вернул их Хоттабычу.

— Хорошо, — кратко согласился тот. — Я тебе подарю такие часы, которые не должны иметь ничего внутри.

Золотые часики снова оказались на Волькиной руке, но сейчас они стали тоненькими, плоскими. Стекло на них исчезло, а вместо минутной, секундной и часовой стрелок возник небольшой вертикальный золотой шпенёчек в середине циферблата с великолепными, чистейшей воды изумрудами, расположенными там, где полагалось быть часовым отметкам.

— Никогда и ни у кого, даже у богатейших султанов вселенной, не было наручных солнечных часов! — снова расхвастался старик. — Были солнечные часы на городских площадях, были на рынках, в садах, во дворах, и все они сооружались из камня. А вот такие я только что сам придумал. Правда неплохо?

Действительно, оказаться первым и единственным во всем мире обладателем наручных солнечных часов было довольно заманчиво.

На Волькином лице выразилось неподдельное удовольствие, и старик расцвел.

— А как ими пользоваться? — спросил Волька.

— А вот так. — Хоттабыч бережно взял Волькину левую руку с вновь придуманными часами. — Держи руку вот так, и тень от этой золотой палочки ляжет на исконную цифру.

— Для этого должно светить солнце, — сказал Волька, с досадой глянув на облачко, только что закрывшее собой дневное светило.

— Сейчас это облачко уйдет, — обещал Хоттабыч, и действительно снова во всю засветило солнце. — Вот видишь, часы показывают, что время теперь где-то между двумя и тремя часами пополудни. Примерно половина третьего.

Пока он это говорил, солнце скрылось за другим облаком.

— Ничего, — сказал Хоттабыч. — Я буду очищать для тебя небо каждый раз, когда тебе угодно будет узнать, который час.

— А осенью? — спросил Волька.

— Что осенью?

— А осенью, а зимой, когда небо целыми месяцами скрыто за тучами?

— Я тебе сказал, о Волька, солнце будет свободно от туч каждый раз, когда это тебе понадобится. Тебе надо будет только приказать мне, и все будет в порядке.

— А если тебя не будет поблизости?

— Я всегда буду поблизости, лишь только ты меня кликнешь.

— А вечером? А ночью? — ехидно осведомился Волька. — Ночью, когда на небе нет солнца?

— Ночью люди должны предаваться сну, а не смотреть на часы, — в великой досаде отвечал Хоттабыч.

Ему стоило очень больших трудов взять себя в руки и не проучить этого настырного отрока.

— Хорошо, — кратко сказал он. — Тогда скажи, нравятся ли тебе часы, которые ты видишь на руке вон того пешехода? Если они тебе нравятся, они будут твоими.

— То есть как это так — моими? — удивился Волька. — Они же принадлежат этому гражданину... Не станешь же ты...

— Не бойся, о Волька ибн Алёша, я не трону его ни единым пальцем. Он сам с радостью подарит их тебе, ибо ты поистине достоин величайших даров.

— Ты его заставишь, а он...

— А он будет счастлив, что я не стёр его с лица земли, не превратил его в облезлую крысу, рыжего таракана, трусливо таящегося в щелях хибарки последнего нищего...

— Ну, это уже форменное вымогательство! — возмутился Волька. — За такие штучки у нас, брат Хоттабыч, в милицию и под суд. И поделом, знаешь ли.

— Это меня под суд?! — Старик взъерепенился не на шутку. — Меня?! Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба? Да знает ли он, этот презреннейший из пешеходов, кто я такой?! Спроси первого попавшегося джинна, или ифрита, или шайтана, и они тебе скажут, дрожа от страха мелкой дрожью, что Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб — владыка телохранителей из джиннов, и число моего войска — семьдесят два племени, а число бойцов каждого племени — семьдесят две тысячи, и каждый из тысячи властвует над тысячей маридов, и каждый марид властвует над тысячей помощников, а каждый помощник властвует над тысячей шайтанов, а каждый шайтан властвует над тысячей

джиннов, и все они покорны мне и не могут меня ослушаться!.. Не-е-ет, пусть только этот трижды ничтожнейший из ничтожных пешеходов...

А прохожий, о котором шла речь, преспокойно шагал себе по тротуару, лениво поглядывая на витрины магазинов, и не подозревал о страшной опасности, которая в эту минуту нависла над ним только потому, что на его руке поблёскивали самые обыкновенные часы марки «Зенит».

— Да я... — выхвалялся совсем разошедшийся Хоттабыч перед оторопевшим Волькой, — да я его превращу в...

Дорога была каждая секунда. Волька крикнул:

— Не надо!

— Чего не надо?

— Трогать прохожего не надо... Часов не надо!.. Ничего не надо!..

— Совсем ничего не надо? — усомнился старик, быстро приходя в себя.

Единственные в мире наручные солнечные часы исчезли так же незаметно, как и возникли.

— Совсем ничего... — сказал Волька и так тяжело вздохнул, что старик понял: сейчас главное — развлечь своего юного спасителя, рассеять его дурное настроение.

V. ВТОРАЯ УСЛУГА ХОТТАБЫЧА

На душе у Вольки было отвратительно, и старик почувствовал что-то неладное. Конечно, он не подозревал, как подвёл Вольку на экзаменах. Но было ясно, что мальчик чем-то недоволен и что виноват в этом, очевидно, не кто иной, как именно он, Гассан Абдурахман ибн Хоттаб.

— Угодны ли твоему сердцу, о подобный лунё, рассказы о приключениях удивительных и необыкновенных? — лукаво осведомился он у насупившегося Вольки. — Известна ли тебе, к примеру, история о трёх чёрных петухах багдадского цирюльника и его хромом сыне? А о медном верблюде с серебряным горбом? А о водonoсе Ахмете и его волшебном ведре?

Волька сердито промолчал, но старик не смутился этим и торопливо начал:

— Да будет тебе известно, о прекраснейший из учащихся средней школы, что жил некогда в Багдаде искусный цирюльник, по имени Селим, и были у него три петуха и хромо́й сын по прозванию Бадья. И случилось так, что проходил мимо его лавки калиф Гарун аль Рашид... Только знаешь что, о внимательнейший из отроков: не присесть ли нам на ближайшую скамью, дабы твои молодые ноги не устали от хождения во время этой длинной и поучительной истории?

Волька согласился; они уселись на бульваре в холодке, под сенью старой липы.

Битых три с половиной часа рассказывал Хоттабыч эту действительно весьма занимательную историю и закончил её коварными словами: «Но ещё удивительней повесть о медном верблюде с серебряным горбом». И тут же, не переводя дыхания, принялся излагать её, пока не дошёл до слов: «Тогда иноземец взял уголёк из жаровни и нарисовал им на стене очертания верблюда, и верблюд тот взмахнул хвостом, качнул головой и сошёл со стены на дорожные камни...»

Здесь он остановился, чтобы насладиться впечатлением, которое рассказ об оживлении рисунка произведёт на его юного слушателя. Но Хоттабыча ждало разочарование: Волька достаточно посмотрелся в жизни мультипликационных фильмов. Зато слова Хоттабыча навели его на интересную мысль.

— Знаешь что,— сказал Волька,— давай сходим в кино. А историю свою ты мне после доскажешь, после кино.

— Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алёша,— смиренно отвечал старик.— Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятным словом «кино»? Не баня ли это? Или, может быть, так у вас называется базар, где можно погулять и побеседовать со своими друзьями и знакомыми?

— Ну и ну! — поразился Волька. — Любóй ребёнок знает, что такое кино. Кино — это... — Тут он неопределённо поводит в воздухе рукой и добавил: — Ну, в общем, придём — увидишь.

Над кассой кинотеатра «Сатурн» висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход на вечерние сеансы воспрещён».

— Что с тобой, о красивейший из красавцев? — всполошился Хоттабыч, заметив, что Волька снова помрачнел.

— А то со мной, что мы опоздали на дневные сеансы! Уже пускают только с шестнадцати лет... Прямо не знаю, что делать... Домой идти не хочется...

— Ты не пойдёшь домой! — вскричал Хоттабыч. — Не пройдёт и двух мгновений, как нас пропустят, и мы пройдем, окружённые уважением, которого ты заслуживаешь своими поистине бесчисленными способностями!.. Только гляну, какие листочки показывают посетители той суровой женщине, что стоит у входа в любезное твоему сердцу кино...

«Старый хвастунишка!» — раздражённо подумал Волька. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета.

— Ну, идём! — сказал Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. — Идём, теперь-то они тебя пропустят.

— Ты уверен?

— Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее!

Он подтолкнул Вольку к зеркалу, висевшему неподалёку. Из зеркала на Вольку, оторопело разинув рот, смотрел мальчик с роскошной русой бородой на пышущем здоровьем веснушчатом лице.

VI. НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КИНО

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку по лестнице на второй этаж, в фойе.

Около самого входа в зрительный зал томился Жёня

Богора́д, предме́т всеобщей за́висти ученико́в шесто́го клáсса «Б». Э́тот ба́ловень судьбы́ приходи́лся родны́м племя́нником ста́ршему администрато́ру кинотеатра «Са-ту́рн», поэ́тому его́ пропуска́ли на вече́рние сеа́нсы. Ему́ бы по э́тому слúчаю жить да ра́доваться, а он, предста́вьте себе́, невыно́симо страда́л. Он страда́л от одино́чества. Ему́ до зарéзу ну́жен был собесéдник, с кото́рым он мог бы об-судить пора́зительное поведе́ние Во́льки Косты́лькова́ на сегóдняшних экза́менах по геогра́фии. И как назло́ — ни одно́го знако́мого!

Тогда́ он реши́л сойти́ вниз. Авось там ко́го-нибудь по-шлёт ему́ судьба́. На ле́стничной площа́дке его́ чуть не сшиб с ног старик в канотье́ и расшы́тых сафья́новых ту́флях, кото́рый тащи́л за́ руку — ко́го бы вы ду́мали? — са-мого́ Во́лку Косты́лькова́! Во́лька почему́-то прикрыва́л лицо́ обе́ими рука́ми.

— Во́лька! — обра́довался Богора́д. — Косты́льков!..

Но Во́лька, очеви́дно, ничу́ть не обра́довался э́той встре́че. Бо́льше того́: он сде́лал вид, бу́дто не узна́л свое-го́ лу́чшего прия́теля, и метну́лся в са́мую гу́щу толпы́, слúшавшей оркэ́стр.

— Ну и не на́до! — оби́делся Же́ня и пошёл в буфе́т вы́пить стака́нчик ситро́.

Поэ́тому он не ви́дел, как вокру́г стра́нного старичка́ и Во́льки нача́л толпи́ться наро́д.

Когда́ же он сам попы́тался протолка́ться туда́, куда́, по неизве́стной для него́ причи́не, устре́милось сто́лько любопы́тных, его́ прия́теля окружа́ла плóтная и всё расту́щая толпа́. Громы́хая отки́дными сиде́ньями, лю́ди поки́дали крэ́сла пе́ред эстра́дой. Вско́ре оркэ́стр игра́л уже́ пе́ред пу́стыми крэ́слами.

— Что случи́лось? — тщéтно спра́шивал Же́ня, от-ча́янно ору́дуя локтя́ми. — Если несча́стный слúчай, так я могу́ отсю́да по телефо́ну позвони́ть... У меня́ здесь дядя́ — ста́рший администрато́р... В чём де́ло?..

Но никто́ то́лком не знал, в чём де́ло. И так как почти́ нико́му́ ниче́го не́ было ви́дно и все интересова́лись, что

же там такое происходит, внутри тесного человеческого кольца, и все друг друга расспрашивали и обижались, не получая вразумительного ответа, то толпа вскоре так разгалделась, что даже стала заглушать звуки оркестра.

Тогда на шум прибежал Женин дядя, взгромоздился на стул и крикнул:

— Пожалуйста, разойдитесь, граждане!.. Что вы, бородатого ребёнка не видели, что ли?

Лишь только эти слова донеслись до буфета, все бросили пить чай и прохладительные напитки и кинулись смотреть на бородатого ребёнка.

— Волька! — заорал на всё фойе Жёня, отчаявшись пробиться внутрь заветного кольца. — Я ничего не вижу!.. А ты видишь?.. Он здорово бородатый?..

— Ой батюшки! — чуть не взвыл от тоски злополучный Волька. — Только и не хватало, чтобы он...

— Несчастный мальчик! — сочувственно завздохали окружающие его любопытные. — Такое уродство!.. Неужели медицина бессильна помочь?..

Сначала Хоттабыч неправильно расценил внимание, которое уделяли его юному другу. Ему показалось, что люди сгрудились, чтобы выразить своё уважение Вольке. Потом это его начало сердить.

— Разойдитесь, почтеннейшие! — рывкнул он, перекрывая и гул толпы и звуки оркестра. — Разойдитесь, или я сотворю с вами нечто страшное!..

Какая-то школьница с перепугу ударилась в слёзы. Но взрослых Хоттабыч только рассмешил.

Ну, в самом деле, чего страшного можно было ожидать от этого забавного старичка в нелепых розовых туфлях? Стоит только ткнуть его покрепче пальцем, и он рассыплется.

Нет, никто не принял всерьёз угрозу Хоттабыча. А старик привёк, чтобы его слова приводили людей в трепет. Сейчас он уже был оскорблён и за Вольку и за себя и всё больше и больше наливался яростью. Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы в эту самую минуту не прозвенел звонок. Распахнулись двери зрительного зала, и все пошли занимать свои места. Жёня хотел было воспользоваться этим и хоть одним глазком глянуть на небывалое чудо. Но та же самая толпа, которая раньше мешала ему пробиться, сейчас стиснула его со всех сторон и, помимо его воли, потащила с собой в зрительный зал.

Едва он успел добежать до первого ряда и усесться, как свет погас.

— Фу! — облегчённо вздохнул Жёня. — Чуть не опоздал... А бородатого мальчика я перехвачу, когда кончится сеанс...

Тем не менее он всё же взволнованно ёрзал на стуле, пытаясь разглядеть где-то позади себя это поразительное чудо природы.

— Мальчик, брось елозить!.. Мешаешь! — рассердился его сосед справа. — Сиди спокойно!

Но, к великому его удивлению, беспокойного мальчика уже рядом не оказалось.

«Пересел! — с завистью подумал недавний Женин сосед. — Конечно, мало радости сидеть в первом ряду. Одна порча глаз... Мальчишке что? Пересел на чужое место. В крайнем случае, прогонят, так мальчику не стыдно...»

Последними, когда в зрительном зале было уже темно, покинули фойе Волька с Хоттабычем.

По правде говоря, Волька сначала так расстроился, что решил уйти из кино, не посмотрев картины. Но тут взмолился Хоттабыч:

— Если тебе столь неуютна борода, которой я тебя украсил в твоих же интересах, то я тебя освобожу от неё, лишь только мы усядемся на наши места. Это мне ничего не стоит. Пойдём же туда, куда пошли все остальные, ибо мне не терпится узнать, что такое кино. Сколь прекрасно оно должно быть, если даже умудрённые опытом мужи посещают его в столь изнурительный летний зной!

И действительно, только они уселись на свободные места в шестом ряду, как Хоттабыч щёлкнул пальцами левой руки.

Но, вопреки его обещаниям, ничего с Волькиной бородой не произошло.

— Что же ты мешкаешь? — спросил Волька. — А ещё хвастал!

— Я не хвастал, о прекраснейший из учащихся шестого класса «Б». Я, к счастью, вовремя передумал. Если у тебя не станет бороды, тебя выгонят из любезного твоему сердцу кино.

Как вскоре выяснилось, старик слухавил.

Но Волька этого не знал. Он сказал:

— Ничего, отсюда уже не выгонят.

Хоттабыч сдѣлал вид, будто не слышал этих слов. Волька повторил, и Хоттабыч снова прикинулся глухим.

Тогда Волька повѣсил голос:

— Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб!

— Слушаю, о юный мой повелитель, — покорно отвечивал старик.

— Нельзя ли потише? — сказал кто-то из соседей.

Волька продолжал шепотом, нагнувшись к самому уху печально поникшего Хоттабыча:

— Сдѣлай так, чтобы немедленно не стало у меня этой глупой бороды.

— Нисколько она не глупая! — прошептал в ответ старик. — Это в высшей степени почтенная и благообразная борода.

— Сию же секунду! Слышишь, сию же секунду!

— Слушаю и повинуюсь, — снова промолвил Хоттабыч и что-то зашептал, сосредоточенно прищелкивая пальцами.

Растительность на Волькином лице оставалась без изменения.

— Ну? — сказал Волька нетерпеливо.

— Еще один миг, о благословеннейший Волька ибн Алёша, — отозвался старик, продолжая нервно шептать и щелкать.

Но борода и не думала исчезать с Волькиного лица.

— Посмотри, посмотри, кто там сидит в девятом ряду! — прошептал вдруг Волька, забыв на время о своей беде.

В девятом ряду сидели два человека, ничем, по мнению Хоттабыча, не примечательных.

— Это совершенно замечательные актёры! — с жаром объяснил Волька и назвал две фамилии, известные любому нашему читателю. Хоттабычу они, конечно, ничего не говорили.

— Ты хочешь сказать, что они лицедеи? — снисходительно улыбнулся старик. — Они пляшут на канате?

— Онѣ игра́ют в кино́! Это изве́стнейшие киноактёры, вот кто онѣ!

— Так почему́ же онѣ не игра́ют? Почему́ онѣ сидят сложа́ ру́ки? — с осужде́нием осведомился Хотта́быч. — Это, ви́дно, о́чень неради́вые лицеде́и, и мне бо́льно, что ты их столь необду́манно хва́лишь, о кино́ моего́ се́рдца.

— Что ты! — рассмеялся Во́лька. — Киноактёры никогда́ не игра́ют в киноте́атрах. Онѣ игра́ют в киносту́диях.

— Зна́чит, мы сейча́с бу́дем лицезреть игру́ не киноактёров, а каких-нибудь други́х лицеде́ев?

— Нет, и́менно киноактёров. Понима́ешь, онѣ игра́ют в киносту́диях, а мы смóтрим их игру́ в киноте́атрах. По́мбему, э́то понятнó любому́ младе́нцу.

— Ты болта́ешь, прости́ меня́, что́-то несурза́ное, — с осужде́нием сказа́л Хотта́быч. — Но я не сержу́сь на тебѣ́, и́бо не усма́триваю в твои́х слова́х преднаме́ренного жела́ния подшутить над твои́м покóрнейшим слуго́й. Это на тебѣ́, ви́димо, влияет жа́ра, ца́рящая в э́том помеще́нии.

Во́лька по́нял, что за те мину́ты, кото́рые оста́лись до нача́ла сеа́нса, ему́ никаќ не растолковáть старику́, в чём су́щность рабо́ты киноактёров, и реши́л отложитъ объа́снения на потóм. Тем бо́лее, что он вспо́мнил об обру́шившейся на него́ напа́сти.

— Хотта́быч, ми́ленький, ну что тебе́ сто́ит, ну поста́райся поскорее́!

Стари́к тяжело́ вздохну́л, вы́рвал из своѣ́й боро́ды о́дин во́лос, друго́й, трети́й, зате́м в се́рдцах вы́дернул из неѣ́ сразу́ це́лый клок и стал с ожесточе́нием рвать их на ме́лкие ча́сти, что́-то сосредото́ченно приговáривая и не спуска́я глаз с Во́льки. Расти́тельность на пы́шущей здоро́вьем физионо́мии его́ юного́ дру́га не то́лько не исче́зла — она́ да́же не шелохну́лась. Тогда́ Хотта́быч приня́лся щёлкать па́льцами в са́мых разли́чных сочета́ниях: то отде́льными па́льцами, то всей пятернё́й пра́вой ру́ки, то ле́вой, то сразу́ па́льцами обе́их ру́к, то раз па́льцами пра́вой ру́ки и два́ ра́за — ле́вой, то наоборот. Но всё́ бы́ло напра́сно.

И тогда Хоттабыч вдруг принялся с треском раздирать на себе одежды.

— Ты что, с ума сошёл? — испугался Волька. — Что это ты делаешь?

— О горе мне! — прошептал в ответ Хоттабыч и стал царапать себе лицо. — О горе мне!.. Тысячелетия, проведённые в проклятом сосуде, увь, дали себя знать! Отсутствие практики губительно отразилось на моей специальности... Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой!.. О горе, горе мне, бедному джінну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу!..

— Что ты там такое шепчешь? — спросил Волька. — Шепчи отчётливей.

И Хоттабыч отвечал ему, тщательно раздирая на себе одежды:

— О драгоценнейший из отроков, о приятнейший из приятных, не обрушивай на меня свой справедливый гнев!.. Я не могу избавить тебя от бороды!.. Я позабыл, как это делается!..

— Имейте совесть, граждане! — зашипели на них соседи. — Успёете наговориться дома. Ведь вы мешаете!.. Неужели обращаться к билетёру?

— Позор на мою старую голову! — еле слышно закусил теперь Хоттабыч. — Забыть такое простое волшебство! И кто забыл?! Я, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, могущественнейший из джіннов, я, тот самый Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, с которым двадцать лет ничего не мог поделать сам Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими!..

— Не хнычь! — прошептал Волька, не скрывая своего презрения. — Скажи по-человечески, надолго ты меня наградишь этой бородой?

— О нет, успокойся, мой добрый повелитель! — отвечал старик. — К счастью, я околдовал тебя малым колдовством. Завтра к этому времени лицо у тебя снова станет гладким, как у новорождённого... А может быть, мне ещё раньше удастся припомнить, как расколдовывается малое колдовство...

Как раз к этому времени на экране кончились многочисленные надписи, которыми обычно начинается всякая картина, потом на нём появились, задвигались и заговорили люди. Хоттабыч самодовольно шепнул Вольке:

— Ну, это я понимаю. Это очень просто. Все эти люди пришли сюда сквозь стену. Этим меня не удивишь. Это я тоже умею.

— Ничего ты не понимаешь! — улыбнулся Волька невежеству старика. — Кино, если хочешь знать, построено по принципу...

Из передних и задних рядов зашикали, и Волькины объяснения прервались на полуслове.

С минуты Хоттабыч сидел как зачарованный. Потом он стал возбуждённо ёрзать, то и дело оборачиваясь назад, где в девятом ряду, как помнят наши читатели, сидели оба киноактёра. Он проделал это несколько раз, пока окончательно не убедился, что они одновременно и сидят позади него, чинно сложив руки на груди, и несутся верхом на быстрых лошадях там, вперёд, на единственной освещённой стене этого в высшей степени загадочного помещения.

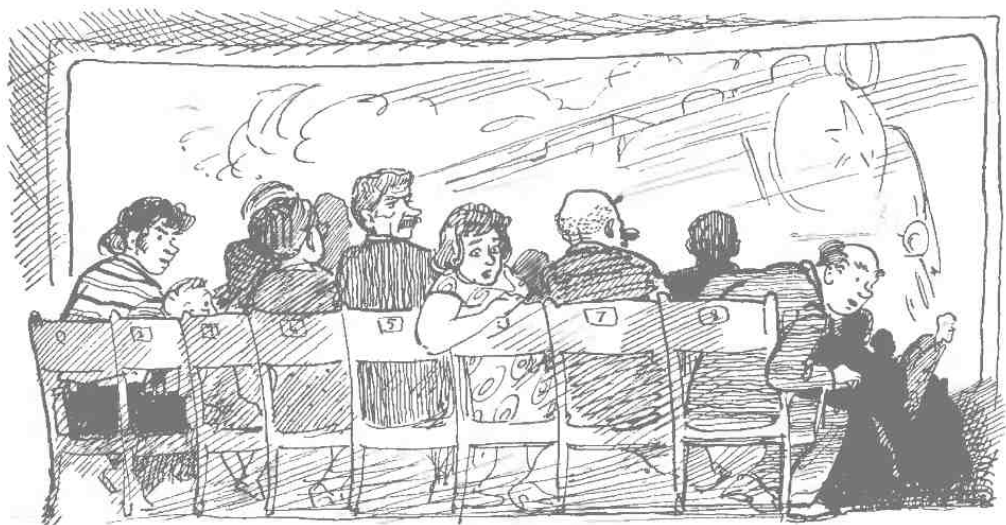
Побледневший, с испуганно приподнятыми бровями, старик шепнул Вольке:

— Посмотри назад, о ибн Алёша!

— Ну да, — сказал Волька, — это киноактёры. Они играют в этой картине главные роли и пришли посмотреть, нравится ли нам, зрителям, их игра.

— Мне не нравится! — быстро сообщил Хоттабыч. — Мне не нравится, когда люди раздваиваются. Даже я не умею в одно и то же время сидеть сложив руки на стуле и скакать на стремительной, ветру подобной лошади. Это даже Сулейман ибн Дауд — мир с ними обими! — не умел делать. И мне поэтому страшно.

— Всё в порядке, — покровительственно усмехнулся Волька. — Посмотри на остальных зрителей. Видишь, никто не боится. Потом я тебе объясню, в чём дело.

Вдруг могучий паровозный гудок прорезал тишину. Хоттабыч схватил Вольку за руку.

— О царственный Волька! — прошептал он, обливаясь холодным потом. — Я узнаю этот голос. Это голос царя джиннов Джирджиса!.. Бежим, пока не поздно!

— Ну что за чушь! Сиди спокойно!.. Ничто нам не угрожает.

— Слушаю и повинуюсь, — покорно пролепетал Хоттабыч, продолжая дрожать.

Но ровно через секунду, когда на экране помчался прямо на зрителей громко гудящий паровоз, пронзительный крик ужаса раздался в зрительном зале.

— Бежим!.. Бежим!.. — вопил не своим голосом Хоттабыч, улепётывая из зала.

Уже у самого выхода он вспомнил о Вольке, в несколько прыжков вернулся за ним и потащил к дверям:

— Бежим, о Волька ибн Алёша! Бежим, пока не поздно!..

— Граждане... — начал билетёр, преграждая им дорогу.

Но сразу вслед за этим он вдруг совершил в воздухе

красивую, очень длинную дугу и очутился на эстраде, перед самым экраном...

— Чего ты кричал? Чего ты развел эту дикую панику? — сердито спросил уже на улице Волька у Хоттабыча.

И тот ответил:

— Как же мне было не кричать, когда над тобой нависла страшнейшая из возможных опасностей! Прямо на нас неся, изрыгая огонь и смерть, великий шайтан Джирджис ибн Реджмус, внук тетки Икриша!

— Какой там Джирджис? Какая тетка? Самый обычный паровоз!

— Не собирается ли мой юный повелитель учить старого джинна Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, что такое шайтан? — язвительно осведомился Хоттабыч.

И Волька понял: объяснить ему, что такое кино и что такое паровоз, — дело не пяти минут и даже не часа.

Отдышавшись, Хоттабыч смиренно спросил:

— Чего бы тебе хотелось сейчас, о драгоценнейший зрачок моего глаза?

— Бúдто не зна́ешь! Избáвиться от боро́ды!

— Увы́,— сокруше́нно отве́тствовал старик,— я ещё бессíлен вь́полнить это твоё желáние. Но нет ли у теб́я ка́кого-нибудь друго́го желáния? Скажи́, и я его́ в тот же миг испо́лню.

— Побри́ться... И как мо́жно скорее́!

Спустя́ не́сколько мину́т они́ бы́ли в парикма́херской. Ещё́ мину́т че́рез де́сять уста́лый ма́стер вы́сунулся из распахну́тых дверей́ мужско́го за́ла и кри́кнул:

— Оче́редь!

Тогда́ из укромно́го уголка́ по́дле са́мой ве́шалки вы́шел и торопли́во уселся в кресе́ло ма́льчик с ли́цом, заку́танным в драгоценную́ шёлковую́ ткань.

— Прика́жете постри́чь? — спроси́л парикма́хер, имее́ в виду́ причёску ма́льчика.

— Побре́йте меня́! — отве́тил ему́ сда́вленным го́лосом ма́льчик и снял шаль, закрывáвшую его́ ли́цо по са́мые глаза́.

VII. БЕСПОКО́ЙНЫЙ ВЕ́ЧЕР

Хорошо́, что Во́лька не́ был брюне́том. У Же́ни Богора́да, наприме́р, ще́ки по́сле бритья́ ста́ли бы отве́чивать си́нево́й. А у Во́льки, когда́ он вы́шел из парикма́херской, ще́ки ниче́м не отлича́лись от ще́к всех его́ све́рстников.

Шёл уже́ восьмо́й час, но ещё́ бы́ло совсе́м светло́ и о́чень жа́рко.

— Нет ли в ва́шем благослове́нном го́роде ла́вки, где продаю́т шербе́т и́ли подо́бные шербе́ту прохла́дительные на́питки, дабы́ смогли́ мы утоли́ть на́шу жа́жду? — спроси́л Хотта́быч.

— А ве́дь ве́рно! — подхвати́л Во́лька.— Хорошо́ бы сейча́с холо́дненького́ лимона́ду!

Они́ зашли́ в пе́рвый попа́вшийся павильо́н фрукто́вых и минерáльных вод, се́ли за сто́лик и подо́звали офи́циантку.

— Пожа́луйста, две буты́лки лимонной воды́,— ска-
за́л Во́лька.

Официа́нтка кивну́ла голово́й и пошла́ к сто́йке, но
Хотта́быч серди́то окли́кнул её:

— А ну, подойди́-ка побли́же, недосто́йная прислуж-
ница! Мне не нра́вится, как ты отве́тила на приказа́ние
моего́ юного дру́га и повелите́ля.

— Хотта́быч, переста́нь, слы́шишь! Переста́нь...— за-
шепта́л бы́ло Во́лька.

Но Хотта́быч ла́сково закры́л ему́ рот своёй сухой́
ладо́шкой:

— Не меша́й хоть мне вступи́ться за твоё досто́инство,
ёсли сам ты, по сво́йственной тебе́ мя́гкости, не вы́бра-
нил её...

— Ты ниче́го не по́нял! — не на шу́тку испуга́лся Во́ль-
ка за официа́нтку.— Хотта́быч, я же тебе́ ру́сским язы-
ко́м говорю́, что...

Но тут он вдруг с у́жасом почувствовал, что лиши́лся
да́ра ре́чи. Он хоте́л бро́ситься ме́жду старико́м и всё ещё
ниче́го не подозрева́вшей де́вушкой, но не смог пошевели́-
ну́ть ни руко́й, ни ного́й.

Это Хотта́быч, что́бы Во́лька ему́ не меша́л, ле́гко́нко
прищеми́л большо́м и указа́тельным па́льцем ле́вой ру-
ки́ мо́чку Во́лькиного пра́вого уха́ и тем обре́к его́ на мол-
ча́ние и по́лную неподви́жность.

— Как ты отве́тила на приказа́ние моего́ юного дру́-
га? — повто́рил он, сно́ва обра́щаясь к официа́нтке.

— Я вас не понима́ю, гражда́нин,— ве́жливо отве́чала
ему́ де́вушка.— Приказа́ния ника́кого не́ было. Была́
про́сьба, и я пошла́ её выполни́ть. Это во-пе́рвых. А во-вто-
рых, у нас не при́нято «ты́кать». У нас при́нято обра́щать-
ся к незнако́мым лю́дям на «вы». И меня́ удивля́ет, что
вам э́то неизвёстно, хотя́ э́то извёстно любо́му культу́рно-
му сове́тскому челове́ку.

— Ты что ж, учи́ть меня́ хо́чешь?! — вскрича́л Хотта́-
быч.— На колéни! Или я превра́щу тебя́ в пы́ль!

— Стыди́тесь, гражда́нин! — вмеша́лась касси́рша, на-

блюдавшая за этой возмутительной сценой, благо посетителей, кроме Вольки с Хоттабычем, в павильоне не было. — Разве можно так хулиганить, тем более в ваши годы!

— На колени! — прорычал вне себя Хоттабыч. — И ты на колени! — указал он перстом на кассиршу. — И ты! — крикнул он второй официантке, спешившей на помощь своей подружке. — Все три немедленно на колени и молитесь моего юного друга, чтобы он вас помиловал!

С этими словами он вдруг стал расти в размерах, пока не достиг головой потолка. Это было страшное и удивительное зрелище. Кассирша и вторая официантка упали в обморок от ужаса, но первая официантка, хоть и побледнела, спокойно сказала Хоттабычу:

— Стыдитесь, гражданин! Ведите себя как полагается в общественном месте... И если вы порядочный гипнотизёр...

Она думала, что старик проделывал над ними опыты гипноза.

— На колѣни! — снова проревѣл Хоттабыч. — Я кому говорю — на колѣни?!

За три тысячи семьсот тридцать два года его жизни это был первый слѹчай, когда обыкновенные смертные осмѣливались ослушаться его приказаний. Хоттабычу казалось, что это роняет его в глазах Вольки.

— Падай ниц, о презренная, если тебе дорога жизнь!

— Об этом не может быть и речи, — отвечала дрожащим голосом храбрая официантка. — Это за границей, в капиталистических странах, работники общественного питания вынуждены выслушивать всякие грубости от клиентов, но у нас... И вообще непонятно, чего вы повышаете голос... Если есть жалоба, можете вежливо попросить у кассирши жалобную книгу. Жалобная книга выдѣтся по первому требованию... Наш павильон, знаете ли, посещают самые известные гипнотизеры и иллюзионисты, но никогда ничего такого себе не позволяли... Правильно я говорю, Катя? — обратилась она за поддержкой к подруге, которая уже успела прийти в себя.

— Тоже выдумал! — отвечала Катя, всхлипнув. — На колѣни становиться! Безобразие какое!..

— Вот как?! — окончательно разошелся Хоттабыч. — Так вот до чего доходит ваша дерзость?! Ну что ж, вы сами того хотели!

Привычным жестом он выдрал из своей бороды три волоска и отнял левую руку от Волькиного уха, чтобы разорвать их на мельчайшие части.

Но стоило лишь Хоттабычу оставить Волькино ухо в покое, как Волька вновь обрел дар речи и свободу в распоряжении своим телом. Первым делом он схватил Хоттабыча за руку:

— Что ты, Хоттабыч! Что ты задумал?

— Я задумал наказать их, о Волька. Поверишь ли, стыдно признаться: сначала я хотел их поразить громом. Поражать людей громом — ведь это по силам любому, самому завалящему ифриту!..

Тут Волька, несмотря на серьёзность положения, нашёл в себе мужество вступить за науку.

— Удар грома...— сказал он, лихорадочно размышляя, как отвести беду, нависшую над бедными девушками,— удар грома никого поразить не может. Поражает людей разряд атмосферного электричества — молния. А гром не поражает. Гром — это звук.

— Не знаю,— сухо отозвался Хоттабыч.— Не думаю, чтобы ты был прав. Но я передумал. Я не поражу их громом. Лучше я превращу их в... воробьёв. Да, пожалуй, в воробьёв.

— Но за что?

— Я должен наказать их, о Волька. Порок должен быть наказан.

— Не за что их наказывать! Слышишь!

Волька дернул Хоттабыча за руку.

Но волоски, упавшие было на пол, сами по себе вновь очутились в тёмной шершавой ладонке Хоттабыча.

— Только попробуй! — закричал Волька, заметив, что старик снова собрался порвать волоски.— Ах так!.. Тогда и меня превращай в воробья! Или в жабу! Во что угодно превращай! И вообще считай, что на этом наше знакомство закончено! Мне решительно не нравятся твои замашки. И всё! Превращай меня в воробья! И пусть меня сожрёт первая попавшаяся кошка!

Старик опешил:

— Разве ты не видишь, что я хочу это сделать, чтобы впредь никто не смел относиться к тебе без того исключительного почтения, которого ты заслуживаешь своими бесчисленными достоинствами?

— Не вижу и не желаю видеть!

— Твоё приказание для меня закон,— смиренно отвечал Хоттабыч, искренне недоумевая по поводу непонятной снисходительности своего спасителя.— Хорошо, я не буду превращать их в воробьёв.

— И ни во что другое!

— И ни во что другое,— покорно согласился старик и

всё же взялся за волоски с явным намерением порвать их.
— Зачем же ты хочешь рвать волоски? — снова всполошился Волька.

— Я превращу в пыль все товары, и все столы, и всё оборудование этой презренной лавки!

— Ты с ума сошёл! — вконец возмущился Волька. — Ведь это государственное добро, старая ты балда!

— Да позволено мне будет узнать, что ты, о брильянт моей души, подразумеваешь под этим неизвестным мне словом «балда»? — с любопытством осведомился Хоттабыч.

Волька покраснел, как морковка:

— Понимаешь ли... как тебе сказать... э-э-э... Ну, в общем, «балда» — это что-то вроде мудреца.

Тогда Хоттабыч решил запомнить это слово, чтобы при случае блеснуть им в разговоре.

— Но... — начал он.

— Никаких «но»! Я считаю до трёх. Если ты после того, как я скажу «три», не оставишь в покое этот павильон, можешь считать, что мы с тобой не имеем ничего общего, и что между нами всё кончено, и что... Считаю: раз!.. два!.. т...

Волька не успел досказать коротенькое слово «три». Горестно махнув рукой, старик снова принял свой обычный вид и сумрачно проговорил:

— Пусть будет по-твоему, ибо твоё благоволение для меня драгоценней зениц моих очей.

— То-то же, — сказал Волька. — Теперь осталось извиниться, и можно спокойно уходить.

— Благодарите же своего юного спасителя! — сурово крикнул Хоттабыч девушкам.

Волька понял, что вырвать извинение из уст старика не удастся.

— Извините нас, пожалуйста, товарищи, — сказал он. — И, если можно, не очень обижайтесь на этого гражданина. Он приезжий и ещё не освоился с советскими порядками. Будьте здоровы!

— Будьте здоровы! — вежливо отвечали девушки.

Они ещё толком не пришли в себя. Им было и удивительно и страшно. Но, конечно, им в голову не могло прийти, насколько серьёзной была опасность, которой они избежали.

Они вышли вслед за Хоттабычем и Волькой на улицу и стояли у дверей, глядя, как медленно удалялся этот удивительный старичок.

— Откуда такие озорные старики берутся, ума не приложу! — вздохнула Катя и снова всхлипнула.

— Какой-нибудь дореволюционный гипнотизёр, — жалостливо сказала её храбрая подруга. — Наверно, пенсионёр. Соскучился, выпил, может быть, лишнего... Много ли такому старичку требуется!

— Да-а-а, — присоединилась к её мнению кассирша, — старость — не радость... Пойдёмте, девушки, в помещение!..

Но, очевидно, на этом не суждено бы-

ло кончиться сегодняшним злоключением. Лишь Бóлька с Хоттабычем в́ышли на ўлицу Гóрького, в глаза́ им удáрил ослепительный свет автомобильных фар. Каза́лось, прýмо на них мч́алась, оглаша́я вечерний вóздух пронзительной сирéной, больш́ая санитарная маш́ина.

И тогда́ Хоттабыч стра́шно изменился в лице́ и грóмко возоп́ил:

— О го́ре мне, ста́рому и несчастному дж́инну! Дж́ирджис, могúчий и беспоща́дный царь шайта́нов и ифр́итов, не забы́л на́шей старинной вражды́, вот он и наслáл на меня́ страшнейшее из своих чудóвищ!

С э́тими слова́ми он стремительно отдели́лся от тротуа́ра, ужé гдé-то высокó, на ўровне трéтьего и́ли четвёртого этажа́, снял свою́ соло́менную шля́пу, помаха́л ёю Бóльке и ме́дленно раста́ял в вóздухе, кри́кнув на проща́ние:

— Я постара́юсь разыска́ть тебя́, о Бóлька ибн Алéша! Целую́ пыль под твоими нога́ми!.. Пока́!..

Ме́жду на́ми говоря́, Бóлька да́же обра́довался исчезнове́нию старика́. Бы́ло не до него́. У Бóльки подка́шивались но́ги при одной м́ысли, что ему́ сейча́с предстояло возвраще́ние домо́й.

В са́мом де́ле, попра́буйте поста́вить себя́ на его́ ме́сто. Челове́к уше́л из дому́ для того́, что́бы сда́ть экза́мен по геогра́фии, посети́ть кино́ и к полови́не седьмо́го ве́чера чи́нно и благо́рдно верну́ться домо́й обе́дать. Вме́сто э́того он возвраща́ется домо́й в деся́том часу́, позóрно провали́вшись на экза́мене, и, что са́мое ужа́сное, с бр́итыми щека́ми! Э́то в непóлные трина́дцать лет! Ско́лько он ни ду́мал, но вы́хода из созда́вшегося положéния ему́ найти́ не удалóсь.

Так ничегó и не придума́в, он поплéлся в ти́хий, по́лный дли́нных предзакáтных тенéй Трехпру́дный переу́лок. Он прошéл ми́мо удивлённого двóрника, воше́л в подьéзд, подня́лся на площа́дку второ́го этажа́ и, тяж́ко вздохну́в, нажа́л кно́пку звонка́. В глубине́ кварта́ры раздалис́ь чьё-то ша́ги, и незнако́мый го́лос спроси́л че́рез закры́тые двéри:

— Кто там?

«Это я»,— хотѣл сказать Волька и вдруг вспомнил, что с сегодняшнего утра он уже здесь не проживает.

Ничего не ответив новому жильцу, он быстро сбежал по ступенькам, с независимым видом прошёл мимо продолжавшего удивляться дворника и, выйдя из переуллка, сел в троллейбус. Но несчастья преследовали его в этот день. Где-то, скорее всего в кино, он потерял кошелек. Пришлось вылезть из троллейбуса и пойти пешком.

Меньше всего Вольке хотелось бы сейчас повстречаться с кем-нибудь из своих одноклассников, но особенно несносна была даже мысль, что ему придётся увидеться с Гогой-Пилюлей. С сегодняшнего дня коварная судьба ко всему прочему определила им быть соседями по дому.

И, конечно, только Волька оказался во дворе своего нового дома, как его окликнул до противности знакомый голос:

— Эй, псих! Что это за старикашка, с которым ты сегодня уходил из школы?..

Нахально подмигивая и корча самые ехидные рожи, к Вольке подбежал Гого-Пилюля.

— Не старикашка, а старик,— миролюбиво поправил его Волька, которому сегодня не хотелось доводить дело до потасовки.— Это... это папин знакомый... Из Ташкента.

— А вот я кэ-э-эк пойду к твоему папе да кэ-э-эк расскажу ему про твои художества на экзамене!..

— Ох, давно ты у меня, Пилюлюшка, леща не зарабатывал! — разъярился Волька, представив себе, какое впечатление Пилюлюшкин рассказ может произвести на его родителей.— Да я тебя, ябеду проклятую, сейчас в порошок изотру!..

— Э-э! Это ты брось!.. Скажите пожалуйста, уже и пошутить нельзя!.. Самый настоящий псих!..

Устрашившись Волькиных кулаков, с которыми он после нескольких опытов предпочитал не иметь дела, Гого стремглав кинулся в подъезд. С сегодняшнего дня Гого

проживал в опасной близости от Вольки. Их квартиры находились на одной лестничной площадке.

— Лысые люди! Лысые люди! — крикнул он, высунув голову из полуоткрытой двери подъезда, показал Вольке язык и, страшась справедливого Волькиного гнева, помчался, сразу перепрыгивая через две ступеньки, наверх, на четвертый этаж, домой.

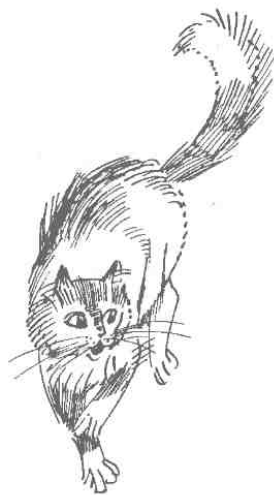
На лестнице, впрочем, его внимание тотчас же привлекло в высшей степени загадочное поведение огромного сибирского котика из сорок третьей квартиры — его звали Хомич в честь прославленного футбольного вратаря. Хомич стоял, угрожая выгнув спину, и фыркал на совершенно пустое место. Первой Гогоиной мыслью было, что кот взбесился. Но у бешеных котов хвост, кажется, должен быть поджат, а у этого котика хвост торчал, что твой труба. Да и вообще Хомич выглядел вполне здоровым.

На всякий случай Гого пнул его ногой.

От боли, от неожиданности и обиды Хомич взвыл на все шесть этажей лестничной клетки. Он отпрыгнул в сторону, подпрыгнув так высоко и красиво, что это сделало бы честь даже его знаменитому тезке. И тут опять произошло нечто совершенно непонятное. В добром полуметре от лестницы Хомич снова взвыл и полетел в обратную сторону, прямо на Гого, как если бы несчастное животное что есть силы стукнулось о какую-то невидимую, но очень упругую резиновую стену. Одновременно с этим где-то совсем рядом раздалось из пустоты чье-то нечленораздельное мычание, словно кому-то крепко наступили на ногу.

Пилюкин никогда не отличался беззаветной храбростью. А тут он вовсе чуть не помер от страха.

— О-о-о-ой!.. — тихонько подвывал он, пытаясь оторвать от ступеньки свои сразу одеревеневшие ноги. Нако-

нѣц он их оторвѣл и с такой быстротой бросился наутѣк, что только пятки засверкали.

Когда за Гогой с грѣхотом захлопнулась дверь его квартиры, Хоттабыч позволил себѣ стать видимым. Скорчившись от боли, он рассматривал свою лѣвую ногу, которой изрядно досталось от когтей ошалѣвшего Хомича.

— О проклятый отрок! — простонал Хоттабыч, предварительно удостовѣрившись, что он остался на лестнице в полном одиночестве. — О собака среди мальчиков!..

Он замолк и прислушался.

По лестнице, объятый самыми грустными мыслями, медленно подымался его юный спаситель Волька Костыльков.

Хитрому старику не хотѣлось попадаться сейчас ему на глаза, и он бѣстренько растаял в воздухѣ.

VIII. ГЛАВА, СЛУЖАЩАЯ ПРЯМЫМ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПРЕДЫДУЩЕЙ

Как ни заманчиво было бы представитъ Вольку Костылькова мальчиком без единого недостатка, но вошедшая в поговорку правдивость автора этой повести не позволяет ему этого сдѣлать. И если зависть справедливо считается недостатком, то, к великому нашему сожалѣнию, приходится признатъ, что Волька иногда испытывал это чувство в достаточной сильной стѣпени. В послѣдние дни он завидовал Гогѣ. Еще задолго до экзаменов Гогѣ хвѣсталося, будто мама обещала подарить ему щенка, овчарку, лишь только он перейдет в седьмой класс.

— Ну да! — с натугой фыркнул тогда Волька, чувствуя, что прямо-таки холодеет от зависти. — Так тебе и купили!

Но в глубинѣ души он сознавал, что Пилюлины слова очень похожи на правду: всему классу было известно, что Гогина мама ничего не жалѣет для своего сыночка. Себѣ во всем откажет, а уж Гогѣ такой подарочек отвѣлит, что весь класс просто закачается.

— Обязательно подарит,— строго повторил Гога.— Мама для меня, если хочешь знать, ничего не жалеет. Раз обещала, значит, купит. В крайнем случае, возьмёт денег в кассе взаимопомощи и купит. Её на заводе знаешь как ценят!

Гогину маму и в самом деле очень ценили на заводе. Она работала старшей чертёжницей, была женщиной скромной, весёлой, работающей. Её все любили — и на заводе, и соседи по дому. Её даже Гога по-своему любил. А уж она в Гоге просто души не чаяла.

Словом, раз она обещала купить овчарку — значит, купит.

И может быть, именно в эту горестную минуту, когда он, Волька, подавленный обрушившимися на него за сегодняшний день переживаниями, медленно поднимается по лестнице, совсем рядом, в тридцать седьмой квартире, уже возится с великолепным весёлым и мохнатым щенком-овчаркой Гога-Пилюля, тот самый Пилюля, который меньше кого бы то ни было в их классе, в их школе, пожалуй, во всех школах Москвы достоин такого счастья.

Так думал Волька, и единственное, что его хоть немножко утешало, было то соображение, что вряд ли Гогина мама, даже если она и в самом деле собиралась подарить Гоге собаку, уже успела это сделать. Ведь Гога только несколько часов тому назад сдал последний экзамен за шестой класс. А купить щенка не так уж просто. Не зайдёшь в магазин и не скажешь: «Заверните мне, пожалуйста, вон того щенка...» Собаку ещё поискать надо...

И вот, представьте себе, в то самое мгновение, когда бабушка открыла Вольке, из-за дверей квартиры номер тридцать семь донёсся высокий залихватый собачий лай.

«Купила-таки! — с горечью подумал Волька. — Овчарку... Или, может быть, даже боксёра...»

Это было совершенно невыносимо — представлять себе Гогу владельцем настоящей, живой служебной собаки, и Волька поскорее захлопнул за собой дверь, чтобы только не слышать больше волнующего, невообразимо прекрасно-

го, волшебного собачьего лая. Он успел ещё, правда, услышать испуганное восклицание Гёгиной мамы. Очевидно, собака укусила Гёгу.

Но даже это соображение не могло утешить нашего юного героя...

Отец ещё не вернулся с работы. Он задержался на заседании завкома. Мама после занятий в вечернем университете, очевидно, зашла за ним на завод.

У Вольки, несмотря на все его усилия казаться спокойным и счастливым, было такое мрачное лицо, что бабушка решила первым делом накормить его, а уж потом приступить к расспросам.

— Ну как, Воленька? — нерешительно осведомилась она, когда её единственный внучек быстро управился с обедом.

— Да как тебе сказать... — неопределённо ответил Волька и, на ходу стаскивая с себя футболку, отправился спать.

Бабушка с молчаливым сочувствием проводила его ласковым и печальным взглядом. Ничего было расспрашивать — всё было ясно.

Волька, вздыхая, разделся, вытянулся на свежей, прохладной простыне, но покоя не обрёл.

На столике около его кровати блистала многокрасочной суперобложкой толстая книга большого формата. У Вольки ёкнуло сердце: так и есть, та самая, давно желанная книга по астрономии! И на главном листе крупным, с детства знакомым почерком написано: «Высокообразованному ученику седьмого класса, действительному члену астрономического кружка при Московском планетарии Владимиру Алексеевичу Костылькову от его любящей бабушки».

Какая смешная надпись! Всегда бабушка придумает что-нибудь смешное. Но почему же Вольке совсем не смешно? И ему, представьте себе, несколько не приятно, что наконец-то он дождался этой книги, о которой так

давно мечтал. Тоска, тоска его снѣдает¹. В груди дыханье стеснено... Нет, он так больше не может!

— Бабушка! — крикнул он, отвернувшись от книги. — Бабушка, можно тебя на минутку?

— Ну, чего тебе там, баловник? — будто бы сварливо откликается бабушка, довольная, что ей можно будет ещё на сон грядущий потолковать с внуком.

— Бабушка! — жарко шепчет ей Волька. — Закрой дверь и сядь ко мне на кровать. Мне тебе нужно сообщить одну страшно важную вещь.

— А может быть, лучше на утречко отложить такой важный разговор? — отвечает бабушка, сгорая от любопытства.

— Нет, сейчас, обязательно сию же минуту. Я... Бабушка, я не перешёл в седьмой класс. То есть я пока ещё не перешёл. Я не выдержал экзамена...

— Провалился? — тихо ахает бабушка.

¹ Снѣдает (снѣдѣть) — терзает, мучает.

— Нет, не провалился... Я не выдержал, но и не провалился... Я стал излагать точку зрения древних про Индию, и про горизонт, и про всякое такое... Я это всё правильно рассказал... А научную точку зрения мне как-то не удалось ответить... Я себя очень неважно почувствовал, и Варвара Степановна мне сказала, чтобы я пришёл, когда хорошенько отдохну...

Даже сейчас, даже бабушке он не мог решиться сказать про Хоттабыча. Да она бы и не поверила и подумала бы, чего доброго, что он и в самом деле заболел.

— Я раньше хотел скрыть это, а сказать, когда уже сдам, но мне стало совестно... Ты понимаешь?..

— А что ж тут, Воленька, не понимать! — сказала бабушка. — Совесть — великая вещь. Хуже нет, как против совести своей идти... Ну, спи спокойно, астроном мой дорогой!

— Ты книжку пока заведи, — дрогнувшим голосом предложил Волька.

— И не подумай. Куда мне её девать? Считаю, что я тебе её до поры до времени сдала на хранение... Ну, спи. Спишь?

— Сплю, — отвечал Волька, у которого с признанием точно гора с плеч свалилась. — И я тебе обещаю, я тебе честное пионерское даю, что сдам географию на «пять». Ты мне веришь?

— Конечно, верю. Ну, спи, спи, набирайся сил... А как родителям — мне говорить или сам скажешь?

— Лучше ты.

— Ну, спи спокойно!

Бабушка поцеловала Вольку, погасила свет и вышла из комнаты.

Некоторое время Волька лежал затаив дыхание. Ему хотелось услышать, как бабушка будет сообщать его родителям печальную весть, но, так ничего и не расслышав, он заснул.

IX. БЕСПОКО́ИНАЯ НОЧЬ

Не прошло и часа, как его разбудил телефонный звонок, раздавшийся в отцовском кабинете.

К телефону подошёл Алексей Алексеевич:

— Слушаю... Да, я... Кто?.. Здравствуйте, Варвара Степановна!.. Благодарю вас, ничего, а ваше?.. Волька? Волька спит... По-моему, вполне здоров, поужинал с исключительным аппетитом... Да, знаю, он рассказывал... Сам удивляюсь... Да, пожалуйста, другим не объяснишь... Конечно, пусть лучше отдохнёт несколько времени, если вы не возражаете... Благодарю вас за внимание. Будьте здоровы... Тебе привет от Варвары Степановны,— сказал Алексей Алексеевич жене.— Интересовалась Волькиным здоровьем. Говорила, чтобы не беспокоились: Волька у них на хорошем счету. И чтобы он хорошенько отдохнул.

Снова Волька попытался услышать, о чём толковали между собой его родители, и снова, ничего не разобрав, уснул.

Но на этот раз ему удалось поспать не больше четверти часа.

Опять помешал телефон.

— Да, это я,— послышался приглушённый голос Алексея Алексеевича.— Да... Здравствуйте, Николай Никандрович... Что?.. Нет, нету... Да, дома, конечно, дома... Пожалуйста... До свиданья, Николай Никандрович...

— Это кто звонил? — донёсся из кухни голос Волькиной мамы.

— Отец Жёни Богорада. Волнуется: Жёня до сих пор не вернулся домой. Спрашивал, не у нас ли он и дома ли Волька.

— В мой годы,— вмешалась в разговор бабушка,— так поздно возвращались домой только гусары... Но чтобы ребёнок...

Через полчаса телефонный звонок в третий раз за эту беспокойную ночь прервал сон Вольки Костылькова.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна — мать Жёни

Богорада. Жёня всё ещё не вернётся домой. Она просила узнать о нём у Вольки.

— Волька! — приоткрыл Алексёй Алексеевич дверь. — Татьяна Ивановна спрашивает, когда ты в последний раз видел Жёню.

— Вечером в кино.

— А после кино?

— А после кино я его не видел.

— А он тебе не говорил, куда он собирается пойти после кино?

— Нет.

Долго, очень долго ждал Волька, когда прекратятся наконец разговоры старших о пропавшем Жёне (сам-то он несколько не волновался: он подозревал, что Жёня на радостях махнул в Парк культуры, в цирк), да так и не дождавшись, в третий раз заснул. На сей раз окончательно.

Вскоре в углу раздался тихий всплеск. Потом послышались шлепающие шаги. На полу появлялись и быстро высыхали следы чьих-то невидимых мокрых ног. Кто-то, напевая себе под нос заунывную и протяжную восточную мелодию, незримо расхаживал по комнате.

Следы мокрых ног направились к столу, на котором озабоченно тикал будильник. Раздалось чье-то восхищённое чмоканье. Будильник сам по себе взлетел и некоторое время спокойно висел между полом и потолком, потом вернулся на своё обычное место, а следы повели по направлению к аквариуму. Снова раздался плеск, и всё затихло.

Поздно ночью пошёл дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли солидно и звонко падают в бочку, стоявшую под окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить густыми потоками.

Под такой дождь очень приятно спать, он действует

убаюкивающе даже на людей, страдающих бессонницей, а Волька никогда не жаловался на бессонницу.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то несколько раз осторожно тронул за плечо нашего крепко спавшего героя. Но Волька не проснулся. И тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал и, шаркая туфлями, направился в глубь комнаты, где на высокой тумбочке поблёскивал Волькин аквариум с золотыми рыбками. Раздался еле слышный всплеск, и снова в комнате воцарилась сонная тишина.

Х. НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТИЕ В ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ КВАРТИРЕ

Никакой собаки Наталья Кузьминична (так звали Гогину маму) Гогге не покупала и не дарила. Не успела. А потом и подавно не подарила: после невероятных событий этого ужасного вечера и Гогга и Наталья Кузьминична надолго потеряли интерес к этим древнейшим и вернейшим друзьям человека.

Но ведь Волька совершенно отчетливо слышал лай, доносившийся из тридцать седьмой квартиры. Неужели он слышался?

Нет, Волька не слышался.

А собаки в тридцать седьмой квартире ни в тот вечер, ни много месяцев спустя всё-таки не было. Туда, если хотите знать, даже лапа собачья с тех пор не ступала.

Словом, напрасно Волька завидовал Гогге. Завидовать было нечему: лаял Гогга.

И началось это как раз в ту самую минуту, когда он умывался под краном, перед тем как приступить к ужину. Ему не терпелось поскорее и всячески приукрасив рассказать матери, как осрамился сегодня на экзаменах его одноклассник и сосед Волька Костыльков, и тут он почти сразу и залаял. То есть он не всё время подряд лаял. Какие-то слова у него получались, как у всех людей, но зато

вместо многих, очень многих других у него изо рта, к великому его удивлению и ужасу, вылетал самый что ни на есть настоящий собачий лай.

Гóга хотёл сказать, что Вóлька порóл на экзамене сущую чепуху и что якобы Варвара Степановна «кэ-э-эк стúкнет кулаком по столу да кэ-э-эк заорёт: «Ты что же это, дурак, чепуху порешь?! Да я тебя, хулигана, на второй год оставлю!»

Получилось же у Гóги вместо этого:

— А Вóлька вдруг кэ-э-эк стал порóть гав-гав-гав. А Варвара Степановна кэ-э-эк стúкнет по гав-гав-гав...

Гóга от неожиданности оторопел. Он замóлк, передохнул и попытался повторить фразу. Но и на этот раз вместо тех грубых слов, которые врунишка и ябеда Гóга-Пилюля хотёл приписать Варваре Степановне, из его уст бёрвался собачий лай.

— Ой, мама! — испугался Гóга. — Мамочка!

— Что с тобой, Гóгочка? — всполошилась Натáлья Кузьминична. — На тебе лица нет!..

— Понимаешь, я хотёл сказать, что... гав-гав-гав... Ой, мамочка, что ж это такое!..

С перепагу Гóга и в самом деле здорово изменился в лице.

— Перестань лаять, Гóгушка, солнышко моё, радость моя!..

— Я же не нарóчно, — захныкал Гóга. — Я же только хотёл сказать...

И снова вместо членораздельной речи он смог выдавить из себя только раздражённый лай.

— Сыночек, миленький, не пугай меня! — взмолилась бедная Натáлья Кузьминична, и слёзы покатились по её доброму лицу. — Не лай! Умоляю тебя, не лай!..

Но тут Гóга не нашёл ничего умнее, как рассердиться на свою мать. И так как он обычно в таких случаях не стеснялся в выражениях, то и залился таким неистовым визгливым лаем, что с балкона соседней квартиры закричали:

— Натáлья Кузьмíнична! Скажите вáшему Гóге, чтóбы он не смел мýчить собáку! Безобразíе какóе!.. Избаловáли мальчишку до пóлногo бесстыдства!..

Обливаясь слезáми, Натáлья Кузьмíнична бросилась закрывáть óкна. Потóм она попытáлась пощúпать Гóгин лоб, чем вьзвала нóвый прíступ озлббленного лáя.

Тогдá она уложíла вконéц перепугáвшегося Гóгу в постéль, неизвéстно зачём укутала его стёганым одеялом, хотя на дворé стоял жáркий лётний вéчер, и побежáла вниз, к телефонy-автомáту, вызывáть врачá из «неотлóжной пóмощи».

Этo бьло совсём не так прóсто. Для вьзова «неотлóжной медицинской пóмощи» требовалось, чтóбы человек заболёл какóй-то очень опáсной болéзнью, чтóбы у него, в крайнем слúчае, внезапно очень высокó подскочíла температýра.

Пришлóсь Натáлье Кузьмíничне соврáть, бóдто у Гóги температýра тридцать дéвять и вóсемь десятых и что он бóдто бы брédит.

Вскóре прíбыл врач. Пожилóй, пóлный, седоусый, опытный.

Пёрвым дéлом он, конéчно, пощúпал Гóгин лоб и убедíлся, что никакóго повышéния температýры у него нé было и в помíне, и, конéчно, возмутíлся. Но вíду не показáл. Уж óчень расстроенное бьло лицó у Натáльи Кузьмíничны.

Он вздохнóл и присёл на стул у кровáти, на котóрой возлежáл Гóга, и попросíл Натáлью Кузьмíничну объяснítь, что побудíло её вьзвать врачá íменно из «неотлóжной пóмощи».

Натáлья Кузьмíнична рассказáла всё начистотý.

Дóктор пожáл плечáми, переспросíл её, снóва пожáл плечáми и подóумал, что ёсли всё этo соотвётствует действítельности, то слéдовало бы вьзвать не врачá-терапéвта, а психиáтра.

— Мóжет быть, ты решíл, что ты собáка? — спросíл он у Гóги как бы мéжду прóчим.

Гóга отрицáтельно покачáл головóй.

«Это хорошó,— подúмал дóктор.— А то бывáет такóе сумасшество, когда человек вдруг решáет, что он собáка».

Конéчно, он не вúсказал эту мысль вслух, чтóбы зря не пугáть ни пациéнта, ни его мать. Но срáзу стáло вúдно, что дóктор повеселёл.

— Покажú язык,— сказáл он Гóге.

Гóга вúсунул язык.

— Язык вполне нормáльный. Теперь мы вас, молодóй человек, вúслушаем... Так-так-так... Сёрдце превосходное. Хрúпов в лёгких нет. Желúдок как?

— Желúдок нормáльный,— сказáла Натáлья Кузьмúнична.

— И давнó он у вас э-э-э... гáвкает?

— Уж трéтий час. Прóсто не знáю, что мне дéлать...

— Прéжде всего успокоúться. Пока что не вúжу ничегó стрáшного. А нúте-ка, молодóй человек, расскажúте, с чего это у вас началóсь.

— А прóсто так, с ничегó,— жáлостным гóлосом нáчал Гóга.— Я как раз рассказывал мáме, как Вóлька Костылькóв... гав-гав-гав.

— Вот вúдите, дóктор,— залилáсь слезáми Натáлья Кузьмúнична,— это прýмо какóй-то úжас... мóжет быть, прописáть ему какие-нибудь пилúоли... úли порошокú?.. А что, ёсли ему прочúстить желúдок?

Дóктор помóрщился:

— Дáйте мне, Натáлья Кузьмúнична, срок, чтóбы подúмать, посмотрéть кой-какúю литерáтуру... Рéдкий, óчень рéдкий слúчай. Знáчит, так: пóлный покоú, режúм, конéчно, постéльный, пúща сáмая лёгкая, лúчше всего растúтельно-молóчная, никакóго кóфе и какáо, сáмый слáбенький чай, мóжно с молочкóм. На úлицу пока не выхóдить...

— Его сейчáс и пáлкой не вúгонишь на úлицу. Стýдится. Тут к нему заходúл одúн мáльчик, так бédный Гóга так лáял, так лáял, ёле мы его упросúли, мáльчика

этого, никому об этом не рассказывать. А желудок как, прочистить, может быть?

— Что ж,— сказал доктор в раздумье,— прочистить желудок никогда не мешает.

— А что, если ему и горчичники на ночь поставить?— спросила Наталья Кузьминична, всхлипывая.

— Тоже неплохо. Горчичники — это вещь.

Доктор хотел было поглядить приунывшего Гёгу по голёвке, но Пилёля в предвкушении всех назначенных ему процедур гавкнул с такой нескрываемой злостью, что доктор быстро отдернул руку, испугавшись, как бы этот неприятный мальчишка и в самом деле его не укусил.

— Кстати,— сказал он, тут же взяв себя в руки,— зачем вы держите окна закрытыми в такую жару? Мальчику нужен свежий воздух.

Наталья Кузьминична скрепя сердце объяснила доктору, почему ей пришлось закрыть окна.

— Мда-а-а, редкий, очень редкий случай! — повторил доктор, выписал рецепт и ушёл.

XI. НЕ МЕНЕЕ БЕСПОКОЙНОЕ УТРО

Утро наступило чудесное, солнечное.

В половине седьмого бабушка, тихо приоткрыв дверь, прошла на цыпочках к окну и распахнула его настежь. В комнату ворвался бодрящий прохладный воздух. Начиналось московское утро, шумное, жизнерадостное, хлопотливое. Но Волька не проснулся бы, если бы одеяло не соскользнуло с него на пол.

Первым делом он нащупал выросшую на его щеках щетину и понял, что находится в совершенно безвыходном положении. В таком виде нечего было и думать показываться на глаза родителям. Тогда он снова забрался под одеяло и стал думать, что же ему делать.

— Воля, а Воля! Вставай! — услышал он из столовой голос отца, но решил не отвечать, прикинулся спящим.—

Не понимаю, как можно спать, когда на дворе такое замечательное утро!

Послышался бабушкин голос:

— Вот заставить бы тебя самого, Алёша, сдавать экзамены да будить тебя ни свет ни заря!

— Ну и пускай его спит! Захочет есть — сразу проснётся.

Это Волька-то не хотел есть?! Да он ловил себя на том, что яичница с ломтём свежего чёрного хлеба его волнует сейчас даже больше, нежели рыжая щетина на его щеках. Но здравый смысл взял всё-таки верх над чувством голода, и Волька пролежал в постели, покуда отец не ушёл на работу, а мать с кошёлкой не отправилась на рынок.

«Была не была! — решил он, услышав, как щёлкнула за нею дверь. — Расскажу всё бабушке. И вместе что-нибудь придумаем».

Волька с наслаждением потянулся, сладко зевнул и направился к дверям. Проходя мимо аквариума, он бросил на него рассеянный взгляд и... остолбенел от удивления. За ночь в этой небольшой четырёхугольной стеклянной посудине произошло событие, никак не объяснимое с точки зрения естественных наук и полное поэтому таинственного смысла: вчера в аквариуме плавали четыре рыбки, а

сегодня их стало пять. Появилась ещё одна — большая, толстая золотая рыбка, важно шевелившаяся пыльными ярко-алыми плавниками. Когда Волька удивлённо прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что рыбка несколько раз хитро подмигнула.

— Что за ерунда! — пробормотал Волька, забыв на время даже про свою бороду, и засунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку.

Но она сама, словно только того и дожидалась, сильно ударила хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и превратилась в Хоттабыча.

— Уф! — промолвил старик, отряхиваясь и вытирая бороду неизвестно откуда появившимся роскошным шерстяным полотенцем, обшитым по краям золотыми и серебряными петушками. — Я всё утро ожидаю чести выразить тебе своё глубочайшее почтение. Но ты не просыпался, а я шадил твой сон. И мне пришлось переночевать с этими красивыми рыбками, о счастливейший Волька ибн Алёша!

— Как не стыдно смеяться надо мной! — рассердился Волька. — Только в насмешку можно назвать счастливым мальчика с бородой!

ХII. ПОЧЕМУ С. С. ПИВОРАКИ ПЕРЕМЕНИЛ ФАМИЛИЮ

В это очаровательное утро Степан Степаныч Пивораки решил совместить сразу два удовольствия. Он решил побриться, наслаждаясь в то же время живописным видом на Москву-реку. Придвинул к самому окну столик с бритвенными принадлежностями и принялся, мурлыча под нос весёлую песенку, тщательно намбливать щеки.

А мы пока что расскажем о нашем новом знакомом.

По странному совпадению, его фамилия полностью соответствовала одной из двух его слабостей: он любил хлебнуть кружечку-другую пивка и закусить аппетитными, чуть солоноватыми варёными раками.

Второй его слабостью была излишняя словоохотливость. Из-за своей болтливости Степан Степаныч, человек, вообще говоря, неглупый и начитанный, нередко становился в тягость даже самым близким друзьям.

За всем этим он был превосходным человеком и большим мастером своего дела. Он был лекальщик.

Закончив намылывать щеки, Степан Степаныч взял в руки бритву, поправил её маленечко на ладони и принялся с необыкновенной лёгкостью и сноровкой бриться. Побрившись, он с наслаждением обрызгал себя из пульверизатора цветочным одеколоном «Магнолия» и начал вытирать бритву, когда вдруг неожиданно рядом с ним, неизвестно каким путём, возник старичок в канотье и расшитых золотом и серебром нежно-розовых сафьяновых туфлях с причудливо загнутыми носками.

— Ты брадобрей? — сурово спросил старичок у изрядно опешившего Степана Степаныча.

— Во-первых, — вежливо отвечал ему Пивораки, — я попросил бы вас не тыкать. А во-вторых, вы, очевидно, хотели сказать «парикмахер»? Нет, я не профессионал-парикмахер. Хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер, потому что, не будучи парикмахером, или, как вы выразились, «брадобреем», я могу всё же заткнуть за пояс любого парикмахера-профессионала, или, как вы старомодно выразились, «брадобрея», или, что то же самое, цирюльника, тогда как ни один парикмахер не может заткнуть за пояс меня... А почему?.. А потому что, в то время как парикмахер-профессионал, или, как вы выразились, «бра...»

Старик очень невежливо перебил разболтавшегося Пивораки:

— Сумеешь ли ты, о не в меру многословный брадобрей, отлично, ни разу не порезав, побрить отрока, которому ты недостойн даже целовать пыль под его стопами?

— Я бы вторично просил вас не тыкать, — сказал Пивораки. — Что же касается существа затронутого вами вопроса, то...

Он хотёл было продолжать свою речь, но старик молча собрал все бритвенные принадлежности, схватил за шиворот не перестававшего ораторствовать Степана Степаныча и, не говоря худого слова, вылетел с ним через окошко в неизвестном направлении.

Вскоре они через окошко же влетели в знакомую нам комнату, где пригорюнившись сидел на кровати Волька Костыльков, изредка со стоном поглядывая в зеркало на вновь обрастающую бородой физиономию.

— Счастье и удача сопутствуют тебе во всех твоих начинаниях, о юный мой повелитель! — торжественно провозгласил Хоттабыч, не выпуская из рук пытавшегося вырваться Степана Степаныча. — Я совсем было отчаялся найти тебе брадобрея, когда увидел сего не в меру болтливую мужа, и я его захватил к тебе, под благословенный кров твоего дома, и вот он перед тобой со всем, что необходимо для бритья... А теперь, — обратился он к Пивораки, вытаращившему глаза на бородатого мальчика, — разложи, как это подобает, твои инструменты и побрей этого достойного отрока так, чтобы его щеки стали гладкими, как у юной девы.

— Я попросил бы вас не тыкать, — повторил Пивораки, но прекратил сопротивление.

Бритва заблестела в его умелой руке, и в несколько минут Волька был побрит на славу.

— А теперь, — сказал старик, — сложи свои инструменты. Завтра рано утром я за тобой вновь прилечу, и ты снова побреешь этого отрока.

— Завтра я не могу, — устало возразил Пивораки. — Завтра я работаю в утренней смене.

— Меня это не касается! — сурово отозвался Хоттабыч.

Наступило тяжёлое молчание. Потом Степана Степаныча озарило:

— А почему бы вам не попробовать одно тбилиское снадобье? Прекрасное средство.

— Это такой порошок? — вмешался Волька, который

до этого времени молчал как убитый.— Кажется, это такой sereneкий порошок?.. Я где-то о нём слышал... или читал...

— Вот именно, порошок! Серенкий такой! — обрадовался Пивораки.— Производится в Грузии. Прекрасная, солнечная страна. Лично я просто без ума от Грузии. Изъездил её во время отпуска вдоль и поперёк. Сухуми, Тбилиси, Кутаиси... Нет лучшего места для отдыха! От души советую вам на основании собственного опыта обязательно побывать в... Простите, я несколько отклонился от темы. Так вот, насчёт порошка. Стоит смазать им щёки, и самая густая борода сразу сходит без остатка... Правда, через некоторое время она снова вырастает.

— У моего юного друга она больше не вырастет,— остановил его Хоттабыч.

— Вы уверены? — удивился Пивораки.

Хоттабыч высокомерно промолчал. Он считал ниже своего достоинства посвящать в свои дела низкородного брадобрея...

Не более чем минутой позже в городе Тбилиси, в раздевалке одной из местных бань, был замечен старичок в старомодной соломенной шляпе канотье, просторном парусиновом костюме и розовых, расшитых золотом и серебром сафьяновых туфлях с высоко загнутыми носками.

Не раздеваясь, он проник в моечное отделение. Здесь ему в нос ударил запах серы, в чём не было ничего удивительного, ибо это были знаменитые тбилисские серные бани. Зато человек, вошедший одетым в переполненное паром моечное отделение, не мог не вызвать удивления.

Провожаемый любопытными взглядами, он невозмутимо проследовал к разбитному банщику, который с редким трудолюбием мылил покорно склонённую голову пожилого гражданина с пышными седыми усами. Остановившись в нескольких шагах от этого банщика — его звали Ванó, старичок с величавой медлительностью снял с себя парусиновый пиджак.

— Генацвале,— благожелательно промолвил Ванó,— у нас раздеваются в раздевалке. Здесь моются.

Старичок снисходительно усмехнулся. Он и не собирался мыться. Просто ему было несколько жарковато в пиджаке.

— Подойди ко мне! — приказал он Ванó и стал томно обмахиваться шляпой.— Только поторáпливайся, если тебе дорогá жизнь.

Банщик миролюбиво ухмыльнулся:

— Генацвале, в такое прекрасное утро особенно ценишь жизнь. Сейчас я буду к твоим услугам.

Он окатил водой намýленную голову седоусого клиента, шепнул ему на ухо несколько слов, и тот понимающе кивнул головой.

— Слушаю тебя, отец,— сказал Ванó, приближаясь к старичку.

Тот строго спросил его:

— Скажи мне без утайки, о банщик, точно ли это те самые прославленные тбилисские бани, о которых я слышал столь много достойного удивления?

— Они самые, генацвале,— горделиво приосанился Ванó.— Весь мир объедешь, другой такой бани, как наша, не найдёшь. Значит, ты, я так понимаю, нездешний?

Но старичок надменно пропустил этот вопрос мимо ушей.

— А если это те самые бани, которые я искал, то почему я не вижу той поистине волшебной мази, от которой, как говорят люди сведущие и доверия достойные, человеческие волосы выпадают без остатка?

— Ах вот в чём дело! — обрадовался Ванó.— Тебе нужно «таро»? Так бы ты сразу и сказал, генацвале.

— Хорошо,— сказал старичок,— если это называется «таро», то принеси «таро». Только не медли, если тебе...

— Знаю, знаю: если мне дорогá жизнь. Бегу, бегу!..

Немало пришлось этому бывалому банщику стáлкиваться на своём веку с разными чудаками, и он знал, что самое умное — это не пускаться с ними в пререкания.

Он верну́лся с глиняной мисочкой, наполненной порошкóм, похожим на золу.

— Вот,— сказа́л он, запыхавшись, и вручи́л старичку мисочку.— Весь свет обойдёшь, тако́го замечательного «та́ро» не найт́и. Слово мо́йщика!

Лицо старичка́ потемнело от гнёва.

— Ты смеёшься надо мно́ю, о презрённейший из ба́нщиков! — проговори́л он тихим, но о́чень стра́шным го́лосом.— Обеща́л принести́ чудесной ма́зи, а норови́шь, словно плут на базаре, вручи́ть мне дрянную́ плóшку с ка́ким-то невзра́чным порошкóм цвёта хвóрой мы́ши!

И старичóк с тако́й си́лой фы́ркнул, что всё содержи́мое плóшки ту́чей взвилóсь в вóздух и осело́ на его́ волоса́х, бровя́х, уса́х и бороде́. Он был, одна́ко, так разъяре́н, что да́же не сче́л ну́жным отряхну́ться.

— Напрáсно се́рдишься, генацвале́,— рассмея́лся ба́нщик.— Ну́жно разба́вить э́тот порошо́к водо́й, и полу́чится как раз та са́мая мазь.

Старичóк по́нял, что зря раскрича́лся, и ему́ ста́ло со́вестно.

— Жа́рко! — пробормота́л он смущённо.— Пусть прекрати́тся вокру́г меня́ э́та томительная жа́ра! — И совсе́м тихо́ доба́вил:— А покúда промо́кнет моя́ борода́, пусть вся моя́ волшебная си́ла оста́нется в па́льцах... Ита́к, пусть прекрати́тся вокру́г меня́ э́та томительная жа́ра!..

— Вот э́то уж от меня́ ника́к не зави́сит,— развёл рука́ми Ванó.

— Э́то от меня́ зави́сит,— спесиво́ процеди́л сквозь зу́бы Хотта́быч (ну конечно́ же, э́то был он) и щёлкну́л па́льцами ле́вой руки́.

В ту же секунду ба́нщик и уса́тый клиент, терпели́во дожидáвшийся его́ услу́г, в оди́н го́лос а́хнули. Да и как тут бы́ло не а́хнуть! От удивительного старичка́ неожида́нно пове́яло ледяны́м хо́лодом, мо́крый пол вокру́г него́ покры́лся то́ненькой ледяно́й ко́рочкой, а облака́ горя́чего па́ра из все́го мо́бечного помеще́ния устреми́лись в по́люс хо́лода, образова́вшийся над голо́вой Хотта́быча, сгусты́-

лись в дождевые тучи и пролились на него реденьким дождиком.

— Вот сейчас совсем другое дело,— удовлетворённо заметил он.— Ничто так не освежает в знойную пору, как дождь!

Понёжившись минуты две под таким естественным и в то же время сверхъестественным душем, он щёлкнул пальцами правой руки. Сразу прекратился поток холодного воздуха, растаял лёдок вокруг старичка. Горячий пар снова, клубясь, заполнил всё помещение.

— Итак,— сказал Хоттабыч, наслаждаясь впечатлением, которое произвели на окружающих столь резко континентальные изменения температуры,— итак, вернёмся к «таро». Я склонен верить тебе, что с примесью воды оно действительно даёт ту самую мазь, ради которой я сюда прибыл. Прикажи же мне сейчас же бочку этого самого чудодейственного зелья, ибо время моё ограничено.

— Бочку?!

— Даже две.

— Помилуй, генацвале! Одной плошки за глаза хватило бы для самой густой бороды!

— Хорошо,— сказал Хоттабыч,— принеси пять плошек.

— Одну минуточку, генацвале! — воспрянул духом Ванó, скрылся в соседнем помещении и тут же выскочил из него с толстой боржомной бутылкой, аккуратно заткнутой пробкой.— Вот здесь по крайней мере двадцать порций. Счастливого пути!

— Смотри же, о банщик, я никому не пожелал бы оказаться на твоём месте, если ты ввёл меня в заблуждение.

— Что ты, что ты, генацвале! — замахал руками Ванó.— Разве я осмелился бы обманывать такого почтенного старца, как ты!.. Да я бы никог...

Он прервал свою речь на полуслове да так и застыл с раскрытым ртом: удивительный скандальный старикашка вдруг исчез, как бы растаяв в воздухе...

Ровно минутой позже лысый, безбровый, безусый и

безбородый старичок в канотье, парусиновом костюме и розовых туфлях с загнутыми носками дотронулся до плеча Вольки Костылькова, который задумчиво уписывал за обе щеки огромный кусок пирога с вареньем.

Волька обернулся, глянул на него и от удивления чуть не подавился пирогом.

— Хоттабыч, миленький, что с тобою стало?

Хоттабыч посмотрел в зеркало, висевшее на стене, и натужно рассмеялся:

— Что и говорить. Было бы чрезмерным преувеличением сказать, что я похорошел! Считаю, что я наказан за свою недоверчивость, и ты не ошибёшься. Я фыркнул, когда там, в столь далёкой от нас бане, мне добросердечно преподнесли плёшку с порошком «тáро». Весь порошок осел у меня на бровях, усах и бороде. Дождик, который я вызвал на себя в этих на весь мир справедливо прославленных банях, превратил порошок в кашицу, а дождь, в который я попал на обратном пути в Москву, смыл с меня эту кашицу вместе с бородой, усами и бровями... Но не беспокойся о моей внешности и лучше займёмся твоей.— И он отсыпал на блюдце порцию «тáро» из боржомной бутылки...

Когда с Волькиной бородой и усами было покончено, Хоттабыч щёлкнул пальцами левой руки и снова обрёл свой прежний вид.

На этот раз он погляделся в зеркало с подлинным удовлетворением, с наслаждением поутюжил обеими руками вновь обретенную бороду, молодецки закрутил усы, провёл ладонью по волосам, пригладил брови и облегчённо вздохнул:

— Ну вот. Теперь и у тебя и у меня лица снова в добром порядке...

Что же касается Степана Степаныча Пивораки, который больше уже не появится на страницах нашей глубоко правдивой повести, то доподлинно известно, что он после описанных выше злоключений совершенно изменился. Давно ли его знакомые так страдали от его болтливости,

что каждого болтуна называли «Пивораки»? Сейчас же он стал скуп на слова и каждое из них так тщательно взвешивает, что беседовать с ним и слушать его выступление на собраниях стало истинным удовольствием.

А так как он убеждён, что история с бородатым мальчиком ему примерещилась под влиянием излишне выпитого пива, то он начисто перестал потреблять спиртные напитки. Говорят, что он даже сменил фамилию и что теперь его фамилия — Эссентюки, Степан Степанович Эссентюки.

Подумать только, как повлияла на человека эта история!

ХІІІ. ИНТЕРВЬЮ С ЛЕГКИМ ВОДОЛАЗОМ

Всю ночь родители Жёни Богорада провели на ногах. Они звонили по телефону всем своим знакомым, объездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в городских моргах, и всё безрезультатно. Жёня как в воду канул.

Утром директор школы вызвал к себе и лично опросил всех одноклассников Жёни, в том числе и Вольку.

Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Жёней Богорадом в кино, умолчав, конечно, про бороду. Мальчик, сидевший с Жёней на одной парте, вспомнил, что часом около восьми вечера он видел Богорада на Пушкинской улице. Жёня был в превосходном настроении и спешил в кино. Такие же показания дали ещё несколько учеников, но ни одно из них не помогло найти нить для дальнейших поисков.

Ребята уже начинали расходиться по домам, когда вдруг один мальчик вспомнил, что Жёня собирался после школы пойти купаться...

Через полчаса все наличные силы Освода¹ были брошены на розыски тела Жёни Богорада. Сотрудники спаса-

¹ Освёд — Общество спасения на водах.

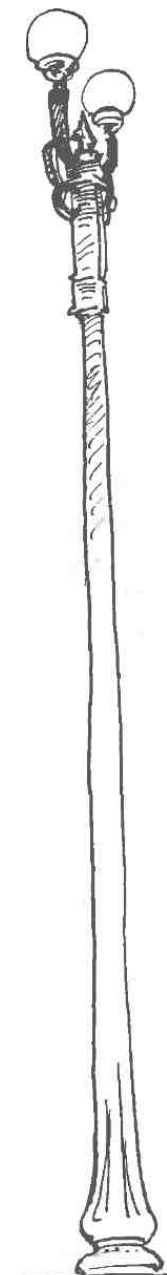
тельных стáнций обшáрили багрáми всю рéку в предéлах черты гóрода, но ничегó не нашлi. Водолáзы добросовестно обходiли всё рúсло реки, подóлгу прощúпывая óмуты, и тáкже ничегó не обнару́жили.

Ужé спуска́лась за реко́й óгненная стена́ заката, слáбый вéтер доносiл из Пáрка культу́ры низкие звúки сирéны — знак того́, что в лётнем театре начина́ется второ́е дéйствиe вечернего спектакля, а на реке́ всё ещё темнели силуэты освóдовских лодок. Пóиски продолжáлись.

В éтот прохладный и тiхий вéчер Вóльке не сиделось дóма. Самыe страшные мýсли о судьбé Жéни Богорáда не давали ему́ покоя. Он решил пойти́ в шкóлу — мóжет быть, там ужé чтó-нибудь извéстно.

У подъезда к нему́ неслы́шно присоединiлся Хоттáбыч, возникший как из-под земли. Старiк ви́дел, что Вóлька чём-то расстро́ен, но из деликатности решил не пристава́ть к мáльчику с распрóсами. Так они́ и пошли́ молча, погружённые кáждый в свои дúмы, и вскóре ужé шагáли вдоль широ́кой, одéтой в гранiт нáбережной Москв́-реки́.

— Что éто за лóуди со стрáнными голова́ми сто́ят в éтих úтлых судёнышках? — спросил старiк, укáзывая на освóдовские лóдки.

— Это лёгкие водолазы,— печально ответил Волька.

— Мир с тобой, о достойный лёгкий водолаз! — величественно обратился Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег.— Что ты разбскиваешь здесь, на дне этой прекрасной реки?

— Мальчик один утонул,— ответил водолаз и быстро взбежал по ступенькам в помещение спасательной станции.

— Я не имеем больше вопросов, о высокочтимый лёгкий водолаз,— промолвил ему вслед Хоттабыч.

Затем он вернулся к Вольке, низко ему поклонился и произнёс:

— Целую землю у ног твоих, о достойнейший из учащихся двести сорок пятой средней школы!

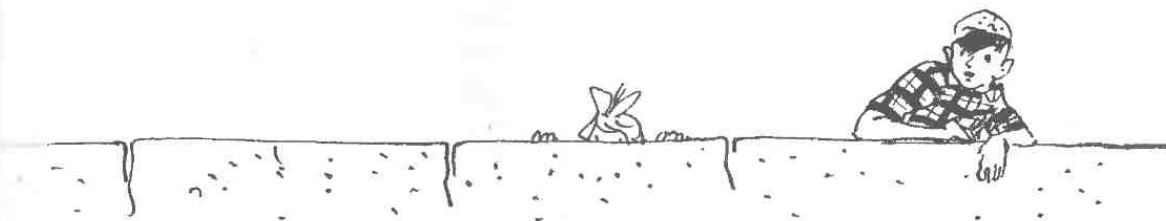
— А? — вздрогнул Волька, отрываясь от своих печальных мыслей.

— Правильно ли я понял этого лёгкого водолаза, что он разбскивает отрока, имеющего высокую честь быть твоим товарищем?

Волька молча кивнул головой и глубоко-глубоко вздохнул.

— И он лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает отроку?

— Да, это был Жёня. У него причёска под польку. Он был большой франт,— сказал Волька и снова грустно вздохнул.

— Мы его видели в кино? Это он что-то тебе кричал и ты был опечален тем, что он всем расскажет, что у тебя выросла борода?

— Да, верно. Откуда ты узнал, что я подумал?

— Потому что ты пробормотал это, когда попытался скрыть от него своё почтенное и в высшей степени прекрасное лицо,— продолжал старик.— Так не бойся же этого!

— Неправда! — возмутился Волька.— Совсем я не этим опечален. Мне, наоборот, очень грустно, что Жёня утонул.

Хоттабыч победоносно ухмыльнулся:

— Он не утонул!

— Как — не утонул?! Откуда ты знаешь, что он не утонул?

— Мне ли не знать! — сказал тогда Хоттабыч, торжествуя.— Я подстерг его, когда он сидел в первом ряду в тёмном помещении кино, и я сказал себе в великом гневе: «Нет, не говорить тебе, о Жёня, ничего такого, что неугодно твоёмu высокомудруму другу Вольке ибн Алёше, ибо ты больше не увидишь людей, кто поверил бы тебе и кому это было бы интересно!» Так сказал я себе и зашвырнул его далеко-далеко на восток, как раз туда, где край земли сходится с краем небес и где, я так полагаю, его уже продали в рабство. И пусть он там кому хочет рассказывает о твоей бороде...

XIV. НАМЕЧАЕТСЯ ПОЛЕТ

— То есть как это — в рабство?! — переспросил потрясённый Волька.

Старик понял, что опять что-то случилось не так, и его лицо приняло кислое выражение.

— Очень просто... Обыкновенно... Как всегда продают в рабство,— пробормотал он, отводя в сторону глаза.— Чтобы не болтал попусту языком, о приятнейшая в мире балда.

Старик был очень доволен, что ему удалось вовремя вернуть слово, которое он накануне услышал из уст Вольки. Но его юный спаситель был так взволнован ужасной новостью, что даже толком не расслышал, что его ни за что ни про что называли балдой.

— Какой ужас! — Волька обеими руками схватился за голову. — Хоттабыч, ты понимаешь, что ты наделал?

— Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб всегда понимает, что он творит!

— Нечего сказать, понимаешь! Одних хороших людей непонятно почему собираешься превращать в воробьев, других продаешь в рабство! Нужно немедленно вернуть сюда Женюку!

— Нет! — Хоттабыч покачал головой. — Не требуй от меня невозможного.

— А продавать людей в рабство — это тебе возможно?.. Честное пионерское, ты даже представить себе не можешь, что я сделаю, если ты эту же минуту не вернешь Женю обратно!

По совести говоря, Волька и сам ещё не представлял, что он сможет сделать такого, что спасло бы Богорада из цепких лап неизвестных работарговцев. Но он бы что-нибудь придумал. Он бы заявил в министерство как-нибудь... Но в какое именно? И что сказать в этом министерстве?..

Читатели этой повести уже достаточно знакомы с Волькой Костыльковым, чтобы знать, что он не из плакс. Но тут даже Вольку проняло. Да, да, мужественный и неустрашимый Волька присел на краешек первой попавшейся скамейки и заплакал от бессильной злости.

Старик всполошился:

— Что означает этот плач, тебя одолевший? Отвечай же, не разрывай моего сердца на куски, о юный мой спаситель!

Но Волька, глядя на старика ненавидящими глазами, только с силой, обеими руками, отодвинул от себя участливо наклонившегося Хоттабыча.

Старик внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво промолвил:

— Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, всё тебе не по нраву... Изо всех сил стараюсь я угодить тебе, и все мои усилия тщетны. Могущественнейшие владыки Востока и Запада не раз прибегали к моим чарам, и не было ни одного, кто не остался бы мне потом и благодарен и не прославлял бы меня в словах своих и в помыслах. А теперь!.. Я пытаюсь понять и никак не пойму, в чём дело. Неужели в старости? Эх, старею я!..

— Что ты, что ты, Хоттабыч! Ты ещё очень молодо выглядишь! — сказал сквозь слёзы Волька.

Действительно, для своих почти четырёх тысяч лет старик сохранился совсем неплохо. Ему нельзя было дать на вид больше семидесяти — семидесяти пяти лет. Любый из наших читателей выглядел бы в его годы значительно старше.

— Ну, уж ты скажешь — очень молодо! — самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и добавил: — Нет, вернуть сию же минуту твоего друга Жёню я не в силах...

Волькино лицо окаменело от гора.

— ...но, — продолжал старик многозначительно, — если его отсутствие так тебя огорчает, мы сможем за ним слетать...

— Слетать?! В такую даль? На чём?

— То есть как это — на чём? Не на птицах же нам лететь, — ехидно отвечал Хоттабыч. — Конечно, на коврёсамолёте, о величайший в мире балда.

На этот раз Волька был уже в состоянии заметить, что его назвали таким нелестным словом. Он полёз в амбицию:

— Это кого ты назвал балдой?!

— Конечно, тебя, о Волька ибн Алёша, ибо ты не по годам мудр, — произнёс Хоттабыч, очень довольный, что ему вторично удалось столь удачно вернуть в разговор новое слово.

Волька собрался обидеться, но вовремя вспомнил, что

обижаться ему в данном случае нужно только на самого себя. Он покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил никогда не называть его больше балдой, ибо он не заслуживает этого звания.

— Хвалю твою скромность, бесценный Волька ибн Алёша! — с чувством огромного уважения промолвил Хоттабыч.

— Когда можно вылететь? — осведомился Волька, всё ещё не в силах преодолеть чувство неловкости.

И старик ответил:

— Хоть сейчас!

— Тогда немедля в полёт! — сказал Волька, но тут же замаялся: — Вот только не знаю, как быть с родителями... Они будут волноваться, если я улечу, ничего им не сказав. А если скажу, то не пустят.

— Это не должно тебя беспокоить, — отвечал старик, — я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

— Ну да, ты не знаешь моих родителей!

— А ты не знаешь Гассана Абдурахмана ибн Хоттаба!..

XV. В ПОЛЁТЕ

В одном уголке ковра-самолёта ворс был в неважном состоянии — это, наверно, постаралась моль. В остальном же ковёр отлично сохранился, а что касается бахромы, украшавшей его, то она была совсем как новая. Вольке показалось даже, что он уже где-то видел точно такой ковёр, но никак не мог вспомнить где: не то в квартире у Жёни, не то в учительской комнате в школе.

Старт был дан в саду при полном отсутствии публики.

Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой серединке ковра. Затем он вырвал из борды три волоска, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза. Ковёр затрепетал, один за другим

поднялись вверх все четыре угла с кистями, потом выгнулись и поднялись вверх края ковра, но середина его продолжала покрываться на траве под тяжестью тел обоих пассажиров. Потрепетав немножко, ковёр застыл в неподвижности.

Старик сконфуженно засуетился:

— Прости меня, о любезный Волька: случилось недоразумение. Я это всё сейчас исправлю.

Хоттабыч с минутку подумал, производя какие-то сложные вычисления на пальцах. Очевидно, на сей раз он пришёл к правильному решению, потому что лицо его прояснилось. Он выдрал из бороды ещё шесть волосков, половинку одного из них оторвал и выбросил как лишнюю, а на остальные, как и в первый раз, подул и произнёс, закатив глаза, заклинание. Теперь ковёр выпрямился, стал плоским и твёрдым, как лестничная площадка, и стремительно рванулся вверх, увлекая на себе улыбающегося Хоттабыча и Вольку, у которого голова кружилась не то от восторга, не то от высоты, не то от того и другого вместе.

Ковёр поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом, полным сияющего мерцания огней.

Снизу доносились приглушённые расстоянием человеческие голоса, автомобильные сирены, пение гребцов на реке, отдалённые звуки духового оркестра.

Вечерняя темнота окутала город, а здесь, наверху, ещё виден был багровый солнечный диск, медленно оседавший за горизонт.

— Интересно...— промолвил Волька задумчиво,— интересно, на какой мы сейчас высоте?

— Локтей шестьсот — семьсот,— отвечал Хоттабыч, продолжая что-то высчитывать на пальцах.

Между тем ковёр лёг на курс, продолжая одновременно набирать высоту. Хоттабыч величественно уселся, поджав под себя ноги и придерживая рукой шляпу. Волька осторожно нагнулся и попытался сесть, поджав под себя

но́ги, как это сде́лал Хотта́быч, но никакóго удовлетворе́ния, а тем бо́лее удово́льствия от это́го спосо́ба сиде́ния не испыта́л. Тогда́, зажму́рив глаза́, что́бы поборо́ть противное чу́вство головокру́ения, Во́лька уселся, свеси́в но́ги с ковра́. Так бы́ло удо́бнее, но зато́ немилосе́рдно ду́ло в но́ги; их относило́ ве́тром в сто́рону, и о́ни всё вре́мя находи́лись под о́стрым углу́м к ту́ловищу. Убеди́вшись, что и это́т спосо́б сиде́ния не дае́т по́длинного о́тдыха, Во́лька ко́е-как устре́ился, вы́тянув но́ги вдоль ковра́.

Вскóре Во́льку стал не на шу́тку донима́ть хо́лод. С гру́стью подумал он о сво́ей фо́рменной оде́жде: она́ пришлась бы сейча́с о́чень и о́чень кста́ти. Но фо́рменная оде́жда оста́лась дале́ко внизу́, в шкафу́, до́ма, во мно́гих со́тнях киломе́тров отсю́да.

За неиме́нием лу́чшего Во́лька реши́л согреться́ так, как это́ де́лали в старода́вние времена́, задóлго до Во́лькиного рожде́ния, изво́зчики. Это́т спосо́б ка́к-то показáл ему́ на катке́ его́ о́тец, кото́рый ещё́ хоро́шо по́мнил изво́зчиков на моско́вских у́лицах. Во́лька стал разма́шистыми дви́жениями хло́пать себя́ по плеча́м и бока́м и тут же, не успе́в да́же пи́кнуть, соскользну́л с ковра́ в бе́здну.

Что и говори́ть, не ухвати́сь Во́лька обе́ими рука́ми за бахрому́, обрамля́вшую кове́р-самолёт, пришло́сь бы на это́й необы́чной возду́шной ката́строфе и зако́нчить на́шу по́ведь.

А Хотта́быч сна́чала да́же не заме́тил, что произо́шло с его́ ю́ным дру́гом. Стары́к сиде́л спиной́ к Во́лке, поджа́в под себя́, по восточному́ обы́чаю, но́ги, и углуби́лся в воспомина́ния. Он пыта́лся припо́мнить, как снима́ть со́бственные за́кля́тия.

— Хотта́быч! — не сво́им го́лосом закрича́л Во́лька, чу́вствуя, что до́лго ему́ не удержи́ться на букси́ре у ковра́-самолёта. — Погиба́ю, Хотта́-а-абыч!..

— О го́ре мне! — засуети́лся стары́к, уви́дя Во́лку, летевшего́ над бе́здной. — Позо́р на мо́и се́дины!..

Причита́я и всячески́ кляня́ себя́ за беспече́ность, он втащи́л обомле́вшего от стра́ха Во́лку на кове́р, усади́л

его вóзле себя, крѣпко обнял и твѣрдо рѣшил не выпускать из объятий, пока они не приземлятся.

— Х-х-хор-ро-шо б-было б-бы сейчас д-достать чего-нибудь т-тѣпленького из одѣжды! — мечтательно сказал Вóлька, не попадая зуб на зуб.

— П-по-пожалуйста, о блаженный Вóлька ибн Алѣша! — отвѣтствовал Хоттабыч и прикрыл свернувшегося калачиком Вóлку неведомо откуда появившимся халатом.

Стемнело. Теперѣ на ковре-самолѣте стало особенно уютно, и Вóлька предложил Хоттабычу подняться локтей на пятьсот выше.

— Тогда мы снова увидим солнце.

Хоттабыч глубоко сомневался, можно ли до завтрашнего утра увидеть уже закатившееся дневное светило, но спорить с Вóлкой не стал.

Можете себе представить, как он удивился и насколько вырос в его глазах Вóлкин авторитет, когда, поднявшись повыше, они, действительно, снова увидели солнце, которое как ни в чем не бывало снова только-только касалось своим багровым краем черной линии далѣкого горизонта.

— Если бы, подчиняясь твоей скромности, о Вóлька, не дал я тебе обещания, ничто не удержало бы меня от того, чтобы назвать тебя величайшей в мире балдой! — восхищенно произнес Хоттабыч, но, увидев на Вóлкином лицѣ явное неудовольствие, быстро проговорил: — Но раз тебе неуютно, я позволю тебе просто поразиться необыкновенной зрелости твоего ума. Раз я тебе обещал не называть тебя балдой, не буду.

— И никогó другого тоже не называй этим словом.

— Хорошо, о Вóлька, — покóрно согласился Хоттабыч.

— Клянѣшься?

— Клянусь.

— Тó-то же.

Глубоко под ними проплывали леса и поля, реки и озера, деревни и города в нежном жемчуге электрических

огнёй. Возникло, потемнело и скрылось во мраке под ними белоснежное море облаков с застывшими округлыми краями, а ковёр всё летёл и летёл всё дальше и дальше на юго-восток, всё ближе и ближе к тем невёдомым краям, где уже, быть может, страдал во власти злых и жестоких рабовладельцев юный невольник Жёня Богора́д.

— А бедный Жёнёк, верно, томится сейчас в непосильном труде,— с горечью произнёс Волька после долгого молчания.

Хотябыч только виновато крякнул в ответ.

— Один, на чужбине,— тоскливо продолжал Волька,— без друзей и родных... Стонет, наверно, бедняга...

Хотябыч снова промолчал.

Если бы наши воздухоплаватели могли слышать, что происходит за много тысяч километров от них, на востоке!..

За много тысяч километров от них, на востоке, в это самое мгновение Жёня Богора́д действительно стонал.

— Ой, не могу,— стонал Жёня,— ой, хва́тит!..

Для того чтобы рассказать, при каких обстоятельствах он произнёс эти достойные сочувствия слова, нам придётся на время расстаться с нашими путешественниками и рассказать, что за эти двое суток произошло со звеньевым третьего звена шестого, а со вчерашнего дня седьмого «Б» класса 245-й московской средней школы Богора́дом Евге́нием.

ХVI. О ТОМ, ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ С ЖЕ́НЕИ БОГОРА́ДОМ ДАЛЕКО́ НА ВОСТО́КЕ

Только Жёня Богора́д обернулся на своём кресле первого ряда в зрительном зале кинотеатра «Сату́ри», чтобы попытаться, пока ещё не начался сеанс, взглянуть боро́дато́го мальчи́ка, как у него вдруг потемнело в глазах, в ушах раздался оглушительный свист, и он вместо кры́того лино́леумом по́ла ощутил под нога́ми мя́гкую, по́крытую вы́сокой траво́й зе́млю.

Когда его глаза несколько привлекли к темноте, он, к крайнему своему удивлению, обнаружил, что находится уже не в кинозале, а в каком-то необычайно густом лесу, наполненном ароматами незнакомых цветов. С толстеньших деревьев неизвестных Жёне пород свисали лианы. Да-да, именно лианы, и ничто иное! Было очень жарко и душно, куда жарче, чем в только что исчезнувшем зрительном зале.

Вытянув перед собой руки, Жёня осторожно сделал несколько шагов и чуть было не наступил на... змею. Змея зашипела, как прохуdivшийся насос, блеснула зелёными глазками и исчезла в кустах.

— Батюшки, куда же это я попал? — пробормотал Жёня, не решаясь больше сдвинуться с места. — Прямо джунгли какие-то. Как во сне... Ну да, — обрадовался он, — ну конечно: всё это мне снится!.. Просто, я всё вижу во сне, сплю и вижу...

Кому из наших читателей не случалось видеть такие сны, когда ты ясно отдаёшь себе отчёт, что всё это происходит с тобой не наяву.

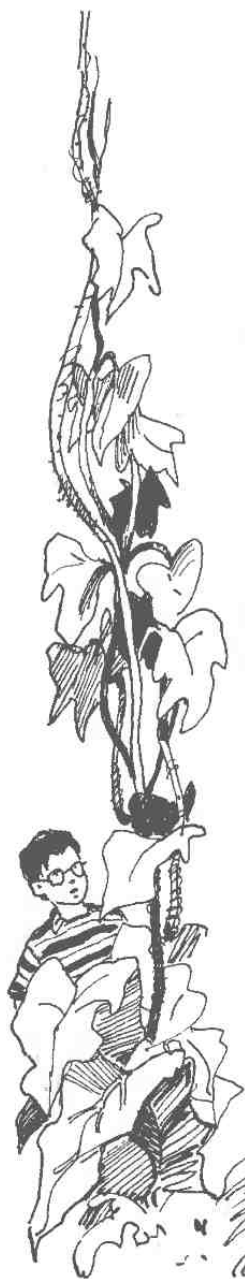
Большое удовольствие — видеть такой сон: опасности тебе нипочём, самые головоломные подвиги ты совершаешь легко и всегда в высшей степени удачно. А главное, ты знаешь, что придёт время и ты живой и невредимый проснёшься на своей постели.

Однако, когда Жёня попробовал продираться через колочие кустарники, его порядком поцарапало. А так как боль испытывать неприятно, даже если ты знаешь, что всё это с тобой происходит во сне, то Жёня решил вздремнуть до утра...

Он проснулся, когда высоко над его головой в просвете между кронами деревьев уже ослепительно сияло бледно-голубое жаркое небо.

Жёня обрадовался: замечательный сон продолжался!

Первое, что он увидел, выбравшись на опушку леса, были слоны, четыре слона, и у каждого из них в хоботе было по увесистому бревну.

На переднем слонé сидёл тóщий и смýглый полугóлый человек в бéлом тюрбáне.

Вдалí вилíсь дымкí небольшо́й деревушки.

Теперь уже Богора́ду ста́ло я́сно, что именно ему́ снится. Ему́ снилась Индия.

Это было само́ по себе просто замеча́тельно. Но са́мое замеча́тельное было ещё впередí.

— Кто ты тако́й? — су́хо осведомился у Жéни погонщик слонóв. — Англича́нин? Португа́лец? Америкáнец?

— Что вы! — отвечáл ему́ Жéня на ужáсном английском языке́. — Я руский... Руси́. — Для вёрности он ткнул себя́ в грудь. — Хинди, руси — пхай-пхай...

Что тут с погонщиком сдéлалось!

Лицо́ его́ расплылось в широчáйшей улыбке, и он закива́л головой́ с тако́й силой́, что тюрба́н то́лько чу́дом не слетел на́земь. Затем он заста́вил своего́ слона́ стать на передние колéни, взял Жéню к себе́, и вся кавалька́да, торжéственно покачиваясь, продолжа́ла свой путь к деревне́.

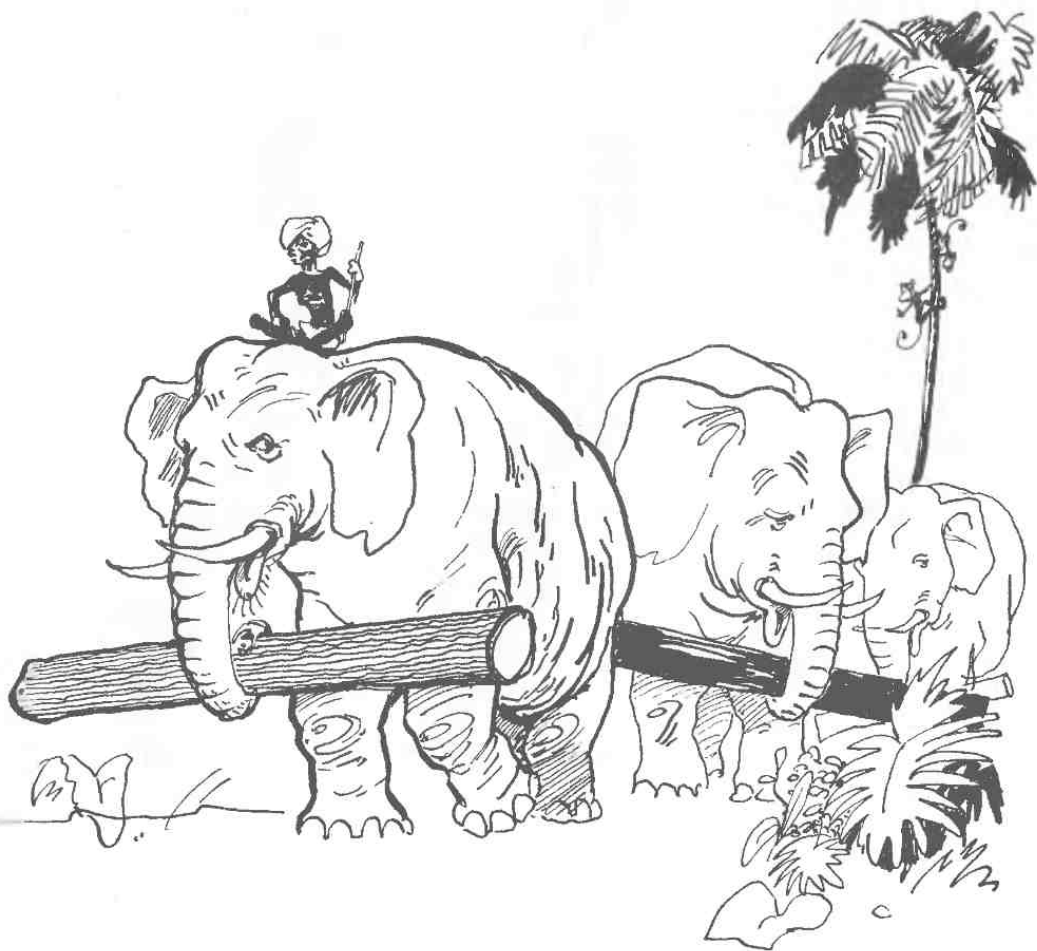
По доро́ге им встрéтилось нéсколько ребя́тишек. Погонщик им что́-то прокрича́л. Ребáта раскры́ли рты́ и вы́таращили глаза́, упивáясь лицезрéнием живо́-

го, самого натурального советского мальчика. Потом они с пронзительными воплями, приплясывая на бегу, кинулись сломя голову в деревню, и, когда туда прибыл на головном слоне ученик седьмого «Б» класса 245-й московской средней школы Богорад Евгений, на единственную улочку деревни уже высыпало всё наличное население от мала до велика.

Вот это была встреча!

Женю с почётом сняли со слона, с почётом ввели под навес и первым делом накормили, что было более чем кстати. Оказывается, что и во сне ему хотелось кушать.

Подумать только, какой ему снился реальный сон! Потом к нему подошли и жали руку. Потом все спели протяжную-препротяжную индийскую песню, а Жёня по мере сил подпевал, и это всем ужасно понравилось. Потом Жёня запел «Гимн демократической молодёжи», и его подхватили несколько деревенских парнишек и девчат, а все остальные по мере сил своих подпевали. Потом все стали уговаривать одного молодого индуса, и тот наконец уступил их настояниям и затянул какую-то песню, и Жёня почти сразу догадался, что это «Катюша», и с жаром подхватил её, а все остальные в такт хлопали в ладоши. Потом ему снова жали руку и всей деревней кричали: «Хинди, руси — пхай-пхай!»

Когда все немножко утомнились, с Жёней всей деревней повел разговор. А так как и он и жители деревни не шибко владели английским языком, то потребовалось немало времени, чтобы узнать у Жёни, не хочет ли он, чтобы его поскорее переотправили поближе к Дели и Советскому посольству. Но Жёня не особенно торопился. И в самом деле, зачем человеку торопиться, когда ему снится такой интересный и приятный сон?

Он и оглянуться не успел, как пришли делегаты из соседней деревни и повели дорогого советского гостя к себе.

И в этой деревне, и в трёх других, где он успел побывать за этот замечательный день, всё повторилось, как в первой.

В третьей деревне он заночевал. А лишь только рассвело, его уже ожидали делегаты из четвертой. Здесь-то и пришлось Жёне малёнько постонать.

Попробуйте не стонать, когда сотни дружественных рук качают тебя с криками «Хинди, руси — пхай-пхай!», и от полноты чувств подбрасывают тебя чуть ли не под самые облака.

К счастью, вскоре затарахтел попутный грузовичок, на котором Жёня должен был поехать до ближайшей железнодорожной станции.

Кругом толпились улыбающиеся жители деревни, пожимали раскрасневшемуся Жёне руки, обнимали его. Две девочки примчались с большим венком и надели его на шею страшно смутившемуся юному гостю. Трое мальчиков во главе с их учителем принесли ему в подарок большущую гроздь бананов. Учитель от имени всех жителей деревни пожелал Жёне счастливого пути, ребята попросили передать привёт московским ребятам от индийских и, кроме того, попросили у него автограф, как если бы он был какой-нибудь знаменитостью. Конечно, он не мог им в этом отказать.

Обхватив банановую гроздь обеими руками и раскланиваясь во все стороны, Жёня, поддерживаемый под локотки, занёс было ногу, чтобы ступить на ступеньку, ведущую в кабину грузовика, и... исчез. Начисто пропал.

Это было бы само по себе достойно самого большого удивления. Но ещё более удивительно было, что никто из провожавших нисколько этому не удивился. А не удивились они потому, что сразу и начисто все о Жёне позабыли. А что они моментально о нём позабыли, нас с вами, дорогие читатели, теперь уже никак удивить не может.

XVII. ТРА-ЛЯ-ЛЯ, О ИБН АЛЕША!

Нет ничего опасней, чем заснуть без необходимых предосторожностей на ковре-самолёте.

Согрвшись под добытыми Хоттабычем прямо из воздуха тёплыми стёгаными халатами, утомлённые переживаниями, убаюканные окружавшей их полнейшей тишиной, наши путешественники не заметили, как уснули.

Волька спал без сновидений, свернувшись калачиком. А Хоттабычу, который уснул сидя, в неудобном положении, навалившись грудью на острые свой стариковские колёнки, приснился ужасный сон.

Ему снилось, будто бы слуги Сулеймана ибн Дауда под командованием визиря Асафа ибн Барахия снова соби-

раются заточить его в каменном сосуде и будто его уже наполовину туда засунули, а он сопротивляется, упёршись грудью в горлышко сосуда. И будто его замечательного юного друга и спасителя Вольку ибн Алёшу тоже хотят упрятать в такой же сосуд, и тогда уже им обоим никогда не будет спасения, а бедный Жёня до конца своих дней вынужден будет влачить жалкую рабскую долю, и никто уже его никогда не спасёт. Главное, что Хоттабыча при этом крепко держали за руки, так что он не мог вырвать из своей бороды ни единого волоска и не мог поэтому использовать своё могущество для того, чтобы спасти и себя и Вольку. Сознание, что через несколько мгновений уже будет поздно, заставило Хоттабыча напрячь все свои силы. В великом отчаянии он рванулся плечом в сторону, да так, что целиком выпал из сосуда и тут же, ещё не очухавшись как следует от сна, соскользнул с ковра в чёрную и холодную бездну.

Хорошо, что от его вопля проснулся Волька и успел схватить его за левую руку. Теперь уже Хоттабыч летел за ковром на буксире. Но очень уж непрочен был этот буксир: старик был слишком тяжёл для Вольки, и скорее всего они оба свалились бы со страшной высоты на невидимую в ночной темени землю, если бы Хоттабыч не изловчился выдрать свободной рукой целый клочок волос из бороды и не выпалил полагающиеся в таких случаях заклинания.

После этого Вольке уже ничего не стоило втащить старика обратно на ковёр. Счастье нашего юного героя было бы совсем полным, если бы Хоттабыч, покуда Волька его втаскивал на ковёр, не орал благим матом: «Ага, о Волька!», «Порядочек, о драгоценнейший!» — и что-то порывался спеть и хохотал при этом с таким диким торжеством, что Волька не на шутку струхнул: а вдруг старик с перепагу спянул. Правда, очувшись на ковре, Хоттабыч перестал петь. Но зато он теперь не придумал ничего лучшего, как начать плясать. Среди ночи! На углу и ветхом ковре-самолёте!

— Тра-ля-ля, о Волька!.. Тра-ля-ля, о ибн Алёша!..— орал Хоттабыч в кромешном мраке, высоко подымая свои длинные и толстые ноги и подвергаясь каждую секунду опасности снова свалиться с ковра.

Вняв мольбам Вольки, он наконец перестал плясать, но зато снова запел. Сначала он спел, немилосердно перевирая мотив, песню «Когда поёт далёкий друг», потом исполнил невесть где подслушанный им старинный романс «Отвори потихоньку калитку», потом сразу замолк, присел, на корточки и вырвал у себя из бороды несколько волосков. Волька догадался об этом по тоненькому хрустальному звону.

Одним словом, если вам случится забыть что-нибудь очень важное и вы никак не сможете это припомнить, то нет лучшего средства, чем хоть на секунду свалиться с ковра-самолёта. Такое падение прекрасно проясняет память. По крайней мере, Хоттабычу оно помогло наконец вспомнить, как снимать собственные заклятия.

Теперь уж не к чему было продолжать трудный и опасный полёт, чтобы вызволить из рабства несчастного Жёню Богорада.

И действительно, не успел ещё растаять в чёрном воздухе хрустальный звон выдернутых волосков, как откуда-то сверху, из темноты, свалился на ковер-самолёт Жёня Богорад, крепко держа в объятиях огромную, пудовую гроздь бананов.

— Жёненька! — крикнул обрадованный Волька.

А ковер-самолёт, не выдержав дополнительной нагрузки, со свистом пошёл на снижение. Вдруг стало очень сыро, пронзительно холодно и начисто пропали звёзды, мерцавшие в вышине. Это ковер-самолёт попал в густые облака.

— Хоттабыч! — крикнул тогда Волька. — Надо поскорее выбираться навёрх, повыше облаков!

Но Хоттабыч не отвечал. Сквозь густой туман еле виднелась его скрюченная фигура с поднятым воротом парусинового пиджачка. Старик торопливо выдёргивал из бо-

роды волосок за волоском. Раздавался дребезжащий звук, как от туго натянутой бечевки на самодельной детской балалайке. Со стоном, полным отчаяния, Хоттабыч бросал волосок и выдёргивал следующий. И снова тот же дребезжащий звук, и снова ему сопутствовал стон и удручённое бормотание старого джинна.

— Слушай, Волька, а Волька, — тербил между тем Жёня своего дружка, — на чём это мы летим?.. Похоже, на ковёр-самолёте.

— Это и есть ковёр-самолёт... Хоттабыч, что же ты там мешкаешь?

— Ковёр-самолётов не бывает, — сказал Жёня. — Ой!..

Это ковер сделал особенно крутой вираж.

Было не до споров с Жёней.

— Хоттабыч, что же ты там? — затеребил старика Волька за набрякший рукав пиджака.

— О горе мне! — глухо донёсся сквозь густой туман и нарастающий свист падающего ковра рыдающий голос еле видного Хоттабыча. — О горе всем нам!.. Я промок с головы до ног!

— Все мы промокли до нитки! — крикнул ему в сердцах Волька. — Эгоизм какой!

— Борода! Увы, промокла моя борода!

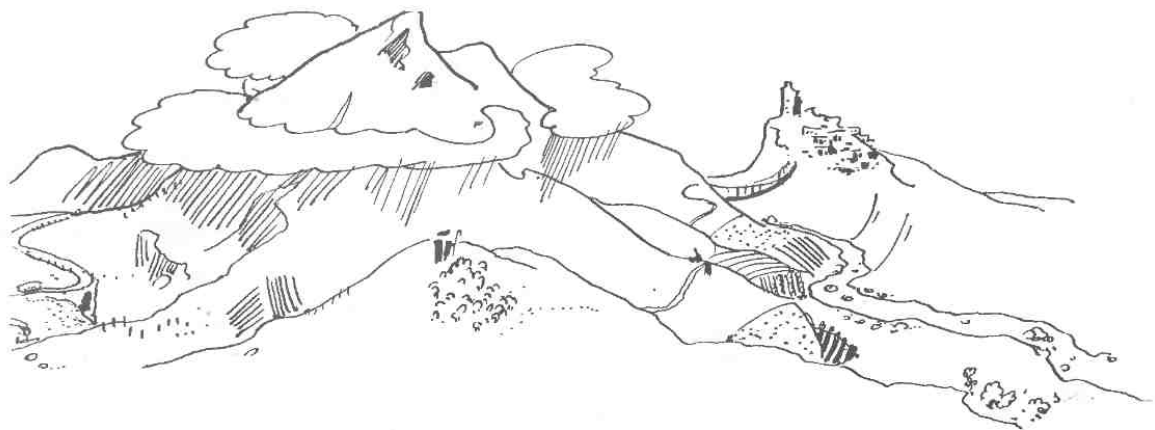
— Скажите, пожалуйста, какое горе! — хмыкнул Жёня.

— Промохла моя борода, — повторил Хоттабыч в великой тоске. — Я стал бессилён, как ребёнок. Для волшебства требуется сухой волос, только самый сухой волос!..

— Кé-э-эк мы сейчас шлёпнемся о землю, — сказал тогда Волька деревянным голосом. — Кé-э-эк останется от нас только мокрое место!..

— Погоди, погоди! — проговорил, тяжело дыша, Жёня. — Главное, не терять спокойствия! На воздушных шарах что в таких случаях делают? На воздушных шарах в таких случаях бросают за борт балласт... Эх, прощайте, мой индийские бананчики!..

С этими словами он швырнул в невидимую бездну тяжёлую банановую гроздь.

Падѣние прекратилось, ковѣр взметнулся вверх, попал в воздушный поток и полетѣл вправо от прѣжняго курса.

Теперь Жѣнька, которому не терпелось разобраться в обстановке, шѣпотом осведомился у Вольки:

— Волька, а Волька, что это за старичок такой?

— Потѣм,— прошептѣл ему Волька в отвѣт.— Потѣм всё расскажѣ... Когда очѣтимся на землѣ... Понятно?

Жѣня пѣнял тѣлько, что пока по какой-то серьёзной причинѣ с расспросами слѣдует повременить.

Хотѣбыч невѣдомо откѣда достѣл ещё один халѣт, на этот раз для Жѣни, и все трѣе незамѣтно для себя задрѣмали.

ХVIII. БУДЬТЕ ЗНАКОМЫ!

Волька проснулся от мелодичнаго звѣна, походившаго на звон ламповых хрустѣльных подвѣсок. Спросѣнок ему было показѣлось, что это Хотѣбыч выдѣргивает свой волшебные волоски, но нет: старик, тихо посапывая, спал сном праведника. А звенѣли на свѣжем утреннем ветрѣ сосѣльки на его борѣде и обледенѣвшая бахромѣ коврѣ.

На востѣке поднимѣлось ослѣпительное блестящее солнце. Понемножку стѣло припекѣть. Растѣяли сосѣльки на борѣде Хотѣбыча, на бахромѣ коврѣ; растѣяла противная ледяная корка, которой покрѣлась вся его свободная от пассажирѣв поверхность.

Хотѣбыч повернулся на бѣчѣк, сладко зевнул и засѣпѣл тоненько-тоненько, словно в носѣ у него была какая-то свистѣлочка.

А Жѣня от сырости и тепла проснулся и, прильнув к озябшему ухѣ Вольки, прошептѣл:

— Кто же всё-таки этот старичок?

— Признавайся,— прошептѣл ему в отвѣт Волька, опасливо косясь на Хотѣбыча.— Хотѣл ты посудѣчить с ребятами насѣт моего экзѣмена по географии?

— А что?

— А то, что он этого не любит.

— Чего́ не лю́бит?
— А тогó, что́бы про
меня́ болта́ли лишнее.

— Фу-фу!

— Вот тебе́ и фу-фу!
Р-раз — и в каку́ю-нибудь
пусты́ню. У него́ это прóсто.

Жэ́ня недове́рчиво хмы́к-
нул.

Во́лька сно́ва бро́сил опа́-
сливый взгляд на Хотта́быча,
ещё́ б́лиже при́двинулся к Жэ́ниному у́ху:

— Ты мне ве́ришь, что я норма́льный?

— Стра́нный вопро́с!

— Что я совсе́м норма́льный...

— Факт.

— Так вот, верь не верь, а э́тот старичо́к — джинн, са́-
мый настоя́щий джинн из «Ты́сячи и одно́й но́чи»!

— Брось!

— И как раз он мне на экза́мене и напортил... Он под-
ска́зывал, а я до́лжен был, как по́пка, всё повто́рять...

— Он?!

— То́лько ни сло́ва ему́, что я засы́пался на экза́мене.
Он покля́лся погуби́ть учителей, е́сли они́ меня́ прова́лят.
И вот я всё верчу́сь, как про́клятый, что́бы спасти́ от его́
колдовства́ Варва́ру Степа́новну. Чуть что, отвлека́ю.
Ясно?

— Не о́чень.

— Все́ равно́ молчи́!

— Молчу́, молчу́! — задумчи́во прошепта́л Жэ́ня. —
Так, зна́чит, э́то он меня́ в Индию зашвырну́л?

— Ну да, он. И из Индии тебя́ то́же он... Он тебя́, е́сли
хо́чешь знать, забро́сил туда́, что́бы тебя́ там про́дали в
ра́бство.

Жэ́ня пры́снул:

— Меня́ в ра́бство?! Хо-хо-хо!

— Ти́ше, ещё́ разбу́дишь его́!

Но Волькино предостережение запоздало.

Хоттабыч раскрыл глаза, сладко зевнул:

— Доброе утро, о Волька. А этот отрок, заключаю я, и есть не кто иной, как друг твой Жёня?

— Да, будьте знакомы,— произнёс Волька таким тоном, словно дело происходило не на коврё-самолёте высоко над землёй, а где-нибудь в актовом зале их школы, и представил Хоттабычу своего вновь обретённого приятеля.

— Очень приятно,— церемонно промолвил Жёня.

А Хоттабыч маленечко помолчал, внимательно вглядываясь в Жёнино лицо, словно примеряясь, стоит ли этот отрок добрых слов. И, видимо удостоверившись, что Волька не ошибся в выборе друга, Хоттабыч улыбнулся самой широкой из своих улыбок:

— Нет границ моему счастью познакомиться с тобой. Друзья моего юного повелителя — лучшие мои друзья.

— Повелителя? — удивился Жёня.

— Повелителя и спасителя.

— Спасителя? — не удержался и громко фыркнул Жёня.

— Напрасно смеёшься,— строго остановил его Волька. — Тут ничего смешного нет.

И он вкратце рассказал Жёне обо всём, что уже известно нашим внимательным читателям.

ХІХ. ПОМІЛУИ НАС, О МОГУЩЕСТВЕННИЙ ВЛАДЫКА!

Дважды попадал в тот день ковёр-самолёт в густую облачность, и каждый раз уже почти совсем высохшая борода Хоттабыча снова отсыревала настолько, что нечего было думать и о самом простеньком чуде. Ну, хотя бы о таком, чтобы раздобыть немного пищи. А голод давал себя знать.

Даже Жёнин рассказ о том, что он пережил за последние сутки, не мог отвлечь наших воздухоплателей от мыслей о еде.

И, главное, полёту не было видно ни конца ни края.

Было голодно, скучно и очень неудобно. Ковёр словно застыл на месте — так медленно он летел и так однообразна была степь, расстилавшаяся глубоко под ними. Изредка внизу неторопливо проплывали городá, голубенькие ленточки рек, и снова тянулись степь, поля, поля, поля, покрытые уже пожелтевшим ковром созревших хлебов. Из этого обстоятельства Жёня сделал правильный вывод, что они пролетали над южными районами страны. Потом вдруг впереди и справа блеснула во весь горизонт бескрайняя полоса голубой воды, а слева — зубчатая линия очень далёких гор.

— Чёрное море! — воскликнули в один голос и Волька и Жёня.

— О горе нам! — вскричал Хоттабыч. — Нас несёт прямо в море!..

Но, к счастью, своенравный воздушный поток повернул ковёр чуть налево, на большой скорости зашвырнул его в густые облака и вместе с облаками помчал вдоль Кавказского побережья.

Сквозь окно в тучах Жёня успел заметить промелькнувший далеко под ними город Туапсе с пароходами, стоявшими на рейде у длинного, далеко вдавшегося в море причала.

Потом всё снова скрылось в густом тумане. Одежда и обувь наших путешественников опять — в который уже раз! — обильно пропитались влагой, а ковёр до того отяжелел, что резко, со свистом пошёл на снижение. В несколько минут облака остались далеко позади. Вскоре под ковром показались в ослепительных закатных огнях знаменитый город-курорт Сочи.

Всё более и более снижаясь, ковёр помчался над широкой и нарядной автострадой в Сочи — Мацеста. А с ковра нашим героям, оцепеневшим в ожидании теперь уже совсем близкого рокового конца, казалось, что это автострада, густо утыканная дворцами санаториев, стремительно мчится навстречу коври-самолёту.

Показался и тут же исчез красивый мост над очень глубокой и узкой долиной.

Вот уже совсем близко под ковром пронеслись верхушки деревьев. Казалось, опустить с ковра руку, и ты до них сможешь дотронуться.

Промелькнула под самым ковром-самолётом громада санатория, от которой бежали к морю вниз по крутому берегу две голубоватые ниточки рельсов фуникулёра.

Ещё несколько мгновений, и, подняв тучу брызг, ковер со всего хода шлёпнулся в бассейн для плавания санатория имени Орджоникидзе.

Кругом было пустынно и тихо. Был час ужина, и все отдыхающие отправились в столовую.

Пыхтя и отфыркиваясь, злополучные путешественники выбрались на берег бассейна.

— Могло быть хуже, — сказал Волька, с любопытством оглядываясь по сторонам.

— Ага, — сказал Жёня. — Могли за милую душу разбиться об какое-нибудь здание. Или об гору.

Хорошо ещё, что поблизости не было ни души. Присев на лежаки, которых было здесь великое множество, наши путешественники разделись, выкрутили мокрую одежду, кряхтя и зябко поживаясь, снова натянули её на себя и вьшли за сетчатую проволочную ограду бассейна.

— Мне бы только подсушить бороду, и всё бы устроилось наилучшим образом, — озабоченно промолвил Хоттабыч и на всякий случай потрогал её. — Ц-ц-ц! Она совсем сырая!..

— Пойдем кухню, — сказал Жёня. — Может быть, тебе позволят подсушиться у плиты.. Эх, сейчас бы кусо-

чек хлеба граммов на четыреста и граммов по двести любительской колбаски на брата...

— Или картошки горяченькой с маслом, — подхватил Волька.

— Вы разбиваете моё сердце, о юные мои друзья! — воскликнул в превеликой тоске Хоттабыч. — Ибо это по моей вине вы...

— Не по твоей, не по твоей! — успокоительно перебил его Волька. — Пошли искать кухню.

Они миновали опустевший теннисный корт, спустились вниз по асфальтированной дорожке, прошли под высокой аркой, и перед ними раскрылись во всём их великолэпии белоснежные, в колоннах здания шахтёрского санатория имени Орджоникидзе. Кру́глый фонтан, обширный,

как танцевальная площадка, с тяжёлым плёском вздымал на высоту трёхэтажного дома пышные пенистые струи воды. Окна центрального здания были ярко освещены.

— Мы погибли! — тихо воскликнул Хоттабыч. — Мы попали во владения богатейшего и могущественнейшего владыки... Сейчас появится стража, и нам отрубят головы... И во всём этом буду повинен я, и только я, о горе, о позор на мой седины!..

Жёня приснул со смеху, и Волька ткнул его кулаком в бок, чтобы он замолчал, не сердил старика.

— Какая такая стража? Какие головы? — возразил Волька Хоттабычу. — Обыкновенный санаторий... То есть, ну, не совсем обыкновенный, а очень хороший... Хотя тут, в Сочи, кажется, все такие.

— Я разбирался в дворцах, о Волька, когда не было на свете твоих прапрапрадедушек! Уж мне ли не знать, что сейчас набегит стража и... О горе нам, она уже бежит!..

Действительно, сейчас и ребята услышали — по ступенькам центрального здания быстро, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, спускался какой-то человек.

— Джафар! — крикнул тем временем кто-то, перевесившись через балюстраду¹ центрального здания. — Поищем вместе, после ужина!.. Никуда они на ночь глядя не пропадут!.. Джафар!..

— Вы слышали? — вскричал Хоттабыч, схватив Вольку и Жёню за руки, и что есть силы потащил их сначала на боковую аллею, а оттуда в кусты. — Вы слышали? Это кричал начальник стражи... Они будут нас искать вместе после ужина, и они нас разыщут... А борода моя полна воды, словно губка, и я бессилён, как ребёнок!..

В это время взгляд его упал на два полотёнца, белёвших на спинке садовой скамейки.

— Аллах! — восторженно воскликнул он и бросился к полотёнцам. — Вот что поможет мне осушить мою бороду! И тогда нам не страшна никакая стража!..

¹ Балюстрада — перила из фигурных столбиков (балюсин).

Он поднял сначала одно, потом другое полотенце и издал горестный стон:

— Аллах, они совсем влажные... А стража уже так близко!..

Он всё же принялся торопливо протирать полотенцем бороду.

За этим занятием его и застал огромного роста азербайджанец в роскошном тёмно-малиновом халате. Он возник из-за розовых кустов неслышно и неожиданно, как чёртик из коробки.

— Ага! — произнёс он довольно спокойно. — Они здесь. Скажи, дорогой, это твоё полотенце?

— Помилуй нас, о могущественный владыка! — хлопнулся на колени Хоттабыч. — Пусть уж мне одному отрубят голову, но эти отроки ни в чём перед тобою не виноваты... Отпусти их! Они ещё так мало прожили на свете...

— Хоттабыч, встань и не говори глупостей! — смущённо перебил его Волька. — При чём тут владыка? Это самый обыкновенный отдыхающий.

— Не встану, куда этот прекрасный и великодушный султан не обещает сохранить вам жизнь, о юные мои друзья!

Азербайджанец пожал могучими плечами:

— Дорогой гражданин, зачем обижаешь? Ну какой я султан? Я нормальный советский человек. — Он приосанился. — Я буровой мастер Джафар Али Мухаммедов. Баку знаешь?

Хоттабыч отрицательно мотнул головой.

— Бибі-Эйбат знаешь? — продолжал Мухаммедов.

Хоттабыч снова мотнул головой.

— Газеты читаешь? Ну, чего стоишь на коленях? Стыдно. Ой как стыдно и неудобно, дорогой!

Мухаммедов насильно поднял старика на ноги.

— Одну минуточку, товарищ! — заговорщически шепнул Волька, отводя Мухаммедова в сторону. — Вы на ста-

рика не обращайтесь особенно внимания. Он не совсем нормальный... А тут мы ещё так промокли...

— Ва! — обрадовался буровой мастер. — Вы тоже под дождь попали в горах? Я совсем мокрый пришёл, как мышь. Вай, вай, старик простудиться может! Дорогой человек, — подхватил он под руки Хоттабыча, который совсем было собрался снова хлопнуться на колени, — ты мне очень знаком, ты не из Ганджи будешь? Ты на моего папашу похож. Только мой папаша старше. Моему папаше уже восемьдесят третий год пошёл...

На это Хоттабыч запальчиво ответил:

— Да будет тебе известно, о державный властитель, что мне уже пошёл три тысячи семьсот тридцать третий год!

К чести Мухаммедова, он даже глазом не моргнул, услышав это заявление Хоттабыча. Он только понимающе кивнул Вольке, который ему усиленно подмигивал из-за спины Хоттабыча.

Прижав правую руку к сердцу, буровой мастер учтиво отвечал Хоттабычу:

— Конечно, дорогой, конечно. Но ты чудно сохранился. Пойдём согреемся, покушаем, отдохнём, а то ты ещё, не дай бог, простудишься... Ва, до чего ты мне моего папашу напоминаешь!

— Не смею ослушаться, о державнейший, — льстиво отвечивал Хоттабыч, нет-нет да и дотрагиваясь до своей бороды. Увы, борода была ещё очень-очень сыра.

Ох как беспокойно было у него на душе! Весь его опыт восставал против того, что владелец дворца может ни с того ни с сего позвать к своему столу безвестного старика с двумя отнюдь не роскошно одетыми отроками. Значит, здесь кроется какой-то подвох. Быть может, этот Джафар Али ибн Мухаммед нарочно заманивает их внутрь своего дворца, чтобы вдоволь над ними посмеяться, а потом, пресытившись издевательствами, велеть отрубить им головы или швырнуть их на растерзание в клетку с хищными зверями. Надо, ох как надо держать ухо востро!

Так размышлял Хоттабыч, подымаясь вместе с его юными друзьями по просторной лестнице в первый спальный корпус.

На лестнице и в коридоре не было ни души, и это только утвердило Хоттабыча в его подозрениях.

Мухаммедов ввёл их в свою палату, заставил Хоттабыча переодеться в пижаму и ушёл, предложив располагаться как дома:

— Я скоро вернусь, только распоряжусь насчёт кой-чего. Я сейчас.

«Понятно! — подумал Хоттабыч. — Знаем мы, насчёт чего и кому ты распорядишься, о коварный и лицемерный властелин! У тебя чёрствое сердце, чуждое состраданию... Отрубить головы таким славным отрокам!..»

А славные отроки тем временем осмотрелись в уютной палате.

— Ого! — обрадовался Волька. — Видишь?

Он поднял и поставил снова на столик заурядный комнатный вентилятор, который, однако, Хоттабыч видел впервые в жизни.

— Это вентилятор, — пояснил Волька. — Сейчас мы тебе подсушим бороду.

И в самом деле, через две минуты борода Хоттабыча была вполне годна к употреблению.

— Сейчас проверим, — промолвил хитрый старик таким тоном, словно он ничего и не задумал.

Он вырвал два волоска. И не успел ещё растаять в воздухе сопутствующий этому хрустальный звон, как наши друзья вдруг оказались километрах в пяти от санатория имени Орджоникидзе, на ещё не остывшей от дневного зноя гальке.

В двух шагах от них чуть слышно плескались тёплые иссиня-чёрные волны ласкового прибоя.

— Вот так будет лучше, — удовлетворённо пробормотал Хоттабыч и, прежде чем ребята успели пикнуть, выдрал ещё три волоска.

В то же мгновение перед нашими путешественниками

возник на гальке поднос с дымящейся жареной бараниной и ещё один поднос, поменьше, с фруктами и лепёшками. Затем Хоттабыч щёлкнул пальцами, и рядом с большим подносом оказались два причудливых бронзовых кувшина с шербетом.

— Вот это здорово! — воскликнул Жёня. — А наша одежда?

— Увы, я стал не по годам рассеян! — покритиковал себя Хоттабыч, вырвал ещё волосок — и одежда и обувь наших путешественников мгновенно высохли.

Больше того: одежда выглядела теперь так, словно её только что хорошенько отутюжили, а обувь наших юных друзей не только заблестела, но даже запахла самым дорогим сапожным кремом.

— И пусть теперь этот коварный властелин Джафар Али ибн Мухаммед приводит за нами в свой дворец сколько угодно стражи! — удовлетворённо промолвил старик, наливая себе чашку душистого ледяного шербета. — Птички улетели прямо из-под нога!

— Ну какой он властелин! — возмутился Бóлька. — Обыкновенный хороший человек. И пошёл он ни за какой ни за стражей, а принести нам покушать, если хочешь знать.

— Не учи меня, о Волька! — огрызнулся Хоттабыч, не на шутку огорченный тем, что его юные спутники и не думают благодарить его за спасение от смертельной опасности. — Мне ли не знать, как выглядят властелины и как они себя ведут! Знай, что нет более коварных людей, чем султаны!

— Да не султан он, а мастер, понимаешь, буровой мастер!

— Не будем спорить, о Волька, — хмуро отвечал старик. — Не пора ли нам перейти к трапезе?

— А пижама? — злорадно воскликнул Жёня, поняв, что старика в этом споре не переспоришь. — Ты унёс на себе казённую пижаму.

— Аллах! — огорчился Хоттабыч. — Я никогда не оквернял себя воровством.

Если бы отдыхающие санатория имени Орджоникидзе не находились в этот миг в залитой светом просторной столовой за ужином, они, возможно, увидели бы, как из тёмного неба, откуда-то со стороны Мацесты, вдруг промчались примерно на высоте третьего этажа самые заурядные полосатые пижама и пижамные брюки, влетели через раскрытый балкон в комнату Мухаммедова и сами по себе аккуратно повисли на той самой спинке стула, с которой совсем недавно снял их наш славный буровой мастер, чтобы переодеть продрогшего Хоттабыча.

Что же до Мухаммедова, то он, ещё не добравшись до столовой, начисто и навсегда забыл о старике и двух мальчиках, которых он только что оставил.

— Нашёл, — сказал он своему соседу по комнате. — Оба полотёнца нашёл. Мы их оставили на скамеечке, когда отдыхали.

Засим он поудобней уселся за стол и воздал должное ужину...

XX. ВОЛЬКА КОСТЫЛЬКОВ — ПЛЕМЯННИК АЛЛАХА

Мухаммедов ещё и не дотронулся до сладкого, когда облака, оставленные нашими путешественниками где-то между Туапсе и Сочи, доплыли наконец-то до города-курорта и разразились над ним стремительной, очень гулкой и весьма многоводной субтропической грозой.

Мгновенно опустели и улицы, и парки, и пляжи.

Вскоре гроза доползла и до того места, где, по милости Хоттабыча, предстояло провести ночь под открытым небом на берегу расшумевшегося Чёрного моря немногочисленному экипажу затонувшего в санаторном бассейне ковра-самолёта.

Хорошо ещё, что они вовремя заметили приближение грозы. Конечно, им несколько не улыбалось снова промокнуть до костей. Но в первую очередь надо было сохранить в сухом состоянии старикову бороду.

Проще всего было бы, разумеется, перелететь куда-нибудь подальше на юг, но в густом мраке южной ночи легко можно было со всего лёту разбиться о горы.

Они покуда что перешли под кусты и стали размышлять, куда деваться.

— Придумал! — возбуждённо вскричал на ноги Жёня. — Ей-богу, придумал!.. Нужно смазать бороду каким-нибудь жиром.

— Ну и что тогда? — пожал плечами старик.

— Тогда она не промокнет даже под водопадом, вот что тогда!

— Жёня прав, — согласился Волька, несколько досадуя, что не ему пришла в голову такая прекрасная научно вполне обоснованная мысль. — Хоттабыч, действуй!

Хоттабыч выдернул несколько волосков, порвал один из них на две части, и борода его покрылась тонким слоем превосходного пальмового масла.

Затем он порвал на две части другой волосок, и наши герои оказались в только что возникшей в обрывистом бе-

регú вполне благоустроенной и выложенной изнутри мрамором пещере. И покуда над Кавказским побережьем Чёрного моря весело грохотала тёплая июньская гроза, они, сидя на пышных коврах, насладились обильным ужином, а затѣм отлично, без снов проспáли до утра.

Их разбудило тихое посáпывание ласкового, прозрачного, как хрустáль, прибóя.

Давно рассвелó.

Сладко потягиваясь и позёывая, они вѣшли на зали-тый косými солнечными лучáми, ещё совсѣм пустынный пляж, и сразу, словно её и вóвсе никогда не было, бесследно исчезла приютѣвшая их нá ночь пещера.

Ребáта с наслаждѣнием плескáлись в прохладных утренних волнáх, когда со стороны Адлера высоко в небе послышалось далѣкое гудѣние моторов.

Поблѣсковая серебрѣстыми плоскостя́ми, летѣл над морем большой пассажирский самолёт.

— Э-э-эх! — мечтательно протянул Жѣня. — На этом бы самолёте да в Москвú.

— Мда-а, — согласился с ним Вóлька. — Очень даже неплохо было бы...

И тогда, не говоря ни слова, Хоттабыч извлѣк из кармана, что-то очень тоненькое, бѣленькое, похожее на тончайшую серебряную канитѣль, порвал её на несколько частей, и все трое вдруг оказáлись внутри самолёта, на удобных и простóрных откидных креслах.

Сáмое удивительное было то, что никто из пассажиров не обратил на них никакого внимáния, словно они летѣли наравне с остальными с сáмого начала, с Адлерского аэродрома.

— Хоттабыч, — шѣпотом осведомился Жѣня, — что ты там такое порвал, похожее на серебряную ниточку?

— Обыкновенный волос из моёй бороды, — с непонятным смущѣнием отвечáл Хоттабыч.

— Ты же его вынул из кармана.

— Я зарáнее вырвал волосóк из бороды и спрятал его в карман... на всякий слúчай... Простѣ меня, Жѣня, но я

не был уверен, что промасленная моя борода всё же не отсыреет...

— Ты не веришь в науку?! — поразился Жёня.

— Я достаточно сведущ в науках, — обиделся Хоттабыч, — но не знаю, какая это наука учит смазкой предохранять от порчи волшебную бороду. — Чтобы переменить разговор, он похвалил самолёт: — Сколь удобна и быстролеётна эта воздушная колесница! А поначалу я предполагал, что мы оказались внутри огромнейшей, поистине небывалой железной птицы, и немало тому удивился.

Дальнейшего разговора не получилось, потому что старика чутьнок, самую малость, укачало. Вернее сказать, его разморило. Он продремал в своём кресле всю дорогу и раскрыл глаза только совсем близко от Москвы.

Вниз под самолётом широко раскинулось Московское море.

Волька, сидевший рядом с ним, горделиво шепнул Хоттабычу:

— Это море сделал мой дядя.

— Море?! — неприятно поразился Хоттабыч.

— Море.

— Дядя?

— Дядя.

— Ты хочешь сказать, что ты племянник аллаха?

Старик был очень огорчён.

— Мой дядя — экскаваторщик. Он командир шагающего экскаватора. Некрасов Виктор Платонович. Он сейчас, если хочешь знать, Куйбышевское море копает.

— У-ух ты, благословеннейший! — вспыхнул Хоттабыч. — Я тебе так верил, о Волька! Я тебя так уважал!.. И вдруг ты мне так бессовестно... говоришь неправду!..

— Витя Некрасов твой дядя? — обрадовался сидевший позади них приземистый человек с обветренным широким лицом. — Нет, верно?

— Он мамин двоюродный брат.

— Чего же ты молчишь, парень! — восхитился спрашивавший. — У человека такой дядя, а он молчит! Ведь

это же золотой человек!.. Я как раз сейчас с Куйбышевского моря... Мы с ним на одном участке... Да мы с ним, если хочешь знать...

Больша мотнул головой на сумрачного Хоттабыча:

— А вот он не верит, что Московское море делал мой дядя.

— Ай-ай-ай, гражданин, нехорошо как! — стал тогда стыдить Хоттабыча знакомый Большиного дяди. — Как же это вы сомневаетесь в таком чудном человеке! Виктор Некрасов это море выкопал, другие копают. Третье потребуются — он и третье выкопает!.. Вы что ж, газет не читаете, что ли? Да вот, посмотрите, вот как раз тут, кстати, наша газета. — Он извлёк из видавшего вида портфеля газету и ткнул пальцем на фотографию. — Видите?

— Ой, дядя Витя! — обрадовался Больша. — Вы мне дадите эту газету? Я её маме подарю.

— Берё. Твоя, — великодушно сказал строитель. — Вы всё ещё сомневаетесь? — обратился он к присмирившему Хоттабычу. — Да вы прочитайте заголовок: «Славные творцы морей». Это как раз про его дядю.

— И про вас тоже? — спросил Жёня.

— Главное тут про Некрасова. Я что... Да вы читайте, гражданин!

Хоттабыч сделал вид, что читает. Ну в самом деле, не признаваться же ему было, что он неграмотен...

Вот почему, когда они следовали с аэродрома домой, Хоттабыч осведомился у своих юных друзей, не могут ли они научить его грамоте, ибо он чуть не сгорел со стыда, когда ему предложили прочитать слова «Славные творцы морей».

Договорились, что при первой представившейся возможности ребята научат Хоттабыча читать газеты. Старик хотел в первую очередь научиться читать именно газеты.

— Чтобы знать, где какое море строится, — пояснил он, застенчиво отводя в сторону свои диковатые добрые глаза.

XXI. КТО САМЫЙ БОГАТЫЙ

— Пойдём погуляем, о кристáлл моёй души,— сказа́л на друго́й день Хоттабыч.

— То́лько при одно́м усло́вии,— твёрдо заяв́ил Во́лька,— при усло́вии, что ты не бу́дешь бо́льше ша́рахаться от ка́ждого авто́буса, как дере́венская ло́шадь. Хотя́ пожа́луй, я напрáсно обидел дере́венских лошаде́й: они́ уже́ давно́ перестáли бо́яться маши́н. Да и тебе́ порá привы́кнуть, что э́то не джи́рджисы ка́кие-нибу́дь, а че́стные сове́тские дви́гатели вну́треннего сгора́ния.

— Слу́шаю и повиню́сь, о Во́лька ибн Алёша,— покóрно отве́чал стари́к.

— В тако́м слу́чае, повто́рай за мной: я бо́льше не бу́ду бо́яться...

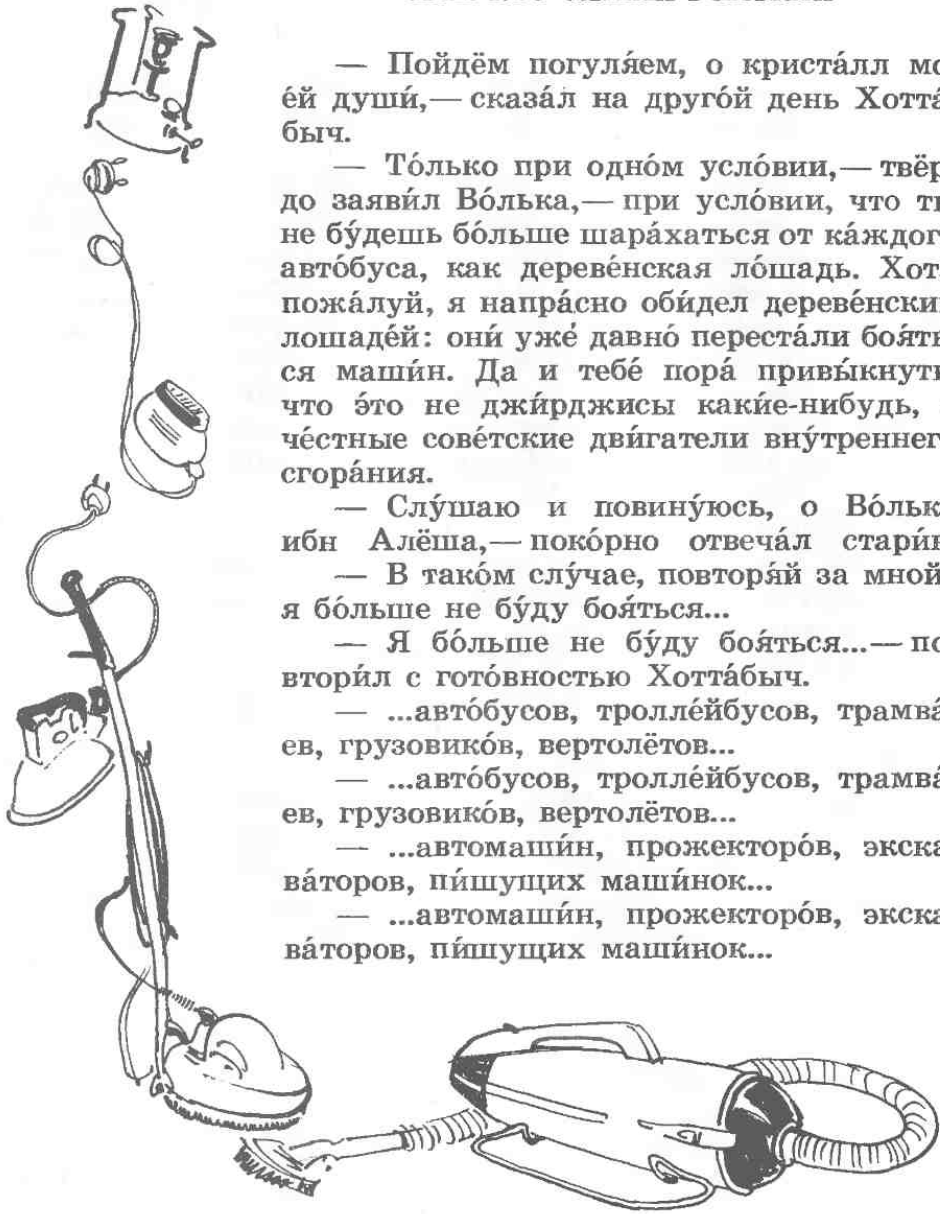
— Я бо́льше не бу́ду бо́яться...— повто́рил с гото́вностью Хоттабыч.

— ...авто́бусов, тролле́йбусов, трамва́ев, грузо́вико́в, вертолётóв...

— ...авто́бусов, тролле́йбусов, трамва́ев, грузо́вико́в, вертолётóв...

— ...автомаш́ин, прожекторóв, экска́ваторóв, пи́щущих маши́нок...

— ...автомаш́ин, прожекторóв, экска́ваторóв, пи́щущих маши́нок...

— ...патефо́нов, радиору́поров, пылесосов...

— ...патефо́нов, радиору́поров, пылесосов...

— ...электрических выключа́телей, прѣмусов, телеви́зоров, вентиляторов и рези́новых игру́шек «уйди́-уйди́».

— ...электрических выключа́телей, прѣмусов, телеви́зоров, вентиляторов и рези́новых игру́шек «уйди́-уйди́».

— Ну вот, как бу́дто и всё, — сказа́л Во́лька.

— Ну вот, как бу́дто и всё, — машина́льно повторѣл вслед за ним Хотта́быч, и оба рассмея́лись.

Что́бы закали́ть стари́ковы нѣрвы, онѣ раз два́дцать пересекли́ пешко́м са́мые оживле́нные городские́ перекре́стки, проѣхали на трамва́е мно́го остано́вок и наконѣц, утомле́нные, но дово́льные, залѣзли в авто́бус.

Онѣ ѣхали, блаже́нно пока́чиваясь на ко́жаных поду́шках сидѣний. Во́лька углуби́лся в чтѣние «Пионе́рской пра́вды», стари́к о чём-то ду́мал, изредка блаже́нно погля́дывая на свое́го ю́ного спутника́. Потомъ лицо́ Хотта́быча расплы́лось в дово́льной улы́бке: он, очеви́дно, придумал что́-то прия́тное.

Авто́бус довѣз их почти́ до са́мого до́ма. Вско́ре онѣ уже́ бы́ли в Во́лькиной ко́мнате.

— Зна́ешь что, о досто́йнейший из уча́щихся сре́дней шко́лы, — нача́л Хотта́быч сразу́, как то́лько онѣ закры́ли за собо́й дверь, — ты до́лжен был бы, на мой взгляд, быть холо́днее и сде́ржаннее в обра́щении с ю́ными обита́телями твое́го двора́. Повѣришь ли, се́рдце разрыва́лось у меня́ на ча́сти, когда́ я слы́шал, как онѣ встреча́ли тебя́ кри́ками: «Эй, Во́лька!», «Здорово, Во́лька!» и тому́ подобными, я́вно недосто́йными тебя́ возгласа́ми. Прости́ мне мою́ ре́зкость, благослове́ннейший, но ты соверше́нно напрасно́ распустѣл их. Ну кака́я онѣ рѣвня тебе́ — богате́йшему из богаче́й, не говоря́ уж о прѣчих твоѣх неисчисли́мых досто́инствах!

— Ну вот ещё! — удиви́ленно возра́зил ему́ Во́лька. — Онѣ мне как раз са́мая рѣвня, а одѣн да́же из восьмо́го класса́... И все мы соверше́нно одина́ково богаты́...

— Нет, э́то ты ошиба́ешься, о опаха́ло мое́й души́! —

торжествующе вскричал тогда Хоттабыч и подвёл Вольку к окну. — Смотри и убеждайся в правоте моих слов!

Перед глазами Вольки предстала удивительная картина.

Ещё несколько минут назад левую половину огромного двора занимали волейбольная площадка, большая куча жёлтого-прежёлтого песка на забаву самым маленьким обитателям дома, «гигантские шаги» и качели для любителей сильных ощущений, турник и кольца для тех, кто увлекается гимнастикой, и для всех жителей двора — одна длинная и две круглые клумбы, весело пестрившие ярчайшими цветами.

Сейчас вместо всего этого возвышались сверкающие громады трёх мраморных дворцов в древнеазиатском вкусе. Богатая колоннада украшала эти дворцы. На плоских крышах зеленели тенистые сады, а на клумбах алели, желтели и синели невиданные цветы. Капельки воды, бившей из роскошных фонтанов, играли в лучах солнца, как драгоценные камни.

У входа в каждый дворец стояло по два великана с громадными кривыми мечами в руках. Завидев Вольку, великаны, как по команде, пали ниц и громоподобными голосами приветствовали его. При этом из их ртов вырвались огромные языки пламени, и Волька невольно вздрогнул.

— Да не страшится мой юный повелитель этих существ, — успокоил его Хоттабыч, — это мирные ифриты, поставленные мною у входов для вящей¹ твоей славы.

Великаны снова пали ниц и, изрыгая пламя, покорно проревели:

— Повелевай нами, о могучий наш господин!

— Встаньте, пожалуйста! Я вас прошу немедленно встать, — сконфузился Волька. — Ну куда это годится — падать на колени! Прямо феодализм какой-то! Да встаньте вы наконец, и чтоб этого больше не было — этого прес-

¹ Для вящей; вящий — больший, более сильный.

мыкательства! Стыдно!.. Честное пионерское, стыдно!

Ифриты, недоумённо поглядывая друг на друга, поднялись на ноги и молча вытянулись в прежней напряжённой позе «на караул».

— Ну вот ещё что! — сказал Волька, всё ещё сконфуженный. — Пойдём, Хоттабыч, посмотрим твой дворцы.

— Это не мой дворцы. Это твой дворцы, — почтительно возразил старик, следуя за Волькой.

Но тот второпях пропустил слова Хоттабыча мимо ушей.

Первый дворец был целиком из драгоценного розового мрамора. Его восемь тяжёлых резных дверей, изготовленных из сандалового дерева, были украшены серебряными гвоздями и усыпаны серебряными звёздами и ярко-алыми рубинами.

Второй дворец был из голубоватого мрамора. В нём было десять дверей из редчайшего эбенового дерева. Они были украшены золотыми гвоздями и усыпаны алмазами, сапфирами и изумрудами.

Посреди этого дворца поблёскивал зеркальной гладью просторный бассейн, а в нём плескались золотые рыбы, каждая величиной с доброго осетра.

— Это вместо твоего маленького аквариума, — застенчиво объяснил Хоттабыч. — Мне кажется, что только таким аквариумом ты можешь пользоваться, не роняя своего высокого достоинства.

«Д-да, — подумал Волька, — попробуй-ка взять в руки такую золотую рыбку — без рук останешься».

— А теперь, — сказал Хоттабыч, — окажи мне честь и окинь благосклонным взором третий дворец.

Они вошли в чертоги третьего дворца, блиставшего такой роскошью, что Волька ахнул:

— Да ведь это влитое метро! Ну прямо станция «Комсомольская-кольцевая»!

— Ты ещё не всё видел, о благословенный! — расцвёл Хоттабыч.

Он вывел Вольку на улицу. Великаны взяли немедлен-

но мечи «на караул», но Хоттабыч, не обращая на них внимания, указал мальчику на полированные золотые доски, украшавшие сверху входы во дворцы. На каждой из них были высечены одни и те же надписи, от которых Вольку сразу бросило и в жар и в холод:

Дворцы эти принадлежат благороднейшему и славнейшему из отроков этого города, красавцу из красавцев, умнейшему из умных, преисполненному неисчислимым достоинством и совершенством, непобедимому и непревзойденному знатоку географии и прочих наук, первейшему из ныряльщиков, искуснейшему из пловцов и волейболистов, непобедимому чемпиону комнатного бильярда и пинг-понга — царственному юному пионеру Вольке ибн Алеше, да славится во веки веков имя его и имя его счастливых родителей.

— С твоего позволения, — сказал Хоттабыч, которого распирало от гордости и счастья, — я хотел бы, чтобы ты, поселившись в этих дворцах вместе с твоими родителями, уделил и мне уголок, дабы твое новое местожительство не отделяло меня от тебя и я имел бы возможность во всякое время выражать тебе своё глубокое уважение и преданность.

— Так вот, — ответил Волька после некоторого молчания, — во-первых, в этих надписях маловато самокритики.. Но это, в конце концов, не важно. Это не важно потому, что вывески вообще надо заменить другими.

— Я понимаю тебя и не могу не обвинить себя в недомыслии, — смутился старик. — Конечно, надо было сделать надписи из драгоценных камней. Ты этого вполне достоин.

— Ты меня неправильно понял, Хоттабыч. Я хотел бы, чтобы на доске было написано, что эти дворцы являются собственностью РОНО. Видишь ли, в нашей стране дворцы принадлежат РОНО, клубам или санаториям.

— Какому такому РОНО? — удивился старик.

Волька неправильно истолковал восклицание Хоттабыча.

— Всё равно какому, — простодушно ответил он, — но лучше всего Краснопресненскому. В этом районе я родился, вырос, научился читать и писать.

— Я не знаю, кто такой этот РОНО, — произнес Хоттабыч с горечью в голосе, — и вполне допускаю, что он достойный человек. Но разве РОНО освободил меня из тысячелетнего заточения в сосуде? Нет, это сделал не РОНО, а ты, прекраснейший отрок, и именно тебе, или никому, будут принадлежать эти дворцы.

— Но пойми же...

— И не хочу понимать! Или тебе, или никому!

Волька ещё никогда не видел Хоттабыча таким разъярённым. Его лицо побагровело, глаза, казалось, метали молнии. Видно было, что старик еле сдерживается, чтобы не обрушить свой гнев на мальчика.

— Значит, ты не согласен, о кристалл моей души?

— Конечно, нет. Зачем они мне дались, эти дворцы? Что я — клуб, учреждение какое-нибудь или детский сад?

— Иэхх! — горестно воскликнул тогда Хоттабыч и махнул руками. — Попробуем другое!..

В то же мгновение дворцы расплылись в своих очертаниях, заколыхались и растаяли в воздухе, как туман, развеванный ветром. С воплями взвились вверх и исчезли великаны...

XXII. ОДИН ВЕРБЛЮД ИДЕТ...

Зато теперь двор был полон тяжело нагруженных слонов, верблюдов и ослов. В раскрытые ворота продолжали прибывать все новые и новые караваны. Крики чернокожих погонщиков, одетых в белоснежные бурнусы¹, сливались с трубными звуками, которые издавали слоны, с воплями верблюдов, с рёвом ослов, с топотом сотен копыт,

¹ Бурнус — плащ из плотной шерстяной ткани с капюшоном.

с мелодичным позвякиванием колокольчиков и бубенцов.

Коротенький, до черноты загорелый человек в богатой шелковой одежде слез со слона, вышел на середину двора, троекратно ударил палочкой из слоновой кости по асфальту, и из мостовой вдруг забил мощный фонтан. Сейчас же погонщики с кожаными ведрами озабоченно выстроились в длинную очередь, и вскоре двор заполнился сопением, чмоканьем и пофыркиванием жадно пивших животных.

— Всё это твоё, о Волька! — воскликнул Хоттабыч, стараясь перекричать гам, стоявший за окном. — Прошу тебя, прими благосклонно мой скромный дар.

— Что — всё? — спросил оглушённый шумом Волька.

— Всё. И слоны, и верблюды, и ослы, и всё золото и драгоценности, груженные на них, и люди, состоящие при этих грузах и животных. Всё это твоё!

Час от часу становилось не легче. Только что Волька чуть не стал владельцем трёх роскошных, но совершенно ненужных ему дворцов. А сейчас он становился обладателем несметного количества драгоценностей, слоновладельцем и, так сказать, на сладкое — рабовладельцем!

Первую мыслью было умолить Хоттабыча убраться его никчемные дары, пока ещё никто их не заметил.

Но Волька сразу же вспомнил историю с дворцами. Если бы он потолквей повёл тогда разговор, можно было, пожалуй, сделать так, чтобы дворцы остались украшать собой город.

Одним словом, нужно было выиграть время для размышления и выработки оперативного плана.

— Знаешь что, Хоттабыч? — сказал он, стараясь говорить как можно непринуждённой. — А не покататься ли нам на верблюде, пока люди управятся с караваном?

— С радостью и удовольствием, — доверчиво отвечал старик.

Через минуту двугорбый корабль пустыни, величественно покачиваясь и надменно оглядываясь по сторонам, вышел на улицу, неся на своей спине взволнованного Вольку и Хоттабыча, который чувствовал себя как дома и томно обмахивался шляпой.

— Верблюд! Верблюд! — обрадовались ребяташки, выскочившие на улицу одновременно и в таком количестве, как будто для них было привычным делом ожидать в это время появления верблюдов.

Они тесным кольцом окружили невозмутимое животное, возвышавшееся над ними, как двухэтажный троллейбус над тележками с газированной водой. Какой-то мальчишка скакал на одной ноге и восторженно вопил:

Едут люди
На верблюде!..
Едут люди
На верблюде!..

Верблюд подошёл к перекрёстку как раз тогда, когда на светофоре загорелся красный свет. Не приученный к правилам уличного движения, он хладнокровно переступил жирную белую черту на мостовой, хотя перед нею было большими буквами написано: «Стоп!» Но напрасно Волька старался удержать хмурое животное по эту сторону черты. Корабль пустыни, спокойно перебирая ногами, продолжал свой путь прямо к милиционеру, который уже вытаскил из сумки квитанционную книжку для взимания штрафа.

Вдруг раздался громкий рёв сирены, заскрежетал тормоз, и под самым носом хладнокровно посапывавшего

верблюда остановилась голубая автомашина. Из неё выскочил шофёр и принялся честить и верблюда и обóих его седокóв.

Действительно, ещё секунда — и произошло бы неправимое несчастье.

— Попрошú поближе к тротуáру, — учтíво проговорил милиционёр и приложил рúку к козырькú.

— Стáшно подúмать, что могло бы случиться. Молодéц шофёр!..

— Милиционёр безусловно прав...

Бóлька почувствовал, что попал в неприятную историю. Он свёсился с верблюда и принялся нелóвко извиняться:

— Товáрищ милиционёр, я бóльше не бúду! Отпустите нас, пожа́луйста. Нам верблюда кормить порá... Ведь в пёрвый же раз...

— Ничегó не могу подéлать, — сúхо отвечал милиционёр. — В таких слúчаях все говорят, что в пёрвый раз.

Бóлька продолжáл свои тщётные попы́тки разжáлобить сурóвого милиционёра, когда вдруг почувствовал, что Хоттабыч дёрнул его за рука́в.

— О юный мой повелитель... — сказа́л Хоттабыч, хранивший до этого надмённое молчáние. — О юный мой повелитель, мне гру́стно видеть унижéния, на котóрые ты идёшь, для тогó чтóбы избáвить меня́ от неприятностей. Все эти люди недостóйны целовáть твои́ пýтки. Дай же им поня́ть про́пасть, отделяющую их от тебя́.

Бóлке с трудóм удалóсь застáвить верблюда подчиниться éтому роковóму распоряжéнию.

Срáзу собралась толпá. Начались разговоры и пересúды:

— Пёрвый раз вижу: в Москвё — и вдруг разъезжáют на верблюдах!..

— Подúмать тóлько — чуть-чуть несчастье не приключилось!..

— Неужто ребёнку нельзя́ на верблúде покатáться?..

— Никому не позволено нарушать правила уличного движения...

— А вы бы сами попробовали остановить такое гордое животное. Это вам, гражданин, не машина!..

— И откуда только люди в Москве верблюдов достают, уму непостижимо!

Волька в ответ только досадливо отмахнулся, но вдруг

почувствовал, что с ним повторяется та же история, что и во время экзамена по географии: он снова не был волен над своей речью.

Он хотел сказать:

«Товарищ милиционер, я очень прошу вас — отпустите меня. Я обещаю вам до самой смерти никогда не нарушать правил уличного движения».

Но вместо этой смиренной просьбы он вдруг заорал на всю улицу:

— Как ты смеешь, о презренный страж, задерживать меня в драгоценный час моей прогулки?! На колени! Немедленно на колени передо мною, или я učinю с тобой нечто страшное!.. Клянусь моей бородой!.. То есть его бородой!

Он мотнул головой в сторону Хоттабыча.

Хоттабыч при этих словах удовлетворённо осклабился и с достоинством поутюжил свою бороду.

Что же касается милиционера и окружающей толпы, то все они от неожиданности были даже не столько возмущены, сколько ошарашены этими наглыми словами.

— Я самый выдающийся отрок этого города! — продолжал Волька орать, изнывая от чувства собственного бессилия. — Вы недостойны целовать мой пятки!.. Только попробуйте целовать мой пятки!.. Я вам дам целовать мой пятки!.. Я красавец!.. Я умница!..

— Ладно, — хмуро отозвался милиционер, — в отделении разберутся, какой вы умница... и при чём тут окорок...

«Ой, что за чепуху я порю! Сущее хулиганство!..» — ужасался Волька, в то время как из его рта вылетали грозные слова:

— Горе тебе, осмелившемуся испортить доброе состояние моего духа! Останови же твои дерзкие речи, пока не поздно!..

В это время что-то отвлекло внимание Хоттабыча. Он перестал

нашёптывать Вольке свой нелепые высокомерные слова, и Волька, к которому на короткое время вернулась самостоятельность, умоляюще забормотал, низко свесившись с верблюда и жалостливо заглядывая своим слушателям в глаза:

— Товарищи!.. Граждане!.. Голубчики!.. Вы меня не слушайте... Разве это я говорю? Это он, этот старик, заставляет меня так говорить...

Но тут Хоттабыч снова взял нить разговора в свои руки, и Волька не переводя дыхания закричал:

— Трепещите же и не выводите меня из себя, ибо я страшен в гневе! Ух, как страшен!..

Он прекрасно понимал, что его слова никого не пугают, а только возмущают, а некоторые даже смешат, но ничего поделать не мог. Между тем чувство негодования и недоумения сменилось у тех, кто слушал Вольку, чувством беспокóйства за него. Было ясно, что в нормальном состоянии ни один советский школьник не вёл бы такие глупые и наглые речи.

И вдруг раздался в толпе взволнованный женский голос:

— Граждане! У ребёнка сильный жар!.. Мальчик ведь прямо дымится!

— Это ещё что за недостóйные слова! — прокричал в ответ Волька и с ужасом почувствовал, что вместе со словами из его рта вылетают большие клубы чёрного дыма...

Кто-то испуганно вскрикнул, кто-то побежал в аптеку вызвать «скорую помощь», и Волька, воспользовавшись создавшейся сумятицей, шепнул Хоттабычу:

— Гассан Абдурахман ибн Хоттаб! Приказываю тебе немедленно перенести верблюда вместе с нами подальше от этого места... Лучшее всего за город. А то нам худо будет... Слышишь? Не-мед-лен-но!..

— Слушаю и повинуюсь, — также шепотом ответил старик.

И в ту же секунду верблюд со своими седоками взвил-

ся в вóздух и исчёз, оста́вив всех в глубоча́йшем недоуме́нии.

А че́рез мину́ту он пла́вно сни́зился на окра́ине го́рода, где и был навсегда́ оста́влен пассажи́рами.

Он, очеви́дно, и по сей день пасё́тся где́-то в окрестно́стях. Его́ о́чень легкó узна́ть, е́сли он вам попаде́тся на глаза́: у него́ узде́чка вся усы́пана брилья́нтами и изумру́дами.

XXIII. ТА́ЙНСТВЕННАЯ ИСТО́РИЯ В ОТДЕЛЭ́НИИ ГОСБА́НКА

Когда́ они́ с Хотта́бычем верну́лись домо́й, у Во́лька, несмотря́ на все пережи́тые за́ день неприятности́, бы́ло припо́днятое настро́ение. Он наконец́ придумал, что сде́лать с несме́тными бога́тствами, свали́вшимися на него́ как снег на́ голову.

Пре́жде всего́ он спра́вился у Хотта́быча, мо́жет ли тот сде́лать всех э́тих погонщи́ков с их слона́ми, верблю́дами, ослáми и всей покля́жей невидимыми́ для посторо́нного гла́за.

— То́лько прикажи́, и всё бу́дет испол́нено мгнове́нно,— с гото́вностью отве́чал Хотта́быч.

— О́чень хорошо́,— сказа́л Во́лька.— В тако́м слúчае, сде́лай их, пожа́луйста, пока́ что невидимыми́, и дава́й ложиться́ спать. За́втра нам приде́тся встать с восхо́дом со́лнца.

— Слу́шаю и повиную́сь.

И вот гра́ждане, собра́вшиеся во дворе́, что́бы поглазе́ть на шумный́ и необы́чный карава́н, внеза́пно уви́дели, что двор соверше́нно пуст, и, срáзу позабы́в о карава́не, разошл́сь по домо́ам.

Во́лька на́скоро поужина́л, бы́стренько разде́лся и с наслажде́нием растяну́лся на прохладно́й постэ́ли.

А Хотта́быч, решивший́ свя́то соблю́дать старинные́ обы́чаи джи́ннов, преврати́лся в невидимку́ и улётсá у са́мого поро́га, что́бы охраня́ть поко́й своего́ ю́ного спаси́теля. Он совсе́м бы́ло уже́ собра́лся заве́сти степенную́ бесе́ду,

когда дверь неожиданно раскрылась, и бабушка, пришедшая, как всегда, попрощаться на ночь со своим внуком, споткнулась о невидимого Хоттабыча и шлёпнулась на пол.

— Ты понимаешь, тут что-то лежало у порога! — объяснила она прибежавшему на шум Алексею Алексеевичу.

— Где оно лежало, это что-то? — спросил её Алексей Алексеевич. — И кстати, как оно, это что-то, выглядело?

— Никак оно не выглядело, Алёшенька, — ответила старушка.

— Что ж ты это, мама, о пустое место споткнулась, что ли? — облегчённо рассмеялся Волькин отец, довольный, что бабушка несколько не пострадала при падении.

— Выходит, что о пустое место, сыночек, — растерянно отвечала бабушка и, в свою очередь, сконфуженно рассмеялась.

Отец и бабушка пожелали Вольке спокойной ночи и ушли.

А Хоттабыч благоразумно перебрался под Волькину кровать. Уж там-то никто на тебя не наступит. Да и к Вольке ближе.

Некоторое время оба наши героя лежали молча. Волька никак не мог решить, как начать предстоящий щекотливый разговор.

— Спокойной ночи! — доброжелательно произнёс Хоттабыч из-под кровати.

Волька понял, что пора начинать.

— Хоттабыч, — сказал он, свесив голову с кровати, — мне нужно с тобой немножко поговорить.

— Уж не насчёт ли сегодняшних моих даров? — опасно осведомился Хоттабыч и, получив утвердительный ответ, тяжело вздохнул.

— Видишь ли, дорогой Хоттабыч, мне хотелось бы знать, имею ли я право распоряжаться твоими подарками так, как мне заблагорассудится.

— Беспорно.

— И как бы я ими ни распорядился, ты не будешь на меня в обиде?

— Не буду, о Волька. Смёю ли я обидеться на человека, столь много сделавшего для меня!

— Если тебе не трудно, Хоттабыч, поклянись.

— Клянусь! — глухо промолвил под кроватью Хоттабыч, понимавший, что это всё неспроста.

— Ну, вот и хорошо! — обрадовался Волька. — Значит, ты не обидишься, если я скажу, что лично мне эти подарки совершенно ни к чему. Хотя я очень и очень тебе благодарен.

— О горе мне! — простонал в ответ Хоттабыч. — Ты снова отказываешься от моих даров... Но ведь это уже не дворцы! Ты видишь, о Волька: я больше не дарю тебе дворцов. Скажи просто: ты брезгуешь дарами твоего преданнейшего слуги.

— Ну рассуди сам, Хоттабыч, ведь ты очень умный старик: ну на что мне эта уйма драгоценностей?

— Чтобы быть богатейшим из богачей, вот для чего! — сварливо пояснил Хоттабыч. — Уж не скажешь ли ты, что тебе не угодно стать первым богачом своей страны? С тебя это стáнется, о капризнейший и непонятнейший из встречавшихся мне отроков! Деньги — это власть, деньги — это слава, деньги — это сколько угодно друзей! Вот что такое деньги!

— Кому нужны друзья за деньги, слава за деньги? Ты меня просто смехишь, Хоттабыч! Какую славу можно приобрести за деньги, а не честным трудом на благо своей родины?

— Ты забыл, что деньги дают самую верную и самую прочную власть над людьми, о юный и неисправимый спёрщик.

— В какой-нибудь Америке, но не у нас.

— Сейчас ты скажешь, что в вашей стране люди не хотят стать богаче. Ха-ха-ха! — Хоттабычу казалось, что он высказал очень едкую мысль.

— Нет, почему же, — терпеливо отвечал Волька. —

Человек, который приносит больше пользы для родины, зарабатывает у нас больше, чем тот, который приносит меньше пользы. Конечно, каждый хочет заработать больше, но только честным трудом.

— Пусть будет так, — сказал Хоттабыч. — Я очень далёк от того, чтобы толкать своего возлюбленного друга на нечестные заработки. Если тебе не нужны драгоценности, обрати их в деньги и давай эти деньги в рост. Согласись, это весьма почтенное занятие — давать деньги в рост тем, кто в них нуждается.

— Ты с ума сошёл! — возмутился Волька. — Ты просто не понимаешь, что ты говоришь! Советский человек — и вдруг ростовщик! Да и кто к нему пошёл бы, даже если бы где-нибудь вдруг завёлся такой кровосос? Если нашему человеку требуются деньги, он может обратиться в кассу взаимопомощи или занять у товарища. А ростовщик — это ведь кровосос, паразит, мерзкий эксплуататор, вот кто! А эксплуататоров в нашей стране нет и никогда не будет. Basta! Попили нашей крови при капитализме!

— Тогда, — не унимался несколько приунывший Хоттабыч, — купи побольше товаров и открой собственные лавки во всех концах города. Ты станешь именитым купцом, и все будут уважать тебя и воздавать почести.

— Да неужели тебе не понятно, что частник — это тот же эксплуататор? Торговлей у нас занимается государство, кооперация. А зарабатывать себе деньги, торгуя в собственном магазине...

— Хм! — Хоттабыч сделал вид, будто согласился. — Предположим, что это так, как ты говоришь. А производить разные товары — уж это, надеюсь, честное занятие?

— Безусловно! Вот видишь, — обрадовался Волька, — ты начинаешь понимать мою мысль!

— Очень рад, — кисло улыбнулся Хоттабыч. — Помнится, ты мне как-то говорил, что твой глубокоуважаемый отец работает мастером на заводе. Так ли я говорю?

— Угм!

— Он самый главный на этом заводе?

— Нет, не самый. Папа — мастер, а ещё над ним есть начальник цеха, главный инженер, директор.

— Ну так вот, — победоносно заключил свою мысль Хоттабыч, — на богатства, которые я тебе дарю, ты сможешь купить своему превосходному отцу завод, на котором он работает, и ещё много разных других заводов.

— Он и так принадлежит отцу.

— Но ведь ты только что сам говорил, Волька ибн Алёша...

— Ему, если хочешь знать, принадлежат и завод, на котором он работает, и все другие заводы и фабрики, и все шахты, рудники, железные дороги, земли, воды, горы, лавки, школы, университеты, клубы, дворцы, театры, парки и кино всей страны. И мне они принадлежат, и Женьке Богораду, и его родителям, и...

— Ты хочешь сказать, что у отца твоего имеются компаньоны?

— Вот именно — компаньоны! Свыше двухсот миллионов равноправных компаньонов! Столько же, сколько населения в нашей стране!

— У вас очень странная и непонятная для моего разума страна, — буркнул Хоттабыч из-под кровати и замолк...

На рассвете следующего дня телефонный звонок поднял с постели заведующего районным отделением Государственного банка. Заведующего экстренно вызывали в контору.

Взволнованный таким ранним звонком, он примчался к месту работы и увидел во дворе дома, где помещалось отделение банка, множество слонов, верблюдов и ослов, нагруженных тяжёлыми тюками.

— Тут один гражданин хочет внести вклад, — сообщил ему растерянный дежурный.

— Вклад? — удивился заведующий. — В такую рань?.. Какой вклад?..

В отвѣтъ на это дежурный молча протянул заведующему исписанный твердым детским почерком листок из ученической тетради. Заведующий прочитал бумажку и попросил дежурного ущипнуть его за руку. Дежурный растерянно выполнил эту просьбу. Заведующий поморщился от боли, снова посмотрел на листок и промолвил:

— Невероятно! Просто невероятно!

Гражданин, пожелавший остаться неизвестным, подарил Государственному банку на любые нужды, по усмотрению последнего, двести сорок шесть тюков золота, серебра и драгоценных камней общей стоимостью в три миллиарда четыреста шестьдесят семь миллионов сто тридцать пять тысяч семьсот три рубля восемнадцать копеек.

Эта сумма могла получиться на несколько десятков рублей больше, но Волька оставил у себя три золотые монеты, чтобы заказать для бабушки золотые коронки на зубы...

Но самое удивительное случилось минутой позже. Сначала животные, на которых привезли сокровища, потом люди, которые привели животных, а потом привезенные на этих животных сокровища вдруг заколебались, стали прозрачными, как пар, и, как пар, растаяли в воздухе. Свежий утренний ветерок вырвал из рук изумленного заведующего листок с заявлением, взметнул его высоко над зданием и унес в неизвестном направлении. Впрочем, вскоре этот листок влетел сквозь открытое окно в комнату, в которой спал сном праведника Волька Костыльков, врос в тетрадку, из которой недавно был вырван, и снова стал совершенно чистым.

Но и это еще не всё. Уже совершенно непостижимо, как это получилось, но ни работники районного отделения Госбанка, ни Волькины соседи по двору, ни даже сам Волька ни разу впоследствии не вспомнили об удивительном караване. словно кто-то начисто стёр его из их памяти.

XXIV. СТАРИК ХОТТАБЫЧ И СИДОРЁЛЛИ

На старика было просто жалко смотреть. Целый день он отсиживался в аквариуме, ссылаясь на то, что у него якобы разыгрался ревматизм. Конечно, это было нелепым объяснением, ибо глупо с ревматизмом забираться в воду.

Хоттабыч лежал на дне аквариума, лениво шевеля плавниками и вяло глотая воду. Когда к аквариуму подходил Волька или Жёня, старик уплывал к задней стенке, весьма невежливо поворачиваясь к ним хвостом. Правда, когда Волька отлучался из комнаты, Хоттабыч вылезал из воды, чтобы немножко размяться.

Но, едва слышав Волькины шаги, он с тихим плёском кидался в аквариум, словно и не думал его покидать. Ему, очевидно, доставляло какое-то горькое удовлетворение, что Волька то и дело начинал упрашивать его вылезть из воды и перестать дуться. Всё это старик выслушивал, повернувшись к мальчику хвостом. Стоило, однако, его юному другу развернуть учебник географии, чтобы подзаняться к переэкзаменовке, как Хоттабыч наполовину высывался из аквариума и горько упрекал Вольку в бесчувственности. Дёскать, как это можно заниматься разными пустяками, когда такой старый джинн так мучается ревматизмом.

Но лишь Волька закрывал учебник, старик снова поворачивался к нему хвостом. Так продолжалось до самого вечера. В начале восьмого он резко взмахнул плавниками и выпрыгнул на пол. Отжав воду из бороды и усов и быстро высушив их у весело гудевшего настольного вентилятора, он сдержанно промолвил обрадованному Вольке:

— Ты меня очень обидел отказом от моих скромных подарков. Твоё и моё счастье, что я обещал тебе не обижаться. Но я обещал не обижаться на тебя, и я не питаю поэтому к тебе никакой обиды, ибо я понял, кто истинный виновник огорчений, которые ты мне, сам того не желая, причиняешь. Наставники твой — вот корень зла! Варвара Степановна, а не ты — юный и неопытный отрок — отве-

тит мне по́лно́й ме́рой за всю го́речь послéдних дней, и я её, недостóйную ту Варва́ру дочь Степа́на, сейча́с...

Он вы́рвал срáзу че́тыре волоска́ из боро́ды: гото́вилось не́что из ря́да вон выхо́дящее.

— Что ты, что ты, Хотта́быч, ми́ленький, доро́гой! — залепе́тал Во́лька и пра́мо-таки по́вис на ру́ках у разъя́рившегося джи́нна.—

Варва́ра Степа́новна ниско́лечко в э́том не ви́новата!.. Че́стное пионе́рское!.. Э́то всё я сам...

— Нет, ви́новата, ви́новата, ви́новата! — бубни́л Хотта́быч, пыта́ясь вы́простать свои́ ру́ки.

— Не ви́новата, не ви́новата, че́стное пионе́рское, не ви́новата!.. — испу́ганно возража́л Во́лька, лихора́дочно придумы́вая, чем бы ему́ отвле́чь от Варва́ры Степа́новны расви́репéвшего джи́нна. — Зна́ешь что?.. Зна́ешь что?.. — Он на́конец придумáл: — Пойдём в цирк, а? Ну, Хотта́быч, ну, ми́ленький!.. Пойдём в цирк! Нам с Же́ней нипочём не доста́ть билéтов, а тебе́ э́то ниче́го не сто́ит... То́лько ты мо́жешь нам помо́чь попа́сть в цирк... Ты та́кой всемо́гущий, ты та́кой уди́вительно всемо́гущий!..

Ста́рик был о́чень любопы́тен, па́док на лесть, а гла́вное, не в приме́р други́м джи́ннам, о́чень отхо́дчив.

— А что ты назывáешь э́тим смешны́м сло́вом, напоми́нающим чи́рикание воро́бья? — Глаза́ Хотта́быча пы́ливо загоре́лись. — Ры́нок ли э́то, на кото́ром торго́ют попуга́ями и други́ми ди́ковинными перна́тыми? Да бу́дет тебе́ изве́стно, что к пти́цам я равноду́шен. Я да́вно пре́сщён лице́зрением попуга́ев.

— Что ты! Это в тысячу раз интересней! Что я говорю в тысячу — в миллион, миллион миллионов раз!..

Хоттабыч сразу забыл о Варваре Степановне. Его глаза загорелись азартным блеском.

— С радостью и удовольствием, о Волька. И знаешь что? Давай поедем туда на верблюде, даже лучше того — на слоне. Представь только, как все будут тебе завидовать.

— Нет, что ты! Не стоит тебе затрудняться, — возразил Волька с подозрительной поспешностью. — Давай лучше, если ты не боишься, поедем на троллейбусе.

— А чего тут бояться? — обиделся старик. — Я уже четвертый день без страхазираю на эти железные повозки.

Через полчаса Волька, Жёня и Хоттабыч были в Парке культуры и отдыха, у входа в цирк шапито.

Старик сбегал к кассе поинтересоваться, как выглядят билеты, по которым пускают в цирк, и вскоре и у него, и у Вольки, и у Жёни сами по себе возникли твёрдые бледно-розовые пропуска на свободные места.

Они вошли в цирк, залитый светом множества ярких электрических ламп.

В одной из лож, около самой арены, было как раз три свободных стула, но Хоттабыч решительно высказался против этих мест.

— Я не могу согласиться, — сказал он, — чтобы хоть кто-нибудь в этом помещении сидел выше меня и моих глубокочтимых друзей. Это было бы ниже нашего достоинства.

Спорить со стариком было совершенно бесполезно, и ребята крепя сердце уселись на самой верхотуре, в последнем ряду амфитеатра.

Вскоре выбежали униформисты¹ в малиновых, расшитых золотом ливреях и выстроились по обе стороны выхода на арену.

¹ Униформистами называются сотрудники цирков, обслуживающие манеж и занятые постановкой и уборкой реквизита, то есть предметов, используемых артистами во время представлений.

Ведущий программу зычным голосом объявил начало представления, и на арену выехала наездница, вся усыпанная блёстками, как ёлочный дед-мороз.

— Ну как, нравится? — спросил Волька у Хоттабыча.

— Не лишено интереса и для глаза приятно, — осторожно ответил старик.

За наездницей последовали акробаты, за акробатами — клоуны, за клоунами — дрессированные собачки, вызвавшие сдержанное одобрение Хоттабыча, за собачками — жонглёры и прыгуны. На прыгунах закончилось первое отделение.

Обидно было уходить из цирка, но дома ждал учебник географии, раскрытый ещё на самых первых страницах.

Волька тяжело вздохнул и шепнул Жёне на ухо:

— Ну, я пошёл, а ты постарайся удержать его часочка два хотя бы. Погуляй с ним после цирка, что ли...

Но Жёня многозначительно, с расстановкой вполголоса промычал в нос:

— Надо нам всем троим уходить, всем нам троим... Здесь ВЭ ЭС, здесь ВЭ ЭС!

И чуть заметно кивнул в сторону бокового прохода.

Волька обернулся и похолодел: по крутым ступенькам бокового прохода спускалась в фойе Варвара Степановна со своей пятилетней внучкой Ирришей.

Мальчики, не сговариваясь, вскочили на ноги и стали перед ничего не подозревавшим стариком так, чтобы заслонить от него свою классную руководительницу.

— Знаешь что, Хоттабыч, — с трудом выдавил из себя Волька, — пошли домой, а?.. Здесь сегодня совсем неинтересно.

— Ага, — подхватил Жёня, которого от беспокойства за Варвару Степановну трясло как в лихорадке, — верно, пошли... Погуляем по парку... и так далее...

— Что вы, о юные мои друзья! — простодушно отвечал Хоттабыч. — Мне никогда ещё не было так занятно, как в этом поистине волшебном шатре. Знаете что, уходите, а я

вернётся к вам, лишь только закончится это столь увлекательное представление.

Только этого и не хватало: оставить Варвару Степановну наедине с ненавидящим её джинном!

Надо было во что бы то ни стало занять его внимание до начала второго отделения. А тогда Хоттабыча не отрывать от того, что будет происходить на манеже. Словом, надо было наисрочнейшим образом что-нибудь придумать, а Волька с перепагу за Варвару Степановну совсем растерялся. У него даже начали пощёлкивать зубы, что уже стало интересовать Хоттабыча, которому до всего было дело.

— Так вот что, Хоттабыч, — нашёлся наконец не Волька, а Жёня. — Одно из двух: или учиться, или не учиться!

И Волька и Хоттабыч посмотрели на него с одинаковым недоумением.

— Я говорю в том смысле, — пояснил им обоим Жёня, — что раз мы с Хоттабычем договорились, что будем обучать его грамоте, то надо использовать каждую свободную минуту для учёбы. Верно я говорю, Хоттабыч?

— Твоё трудолюбие достойно высочайших похвал, о Жёня,— растроганно отвечал Хоттабыч.

— А раз так, так вот тебе в руки цирковая программа, и мы немедленно начинаем по ней изучать с тобой азбуку. До конца антракта...

— С радостью и удовольствием, о Жёня!

Жёня развернул программку и ткнул пальцем в первую попавшуюся букву «А».

— Вот это буква «А». Понятно?

— Понятно, о Жёня.

— Значит, какая это буква?

— Это буква «А», о Жёня.

— Правильно. Разыщи мне здесь во всех строчках букву «А».

— Вот это буква «А», о Жёня.

— Замечательно! А ещё где?

— Вот, и вот, и вот, и вот, и вот, и вот...

Хоттабыч не на шутку увлёкся учёбой. Ни на что другое он уже не обращал внимания.

К тому времени, когда закончился перерыв, публика вновь расселась по своим местам и снова включили полный свет, Хоттабыч успел освоить все буквы алфавита и читал по складам:

— «Ак-ро-бат с под... с под-кид-ной сет-кой...»

— Знаешь, Хоттабыч,— воскликнул Жёня с неподдельным восхищением,— у тебя совершенно замечательные способности!..

— А ты думал! — отозвался Волька.— Это, брат, такой талантливый джинн, каких свет не видал!

А Хоттабыч упоённо читал:

— «Труп-па ак-ро-ба-тов-пры-гу... пры-гу-нов под руко-вод-ством Фи-лип-па Бе-лых». Это мы уже видели. «На-ча-ло ве-чер-них пред-став-ле-ний в во-семь ча-сов ве-чера. Нача-ло ут-рен-них пред-став-ле-ний в две-на-дцать часов дня». О юные мои учителя, я прочёл всю программу. Значит ли это, что я сумею теперь читать и газеты?

— Конечно!.. Факт! — подтвердили ребята.

А Волька добавил:

— Сейчас мы с тобой попробуем прочитать вон те приветствия, которые висят над оркестром.

Но как раз в это время подошла девушка в кокетливом белом передничке, с большим подносом в руках.

— Эскимó не потребуется? — спросила она у старика, и тот, в свою очередь, вопросительно посмотрел на Вольку.

— Возьми, Хоттабыч, это очень вкусно. Попробуй!

Хоттабыч попробовал, и ему понравилось. Он угостил ребят и купил себе ещё одну порцию, потом ещё одну и наконец, разохотившись, откупил у обомлевшей продавщицы сразу всё наличие эскимó — сорок три кругленьких, покрытых нежной изморозью пакетика с мороженым. Девушка обещала потом прийти за подносом и ушла вниз, то и дело оборачиваясь на удивительного покупателя.

— Ого! — подмигнул Жёня своему приятелю. — Старик дорвался до эскимó.

В какие-нибудь пять минут Хоттабыч уничтожил все сорок три порции. Он ел эскимó, как огурцы, сразу откусывая большие куски и смачно похрустывая. Последний кусок он проглотил в тот момент, когда в цирке снова зажглись все огни.

— Мировой... комбинированный... аттракцион!.. Артист государственных цирков Афанасий Сидорелли!

Все в цирке зааплодировали, оркестр заиграл туш, и на арену, улыбаясь и раскланиваясь во все стороны, вышел невысокого роста пожилой артист в расшитом золотыми драконами синем шелковом халате. Это и был знаменитый Сидорелли. Пока его помощники раскладывали на маленьком лакированном столике всё, что было необходимо для первого фокуса, он продолжал раскланиваться и улыбаться. При улыбке у него ярко поблёскивал во рту золотой зуб.

— Замечательно! — прошептал завистливо Хоттабыч.

— Что замечательно? — спросил Волька, изо всех сил хлопая в ладоши.

— Замечательно, когда у человека растут золотые зубы.

— Ты думаешь? — рассеянно спросил Волька, следя за начавшимся номером.

— Я убеждён в этом, — ответил Хоттабыч. — Это очень красиво и богато.

Сидорелли кончил первый номер.

— Ну как? — спросил Волька у Жёни таким тоном, будто он сам проделал этот фокус.

— Замечательно! — восторженно ответил Жёня, и Волька тут же громко вскрикнул от удивления: у Жёни оказался полный рот золотых зубов.

— Ой, Волька, что я тебе скажу! — испуганно прошептал Жёня. — Ты только не пугайся: у тебя все зубы стали золотые.

— Это, наверно, работа Хоттабыча, — сказал с тоской Волька.

И действительно, старик, прислушивавшийся к разговору приятелей, утвердительно кивнул головой и просто душно улыбнулся, открыв при этом, в свою очередь, два ряда крупных, ровных золотых зубов.

— Даже у Сулеймана ибн Дауда — мир с ними обоими! — не было во рту такой роскоши! — хвастливо сказал он. — Только не благодарите меня. Уверю вас, вы достойны этого небольшого сюрприза с моей стороны.

— Да мы тебя и не благодарим! — сердито бросил Жёня.

Но Волька, испугавшись, как бы старик не разгневался, дернул приятеля за рукав, и тот вовремя прикусил язык.

— Понимаешь ли, Хоттабыч, — начал он дипломатично, — это слишком будет бросаться в глаза, если сразу у всех нас троих, сидящих рядом, все зубы окажутся золотыми. На нас будут смотреть, и мы будем очень стесняться.

— И не подумай стесняться, — сказал Хоттабыч.

— Да, но вот нам как-то будет всё-таки не по себе. У нас пропадёт всё удовольствие от цирка.

— Ну и что же?

— Так вот, мы тебя просим, чтобы, пока мы вернёмся домой, у нас были во рту обычные, костяные зубы.

— Восхищаюсь вашей скромностью, о юные мои друзья, — сказал немного обиженно старик.

И ребята с облегчением почувствовали, что во рту у них прежние, природные зубы.

— А когда вернёмся домой, они снова станут золотыми? — с беспокойством прошептал Жёня.

Но Волька тихо отвечал:

— Ладно, потом увидим... Может, старик про них позабудет.

И он с увлечением принялся смотреть головокружительные фокусы Афанасия Сидорелли и хлопать вместе со всеми зрителями, когда тот из совершенно пустого ящика вытаскивал сначала голубя, потом курицу и, наконец, мохнатого весёлого белого пуделя.

Только один зритель во всём цирке не высказывал фокуснику никаких признаков одобрения. Это был Хоттабыч. Ему было очень обидно, что фокуснику хлопали по всякому пустяковому поводу, а он, проделавший со времени освобождения из сосуда столько чудес, ни разу не услышал не только аплодисментов, но и ни одного искреннего слова одобрения.

Поэтому, когда снова раздались рукоплескания и Сидорелли начал раскланиваться во все стороны, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб огорчённо крикнул и, невзирая на протесты зрителей, полёз через их головы на арену.

Одобрительный рокот прошёл по цирку, а какой-то солидный гражданин сказал соседке:

— Я тебе говорил, что этот старик — «рыжий». Это, видно, очень опытный клоун. Смотри, как он себя потешно держит. Они иногда нарочно сидят среди публики.

К счастью для говорившего, Хоттабыч ничего не слышал, целиком поглощённый наблюдениями за Сидорелли. Тот как раз в это время начал самый удивительный из своих номеров.

Прежде всего знаменитый иллюзионист зажёт несколько очень длинных разноцветных лент и запихал их себе в рот. Потом он взял в руки большую, ярко раскрашенную миску с каким-то веществом, похожим на очень мелкие древесные опилки. До отказа набив себе рот этими опилками, Сидорелли стал быстро размахивать перед собой красивым золотистым веером.

Опилки во рту затлели, потом появился небольшой дымок, и, наконец, когда в цирке погасили электричество, все увидели, как в темноте из рта знаменитого фокусника посыпались искры и даже показалось небольшое пламя.

И тогда среди бури рукоплесканий и криков «браво» раздался вдруг возмущённый голос старика Хоттабыча.

— Вас обманывают! — кричал он, надрываясь. — Это никакие не чудеса! Это обыкновенная ловкость рук!

— Вот это «рыжий»! — восхищённо воскликнул кто-то из публики. — За-ме-ча-тель-ный «рыжий»! Браво, «рыжий»!..

И все зрители, кроме Вольки и его друга, дружно зааплодировали Хоттабычу.

Старик не понимал, о каком «рыжем» кричат. Он терпеливо переждал, когда кончатся вызванные его появлением рукоплескания, и язвительно продолжал:

— Разве это чудеса?! Ха-ха!..

Он отодвинул оторопевшего артиста в сторону и для начала изверг из своего рта один за другим пятнадцать огромных разноцветных языков пламени, да таких, что по цирку сразу пронёсся явственный запах серы.

С удовольствием выслушав аплодисменты, Хоттабыч щёлкнул пальцами, и вместо одного большого Сидорелли по низенькому барьеру манежа побежали один за другим семьдесят два маленьких Сидорелли, похожих на знаменитого фокусника как две капли воды. Пробежав несколько кругов,

они слились в одного большого Сидорелли, как сливается в одну большую каплю много маленьких капелек ртути.

— Это ещё не всё! — громовым, нечеловеческим уже голосом прокричал Хоттабыч, разгоряченный всеобщим одобрением, и стал вытаскивать из-под полы пиджака целые табуны разномастных лошадей.

Лошади испуганно ржали, били копытами, мотали головами, развевая при этом свои роскошные шелковистые гривы. Потом, по мановению руки Хоттабыча, лошади пропали, из-под полы пиджака выскочили один за другим, грозно рыча, четыре огромных берберийских льва и, несколько раз пробежав вокруг арены, исчезли.

Дальше Хоттабыч действовал уже под сплошные рукоплескания.

Вот он махнул рукой, и всё, что было на арене: и Сидорелли, и его помощники, и разнообразный и многочисленный его реквизит, и нарядные, молодежавшие униформисты, — всё это в одно мгновение взвилось вверх и, проделав несколько прощальных кругов над восхищенными зрителями, тут же растаяло в воздухе.

Неизвестно откуда возник на манеже огромный лопухий африканский слон с веселыми, хитрыми глазками; на его спине — слон поменьше; на втором — третий, ещё меньше; на третьем — четвертый... Последний, седьмой, под самым куполом, был не больше овчарки. Они разом затрубили, высоко подняв хоботы, хлопнули, как по команде, своими обвислыми ушами и улетели, размахивая ими, как крыльями.

Тридцать три оркестранта с веселыми криками вдруг сгрудились в одну кучу, огромным комом скатились вниз с площадки на манеж. Этот ком катился по барьеру, постепенно уменьшаясь в объеме, пока наконец не достиг величины горошины. Тогда Хоттабыч поднял его, положил себе в правое ухо, и из уха понеслись сильно приглушенные звуки марша.

Затем старик, который еле держался на ногах от возбуждения, как-то по-особому щелкнул пальцами обеих

рук, и все зрители один за другим стали со свистом срываться со своих мест и пропадать где-то далеко под куполом.

И вот наконец в опустевшем цирке остались только три человека — Хоттабыч, устало присевший на барьер арены, и Волька с приятелем, кубарем скатившиеся к старику из последнего ряда амфитеатра.

— Ну как? — вяло спросил Хоттабыч, с трудом приподнимая голову и глядя на ребят странными, помутившимися глазами. — Это вам не Сидорелли! А?..

— Куда ему до тебя! — отвечал Волька, сердито моргая Жёне, который всё порывался попросить о чём-то старика.

— Терпеть не могу обманщиков! — пробормотал вдруг Хоттабыч с неожиданным ожесточением. — Выдавать за чудеса обыкновенную ловкость рук!.. Да ещё в моём присутствии!..

— Но ведь он не знал, что здесь присутствует такой могущественный и мудрый джинн, — вступился Жёня за Сидорелли. — Да он и не говорил, что это чудеса. Он вообще ничего не говорил.

— Там написано... Там, в программке... Ты же сам слышал, как я читал: «Чудеса иллюзионной техники».

— Так иллюзионной же, ил-лю-зи-он-ной! Это же понимать надо.

— А какие были рукоплескания! — с удовольствием вспоминал старик. — А вот от тебя, о Волька, я ещё ни разу не слышал не только рукоплесканий, но и простого одобрения... Нет, слышал, но по какому-то совершенно пустяковому чуду; я его даже за чудо не считаю... И всё эта злокозненная Варвара Степановна! Это она научила тебя пренебрегать моими дарами! Не возражайте, о юные мои друзья, она, она!.. Такие чудесные дворцы!.. Такой дивный караванчик!.. Такие верные и здоровые рабы!.. Такие верблюдики!.. И вот эта злокозненная Варвара Сте...

Но тут, к счастью для клáссной руководительницы наших юных героев, в поле зрénия Хоттабыча попал длинный транспарáнт, висевший над площадкой оркэстра. Глазá егó, до этóго помутившиеся, снова принýали осмысленное выражéние, на лицé появилась слáбая улыбка, и он с удовóльствием человека, тóлько что научившегося грамоте, стал читать вслух:

— «До-ро-гие ре-бя-та! Поз-драв-ляем вас с окончáнием учеб-но-го гó-да и же-лá...»

Не дочитáв до концá привётствие, старик замóлк, закрыл глазá и, казáлось, вот-вóт потеряет сознáние.

— А ты мог бы вернóть всех на прэжние местá? — стал егó испуганно тормошить Вóлька. — Хоттабыч, ты меня слышишь? Аллó!.. Аллó! Хоттабыч, ты мóжешь так сделать, чтóбы всё было по-прэжнему? Это, навэрно, очень трóдно?

— Нет, не трóдно... То есть для меня, конéчно, не трóдно, — эле слышно отвечáл Хоттабыч.

— А мне почему-то кáжется, что тебе этó чóдо не под сýлу, — коварно сказáл Вóлька.

— Под сýлу. Но я чтó-то очень устáл...

— Ну вот, я и говорю, что тебе не под сýлу.

Вместо отвéта Хоттабыч, кряхтя, приподнялся нá ноги, вёрвал из бороды тринадцать волоскóв, мéлко их изорвáл, выкрикнул какóе-то стрáнное и óчень длинное слóво и, обессýленный, опустилсá прýмо на опýлки, покрывáющие арéну.

Тóтчас же из-под кóпола со свýстом примчáлись и размéтились, соглáсно кóпленным билéтам, беспредéльно счастливые зрители. На манéже, как из-под земли, вёресли Сидорéлли со своими помóщниками и реквизи́том и униформисты во главé с бравым ведóщим.

Грóмко хлопая ушáми, прилетéла обратнó вся семёрка африкáнских слонóв, приземлилась и снова вýстроилась в пирамиду. Тóлько на сей раз внизú был сáмый мáленький, а наверху, под кóполом, — сáмый большóй, тот, котóрый с весёлыми, хитрыми глázками. Потóм пирамída рас-

сыпалась, слоны цугом¹ помчались по манежу, стремительно сокращаясь в размерах, пока не стали величиной с булавочную головку и окончательно не затерялись в опилках.

Оркестр горошиной выкатился из правого уха Хоттабыча, быстро вырос в огромный ком весело хохочущих людей, вопреки закону всемирного тяготения покатился навёрх, на площадку, рассыпался там на тридцать три отдельных человека, рассёлся по местам и грянул туш...

— Разрешите, граждане!.. Попрошу вас пропустить, — проталкивался к Хоттабычу сквозь тесно обступившую его восторженную толпу худощавый человек в больших круглых роговых очках. — Будьте любезны, товарищ, — почтительно обратился он к Хоттабычу, — не откажите взглянуть в кабинет директора. С вами хотел бы поговорить начальник Управления госцирков насчёт ряда выступлений в Москве и периферийных цирках.

— Оставьте старика в покое! — сказал с досадой Волька. — Вы разве не видите — он болен, у него повышенная температура.

Действительно, у Хоттабыча был сильный жар.

Старик здорово объелся мороженым.

XXV. БОЛЬНИЦА ПОД КРОВАТЬЮ

Тот, кто никогда не возился с заболевшим джином, не может даже представить себе, какое это утомительное и хлопотливое дело.

Прежде всего возникает вопрос: где его держать? В больницу его не положишь, и дома на виду его тоже держать нельзя.

Во-вторых, как его лечить? Медицина рассчитана на лечение людей, а не сказочных волшебников.

¹ Цугом — гуськом, один вслед за другим.

В-трéтых, зара́зны ли для люде́й болéзни джéин-нов?

Все éти три вопро́са б́ыли тщáтельно обсу́ждены ребя́тами, когдá он́и на такс́и увоз́или брédившего Хоттáбыча из ц́ирка.

Б́ыло решенó:

1. Хоттáбыча в больн́ицу не везт́и, а держáть его́ со всéми возмóжными удóбствами у Вóльки под кровáтью, предвáрительно предлож́ив ему́ для безопáсности сдéлаться нев́идимым.

2. Леч́ить его́, как лечáт люде́й от простúды. Давáть нá ночь аспи́рин, пойт́ь ча́ем с малиновым варéньем, чтóбы хорошéнько пропотéл.

3. Болéзни джéиннов лóдям, очев́идно, не переда́ются. К счáстью, дóма никогó нé было. Хоттáбыча удалóсь спокóйно улож́ить на его́ об́ычное мéсто под кровáтью.

Жéня побежáл в аптéку и в гастронóм за аспи́рином и малиновым варéньем, а Вóлька пошéл на кúхню разогрéть чай.

— Ну, вот и чай готóв! — вéсело сказа́л он, возвращáясь из кúхни с кипя́щим чайником в руках. — Бúдем пить чай, Хоттáбыч? А?..

Отвéта не последовало.

— Умер! — ужасн́улся Вóлька и вдруг почувствовáл, что, несмотря́ на все неприятности, котóрые ужé успéл ему́ достáвить Хоттáбыч, бúдет óчень жáлко, éсли стар́ик умрёт. — Хоттáбыч, м́иленький! — залепетáл он и, встав на колéнки, полéз под кровáть.

Но стар́ика́ под кровáтью не оказáлось.

— Вот нелéпый стар́ик! — рассвирепéл тогдá Вóлька, срáзу позаб́ыв о своих́ нежных́ чúвствах. — Тóлько что был здéсь и ужé успéл кудá-то запропáст́иться!

Неизвéстно, каќие ещé горькие слова́ произнёс бы Вóлька по áдресу стар́ика́, éсли бы в кóмнату в éто врéмя не ввал́ился Жéнька, с шúмом волочá за собóй Хоттáбыча. Стар́ик упирáлся и бормотáл себе́ пóд нос чтó-то несвя́зное.

— Вот чудак!.. Нет, ты подумай только, что за чудак! — возмущался Жёня, помогая укладывать больного под кровать. — Возвращаюсь это я по улице, смотрю — а Хоттабыч стоит на углу с мешком золота и всё норовит всучить его проходим. Я его спрашиваю: «Что ты здесь делаешь с повышенной температурой?», а он мне отвечает: «Я, мол, чувствую приближение смерти. Я, мол, хочу по этому случаю раздать милостыню». А я ему говорю: «Чудак ты, чудак! Кому же ты собираешься раздавать милостыню? Где ты у нас видел нищих?» А он мне говорит: «В таком случае, я пошёл домой». Вот я его и привёл... Лежи, старичок, поправляйся! Умереть всегда успеешь!..

Хоттабычу дали лошадиную дозу аспирина, скормили ему с чаем всю банку малинового варенья и, укутав получше, чтобы пропотел за ночь, уложили спать.

Старик, полежа в некоторое время спокойно, вдруг заволновался и собрался встать, чтобы пойти к Сулейману ибн Дауду извиняться за какие-то давнишние обиды. Потом он заплакал и стал просить Вольку, чтобы тот сбегал в Средиземное море и Индийский океан, разыскал там на дне медный сосуд, в котором заточен его дорогой братик Омар Юсуф ибн Хоттаб, освободил его из заточения и привёл сюда.

— Мы бы так чудно зажили здесь все вместе! — бормотал он в бреду, заливаясь горячими слезами.

Через полчаса старик пришёл в сознание и слабым голосом произнёс из-под кровати:

— О юные мои друзья, вы не можете себе вообразить даже, как я вам благодарен за вашу любовь и дорогое ваше внимание! Окажите мне, прошу вас, ещё одну услугу: свяжите мне покрепче руки, а то я во время горячки такое наколдую, что потом, боюсь, и сам ничего не смогу поделывать.

Старика связали, и он моментально уснул как убитый.

Наутро Хоттабыч проснулся совершенно здоровым.

— Вот что значить вóвремя по́данная медицинская по́мощь! — удовлетворённо сказа́л Же́ня Богора́д и твёрдо реши́л по оконча́нии шко́лы поступи́ть в медицинский инсти́тут.

XXVI. ГЛАВА́, В КОТО́РОЙ МЫ НА НЕ́КОТОРОЕ ВРЕ́МЯ ВОЗВРАЩА́ЕМСЯ К ЛА́ЮЩЕМУ МА́ЛЬЧИКУ

Сказа́ть по пра́вде, ка́ждый раз, когда́ Во́лька вспоми́нал о Го́ге, е́го начина́ла терза́ть за́висть. А находя́сь до́ма, и́ли на ле́стничной площа́дке, и́ли во дворе́ о́коло подъёзда, т́рудно бы́ло не вспо́мнить о Го́ге. Да́же сквозь за́пертые д́вери, да́же сквозь за́крытые о́кна то и де́ло доноси́лся дразня́щий, ска́зочно прекра́сный соба́чий лай.

Вызыва́ло, пра́вда, удивле́ние, что Го́га упóрно не появля́ется во дворе́. Ни о́дн ма́льчик на Го́гином ме́сте, коне́чно, не вы́терпел бы сто́лько вре́мени, что́бы не похва́стать пе́ред ребя́тами настоя́щим породи́стым щенко́м. А Го́га, тот бы про́сто упива́лся за́вистью ребя́т.

Нет, тут что́-то бы́ло неспроста́.

В конце́ концо́в Во́лька не удержи́лся и спроси́л у Ната́льи Кузьми́ничны, почему́ э́то совсе́м не видать Го́ги.

Ната́лья Кузьми́нична почему́-то стра́шно смути́лась и пролепета́ла в отве́т, что Го́гочка немно́жко прихворну́л.

Пролепета́ла и тут же заторопи́лась к себе́.

— Ната́лья Кузьми́нична! — умоля́юще кри́кнул ей всле́д Во́лька. — О́дн вопро́с, то́лько о́дн вопро́с!

Ната́лья Кузьми́нична с большо́й неохо́той остано́вилась.

— Ната́лья Кузьми́нична, скажи́те то́лько: овча́рка, да?

— Кака́я овча́рка? — пожа́ла плеча́ми бе́дная же́нщина.

— Щено́к, кото́рого вы подари́ли Го́ге, ну, кото́рый ла́ет у вас, овча́рка и́ли боксе́р?..

— Бо́же, каки́е глупо́сти! — вздохну́ла Ната́лья Кузьми́нична и поспе́шно скры́лась в своёй кварта́и́ре.

И, как нарочно, сразу оттуда послышалось частое высокое и очень сердитое тывканье.

Всё это было в высшей степени таинственно.

А тут ещё Хоттабыч, который отлёживался по своему обыкновению под Волькиной кроватью, как бы между делом задал вопрос:

— Любопытно, как поживает недруг твой, именуемый Пилюлею?

Ему не терпелось похвастать перед Волькой своим остроумным заклятием и вместе с ним насладиться бедой, в которую по заслугам попал Гога.

«И никто не в силах снять это заклятие, пока я не сочту это своевременным,— горделиво размышлял он.— Представляю себе, как оно обрадует высокопочтенного Вольку ибн Алёшу и как он будет восхищён разнообразием моих чар!»

— Пилюля? — рассеянно переспросил Волька, которому вдруг пришла в голову очень простая и заманчивая идея.— Ах, Пилюля? Пилюля чего-то прихворнул... Слушай, Хоттабыч...— Он присел на корточки и просунул голову под кровать, чтобы удобнее было вести переговоры.— У меня есть к тебе большущая просьба.

«Начинается!» — с досадой подумал старый джинн. Он заподозрил, что Волька собирается просить его о снятии заклятия с Гоги, и решил наотрез отказаться. По крайней мере на ближайшее время. Ничего, пусть этот противный сплетник и ябеда немножко помучается. Это будет ему только на пользу.

Но вслух Хоттабыч кисло промолвил:

— Я буду рад узнать, в чём состоит твоё просьба.

— Я хочу попросить тебя сделать мне подарок.

Старик обрадовался, что речь пойдёт не о досрочном помывании Гоги.

Он быстро вылез из-под кровати:

— Скажи, что тебе угодно, и ты получишь это в дар безо всякого промедления, о юный и бескорыстный спаситель джиннов.

— Ты мог бы мне подарить собаку? Овчарку.

— Собаку? Нет ничего проще и приятней моему сердцу.

Хоттабыч вырвал волосок из бороды, и Волька обмер от восхищения: у его ног с ласковым урчанием потягивалась великолепная поджарая, мускулистая трёхгодовалая овчарка. У неё были очень живые, умные глаза, холодный и влажный нос, чудесные острые уши. Он поглядел её по холке. Собака учтиво помахала хвостом и от полноты чувств рывкнула на всю квартиру.

— Доволен ли ты этим псом? — счастливо суетился Хоттабыч, готовый по первому Волькиному требованию заполнить всю комнату, всю квартиру, весь дом самыми дорогими собаками. — Ах, прости меня, я забыл об одной мелочи.

Под «мелочью» он подразумевал ошейник, который вдруг возник на овчарке, сияя таким обилием драгоценных камней, что их с походом¹ хватило бы на две императорские короны.

От привалившего ему счастья Волька онемел. Он только глядел дрожащей рукой собаку и так при этом растерянно улыбался, что у чувствительного старика покатились по лицу слёзы умиления.

Но нет в жизни полного счастья, по крайней мере когда имеешь дело с дарами джиннов! За дверью неожиданно послышались женские шаги, и только Хоттабыч успел спрятаться под кровать и сделаться невидимым, как раскрывлась дверь и вошла Светлана Александровна — Волькина мама.

¹ С походом — с излишком.

— Я так и думала,— сказала она, увидев собаку, которую старый джинн второпях не догадался сделать невидимкой.— Собака!.. Откуда у тебя собака, хотела бы я знать?

Волька почувствовал, что быстро и безнадежно идет ко дну.

— Это я... Это мне... Понимаешь... Как бы тебе сказать...

Говорить правду было бессмысленно. А врать Волька не хотел. Да это и было безнадежным делом: мать сразу раскусила бы, что он врёт.

— Волька! — повисила она голос.— Мне не нравится твоё мычание. Говори прямо: чья это овчарка?

— Ничья... То есть раньше была ничья, а сейчас моя.

Светлана Александровна порозовела от возмущения:

— Неужели ты унился до лжи? Я была о тебе лучшего мнения. Отвечай: чья собака? Один её ошейник стоит десятки рублей...

Она думала, что ошейник украшен цветными стекляшками.

Сейчас не на шутку рассердился под кроватью Хоттабыч. Рассердился и весьма обиделся. Ему очень хотелось дать понять этой почтенной, но наивной женщине, что не такъв Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, чтобы дарить своим лучшим друзьям грошóвые стекляшки, и что не десятки, а многие тысячи рублей стоит этот поистине бесценный ошейник. Но он вовремя удержался. Он уже понимал, что подобной похвалбóй только ещё больше усложнит Волькино положение.

Правдивый и прямодушный,

он не мог не одобрить того, что Волька не хотел прибегать ко лжи, даже самой безобидной, и понял, что единственный выход — свести на нет всё это недоразумение, и самым решительным способом.

«Ладно, — подумал он, ухмыляясь себе в бороду, — придётся моему доброму и правдивому другу ещё некоторое время прожить без собственной собаки... И пусть его не томят до поры до времени мечты о собственной собаке!»

Из-под кровати донёсся еле слышный тоненький хрустальный звон, и собаки не стало, словно её корова языком слизнула.

— Вóлечка, — сказала Светлána Алексáндровна, начисто забыв, о чём только что шёл разговор, — если позвонят из парткома Варткэз Арутюнович или Сергёй Сергеевич, скажи, что я буду через час-полтора... Кстати, ты не знаешь, к кому это в тридцать седьмую квартиру сейчас поднимался доктор?

— Наверно, к Гóге.

— Разве он заболел?

— Кажется.

— Кажется?.. Разве он не твой товарищ?

— Ну да, товарищ!..

— Мне стыдно за тебя, юный пионер Костыльков! — сказала Светлána Алексáндровна, повернулась и вышла из комнаты с каменным лицом.

— Ну и ну, — сокрушённо вздохнул Волька и решил навестить Гóгу, лишь только от него уйдёт доктор. — Хоттабыч, а Хоттабыч!

Из-под кровати не было никакого ответа.

— Ушёл! — с досадой проворчал Волька. — Как раз когда с ним надо посоветоваться, его нет. Ну и джинн!..

А Хоттабыч тем временем устраивался поудобней в тридцать седьмой квартире, на этот раз под кроватью так странно занемогшего Гóги. Ему было любопытно послушать, как будет беспомощно барахтаться в поисках правильного решения старый доктор, который, конечно, и по-

нятия не имел, с каким могущественным и необычным противником ему предстояло вступить в бой...

И пока Волька, воспользовавшись отсутствием Хоттабыча, уселся за учебник географии, а старый джинн притаялся под Гóгиной кроватью, вот что происходило в комнате, где возлежал на высоких подушках самый удивительный из пациентов старого доктора из неотложной медицинской помощи!.. Его звали Александром Алексеевичем, этого бывало и очень знающего доктора, и мы нарочно подчёркиваем это имя, чтобы вы знали, какой это настоящий врач, если вам когда-нибудь придётся с ним столкнуться.

— Натáлья Кузьмíнична, — лáсково обратился он к безутешной Гóгиной мáме, — оставьте нас, пожалуйста, наедине с Гóгой. Нам ну́жно с ним кой о чём потолковать.

— Ну-с, молодóй человек, — проговорил он, когда они остались вдвоём с Гóгой (Хоттабыч под кроватью был, конечно, не в счёт), — как делишки? Гáвкаем?

— Спа́су нет! — простона́л Гóга.

— Тэк-с! Ну что ж, в таком слúчае, дава́й потолкуём. Ты какие стихи́ любишь?

— Гав-гав-гав! — вёрвалось из Гóгиного рта, и Натáлья Кузьмíнична, притайившаяся у замóчной сква́жины по ту стóрону двéри, залилась слезáми.

Мóжете себе предста́вить, что Гóга соби́рался произнести́ в отвéт на вопро́с Александра Алексеевича. Гóгу возмути́л этот вопро́с. Он счита́л его глúпым и никчёмным. Гóгин лай, одна́ко, ниско́лько не удивил и не огорчи́л старого дóктора.

— Ты не злись, — сказа́л он са́мым споко́йным то́ном. — Этот вопро́с имéет непосредственное отноше́ние к твоёй болéзни.

— Я люблю́ «Бúря мгло́ю не́бо кро́ет», — отвéтил наконец Гóга, вдóволь отла́явшись. — «Бúря мгло́ю не́бо кро́ет», стихотворéние Пу́шкина.

— Прошу́ тебя́, прочти́ мне его́. Ты его́ помнишь наизу́сть?

Бúря мглою небо крóет,
Вíхри снóжные крутя;
То, как зверь, она́ завóет,
То заплачет, как дитя,—

начал Гóга.

— Довóльно! — остановил его Алексáндр Алексеевич. — Тепéрь скажи́ мне, будь добр, каковó твоё мнéние о твоём товáрище по клáссу, ну, как его́ там, котóрый живёт в сосéдней квартíре.

— О Вóльке Костылькóве?

— Вот íменно.

— Гав-гав-гав! — залился Гóга пронзительным лаем.

— Ты словáми, словáми выражайся.

— Гав-гав-гав!.. — отвечáл Гóга, беспóмощно разводя́ рука́ми. Дéскать, и сам рад бы словáми, да не могу́, не получа́ется.

— Поня́тно... Хвáтит... Хвáтит, говорю́!.. Так-с! Ну, а каковы́ остальны́е ребя́та в вáшем клáссе?

— В нáшем клáссе? — усмехну́лся большóй Гóга. — В нáшем клáссе, ёсли вы хотíte знать, все ребя́та гав-гав-гав!..

— Ну, а насчёт меня́ у тебя́ каковé мнéние? Ты валяй, не стесня́йся. Каковó твоё мнéние обо мнé как о дóкторе?

— Как о дóкторе? Как о дóкторе я о вас дúмаю, что вы поря́дочный гав-гав-гав!

— Замечáтельно! — совершённо íскренне обра́довался Алексáндр Алексеевич. — Ну, а о твоёй ма́ме каковé у тебя́ мнéние?

— Ма́ма у меня́ óчень хоро́шая, — сказа́л Гóга, и Натáлья Кузьми́нична за двéрью снóва залилась на ётот раз счастливы́ми слезáми. — Она́ то́лько иногдá бывáет гав... — Он вздрóгнул и замóлк. — Нет, она́ у меня́ вообщё́ и всегдá óчень хоро́шая.

— Ну, а о вáшей клáссной стенгазéте у тебя́ то́же имéется мнéние? — спросил, то́лько для очíстки совéсти, стáрый дóктор. Он ужé окончáтельно пóнял, в чём сущность рéдкой болéзни его́ молодóго пациéнта. — Протáскивали там тебя́ иногдá?

На этот раз Гога пролаял битых две минуты. Хоттабычу под кроватью даже надоело слушать. А Александр Алексеевич наслаждался этим лаем, словно это не лаил Гога Пилюкин, прозванный за свой мерзкий характер Пилюлей, а какой-то отличный певец пел лучшую из арий своего репертуара.

Дав Гоге отлаться досыта, Александр Алексеевич довольно потёр руками.

— Комиссии всё ясно, — сказал он. — Наталья Кузьминична, попрошу вас в комнату!

Вошла Наталья Кузьминична, вытирая отсыревшим носовым платком покрасневшие глаза.

— Надо вам доложить, — сказал Александр Алексеевич, пригласив её присесть, — что я последнюю ночь, по существу, не спал, просматривал медицинскую литературу, размышлял. В специальной литературе я ничего похожего на случай с вашим сыном не нашёл...

Бедная Наталья Кузьминична встревоженно ахнула.

— Не огорчайтесь раньше времени, дорогая Наталья Кузьминична, — остановил её старый доктор, — дело ещё не так страшно. Читал я, читал... думал, думал и потом, конечно, не мог уснуть. Тоже ничего особенного — дело стариковское. Чтобы отвлечься от своих мыслей, я взял томик арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и прочитал там, между прочим, о том, как один волшебник, точнее говоря — джинн, превратил одного неугодного ему человека в собаку. И тогда я подумал, что если бы существовали на свете джинны (Хоттабыч под кроватью обиделся) и если бы один из них захотел наказать человека, ну мальчика, предположим, за то, что он сплетничает, ябедничает, плохо отзывается о своих близких, то он мог бы заклясть его таким заклятием, чтобы тот лаил каждый раз, когда захочет сказать гадость. Только что мы с вашим сыном по душам потолковали, и оказалось, что он, ни разу не пролаяв, прочитал стихи Пушкина, почти ни разу не тявкнул, говоря о вас, Наталья Кузьминична, и почти всё время лаил, говоря о своих товарищах и о классной стенга-

зёте, в которой, видимо, иногда прохаживались на его счёт... Вы понимаете мою мысль? Я, кажется, ясно выразился?

— Вы полагаете,— задумчиво протянула Гогина мать,— что...

— Вот именно. Конечно, никаких джиннов в природе не существовало и не существует. (Хотябыч снова, на сей раз не на шутку, обиделся.) А существует очень своеобразная психическая травма у вашего сына. Я должен вам сказать со всей ответственностью, что он будет и впредь лаять...

— Боже мой! — всплеснула руками бедная женщина.

— ...лаять каждый раз, когда вздумает сплетничать или ябедничать, вообще когда он будет пытаться говорить гадости. И тогда все будут называть его не Гога Пилюкин, а Гавгав Пилюкин. А когда он подрастёт, его будут, за глаза конечно, величать не Георгий Васильевич, а Гавгав Васильевич. Как видите, ваш сын может оказаться в весьма незавидном положении. Зато, если он твёрдо возьмёт себе за правило не ябедничать, не сплетничать, не портить хорошим людям жизнь, я вам головой своей отвечаю, что лай у него прекратится навсегда.

— «Гавгав Васильевич!» — ужаснулась бедная Наталья Кузьминична. — Даже подумать страшно! Я бы этого просто не пережила!.. А лекарства?.. Может быть, вы всё же пропишите ему какое-нибудь лекарство?

— Лекарства не помогут. Ну как, молодой человек, попробуем по-моему?

— И я совсем не буду лаять?

— Всё зависит сейчас только от вас, молодой человек!

— Значит, рецепта не будет? — переспросила Наталья Кузьминична, видя, что Александр Алексеевич собирается уходить.

— Это и есть мой рецепт. Единственно правильный. Впрочем, можно проверить. А ну-ка, скажи несколько справедливых слов о своём товарище Вольке, обращаю твоё внимание — спра-вед-ливых!

— Вообще, конечно, Волька Костыльков хороший парень,— неуверенно промолвил Гога, словно он впервые научился говорить.— Правильно, доктор, миленький! В первый раз после экзамена по географии я не лаю о Вольке. Ур-р-ра-а-а!

— А что такого особенного произошло на этом экзамене? — осведомился как бы между прочим старый доктор.

— Да ничего такого, о чём бы стоило особенно распространяться. Мало что бывает, когда мальчик вдруг заболевает на почве переутомления,— ответил Гога уже куда уверенней.

— Ну, я пошёл,— сказал старый доктор,— мне ещё нужно навестить добрый десяток настоящих больных. Значит, понял, Гога, в чём дело?

— Понял! Ой, понял! Честное пионерское!.. Спасибо!..

— То-то же. Теперь действуй! Будьте здоровы...

— Куда это ты исчез? — набросился спустя несколько секунд Волька на старого джинна, когда тот с очень задумчивым лицом забирался на своё обычное место под Волькиной кроватью.

— Слушай меня, о Волька,— произнёс старик с необычной даже для него торжественностью.— Только что я присутствовал при том поистине небывалом случае, когда заклятие, наложенное джинном, было снято человеком. Правда, это был очень умный и очень справедливый человек. Он настолько справедлив, что я и не подумал наказывать его за то, что он не верит в моё существование... Куда это ты?

— Надо навестить Гогу. Действительно, это безобразие с моей стороны.

— Иди,— сказал старый джинн,— иди и навести своего товарища по учёню. Хотя он уже и не болен.

— Совсем не болен? Он уже совсем выздоровел?

— Сейчас это целиком зависит от него самого,— сказал Хоттабыч и, переступив через своё самолюбие, поведал Вольке единственную в своём роде историю излечения обыкновенным врачом заколдованного мальчика.

XXVII. СТАРИК ХОТТАБЫЧ И МИСТЕР ГАРРИ ВАНДЕНДАЛЕС

— Благословенный Волька,— сказал после завтрака Хоттабыч, блаженно греясь на солнышке,— всё время я делаю тебе подарки, по моему разумению — ценные, и каждый раз они тебе оказываются не по сердцу. Может быть, сделаем так: ты мне сам скажешь, что тебе и нашему юному другу угодно было бы от меня получить в дар, и я пошёл бы за великую честь и счастье немедленно доставить вам желаемое.

— Подарь мне, в таком случае, большой морской бинокль,— ответил Волька не задумываясь.

— С радостью и любовью.

— И мне тоже бинокль. Если можно, конечно,— застенчиво промолвил Жёня.

— Нет ничего легче.

И они всей компанией отправились в комиссионный магазин.

В магазине, расположенном на шумной и короткой улочке в центре города, было много покупателей.

Наши друзья с трудом протиснулись к прилавку, за которым торговали настолько случайными предметами, что их никак нельзя было распределить по специальным отделам, потому что тогда пришлось бы на каждую вещь заводить особый прилавок.

— Покажи мне, о любезный Волька, как они выглядят, эти угодные вашему сердцу бинокли! — весело промолвил Хоттабыч, но вдруг побледнел и затрясся как в лихорадке.

Он горестно глянул на своих молодых друзей, заплакал,

гробовым голосом сказал им: «Прощайте, дорогие моему сердцу!», направился к седому, хорошо одетому иностранцу с багровым лицом, растолкал локтями публику и бухнулся перед ним на колени.

— Приказывай мне, ибо я твой покорный и смиренный раб! — промолвил Хоттабыч, глотая слезы и порываясь поцеловать полы его пиджака.

— Не лезайте на меня! — закричал иностранец на ломаном русском языке. — Не лезайте, а то я вам буду съездить по физиономии! Вы есть один жулик! Вы есть желая украсть мой бумажник! Какой скандал!

— Ты ошибаешься, о мой повелитель, — отвечал ста-

рик, всё ещё сто́я на колéнях.— Я жду тво́их приказáний, чтóбы испóлнить их немéдно и беспрекослóвно.

— Стýдно, граждáнин, попрошáйничать в нáше врéмя! — укорíзненно обратíлся к Хоттáбычу продавец из-за прилávка.

— Итáк, скóлько мнóго я вам имéю заплатíть за éтот плохóй кольцебу? — нёрвно продолжáл иностранец разговóр, прёрванный Хоттáбычем.

— Всегó-навсего дéсять рублéй сéмьдесят однóу копéйку,— отвечáл продавец.— Вещица, конéчно, совершéнно случáйная.

Продавцы магази́нов случáйных вещей и комиссио́нных магази́нов ужé хорошó знáли мíстера Гáрри Ванден-дáллеса, недáвно приéхавшего в кáчестве туриста-дельца из Нью-Йóрка.

В свободное врéмя он совершáл регулárные рéйсы по комиссио́нным магази́нам и магази́нам случáйных вещей в надéжде приобрести за бесцéнок какóю-нибудь сто́ящую вещьцу.

Совсéм недáвно ему́ удалóсь приобрести по весьма схóдной цене полдóжины чáшек фарфóрового завóда íмени Ломоно́сова, и вот сейчáс, как раз тогдá, когдá пéред ним опустилсá на колéни безутéшный Хоттáбыч, он прицéнивалсá к потемнёвшему от врéмени колéчку, кóторое продавец полагáл серéбряным, а мíстер Гáрри Ванден-дáллес — плáтиновым.

Получíв свою́ покóпку, он спря́тал её в жилéтный карма́н и вышел на úлицу. За ним вслед поспешíл и Хоттáбыч, утира́я кулакóм слéзы, обíльно струйв́шиеся по его́ смýглому морщи́нистому лицу́. Пробегáя мíмо сво́их друзéй, он éле успéл брóсить им на ходу́:

— Ув́ы, в руках́ éтого седовлáсого чужезéмца я тóлько что увíдел волшебное кольцо́ Сулеймáна ибн Да́уда, мир с н́ими обóими. А я раб́ éтого кольца́ и дóлжен слéдовать за тем, кто им владéет. Прощáйте же, друзы́ мой, я всегда́ бóду вспоминáть о вас с благодарностью́ и любовью́...

Тóлько тепёр, безвозвратно расстáвшись с Хоттáбы-

чем, ребята поняли, как они к нему привыкли. Печальные и молчаливые, покинули они магазин, даже не взглянув на бинóкли, и отправились на реку, где в последнее время почти ежедневно собирались для задушевной беседы. Они долго лежали на берегу у того самого места, где ещё так недавно Вóлька нашёл замшелый глиняный сосуд с Хоттабычем, припоминали смешные, но милые повадки старика и всё больше убеждались, что у него, в конечном счёте, был очень приятный и добродушный характер.

— Скажем прямо: не ценили мы Хоттабыча, — сокрушённо вздохнул Жéня.

Вóлька повернулся с боку на бок, хотел что-то ответить Жéне, но не ответил, а быстро вскочил на ноги и бросился в глубь сада:

— Ура!.. Хоттабыч вернулся!.. Уррррааа!..

Действительно, к ребятам быстрой, чуть суетливой стариковской походкой приближался Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. На плече у него, на длинных ремешках, болтались два чёрных кожаных футляра с большими морскими бинóклями.

XXVIII. РАССКАЗ ГАССАНА АБДУРРАХМАНА ИБН ХОТТАБА О ТОМ, ЧТО С НИМ ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ МАГАЗИНА

— Знайте же, о юные мои друзья, что повесть моя удивительна и похождения мои диковинны, и я хочу, чтобы вы посидели подле меня, пока я расскажу вам мою историю и поведаю, почему я здесь.

Случилось так, что, когда багроволицый чужеземец вышел из лавки, он отпустил свою машину, а сам пошёл пешком, чтобы хоть несколько растряссти жир, столь щедро облéкший его мясистое и упитанное тело, и он пошёл так быстро, что я еле мог угнаться за ним. И я догнал его уже на другой улице и упал перед ним и вскричал: «Повели мне следовать за тобой, о господин мой!»

Но он не слушал меня и продолжал свой путь. Восем-

на́дцать раз догоня́л я его́, восемна́дцать раз па́дал я пе́ред ним ниц, и восемна́дцать раз он оставля́л меня́ коленопреклонённым, восклица́я в я́рости: «Поше́л вон! Вы е́сть ста́рый разбо́йник!»

И он бил меня́ нога́ми, и я ничего́ не мог ему́ сде́лать, ибо в его́ рука́х бы́ло волшебное кольцо́ Сулейма́на, и я боя́лся его́ прогневи́ть. И я не ви́дел, как избежа́ть того́, что́бы не иди́ти за ним, и я сле́довал за ним по пя́там. А он ду́мал, что я прошу́ у него́ де́нег, и крича́л, что у него́ нет с собо́й ни це́нта, хотя́ я не проси́л у него́ де́нег.

И он бил меня́ сме́ртным бо́ем ка́ждый раз, когда́ ни́кто э́того не ви́дел. И тогда́ меня́ охвати́л испу́г, и у меня́ вы́сохла слюна́ от си́льного стра́ха, и я отча́ялся в том, что бу́ду жив.

И я запла́кал тогда́ та́ким пла́чем, что промо́чил слеза́ми свою́ оде́жду.

И так мы шли, пока́ не дошли́ до дверей́ его́ до́ма, и я

хоте́л войти́ туда́ за ним, но э́тот злой чу́жеземе́ц толкну́л меня́ руко́й в грудь и прокрича́л мне: «Вы не́т лезть в мою́ кварта́иру, или́ я бу́ду позва́ть милиционе́р!»

И я спроси́л его́: неужели́ мне стои́ть у его́ дверей́ до са́мого ве́чера? И он отве́тил: «Хоть до бу́дущего го́да!»

И я оста́лся тогда́ стои́ть о́коло его́ дверей́, ибо слова́ челове́ка, кото́рый владе́ет кольцо́м Сулейма́на, для́ меня́ зако́н. И я стои́л так не́которое вре́мя, пока́ не услы́шал над моёй голо́вой си́льный шум и не раство́рилось над моёй голо́вой окно́. Тогда́ я посмотре́л вверх и уви́дел, что в окне́ показале́сь худая́ и вы́сокая же́нщина в зелёном шёлковом пла́тье, и она́ смея́лась злым и презри́тельным сме́хом. А за её спиной́ я уви́дел огорче́нное ли́цо багроволи́щего, и же́нщина сказа́ла ему́, издева́ясь: «Увы́, как я оши́блась, выходя́ за вас за́муж

четырнадцать лет назад! Вы были и на всю жизнь останетесь заурядным галантерейщиком! Боже мой, не умеешь отличить дрянное серебряное колечко от платинового!.. О, если бы об этом узнал мой покойный отец!..»

И она швырнула кольцо на мостовую и захлопнула окно, и я увидел это и упал без чувств, потому что если швыряют наземь кольцо Сулеймана, то могут произойти ужасающие несчастья. Но потом я открыл глаза и убедился, что я жив и что не произошло кругом никакого несчастья, и тогда я обрадовался великой радостью, ибо я заключил из этого, что могу считать себя счастливым.

И я вскочил тогда на ноги, благословляя свою судьбу, подобрал кольцо и помчался к вам, мой друзья, купив попутно желательные вам подарки. Вот и всё, что я могу рассказать.

— Прямо как в сказке! — восхищённо воскликнул Жёня, когда старик закончил свой рассказ. — А можно мне подержать в руках это волшебное колечко?

— С любовью и удовольствием. Надень на указательный палец левой руки и затем поверни его, громко произнеси при этом своё желание. Оно немедленно исполнится.

— Вот это да! — снова восхитился Жёня, надел кольцо, повернул его и громко произнёс: — Хочу, чтобы у меня тут же и немедленно оказался велосипед!

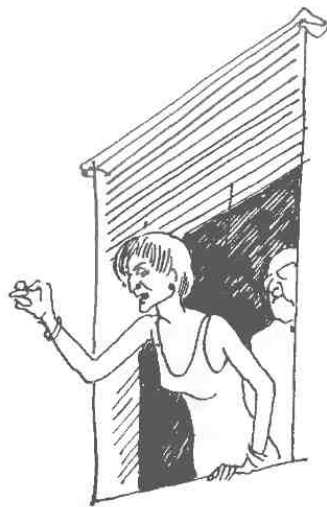
Все трое застыли в ожидании. Однако велосипед не появлялся.

Жёня повторил ещё громче:

— Хочу, чтоб у меня немедленно появился велосипед! Чтоб сию же минуту!..

Велосипед упорно не появлялся.

— Что-то, вероятно, заело в кольцо, — сказал Волька,

забрал его у Жёни и стал тщательно разглядывать.— Э, да тут что-то внутри написано!.. По-русски!..— сказал он и медленно, по складам прочитал: — «Носи, Катя, на здоровье. Вася Кукушкин. 2.V.1916 г.».

XXIX. ТЕ ЖЕ И ГАРРИ ВАНДЕНДАЛЛЕС

— Всякий может ошибиться,— великодушно заметил Волька, с сочувствием глядя на сконфуженного Хоттабыча.— В конце концов, даже лучше, что кольцо оказалось обыкновенным... А за подарки большое спасибо.

Деликатно отвернувшись от старика, ребята извлекли из футляров бинокли и насладились их неоспоримыми достоинствами.

Далёкие дома словно придвинулись к самой реке, крошечные точки превратились в шагающих людей, а мчавшаяся в отдалении машина, казалось, вот-вот спшибёт с ног счастливого обладателя бинокля. О большем приближении нельзя было и мечтать.

— Хоттабыч,— промолвил спустя несколько минут Волька,— на, посмотри-ка, кто к нам идёт.

Он передал бинокль Хоттабычу, но тот и невооружённым глазом увидал уже, что к ним быстрым шагом, почти бегом, приближается, тяжело отдуваясь, мистер Гарри Вандендаллес собственной своей шестипудовой осой.

Заметив, что за ним наблюдают, мистер Вандендаллес умерил шаг, пошёл вразвалочку, словно он и не спешил, а просто прогуливался вдали от уличного шума. Подойдя поближе, он изобразил на своей багровой, точно ошпаренной кипятком физиономии сладчайшую улыбку:

— Ах, мой бог! Какой приятный и неожиданный встреча!..

Пока он приближается к нашим друзьям, пока он горячо пожимает им руки, мы можем вкратце объяснить, почему он снова появился в нашей повести.

Дело в том, что миссис Вандендаллес была в тот день

весьма не в духе. Вот почему она погорячилась и вышвырнула в окно колёчко. А вышвырнув его, она осталась у окна, чтобы перевести дух. Тут-то её и заинтересовал старик, который подобрал валявшееся на мостовой колёчко и бросился наутёк.

— Ты видел? — обратилась она к приунывшему мистеру Вандендаллесу. — Какой забавный старичок! Схватил это дрянное колёчко, словно оно по крайней мере с изумрудом, и бросился наутёк.

— О, это очень надоёдливый старикашка! — отвечал мистер Вандендаллес оживившись. — Пристал ко мне ещё в магазине, плёлся за мной до самого дома и, представь себе, моя дорогая, то и дело падает передо мной на колёни. Кричит мне: «Я твой раб, потому что у тебя кольцо, принадлежащее Сулейману!» А я ему отвечаю: «Сэр, вы жестоко ошибаетесь. Я только что купил это кольцо, и оно принадлежит мне, и только мне». А он упёрся, словно мул: «Нет, кольцо Сулеймана! Это волшебное кольцо!» — «Нет, не волшебное, а платиновое!» — «Нет, о господин мой, не платиновое, а волшебное!» — и делает вид, будто хочет поцеловать полу моего пиджака. А в пиджаке у меня, как ты знаешь, моя дорогая, бумажник. «Эй, — говорю я, — у нас в колледже я считался неплохим боксёром», — и рраз его по физиономии! Ух и поколотил же я его! Даже сейчас приятно вспомнить!..

Миссис Вандендаллес с минуты презрительно смотрела на своего разглагольствующего супруга, потом, будучи, очевидно, не в состоянии выдержать самодовольное выражение его лица, отвела глаза в сторону, и её взгляд нечаянно упал на томик «Тысячи и одной ночи», валявшийся на тахте. И тут её поразила какая-то внезапная мысль. Миссис Вандендаллес плюхнулась в ближайшее кресло и горьким шёпотом промолвила:

— Мой бог! Как же мне не везёт в жизни с этим человеком! С вашим воображением, сэр, вам следовало бы быть не коммерсантом, а гробовщиком. У любой ящерицы больше мозгов, чем у вас, сэр!

— В чём дело, моя дорогая? — всполошился её супруг.— Ведь, когда я его колотил, кругом никого не было. Я его бил в подворотнях. Свидетелей не было. Не беспокойся, моя дорогая!..

— Джентльмены! — трагически воскликнула миссис Вандендаллес, хотя ни единой души, кроме них двоих, в комнате не было.— Джентльмены, этот человек ещё спрашивает, в чём дело! Извольте, сэр, немедленно догнать старика и отобрать у него кольцо, пока ещё не поздно!

— Ну зачем оно нам, моя дорогая? Дрянное серебряное колечко, да ещё к тому же самодельное.

— Этот человек сведёт меня в могилу. Этот человек ещё спрашивает, на что мне волшебное кольцо царя Соломона!.. Джентльмены, он ещё спрашивает, зачем мне кольцо, которое выполняет любое твоё желание, которое может тебя сделать самым богатым и самым могущественным человеком на земле!

— Но, моя радость, где ты видела волшебные кольца?

— А где вы, сэр, видели, чтобы здесь, в Советском Союзе, человек хлопался перед другим на колени да ещё порывался при этом целовать ему руку?

— Не руку, моя милашка, а пиджак.

— Тем более! Извольте, сэр, немедленно догнать старика и отобрать у него кольцо! И я вам, сэр, не завидую, если вы осмелитесь вернуться домой без колечка!..

Вот каким событиям обязаны были Хоттабыч и его юные друзья, что перед ними столь неожиданно появился краснолицый муж грозной миссис Вандендаллес.

Будь мистер Вандендаллес на месте Хоттабыча, он ни за что не вернул бы колечка, даже простого, а тем более волшебного. Именно поэтому он и решил действовать издалека.

— Ах, мой бог! Какой приятный и неожиданный встреча! — воскликнул он с такой сладчайшей улыбкой, словно всю жизнь только и мечтал подружиться с Хоттабычем, Волькой и Жёней.— Какой прекрасный погода! Как вы поживаете?

— Благодарю тебя, о седовласый чужеземец! — вежливо ответил Хоттабыч. — И я и мои юные друзья — все мы пребываем в отличном здоровье. Надеюсь, и ты здоров?

— Благодарью, благодарью, я очень, очень здоровый! Какой вы очень прекрасный мальчик! — пропел мистер Вандендаллес и попытался потрепать Вольку по щеке, но тот брезгливо отвернулся. — Я полагаю, — продолжал Вандендаллес, делая вид, будто не заметил Волькиного отношения к себе, — я полагаю, вы очень мечтаете быть гангстер? У меня в Америка два сына, они целый день играют в бандит и гангстер. О, они очень умные мальчики, они будут известный американский банкир! — Тут он изловчился и игриво потрепал по щеке Женьку, прежде чем тот успел отодвинуться. — Милый мальчик, вы бы хотели быть банкир?

— Вот ещё! — рассердился Жёня и отодвинулся от Вандендаллеса. — Что я, сумасшедший, что ли? У нас, слава богу, не Америка!..

— Ха-ха-ха! — лгство рассмеялся мистер Вандендаллес и погрозил ему пальцем. — Вы делаете меня смеяться. Вы очень весёлый шуточник... Я вам за это подарю один очень практичный американский карандаш...

— Не нужен мне ваш карандаш, и оставьте меня, пожалуйста, в покое! — рассердился Жёня, когда американец попытался снова потрепать его по щеке. — У вас имеются свои дети, они хотят стать бандитами, вот вы их и треплите по щекам сколько вам угодно... А мы не любим банкиров и бандитов. Понятно?

— Ха-ха-ха! — обрадовался этим словам мистер Вандендаллес, словно он услышал необыкновенно приятные комплименты. — У меня был в Америка один знакомый инженер, он тоже говорил, что не любит банкир. Он теперь сидит в очень красивый нью-йоркский тюрьма...

— Можно вам задать вопрос? — неожиданно обратился к нему Волька и по привычке, как в классе, поднял руку. — Почему у вас в Америке мучают негров?

— О! — воскликнул мистер Вандендаллес. — Вы есть молодой любитель политики! Это очень хорошо!.. У нас в Америка полная свобода, каждый может делать, что ему интересно.

— Ну, а негры могут дать белым сдачи, если это им интересно?

— Фи, какой глупый шутка! — поморщился мистер Вандендаллес. — Вы никогда не должны так глупо шуточничать! Негры имеют знать своё место! Негры... — Тут он счёл нужным рассмеяться и прекратить обсуждение этого щекотливого вопроса. — Вы очень милый старик, — обратился он к Хоттабычу, чтобы замять разговор. — Я имею надежду, мы будем с вами очень добрые приятели.

Хоттабыч молча поклонился.

— О! — воскликнул Вандендаллес с притворным удивлением. — Я вижу на ваш палец один серебряный колтсёу. Будете вы дать мне посмотреть этот серебряный колтсёу?

— С радостью и удовольствием, — отвечал Хоттабыч, протянув ему руку с кольцом.

Но, вместо того чтобы полюбоваться кольцом, мистер Вандендаллес резким движением сорвал его с пальца Хоттабыча и немедленно напялил на свой мясистый палец, похожий на недоваренную сосиску.

— Благодарью, благодарью! — прохрипел он, и так налилось при этом кровью его и без того багровое лицо, что Хоттабыч испугался, как бы мистера Вандендаллеса не хватила ненароком кондрашка. — Вы имели где-нибудь купить это колтсёу?

Он ожидал, что старик соврёт, что, во всяком случае, он сделает всё возможное, чтобы не вернуть ему могущественное кольцо. Мистер Вандендаллес оценил взглядом стоявшего перед ним тщедушного старика и присевших несколько поодаль обоих мальчиков и прикинул, что если дело дойдёт до драки, то он без труда справится с ними.

Но, к его удивлению, старик и не подумал врать. Он спокойно сказал:

— Я не покупал этого кольца. Я подобрал его на мостовой перед твоим домом. Это твоё кольцо, о седовласый чужеземец!

— О! — восхищённо вскричал мистер Вандендаллес. — Вы есть оучень честный старик. Вы будете мой любимый слюга!

Услышав эти слова, ребята поморщились, но промолчали. Интересно было, что будет дальше.

— Вы мне хорошо имели недавно объяснить, что это кольцо есть волшебный кольцо. Оно фактично имеет выполнять любое пожелание?

Хоттабыч утвердительно кивнул головой. Ребята приснули. Они решили, что Хоттабыч собрался подшутить над этим неприятным американцем, и приготовились к веселому представлению.

— О! — промолвил мистер Вандендаллес. — Благодарю, благодарю! Вы мне будете объяснить, как пользоваться волшебным кольцом?

— С радостью и удовольствием, о багровейший из чужеземцев, — отвечал Хоттабыч с низким поклоном. — Ты берёшь волшебное кольцо, надеваешь его на палец левой руки, поворачиваешь и произносишь при этом своё пожелание.

— И оно имеет обязательно исполняться?

— Именно так.

— Самый различный мой желание?

— Любое.

— Ах так? — удовлетворённо промолвил Вандендаллес, и его лицо сразу стало холодным и надменным. Он быстренько повернул кольцо и крикнул Хоттабычу: — Эй ты, глюпый старик! Подойди здесь! Ты будешь упаковать доллары!

Его наглый тон возмутил Вольку и Женю. Они подались вперёд и уже было раскрыли рты, чтобы дать ему достойный отпор, но Хоттабыч сердито замахал на них руками и приблизился к Вандендаллесу.

— Прошу прощения, — смиренно сказал старик. —

Я не знаю, что такое доллары. Покажи мне хоть один, дабы я знал, как они выглядят.

— Культурный человек есть обязан знать, как выглядит американский доллар! — презрительно процедил сквозь зубы Вандендаллес, вынул из бумажника десятидолларовую бумажку и, наставительно помахав ею перед носом Хоттабыча, снова спрятал в бумажник. — Доллар есть самый культурный предмет в Америке, а значит, и во всём мире. Вы это хорошенько имеете понимать?

Хоттабыч поклонился.

— А теперь... — сказал Вандендаллес, — теперь есть время приступить к бизнесу. Пускай мне сейчас придёт сто тысяч долларов!

— Держи карман пошире! — фыркнул Волька и подмигнул Жёне. — Дорвался мистер до «волшебного» колёска! «Носи, Катя, на здоровье»!

— Пускай мне немедленно придёт сто тысяч долларов! — повторил мистер Вандендаллес.

Он был огорчён: деньги не появлялись. Ребята смотрели на него с нескрываемым злорадством.

— Я не вижу долларов! Где мои сто тысяч долларов? — заревел он вне себя от злости и тут же упал без чувств, оглушённый неизвестно откуда свалившимся мешком.

Пока Хоттабыч приводил его в чувство, ребята вскрыли мешок.

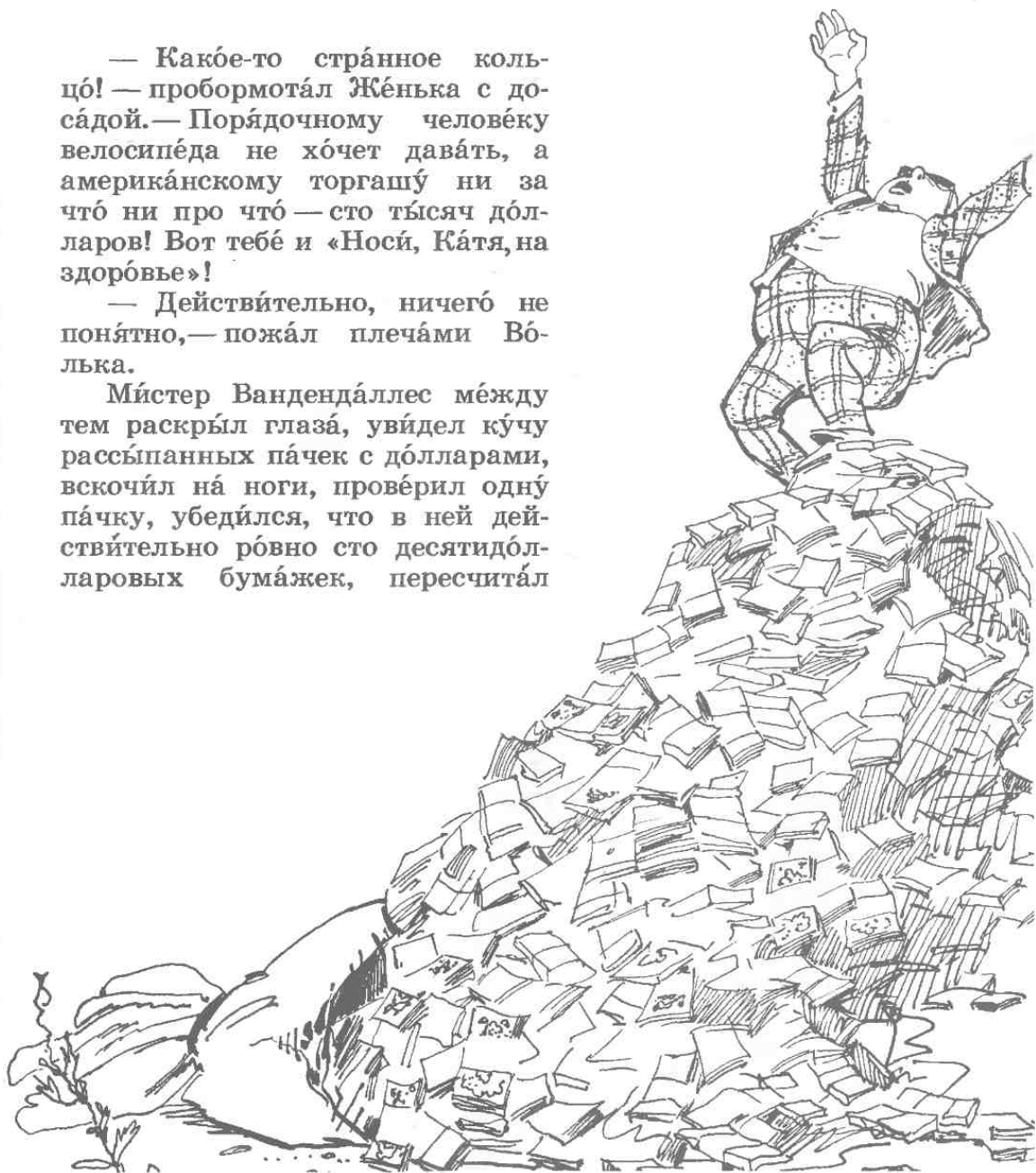
Сто аккуратно перевязанных зелёных пачек распирала его полотняные бока. В каждой пачке было по сто десятидолларовых бумажек.

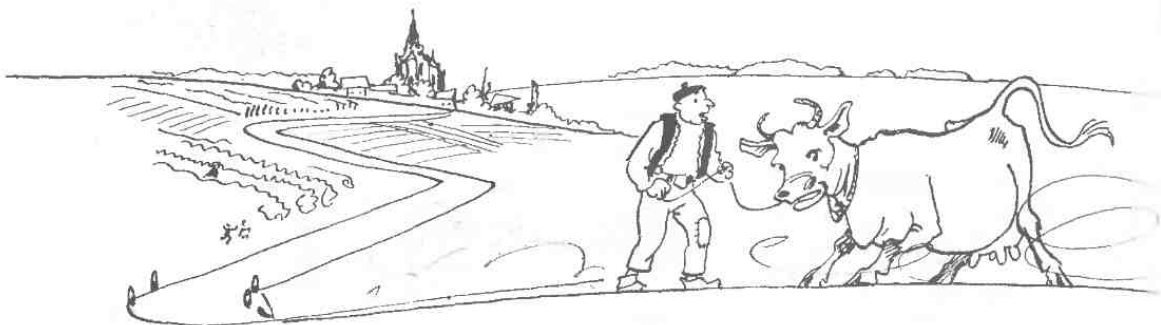

— Какое-то странное кольцо! — пробормотал Женька с досадой. — Порядочному человеку велосипеда не хочет давать, а американскому торговцу ни за что ни про что — сто тысяч долларов! Вот тебе и «Носи, Катя, на здоровье»!

— Действительно, ничего не понятно, — пожал плечами Волька.

Мистер Вандендаллес между тем раскрыл глаза, увидел кучу рассыпанных пачек с долларами, вскочил на ноги, проверил одну пачку, убедился, что в ней действительно ровно сто десятидолларовых бумажек, пересчитал

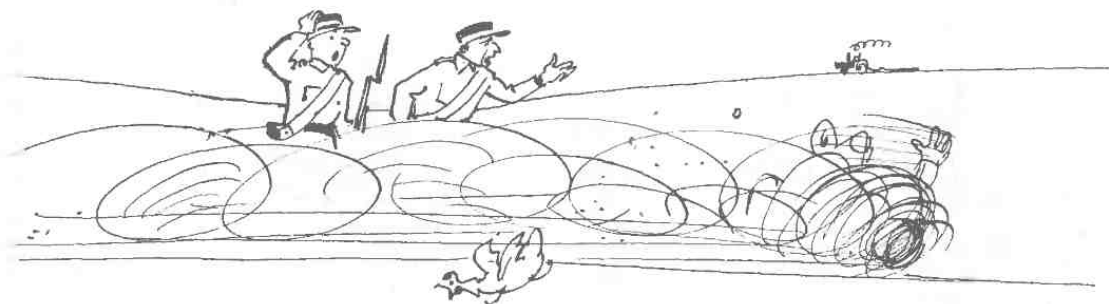
пачки и удостоверился, что их ровно сто штук. Но довольная улыбка недолго задержалась на его багровой физиономии. Только он успел завязать дрожащими от волнения руками драгоценный мешок, как глаза его снова загорелись алчным огнём.

Он крепко прижал мешок к своей жирной груди, снова повернул кольцо и запальчиво крикнул:

— Сто тысяч мало!.. Чтобы мне сейчас же был сто миллионов долларов... Живо!..

Он еле успел отпрыгнуть в сторону, как на траву с глухим шумом грохнулся огромный мешок весом в добрые десять тонн. От удара мешок треснул по всем швам, и на траве вырос внушительный холм из ста тысяч пачек американских ассигнаций. В каждой пачке было по сто штук. Как и в прежних пачках, в этих тоже было по сто десятидолларовых бумажек, ничем не отличавшихся от настоящих, за исключением того, что на всех значился один и тот же номер. Это был тот самый номер, который Хоттабыч успел заметить на десятидолларовой бумажке, которую ему показал осатаневший от жадности владелец «волшебного» кольца.

Вряд ли это порадовало бы мистера Вандендаллеса: в любом банке обратили бы внимание на номера ассигнаций, а одинаковые номера бывают только на фальшивых деньгах. Но мистеру Вандендаллесу сейчас было не до проверки номеров. Поблудневший от волнения, взобрался он на вершину бесценного холма и выпрямился, как

монумент, как живое олицетворение торгашеской алчности, готовой на любую подлость, на самое бесчеловечное преступление ради лишней пачки денег, дающих у него на родине и во всем капиталистическом мире власть над людьми. Волосы у Вандендаллеса растрепались, глаза горели сумасшедшим блеском, руки дрожали, сердце бешено стучало в груди.

— А теперь... а теперь... а теперь я хочу десять тысяч золотых часов, усыпанных бриллиантом, двадцать тысяч золотых портсигар, тридцать... нет, пятьдесят тысяч ожерелий из жемчуга, пятнадцать тысяч старинный фарфоровый сервиз!.. — вопил он уже без перерыва, еле успевая уклоняться от падавших на него несметных богатств. — Чего вы тут стоите, как господа? — свирепо крикнул он стоявшим поодаль Хоттабычу и Вольке с Женей, которые смотрели на него с нескрываемым отвращением. — Вы есть мой рап, вы есть мой слюги! Вы имейте немедленно собирать эти вещи и складывать в кучка! Быстро! Или я вас всех буду побить через бокс!

— Нельзя ли полегче! — рассердился Волька. — Вы не у себя в Америке. И вы имейте дело не с рабами, а со свободными советскими людьми, вот с кем!

— Да, вы сейчас будете быть мой рап!.. Сейчас... один минут... сейчас вы будете стать навек мой рап!..

Вандендаллес повернул кольцо и проревел, потрясая в воздухе потными кулачками:

— Я имéю желáний, чтóбы этот нахáльный старíк и эти непокорные и дерзкие совьётские мáльчики бьли мой рап, чтóбы онí чíстили ботíнки моём дёткам, чтóбы бьли мой слюгá всегдá, до концá жízни!.. Я имéю ещё одíн мáленький желáний: я имéю желáний, чтоб все фáбрики, все шáхты, все завóд, все бáнки, все желéзный дорóга, аутомобíль и самолёт, вся землá и все лесá в Совьётский Союз принадлежáл мне, моёй фíрме «Гáрри Вандендáллес и сыновья», и тóлько моёй фíрме!.. Ты имеешь сльшáть, волшэбное кольтсóу?.. Немédленно вышолнй мой приказáний! Я имéю быть америкáнский деловой человек, и я не имéю врёмя ждáть... Вся Россíя, весь мир дóлжен принадлежáть америкáнскому деловой человек!..

— А не хвáтит ли тебе, о краснолицый чужеземец, ужé полúченных богáтств? — стрóго освéдомился Хоттáбыч.

— Молчáть! — заорáл Вандендáллес и в нействовстве затóпал ногáми. — Когдá хозяин дéлает бízнес, слюгá имéет обязáнность молчáть!... Кольтсóу, вышолнй моё приказáний! Бízстро!.. А тебе, черномáзый старикашка, я покажú чéрез бокс, как нáдо имéть слюшáться свой бéлый америкáнский хозяин!

И он кíнулся с кулакáми на Хоттáбыча. Но Вóлька и Жéнька с такой сíлой вцепíлись в Вандендáллеса, что тот рúхнул на травú, как бревнó.

— Как вы смéете мешáть свой хозяин бить чéрез бокс свой плохой слюгá! — закричáл он, порывáясь встáть нá ноги. — Вы тепёрь есть мой покóрный рап!..

— Убирáйся ты к себе обрáтно в свою Амéрику, империалист проклáтый! — крикнул ему запыхáвшийся Вóлька. — Вон из нáшей страны!.. Чтóб здéсь твоегó дúху нé было! Катíсь отсúда!

— Да бúдет так! — сурóво подтвердíl Хоттáбыч словá Вóльки и выдернул из бороды чéтыре волоскá.

В то же мгновéние слóвно сквозь зёмлю провалíлись мешкí с дóлларами, ящикí с сервízами, часáми, ожерелья́ми — слóвом, всё то, что принесло мíстеру Вандендáллесу серéбряное кольцо. А сам он вдруг бízстро-бízстро пока-

тился по траве, а затем по дорожке в том направлении, откуда так недавно появился, полный надежд. Немного погодя он пропал в отдалении, оставив за собой лёгонькое облачко пыли...

Когда ребята несколько пришли в себя от всего происшедшего, Волька задумчиво промолвил:

— Ничего не понимаю... Какое же это, в конце концов, кольцо, — волшебное или простое?

— Конечно, простое, — ласково отвечал Хоттабыч.

— Почему же оно, в таком случае, исполняло желания этого американского разбойника?

— Это не оно исполняло, это я исполнял.

— Ты?! Зачем?

— Из вежливости, о пытливейший из отроков. Мне было неудобно перед этим человеком. Я беспокоил его в магазине, я приставал к нему, когда он возвращался к себе домой, я немало надоел ему, пока он захлопнул предо мною двери своего жилища, и мне неловко было не выполнить несколько его пожеланий. Но жадность его и его чёрная душа отвратили от него моё сердце...

— Тó-то же! — сказал Волька.

Выходя из сада на улицу, Хоттабыч наступил на какой-то маленький круглый предмет. Это было кольцо «Носи, Катя, на здоровье». Вандендаллес потерял его, когда, катясь, пытался вцепиться руками в траву. Старик поднял кольцо, вытер его своим огромным ярко-синим носовым платком и молча надел на безымянный палец правой руки...

Уже Волька с Хоттабычем и Женька Богорад давно вернулись домой, успели лечь спать и проснуться утром следующего дня, а мистер Гэрри всё ещё катился и катился.

Около восьми часов утра следующего дня километрах в четырёхстах к востоку от Парижа девятилетняя француженка Жанна Дакю была по дороге в школу сбита с ног каким-то быстро катившимся предметом, напоминавшим, по её словам, мешок, туго набитый тряпками.

Примерно пятью часами позже рыбак Гастон Шарматье, чинивший сети на берегу пролива Па-де-Калэ, обернувшись на необычный шум, заметил, как с дороги свернул под откос и стремительно плюхнулся в воду тяжёлый продолговатый предмет, походивший, как ему показалось, на грубо обтёсанное и страшно запылённое дубовое бревно, и, быстро вращаясь, стал удаляться от берега. Нуждаясь в дереве для починки своей хижины, Шарматье спустил лодку на воду, но, как ни старался, так и не мог нагнать это удивительное бревно.

Пять пароходов, шедших из Америки в Европу с оружием и яичным порошком, и три парохода, возвращавшихся из Европы в Америку с награбленным по «плану экономической помощи» ценным сырьём, отметили в своих судовых журналах встреченное в открытом океане странное существо, напоминавшее большого дельфина, но плывавшее, как верблюд, и время от времени завывавшее, словно издыхающая гиена. Как известно, дельфины не плюются и не воют и, главное, не катятся по волнам, а плывут большей частью под водой, рылом вперёд и спиной кверху, или кувыркаются. Поэтому все восемь вахтенных офицеров сочли необходимым отметить, что, скорее всего, это всё-таки был не дельфин, а какое-то другое, до сего времени не известное науке животное. Один из вахтенных офицеров, обладавший склонностью к научной работе, сам того не подозревая, очень метко назвал это необычное существо «атлантическим шакалом».

Утром следующего дня, когда супруга мистера Вандендэллеса, обеспокоенная долгим отсутствием мужа собралась уже заявить о его исчезновении, из-за океана пришла шифрованная телеграмма:

Гарри Вандендэллес сегодня утром обнаружен задворках Уолл-стрита сильно испачканном виде как очутился здесь объяснить не может или не хочет во всяком случае как показала тщательная проверка прибыл ли самолётом ни на пароходе срочно вызывает домой миссис Вандендэллес.

XXX. ДОЛОГ ПУТЬ ДО СТАДИОНА...

В этот весёлый и солнечный летний день, когда наши друзья отправились на футбольное состязание, приключения начались ещё в вестибюле метро.

— Не понимаю, к чему стоять в очереди у кассы, когда можно свободно воспользоваться автоматом, — сказал Бóлька и побежал разменять трёхрублёвку.

На трёх требовалось мелочи на полтора рубля, по полтиннику на брата.

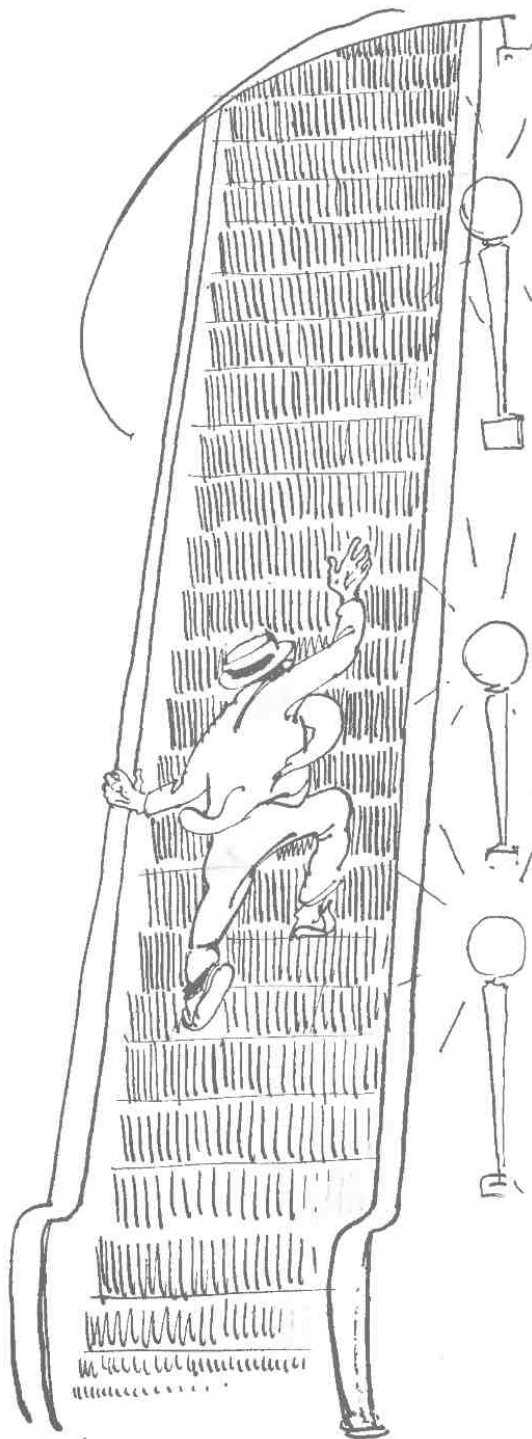
В парфюмерном киоске Бóльке просто отказали; женщина, торговавшая мороженым, объяснила ему, что мелочь нужна ей самой для сдачи; продавец в кондитерском киоске заинтересовался, зачем мальчику понадобилась мелочь, и, узнав, в чём дело, посоветовал купить билеты в кассе, у которой сейчас не было ни одного человека.

Действительно, к этому времени очереди у кассы не стало, но Бóлька всё же стал в очередь у нарзанного киоска и минуты через три, выпив стакан шипучей воды, получил всю сдачу двугривенными и пятиалтынными.

— Ну вот, видите, как всё это просто, и совсем не нужно стоять в очереди у билетной кассы, — бодро кинул он своим друзьям и выдал каждому из них на руки по двугривенному и по два пятиалтинных.

Уже Бóлька и Жёня давно держали в руках вкусно пахнущие типографской краской продолговатые кусочки тонкого картона, а Хоттабыч всё ещё возился у своего автомата. Он без устали опускал в щель монетки, и они тотчас же со звоном вываливались оттуда, откуда должен был выпасть, но никак не выпадал билет. Старик даже вспотел от усердия; он сдвинул шляпу на затылок и трудолюбиво продолжал свои попытки, но каждый раз всё с тем же печальным исходом. Наконец он не выдержал, сдался и сокрушённо промолвил:

— Увы, о достойнейшие мои друзья, вам придётся поехать без меня, ибо я бессилён против этого красивого железного ящичка. Он заколдован и непрестанно выплёвывает

обратно деньги вашего смиренного слуги. Уверю вас, всё это происки моего заклятого врага Джёрджиса.

— Ох и дался же тебе этот Джёрджис! — рассмеялся Волька. — Дай-ка мне твои монетки, сейчас я их опущу в автомат, и всё будет в порядке.

С этими словами он опустил два пятиалтынных и двугривенный в щель ближайшего автомата, и билет тотчас же появился.

— Ты велик и могуч, о Волька! — сказал ему тогда старик с благоговением. — Я преклоняюсь перед твоими поистине неизъяснимыми способностями.

— И совсем я не могуч, — честно ответил Волька. — Просто надо пользоваться исправными автоматами.

XXXI. ВТОРОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В МЕТРО

Против всяких ожиданий, Хоттабыч очень спокойно отнёсся к

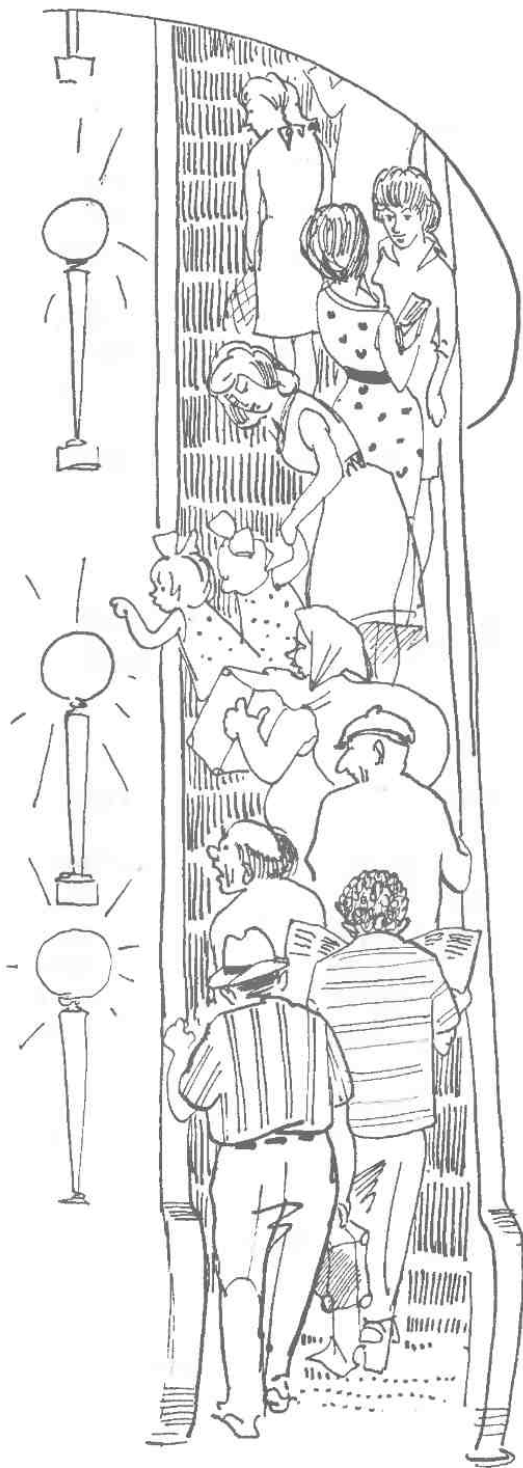
спуску на эскалаторе.

Он с любопытством ступил на движущуюся бесконечную ленту, которая тут же превратилась в лестницу с красивыми металлическими рёбрами, и уже внизу, на перроне, скромно сказал своим молодым спутникам:

— Движущаяся лестница — это ведь очень просто. Если тебе, о Волька, это доставит удовольствие, я сегодня же превращу в движущуюся любую лестницу твоего дома, да будут благословенны его фундамент, крыша и в особенности четвёртый этаж, на котором ты столь счастливо проживаешь.

— Потом поговорим, — уклонился Волька от прямого ответа. Он сомневался, получится ли что-нибудь путное из предложения Хоттабыча. — Я подумаю.

Но подумать не пришлось, потому что как раз в это время из чёрной глубины тоннеля донёсся глухой лязг приближающегося по-

езда, в темноте засверкали прожекторы головного вагона, предостерегающе загудела сирена, и к перрону подкатил нарядный, ярко освещенный голубой поезд.

— Айда во второй вагон! — озабоченно командовал Волька и тут же обнаружил, что Хоттабыч исчез.

Тогда они ринулись сквозь толпу с тревожными криками:

— Хоттабыч, Хоттабыч! Куда ты девался, Хоттабыч!

— Я здесь, о друзья мои! Я здесь, ваш несчастный слуга! — донёсся откуда-то сверху печальный голос пропавшего старика.

Вскоре они его увидели. Он пытался выбежать на улицу по тому самому эскалатору, который только что доставил их на перрон. Все старания Хоттабыча ни к чему не приводили, потому что, пока он делал ослабевшими от страха ногами несколько шагов вперёд, лестница на такое же расстояние спускалась вниз. И получалось, что старик перебирал ногами, оставаясь на одном месте, как белка в колесе.

— Слезай с эскалатора! — крикнул ему снизу Волька.

Но старик, очевидно, никак не мог догадаться, как это сделать, хотя для этого достаточно было просто повернуться лицом к перрону.

Пришлось Вольке взбежать по эскалатору, поднимавшемуся вверх, чтобы спуститься затем к топтавшемуся на месте Хоттабычу.

Волькин билет стал уже не действительным, но покупать новый билет было некогда, так как старик мог за это время окончательно выбиться из сил.

— Я только что снизу, — сказал Волька, задыхаясь, контролёрше. — Видите, во-он там у меня старик застрял!

— Наверно, впервые в метро? — сочувственно покачала головой контролёрша и пропустила Вольку со старым билетом.

Через несколько секунд Волька добрался до Хоттабыча, повернул его лицом к перрону и благополучно спустился с ним вниз.

— Чего ты удрал, чудак-человек? — спросил он у старика.

— Я увидел, повелитель мой, как из подземелья выползало гремучее чудовище с огненными глазами, и я не мог не бежать. Я не труслив, но укажи мне хоть одного джинна, который бы не испугался, увидев эти страшные глаза.

— Ну что это такое, в самом деле! — жалобно захныкал Волька. — Ну ты же сам клялся мне, что не будешь бояться метро!

— Нет, не клялся! Я обещал тебе не бояться и действительно не боюсь уже автобусов, троллейбусов, грузовиков, трамваев, вертолетов, автомашин, прожекторов, эскалаторов, пишущих машинок, патефонов, радиорупоров, пылесосов, электрических выключателей, примусов, телевизоров, вентиляторов и резиновых игрушек «уйди-уйди». А про метро даже разговора не было.

Старик был прав: про метро Волька тогда забыл.

— Никакое это не чудовище, это обыкновенный поезд метро, и давай, пожалуйста, не задерживай нас больше своими глупыми страхами!

Они побежали по перрону к только что прибывшему поезду и, работая локтями, стали пробираться внутрь вагона. Народу было много, поезд шёл переполненный, и, когда издали донёсся голос начальника поезда: «Готов!» — автоматические двери вагонов бесшумно закрылись и поезд ушёл, оставив Хоттабыча на опустевшей платформе.

Он опоздал на одну секунду — он хотел посмотреть, кто это крикнул «готов!».

XXXII. ТРЕТЬЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ В МЕТРО

Хоттабыч не выдержал обрушившегося на него нового несчастья. Он стал бегать взад и вперёд вдоль опустевшей платформы, яростно вырывая клочья волос из своей бороды и вопя во весь голос:

— Горе мне, горе мне, несчастному джінну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу! Что я здесь буду делать один, в этом таинственном подземном дворце?

Подошёл дежурный по станции, увидел разбросанные по перрону клочки бороды и сказал:

— Гражданин, в метро надо соблюдать тишину... и чистоту...

«Погиб! — подумал Хоттабыч. — Совсем погиб!» Он испугался этого вежливого молодого человека в красной фуражке не меньше, чем поезда. Сам Волька относился к дежурному по станции с почтением. Старик почувствовал, что дело совсем плохо, и решил дорого продать свою жизнь.

К счастью, дежурный снова вступил в разговор, и старик немедленно изменил своё решение.

— Гражданин старичок, — участливо сказал ему дежурный, — вы совершенно напрасно огорчаетесь. Сейчас будет другой поезд, и вы чинно-благородно поедете себе к месту назначения.

Старик хотел ему что-то ответить, пожаловаться на горькую свою судьбу, но вдруг почувствовал, что от страха и сильных волнений позабыл русскую речь.

Он что-то забормотал по-арабски, и дежурный с огорчением развёл руками:

— В таком случае, гражданин, пойдёте-ка со мной в диспетчерскую, посидите там, а я пока что схлопочу человека, разговаривающего по-вашему.

Он мягко взял Хоттабыча под руку, чтобы отвести в диспетчерскую, и неизвестно ещё, сколько

времени старик проторчал бы там, если бы к противоположной стороне перрона не подкатил новый поезд, из которого выскочили Волька с Жёней и со всех ног бросились к Хоттабычу.

— Вот он, вот он! — кричали они. — Ох и хлопот же с тобой, Хоттабыч!

Откуда-то появилась уборщица с метёлкой. Она подмела клочья стариковой бороды и высыпала их в урну как раз в тот самый момент, когда Хоттабыч со своими друзьями уселись наконец в ярко освещённый вагон метро, в котором они и доехали благополучно до станции «Динамо».

XXXIII. ЛИШНИЕ БИЛЕТКИ

В дни футбольных состязаний всё население Москвы разбивается на два не понимающих друг друга лагеря. В одном лагере — энтузиасты футбола. В другом — загадочные люди, совершенно равнодушные к этому увлекательнейшему виду спорта. Первые ещё задолго до начала состязаний устремляются со всех концов города к высоким воротам стадиона. На тех, кто направляется в это время в обратную сторону, в центр, они смотрят с чувством собственного превосходства.

Остальные москвичи, в свою очередь, недоумённо пожимают плечами, видя, как сотни переполненных трамваев, автобусов, троллейбусов и тысячи легковых машин медленно плывут в бурном и шумном море пеших болельщиков.

Но и лагерь болельщиков, столь единый для сторонних наблюдателей, раздирается на самом деле в эти дни глубочайшими и почти неразрешимыми противоречиями. Этого не видно, пока болельщики находятся ещё в пути, но у заветных ворот стадиона эти противоречия выступают сразу во всей своей остроте и непримиримости. Тогда вдруг оказывается, что у одних граждан есть билеты, а у других билетов нет. Те, у кого есть билеты, солидно и спо-

кóйно проходѣют на стадион. А остальные озабоченно шныряют взад и вперёд и кидаются на приближающихся граждан с жалостливыми возгласами: «Лишнего билётника не найдётся?», «Гражданин, у вас нет лишнего билётника?».

Но лишних билётников, как правило, оказывается так мало, а нуждающихся в них так много, что Волька и его друзья остались бы ни при чём, если бы Хоттабыч не пустил в ход своё искусство.

— С радостью и удовольствием, — промолвил он в ответ на Волькину просьбу. — Сейчас у вас будет сколько угодно билётов.

И точно, не успел он договорить последнее слово, как у него в руках оказалась целая пачка зелёных, голубых, розовых и жёлтых билётов.

— Достаточно ли тебе будет, о прелестный Волька, этих разноцветных листочков бумаги? Если не хватит, то я...

Он помахал билётами, и это чуть не стоило ему жизни.

— Ой, лишние билётники! — обрадованно крикнул один из болельщиков и изо всех сил рванул к Хоттабычу.

Через несколько секунд не меньше полутораэта возбуждённых людей прижало Хоттабыча к бетонному забору стадиона, так что старик тут бы и кончился, если бы Волька, отбежав чуточку в сторону, не гаркнул изо всех сил:

— Граждане, кому лишние билётники? А ну, кому лишние билётники?..

При этих волшебных словах все, кто только что наседали на Хоттабыча, бросились к Вольке, но тот нырнул в толпу и как сквозь землю провалился. А ещё через минуту Волька, Жёня и Хоттабыч предъявили контролёру, стоявшему у северных ворот, три билёта и прошли на стадион, оставив позади себя сотни людей, которым так и не суждено было в этот день попасть на состязание.

XXXIV. ОПЯТЬ ЭСКИМО

Только друзья расселись на своих местах, как к Хоттабычу подошла девушка в белом переднике и с белым лакированным ящиком, висевшим на ремне через плечо.

— Эскимо не потребуется? — спросила она и тут же испуганно вскрикнула.

Будем справедливы: любой на её месте испугался бы.

В самом деле, какого ответа могла ожидать продавщица эскимо? В лучшем случае: «С удовольствием. Дайте мне, пожалуйста, две порции». В худшем случае: «Нет, знаете ли, лучше не надо».

Теперь представьте себе, что старичок в канотье, услышав вежливый вопрос продавщицы, сразу покраснел, как помидор, глаза его налились кровью, весь он как-то нахмурился, угрожающе наклонился вперёд и устрашающим шепотом произнёс:

— А-а-а! Ты хочешь известить меня своим проклятым эскимо! Так нет же, это тебе не удастся, презренная! Мне хватит на всю жизнь тех сорока шести порций, которые я, старый дуралей, съел в цирке и чуть было не отправился к праотцам. Трепещи же, несчастная, ибо я сейчас превращу тебя в безобразную жабу!..

Промолвив это, он встал и уже приподнял над головой свои сухие, морщинистые руки, когда сидевший рядом с ним мальчик с выгоревшими бровями на веснушчатом лице повис на руках старика:

— Она не виновата, что ты пожадничал и объелся мороженым... Сядь, пожалуйста, на место и не делай глупостей!

— Слушаю и повинуюсь, — покорно ответил старичок, опустил руки, уселся на своё место и внушительно добавил, обращаясь к перепуганной продавщице: — Можешь идти. Я тебя прощаю. Уходи с миром и будь до конца своих дней благодарна сему отроку, ибо он спас тебе жизнь.

Девушка так до конца игры и не появлялась в этом проходе.

XXXV. СКОЛЬКО НАДО МЯЧЕИ?

Между тем стадион бурлил той особой, праздничной жизнью, которая всегда кипит на нём во время решающих футбольных состязаний. Гремело радио. Восемьдесят тысяч человек с жаром обсуждали возможный исход предстоящей игры, и от этого обсуждения в воздухе всё время стоял ровный, ни с чем не сравнимый гул человеческих голосов. Все с нетерпением ждали начала состязания.

И вот наконец на изумрудно-зелёном поле появился судья со своими помощниками. В руках у судьи был мяч, которому суждено было в этот день вынести немало ударов, проделав по земле и в воздухе не один километр, с тем чтобы, попав несколько лишних раз в чьи-то ворота, решить тем самым, какой из команд достанется в этот день победа. Судья положил мяч в самом центре поля. Обе команды выбежали из своих раздевалок и построились друг против друга. Капитаны обменялись рукопожатиями, бросили жребий, какой команде играть против солнца. Этот печальный удел выпал на долю спортивного общества «Зубило», к великому удовольствию команды общества «Шайба» и части болельщиков.

— Не сочтёшь ли ты, о Волька, возможным объяснить твоёмu недостойному слуге, что будут делать с мячом эти двадцать два столь симпатичных мне молодых человека? — почтительно осведомился Хоттабыч.

Но Волька в ответ только нетерпеливо отмахнулся:

— Сейчас всё сам поймёшь!

Как раз в этот момент игрок «Зубила» звонко ударил носком бутсы по мячу — и состязание началось.

— Неужели этим двадцати двум приятным молодым людям придётся бегать по столь обширному полю, терять силы, падать, толкать друг друга только для того, чтобы иметь возможность несколько мгновений погонять невзрачный кожаный мячик? И всё это лишь потому, что на всех нашёлся для игры только один мяч? — недовольно спросил Хоттабыч через несколько минут.

Но Волька, увлечённый игрой, снова ничего старику не ответил. Было не до Хоттабыча: нападение «Шайбы» завладело мячом и приближалось к воротам «Зубила».

— Знаешь что, Волька? — шепнул своему приятелю Жёня. — Мне кажется, просто счастье, что Хоттабыч ничего не понимает в футболе. А то бы он тут таких дров наколол, что ой-ой-ой!

— И мне так кажется, — согласился с ним Волька и вдруг, ахнув, вскочил со своего места.

Одновременно с ним вскочили на ноги и взволнованно загудели и все остальные восемьдесят тысяч зрителей. Прозвительно прозвучал свисток судьи, но игроки и без того замерли на месте.

Случилось нечто неслыханное в истории футбола и совершенно необъяснимое с точки зрения законов природы: откуда-то сверху, с неба, упали и покатались по полю двадцать два ярко раскрашенных мяча. Все они были изготовлены из превосходного сафьяна.

— Безобразия!.. Неслыханное хулиганство!.. Кто это позволяет себе такие возмутительные шутки! — возбуждённо кричали на трибунах.

Конечно, виновника следовало немедленно вывести со стадиона и даже передать в руки милиции, но никто не в силах был его обнаружить. Только три человека из восьмидесяти тысяч зрителей — Хоттабыч и оба его молодых друга — знали, кто этот виновник.

— Что ты надёдел! — зашептал Волька Хоттабычу на ухо. — Ты остановил всю игру и лишил шайбовцев верного гола!

Насчёт неудачи шайбовцев Волька, впрочем, сказал без особого огорчения: он «болел» за «Зубило».

— Я хотел, чтобы было лучше, — также шепотом оправдывался Хоттабыч. — Я думал, будет удобнее, если каждый игрок получит возможность, не толкаясь и не бегая как сумасшедший по этому огромному полю, вволю поиграть собственным мячом.

— Ну что мне прикажешь с тобой делать! — развёл Волька руками, усадил старика на место и наспех объяснил ему основные принципы футбола. — Вот жалко только, что «Зубилу» приходится играть против солнца, а во второй половине игры, когда команды поменяются местами, солнце уже никому не будет мешать. Получается, что шайбовцы ни за что ни про что находятся в лучших условиях, — выразительно сказал напоследок Волька. Он надеялся, что Хоттабыч учтёт его слова.

— Действительно, несправедливо, — согласился старик, и в то же мгновение солнце скрылось за лёгким облачком и не появлялось до самого конца игры.

Между тем с поля убрали лишние мячи, судья зачёл время, ушедшее впустую, и игра продолжалась.

После Волькиных объяснений Хоттабыч стал следить за состязанием со всё большим и большим интересом. Шайбовцы, лишившиеся в результате истории с двадцатью

двумя мячами верного гола, нервничали. А старик чувствовал себя виноватым перед ними и терзался угрызениями совести.

XXXVI. ХОТТАБЫЧ ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Так роковым образом разошлись симпатии Вольки Костылькова и Гассана Абдурахмана ибн Хоттаба. Когда первый сиял от удовольствия (а это бывало каждый раз, когда кто-нибудь из команды «Шайба» бил мимо ворот противника), старик, сидел мрачнее тучи. Зато когда нападение «Зубила» «мазало» мимо ворот «Шайбы», картина резко менялась: Хоттабыч заливался счастливым смехом, а Волька страшно злился:

— Не понимаю, Хоттабыч, что ты находишь в этом смешного? Чуть-чуть не было гола!

— Чуть-чуть не считается, о драгоценнейший, — отвечал ему Хоттабыч где-то подслушанной фразой.

Старик, впервые столкнувшись с футболом, не знал ещё, что бывают болельщики. Волькино огорчение по поводу солнца, бывшего в глазах команды «Зубило», он воспринял как простую заботу мальчика о справедливости. О том, что он сам стал болельщиком, он, конечно, и не подозревал, как не подозревал об этом и Волька. Волька был так увлечён тем, что происходило на поле, что на остальное не обращал ни малейшего внимания. Это и послужило причиной необыкновенных событий, приключившихся в тот день на стадионе.

Началось с того, что в один особенно напряжённый момент, когда нападение «Зубила» приближалось к воротам «Шайбы», Волька нагнулся к самому уху Хоттабыча и горячо прошептал:

— Хоттабыч, миленький, раздвинь, пожалуйста, чутьточку ворота «Шайбы», когда зубиловцы будут по ним бить.

Старик насупился:

— А какая от этого была бы польза «Шайбе»?

— «Шайбе» и не надо. От этого «Зубилу» польза будет!

Старик промолчал. Зубиловцы снова промазали. А через две-три минуты дюжий молодец из нападения «Шайбы» под одобрительные крики зрителей забил классический мяч в ворота «Зубила».

— Егорюшка, ты только не вздумай надо мной смеяться, — сказал вполголоса вратарь «Зубила» одному из запасных игроков, когда игра на короткое время перешла на поле «Шайбы», — я готов поклясться, что штанга моих ворот подыгрывает шайбовцам...

— Что-о-о-о?!

— Понимаешь, когда они били по воротам, правая штанга... честное благородное слово!.. правая штанга... отодвинулась сантиметров на пятьдесят в сторону и пропустила мяч... Я это видел собственными глазами!

— Температуру мерил? — спросил запасной игрок.

— Чью — штанги?

— Нет, свою. У тебя, наверно, сильный жар.

— Тьфу! — плюнул обиженно вратарь и заметался в воротах.

Шайбовцы, ловко обводя защиту, стремительно приближались к воротам «Зубила».

Бац! Второй гол за три минуты! Причём оба раза не по вине вратаря «Зубила». Вратарь дрался как лев. Но что он мог поделать? В момент удара по воротам их верхняя планка сама по себе приподнялась ровно настолько, чтобы мяч пролетел, чуть задёв кончики его пальцев.

Кому сказа́ть об э́том? Кто пове́рит? Вратарю́ ста́ло гру́стно и стра́шно, как ма́ленькому ма́льчику, попа́вшему но́чью в дрему́чий лес.

— Ви́дел? — спроси́л он безнаде́жным го́лосом у Егорушки.

— К-к-к-к-ажется, ви́дел, — отве́тил, заика́ясь, запасно́й игро́к. — То́лько ник-к-кому́ не ска́жешь. Все́ равно́ никто́ не пове́рит.

— То́-то и оно́, что никто́ не пове́рит, — ско́рбно согласи́лся вратарь «Зуби́ла».

А в э́то вре́мя на се́верной трибу́не разгорале́сь ти́хий сканда́л.

Де́ло в том, что за секунду́ до второ́го го́ла Во́лька заме́тил, что стари́к тайко́м вы́драл волосо́к из боро́ды.

«За́чем бы э́то ему́?» — с беспokóйством подумал Во́лька, кото́рый все́ ещё не дога́дывале́ся, каки́е собы́тия назрева́ют на футбо́льном по́ле.

Но и э́та мысль пришла́ Во́лке не сразу́.

Сли́шком уж пло́хо для «Зуби́ла» оборо́чивале́сь сегóдняшнее состязáние. Бы́ло не до стари́ка.

Одна́ко тре́тий гол в воро́та «Зуби́ла» сразу́ разъясни́л обстано́вку.

В са́мом де́ле: приближа́лся коне́ц пе́рвой полови́ны игры́, и сча́стье как бу́дто обрати́лось наконе́ц лицо́м к «Зуби́лу». Игрá перешла́ на по́ле «Ша́йбы». Зуби́ловцы, что назывáется, зéмлю ры́ли, и вско́ре лу́чший их напада́ющий с неверо́ятной си́лой по́дал мяч в ве́рхний у́гол воро́т «Ша́йбы».

Все́ во́семьдесят ты́сяч зри́телей в неопису́емом волне́нии привско́чили со свои́х мест. Э́тот ве́рный гол до́лжен был откры́ть счёт «Зуби́ла». Во́лька и Же́ня, дру́жно бо́левшие за «Зуби́ло», радо́стно подмигну́ли друг дру́гу, но тут же разочарова́нно вздохну́ли: был ве́рный мяч, а уда́рился в ве́рхнюю штангу́, да ещё с тако́й си́лой, что звон поше́л по все́му стадио́ну.

Звон мяча́ сли́лся с гро́мким во́плем, кото́рый изда́л вратарь «Ша́йбы»: опу́стившаяся штанга́ спасла́ вра-

таря от гола, но зато преböльно стүкнула его по голове. Теперь Волька всё пöнял и ужаснулся.

— Гассан Абдурахман ибн Хоттаб, — сказа́л он дрожащим го́лосом, — что же это такое? Ты же знаешь, что мы оба — и я и Женька — бо́леем за «Зубило»! А ты, выходи́т, совсе́м наоборот: бо́леешь за «Шайбу»?

— Увы, о благосло́венный, это так, — удруче́нно отве́тил старик.

— Ра́зве я не спас тебя́ из заточе́ния в гли́няном сосу́де? — го́рько продо́лжа́л Волька.

— Это ве́рно, как то, что сейча́с день, и как то, что тебя́ жде́т вели́кое бу́дущее, — еле слы́шно отве́ча́л Хоттабыч.

— Так почему́ же ты поды́грываешь «Шайбе», а не «Зубилу»?

— Увы, я не волен над свои́ми посту́пками, — отве́ча́л Хоттабыч, и крупны́е слёзы потекли́ по его́ морщи́нистому лицу́. — Мне о́чень хо́чется, что́бы вы́играла ко́манда «Шайба»...

XXXVII. ОБСТАНÓВКА НАКАЛЯЕТСЯ

— Смотри,— угрожающе заявил тогда Вóлька,— бóдет скандал!

— Пусть бóдет что бóдет.

В тот же миг вратáрь «Зубила» поскользнулся на совершенно сухом мёсте и пропустил в ворóта трéтий мяч.

— Ах так?! — заскрежетáл зубáми Вóлька.— Значит, по-хорóшему ты не хочешь? Лáдно!

Он вскочил на скамью и, указывая пáльцем на сидévшего у его ног Хоттáбыча, крикнул:

— Граждане! Он всё время подыгрывает «Шáйбе»!

— Кто подыгрывает?.. Судья подыгрывает?.. Что вы говорите?..— взволновáлись кругом.

— Да нет же, не судья!.. При чём здесь судья?.. Это вот этот старичок подыгрывает... Отстань от меня, пожалуйста!

Послédние слова обращены были к Жéне, котóрый испуганно дёргал своего приятеля за рукав. Жéня понимáл, что ничего путного из ссоры мéжду Вóлкой и стариком не полóчится. Но Вóлька не унимáлся, хотя никто ужé не относился серьёзно к его словам.

— Так ты говоришь,— покáтывались кругом со смеху,— так ты говоришь, что старичок отсюда, с сéверной трибуны, почём зря передвигаёт ворóта? Хи-хи-хи! Он, навэрно, в карма́не такой штéпсель оóбенный имéет, что́бы управлять ворóтами на расстоянии? Мóжет быть, это он и мячики недáвно на поле понакидал?

— Ну да, он! — ожесточённо подтвердил Вóлька, вбывав нóвые взрывы смéха.

— А землетрясение в Чили тóже его рук дéло? Хо-хо-хо! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

— Нет, в Чили не он,— чéстно разъяснил Вóлька.— Землетрясение — это от катастрофических сдвигов пóчвы. Тем бóлее, в Чили. А он совсем недáвно из сосóуда вылез.

В разговор вмешáлся пожилóй болéльщик, сидévший позади Вóлки. Вóлька его знал. Онí были сосéдями по

дому. Его звали Евгений Захарович. Это как раз он назвал своего сибирского котика Хомичем в честь прославленного вратаря.

— Ну, вот что, — благожелательно сказал он Вольке, когда смех немного утих, — ты лучше сам не лезь в сосуд, не срамись перед людьми, не говори глупостей и не мешай следить за игрой. Тут, брат, сейчас такое делается, и без тебя тошно! (Евгений Захарович тоже болел за «Зубило».)

Действительно, до перерыва оставалось ещё целых одиннадцать минут, а счёт уже был 14:0 в пользу «Шайбы».

С командой «Зубило» всё время происходили какие-то странные вещи. Она как бы разучилась играть: пасовка поражала своей беспомощностью и нелёпостью, игроки то и дело падали, как будто они только сегодня научились ходить.

А потом совершенно непонятно повела себя защита.

Боевые мастера футбола стали при одном виде мяча испуганно шараться в сторону, как от бомбы, которая вот-вот должна взорваться.

Ох как горько было нашим юным друзьям! Подумать только — сами себе на голову они объяснили Хоттабычу правила игры в футбол! Что предпринять? Как помочь несчастным зубиловцам восстановить справедливость? Что делать с Хоттабычем? Даже скандал не помог. Как, на самый худой конец, хоть отвлечь внимание старого джінна от поля, на котором разыгрывалась эта единственная в своём роде спортивная трагедия?

Выход нашёл Жёня. Он сунул в руки Хоттабычу газету «Советский спорт».

— Смотри, читай, какую чудную команду ты позоришь на всю страну!

И ткнул пальцем в страницу, на которой большими буквами был напечатан заголовок: «Растущая команда».

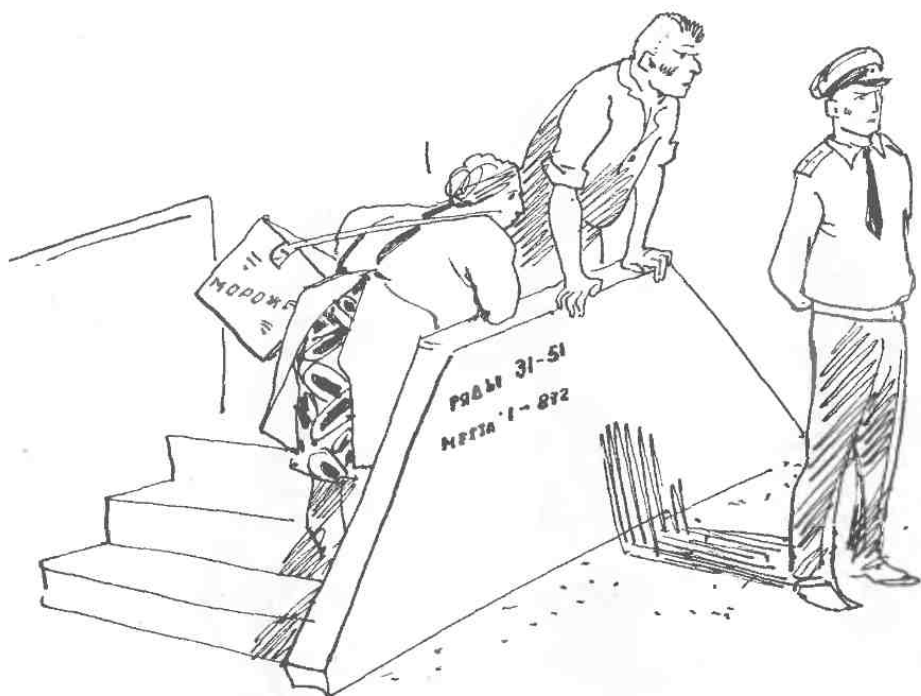
— Футбольная команда добровольного спортивного общества «Зубило», — прочёл вслух Хоттабыч, — за текущий сезон ощутительно повысила своё мастерство. Послед-

ний матч, проведённый ёю в Куйбышеве с футболистами местной команды «Крылья Советов», показёл, что в её лице...» Интересно! — заметил Хоттабыч и углубился в чтение.

Ребята счастливо перемигнулись. Только Хоттабыч занялся газетой, как команду «Зубило» словно подменили. Её нападение сразу показало, что сегодняшняя статья в «Советском спорте» вполне соответствует действительности. Мощный рёв десятков тысяч восторженных глоток сопровождал почти каждый удар зубиловцев по мячу. В полминуты игра перешла на поле «Шайбы». Удар!.. Ещё удар!.. Ну, право, что за молодцы эти зубиловцы!

Ещё несколько мгновений, и они наконец «размочат» свой злосчастный «сухой» счёт.

— Ага! — разбушевался за спиной Вольки Евгений Захарович. — Вот видите! Что я говорил!.. Они ещё наладят этим мазилам шайбовцам по первое число...

Ах, лучше бы он держал свой восторг при себе! Лучше бы он не ткнул в бок Хоттабыча кулаком с таким победоносным видом, как если бы зубиловцы были его родными и любимейшими сыновьями или, на худой конец, любимыми учениками!

Вздёргнув от этого тычка, Хоттабыч оторвался от газеты, бросил намётанный взгляд на футбольное поле, мигом оценил создавшуюся обстановку и вернул газету сразу поскучневшему Жёне:

— Потом дочитаю.

Он торопливо вырвал из бороды волосок, и снова начались позёрные и непостижимые страдания зубиловцев.

15:0!

16:0!

18:0!

23:0!

В среднем каждые сорок секунд в ворота «Зубила» влетали мячи.

Что стало с вратарём? Почему он прижалося лицом к боковой штанге и только вскрикивает: «Ой, мама!», когда бьют по его воротам? Почему он вдруг, ни с того ни с сего, уходит с задумчивым лицом из ворот в самый решающий момент, когда бой разгорается у самой штрафной площадки?

— Позор! — кричали ему с трибун. — Скандал! Как ты играешь?

Но он, прославленный вратарь первого класса, продолжал выходить нетвёрдым шагом из ворот в сторону, лишь только приближались шайбовцы.

— Что с тобой? — не находил себе места запасной игрок. — Очумел ты, что ли?

И вратарь отвечал ему со стоном:

— И верно, очумел. Меня всё время словно кто за шиворот волочит. Я упираюсь, а он меня толкает из ворот. Я к мячу, а он меня к штанге прижимает, да так, что не оторваться.

— Ой и худо же тебе, Гриша!

— И не говори!..

Обстановка на стадионе создавалась настолько необычная, что не осталось на нём ни одного человека,

вплоть до билетёров, милиционёров и лоточников, кто не переживал бы глубоко и шумно удивительные события, развернувшиеся перед их глазами.

Только один из завсегдатаев футбольных состязаний переживал эти события хотя и глубоко, но на редкость не шумно. Это был поразительно молчаливый мужчина лет пятидесяти шести, поджарый, седоволосый, долговязый, сдержанный до неправдоподобия, с длинным желтоватым замкнутым лицом. Оно было совершенно одинаково замкнутым и в дни рядовых состязаний, и в дни финальных игр, когда от одного удачного удара по мячу зависело, кому носить целый год золотые медали чемпионов страны. Он был всегда одинаково сух, прям и неподвижен, и на челе его высоком, как говорил поэт по совершенно другому поводу, не отражалось ничего.

Сегодня он был на своём обычном месте, как раз впереди Хоттабыча. Болел он за «Зубило», и можно себе представить, какие переживания терзали его впалую, костлявую грудь типичного канцелярского работника. Но только движения его глаз и еле заметные повороты головы показывали, что и ему далеко не безразлично то, что происходило на футбольном поле. У него, очевидно, было больное сердце, он берёг себя, сильные переживания угрожали ему серьёзнейшими неприятностями. Но даже когда он привычно нашаривал у себя в пиджаке коробочку с мелко наκόлотым сахаром и пузырёк с лекарством и начинал, не отрывая глаз от играющих, капать лекарство на сахар, лицо его по-прежнему было неподвижно, словно он смотрел в пустоту.

Счёт 23:0 чуть не доконал его. Он неожиданно раскрыл свои тонкие сероватые губы и деревянным голосом проскрипел:

— Хоть бы боржом продавали, что ли!

Хоттабыч, у которого душа пела, радуясь сказочным успехам шайбовцев, был больше чем когда бы то ни было склонен делать людям приятное. Услышав слова своего флегматичного соседа, он незаметно щёлкнул пальцами, и

в руках этого соседа внезапно и неизвестно откуда возник стакан с ледяным боржомом.

Любой на его месте удивился бы, на худой конец, обвёл бы глазами соседей. А он с тем же неизменным каменным лицом поднёс вспотевший стакан ко рту, но не выпил: бедным зубиловцам грозил двадцать четвёртый гол!

Так он и застыл со стаканом в поднятой руке, и Жёня, у которого голова всё ещё была занята поисками спасения бесславно погибнувшей команды, выхватил из руки вялого болельщика стакан с боржомом и выплеснул всё его содержимое на бороду Хоттабычу.

— Какое коварство! Какое низкое коварство! — ахнул старый джинн и стал лихорадочно дёргать один волосок за другим.

Вместо чистого хрустального звона ребята с наслаждением слышали хриплое и дребезжащее гудение натянутой бечёвки.

— А подыгрывать шайбовцам не коварство? — язвительно осведомился у него Волька. — Молчал бы лучше в тряпочку.

Тем временем, совсем как после четырнадцатого гола, вновь воспрянувшие зубиловцы снова прорвали фронт нападения и защиты «Шайбы» и яростно повели мяч к её воротам.

Защита шайбовцев от долгого бездействия разболталась и не смогла быстро мобилизоваться на борьбу с неожиданной опасностью. А вратарь — тот и вовсе сидел себе спокойно на травке и лúзгал дённые семечки.

Пока он, давясь непрожёванными семечками, вскакивал на ноги, зубиловцы ударили по незащищённым воротам, в самый центр.

И в то же время, к великой тоске наших юных друзей, послышался тоненький хрустальный звон. Так и есть, Хоттабычу удалось-таки разыскать в своей бороде сухой волосок! Эх, Жёня, Жёня, где были твой верный глаз, твой точная рука! Почему ты не прицеливался как следует? Пропали теперь зубиловцы ни за понюшку табакú!

— Хоттабыч, миленький, дорогой, дай зубиловцам хоть размочить игру! — взмолился Волька.

Но Хоттабыч прикинулся, будто ничего не слышит, и мяч, летевший в центр ворот, неожиданно свернул к левой штанге и ударился о неё с такой силой, что пролетел обратно через всё поле, старательно облетая встречавшихся на его пути зубиловцев, как если бы он был живой, и мягко вкатился в многострадальные ворота «Зубила».

24:0! При равных по силе командах этот счёт просто поражал.

И тогда Волька совершенно вышел из себя.

— Я требую, я, наконец, приказываю тебе немедленно прекратить это издевательство! — прошипел он Хоттабычу. — А то я навсегда прекращаю с тобой знакомство! Выбери: я или «Шайба»!

— Ты ведь сам любитель футбола, так неужели ты не можешь меня понять? — взмолился старик. Но, почуввав по Волькиному лицу, что на сей раз действительно может прийти конец их дружбе, Хоттабыч прошептал: — Я смиренно жду твоих приказаний.

— Зубиловцы не виноваты, что ты болеешь за «Шайбу». Ты их опозорил перед всей страной! Сделай, чтобы все видели, что они не виноваты в своём проигрыше.

— Слушаю и повинуюсь, о юный вратарь моей души.

Ещё не замолк свисток судьи, извещающий о том, что наступил перерыв, как все одиннадцать игроков команды добровольного спортивного общества «Зубило» дружно начали чихать и кашлять.

Кое-как построившись в затылок и вяло перебирая ногами, они поплелись в свою раздевалку унылой рысцой, непрерывно чихая и кашляя.

Через минуту туда вызвали врача: вся команда чувствовала себя нездоровой. Врач пощупал у всех пульс, предложил снять футболки, потом осмотрел у всех полость рта и, в свою очередь, вызвал в раздевалку судью:

— Вот что, Лука Евгеньевич: придётся игру отложить, а счёт признать недействительным.

— То есть, собственно говоря, почему?

— А потому, — растерянно отвечал доктор, — что команда «Зубило» не может быть по крайней мере семь дней выпущена на футбольное поле — она вся сплошь больна.

— Больна?! Чем больна?

— Очень странный медицинский случай, Лука Евгеньевич. Все эти одиннадцать вполне взрослых товарищей одновременно заболели детской болезнью — корью. Я бы, Лука Евгеньевич, сам не поверил, если бы только что не осмотрел их самым тщательным образом...

Так закончилось единственное в истории футбола состязание, в котором болельщик имел возможность колдовством воздействовать на ход состязания. Как видите, это ни к чему хорошему не привело.

Редкий факт, когда одиннадцать взрослых спортсменов вторично в своей жизни и одновременно заболели корью, а на другой день проснулись совершенно здоровыми, был подробно описан в статье известного профессора Л. И. Коклюш, напечатанной в научном медицинском журнале «Корь и хворь». Статья называется «Вот тебе и раз!» и пользуется таким успехом, что в библиотеках номер журнала с этой статьёй совершенно невозможно достать. Он всё время находится на руках.

Так что вы, дорогие читатели, лучше его и не ищите. Всё равно не найдёте, только зря время потратите.

XXXVIII. ПРИМИРЕНИЕ

Облачко, прикрывавшее солнце, по миновании надобности уплыло за горизонт. Снова стало жарко. Восемьдесят тысяч человек покидали стадион, медленно просачиваясь сквозь узкие бетонные проходы.

Люди не спешили — каждому хотелось высказать свой

соображения по поводу небывалых обстоятельств так странно закончившейся игры. Высказывались догадки, одна замысловатей другой. Но даже самые горячие головы не могли себе представить что-нибудь, хоть отдаленно напоминавшее действительные причины срыва состязания.

Только три зрителя не принимали участия в обсуждении. Они покинули северную трибуну, храня полное молчание. Молча влезли в переполненный троллейбус, без единого слова вылезли из него у Охотного ряда и разошлись по домам.

— Прекрасная игра футбол, — осмелился наконец заговорить Хоттабыч.

— Мда-а... — промычал в ответ Волька.

— Сколь сладостен, я полагаю, миг, когда ты забиваешь мяч в ворота противника! — продолжал упавшим голосом Хоттабыч. — Не правда ли, о Волька?

— Мда-а... — снова промычал Волька.

— Ты всё ещё на меня сердись, о вратарь моего сердца? Я умру, если ты мне сейчас же не ответишь!

Он семенит рядом со своим сердитым другом, уныло вздыхал, проклиная тот час, когда согласился пойти на стадион.

— Ты ещё спрашиваешь? — грозно ответил ему Волька, но продолжал уже значительно мягче: — Ну и заварил ты кашу, старик! всю жизнь буду помнить. Скажите пожалуйста, какой болельщик объявился! Не-е-ет, больше мы с тобой на футбол не ходим! И билетов твоих не надо.

— Твое слово для меня закон, — поспешно ответил Хоттабыч, очень довольный, что так дешево отделался. — Мне будет вполне достаточно, если ты мне изредка будешь своими словами рассказывать о футбольных состязаниях.

И они продолжали путь прежними друзьями.

Недалеко от Волькиного дома они услышали шум, крики, чей-то плач.

— Начинается! — сказал Волька. — Опять Серёжка Хряк даёт гастрбли.

— Гастрóли? — спросил Хоттабыч. — Он лицедéй?

— Он хулигáн, — отвéтил Вóлька. — От него ребятишкам прýмо спáсу нет.

XXXIX. ЧУДО В МИЛИЦИИ

Минут чéрез дéсять в кóмнату дежурного по отделéнию милиции вошли, крéпко держась за руки, пýтеро мальчишек в вóзрасте от одiннадцати до четырнадцати лет.

— Кто здесь бýдет дежурный? — спросил старший, по прóзвищу Серёжка Хряк.

— Я дежурный, — отвéтил млáдший лейтенáнт милиции, сидевший за деревянным барьером. — В чём дéло?

— Мы как раз к вам, товарищ млáдший лейтенáнт, — сказал убитым гóлосом Серёжка, волочá за собой всю цепóчку ребят. — Составьте на нас, пожáлуйста, протокол.

— Чтó-о-о?.. Протокол?.. За что мне прикажете составлять на вас протокол?

— За хулигáнство, товарищ млáдший лейтенáнт, — отвéтили в одiн гóлос ребята, продолжáя держаться за руки, как в хоровóде.

— Идiте отсюда! — досáдливо замахáл на них дежурный. — Не мешáйте работáть! Тóже шýточку выдумали! Вот возьмý и на сáмом дéле составлю протокол!

— Мы вас, товарищ дежурный, как раз об éтом и прóсим. Чéстное слóво, мы хулигáнили.

— Такóго ещё не бывáло, чтóбы озорники сáми проявляли такóую высóкую сознáтельность! — рассмеялся дежурный.

— Да мы вóвсе не высокó сознáтельные. Мы не по своей вóле пришли. Нас одiн старичóк прислáл. Нам обязáтельно трéбуется, чтóбы вы на нас составили протокол, а то нам так и придётся всю жизнь держáть друг дрýжку за руки.

— Это вам кто сказал? — фýркнул дежурный.

— А тот сáмый старичóк и сказал.

— А ну, разнимите-ка руки, ребята! — строго приказал им младший лейтенант.

— Мы не можем, товарищ дежурный, — печально ответил за всех Серёжка Хряк. — Мы уже пробовали — не получается. Нам этот старичок сказал, что, пока на нас не составят протокол, у нас руки будут как склеенные. И когда мы будем снова хулиганить, у нас снова будут склеиваться руки. Он сначала сказал, чтобы мы не баловали, а мы над ним стали смеяться...

— Стыдно смеяться над стариками, — заметил дежурный.

— Ага... Вот он нам и приказал, чтобы мы сами пошли заявить о себе в милицию, а то ему с нами идти некогда. Мы и пришли.

— Ну что же... — промолвил, всё ещё недоверчиво улыбаясь, дежурный и по всей форме, как полагается, составил протокол. Расписался.

— Всё! Разнимайте руки!

— Нет ещё, товарищ младший лейтенант. Наверно, ещё не всё, — сказал Серёжка. — Вы, видимо, что-то забыли сделать.

— А, верно! — удивлённо согласился дежурный. — Я забыл поставить точку.

Он поставил за своей подписью жирную точку, и ребята облегчённо вздохнули: наконец их руки расклеились!

— Скажите родителям, чтобы завтра обязательно пришли сюда.

— Хорошó, — буркнул Серёжка. — Не маленькие, сами знают. Им не впервой.

— Да, кстати, как зовут этого старичка? — крикнул ему вдогонку дежурный.

— Не знаю. Он не с нашей улицы. С ним был один мальчик, так тот его называл каким-то чудным именем... что-то вроде Потáпыч, но только не Потáпыч...

— Золотой старичок! — промолвил дежурный и мечтательно затянулся папирóской. — Побольше бы таких Потáпычей!..

XI. ГДЕ ИСКАТЬ ОМАРА?

Никто не мог бы, видя цветущую физиономию Хоттабыча, подумать, что ещё так недавно он был очень болен.

Неяркий, но ровный стариковский румянец покрывал его смуглые щеки, шаг его был по-прежнему лёгок и быстр, широкая улыбка озаряла его открытое и простодушное лицо.

И только хорошо изучивший Хоттабыча Волька мог заметить, что какая-то затаённая дума всё время тревожит старого джінна. Хоттабыч часто вздыхал, задумчиво ершил бороду, и крупная слеза нет-нет и покатится из его честных и приветливых глаз.

Волька прикидывался, будто ничего не замечает, и не расстраивал старика бестактными вопросами. Он был убеждён, что в конце концов Хоттабыч обязательно сам заговорит об этом. Так оно и случилось.

— Печаль и тоска терзают моё старое сердце, о благородный спаситель джіннов, — тихо произнёс как-то Хоттабыч, когда величественный закат окрасил в ровный розовый цвет тихие вечерние воды Москвы-реки. — Мне не дадут покоя мысли о моём бедном пропавшем брате, об ужасной и безвыходной его судьбе. И чем больше я думаю о нём, тем больше я склоняюсь к тому, чтобы как можно скорее отправиться на его поиски. Как ты смотришь на это, о мудрый Волька ибн Алёша? И если ты к этому моему решению относишься благосклонно, то не угодно ли будет тебе осчастливить меня и разделить все радости и невзгоды этих поисков?

— А где ты собираешься искать своего брата? — деловито осведомился Волька, привыкший уже спокойно относиться ко всяким, самым неожиданным, предложениям Хоттабыча.

— Помнишь ли ты, о Волька, я уже рассказывал тебе на самой заре нашего столь счастливого знакомства, что Сулеймановы джінны бросили его, заточённого в медный

сосуд, в одно из южных морей. Там, у берегов знѳйных стран, и надлежит, конечно, искать Омара Юсуфа.

Возможность отправиться в путешествие по южным морям пришлась Вольке по душе.

— Ну что ж, — сказал он, — я согласен. Я с тобой обязательно поеду. Куда ты, туда, как говорится, и я. Хорошо бы ещё... — Тут Волька замаялся.

Но повеселевший Хоттабыч подсказал ему:

— ...захватить с собой нашего превосходного друга Жёню ибн Кёлю? Так ли я тебя понял, о добрый мой Волька ибн Алёша?

— Угу!

— В этом не могло быть и тени сомнения.

И тут же было решено, что экспедиция по розыскам несчастного брата старика Хоттабыча отправится в путь не позже чем через два дня.

Но если вопрос о сроках отбытия в путь не вызвал споров, то совершенно неожиданно обнаружались довольно серьёзные разногласия по вопросу о том, какими средствами передвижения пользоваться во время экспедиции.

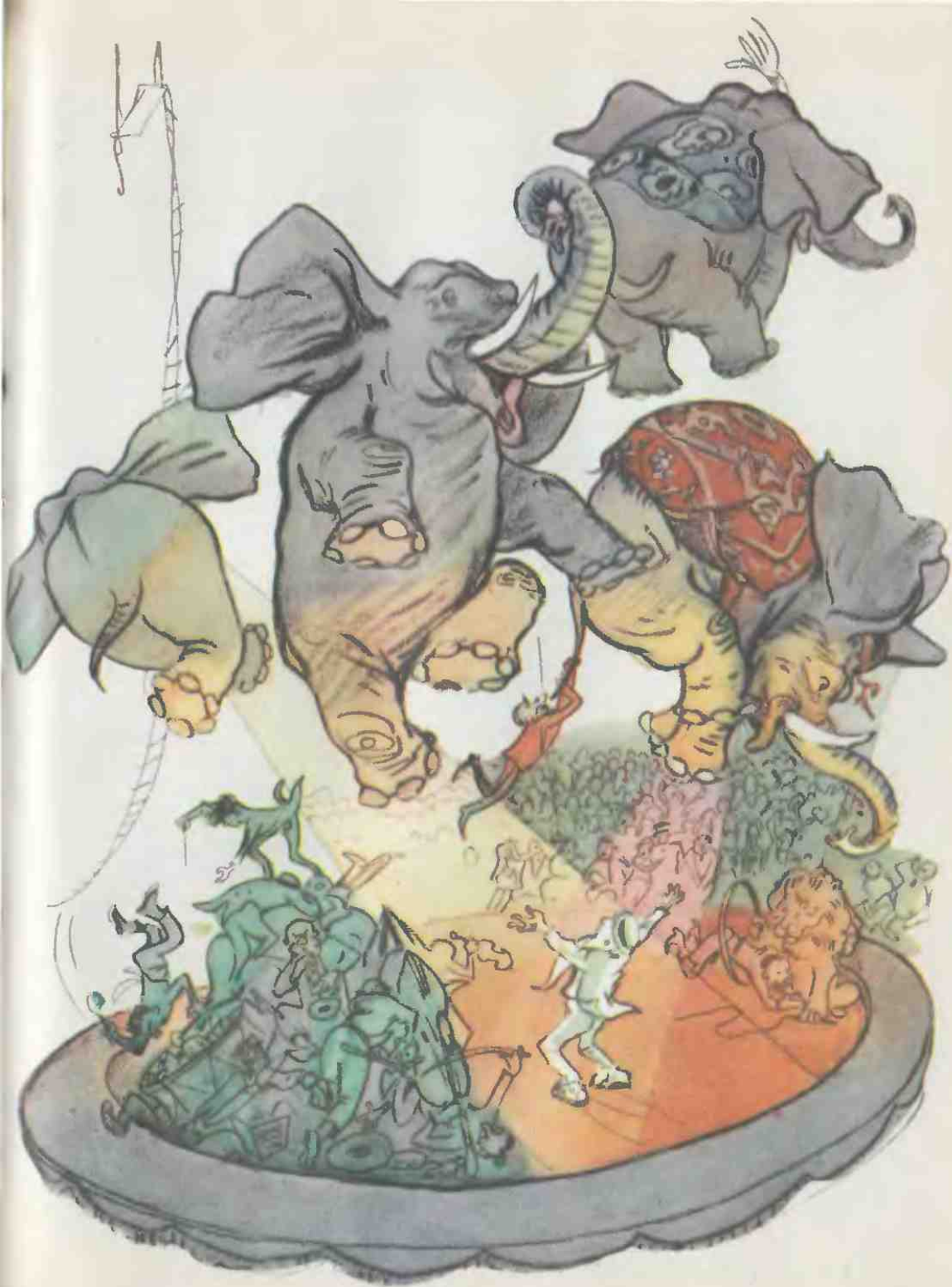
— Полетим на коврё-самолёте, — предложил Хоттабыч. — Мы все на нём прекрасно уместимся.

— Не-е-ет, — решительно возразил Волька, — на коврё-самолёте я больше не ездук. Слуга покорный! С меня за глаза хватит прошлого полёта. Не хочу я больше мёрзнуть как собака!

— Я обеспечу вас тёплой одеждой, о благословенный Волька. А если вам будет угодно, посреди ковра будет всё время гореть неугасимый большой костёр, и мы сможем греться у него во время полёта.

— Нет, нет, нет! — отрезал Волька. — О коврё-самолёте не может быть и речи. Давай лучше поедем до Одессы поездом, а из Одессы...

И Волька развил план поездки, безропотно принятый Хоттабычем и с восторгом одобренный Жёней, которому он через какие-нибудь полчаса был изложен во всех необходимых подробностях.

XLII. «ДАВАЙТЕ ОСТАНЕМСЯ»

На вокзал наши путешественники прибыли почти без приключений. А если не считать того, что произошло при посадке в автобус, то и вовсе без приключений. Случилось же при посадке в автобус вот что. Уже и Волька и Жёня с трудом, правда, но влезли в переполненный автобус, уже Хоттабыч занёс ногу на подножку, чтобы последовать за ними, когда из раскрытого окошка высунулся кондуктор и властным голосом произнёс:

— Граждане, мест больше нет! Автобус отправляется!

Так как его слова не произвели никакого впечатления на старичка в канотье, то он специально для старичка в канотье добавил:

— Давайте останемся, гражданин!

Старичок посмотрел на кондуктора с изумлением, убрал ногу с подножки и растроганно промолвил:

— Если тебе это доставит удовольствие, о господин мой, то я это только сочту за честь, хотя и очень спешу на розыски моего несчастного брата.

Кондуктор, успевший к этому времени дать сигнал отправления, вдруг совершенно непонятным образом очутился на мостовой рядом с учтиво поклонившимся ему стариком в канотье и с ошарашенным видом проводил глазами автобус, быстро скрывшийся за поворотом.

— Я осмеливаюсь выразить глубочайшее убеждение, о почтеннейший незнакомец, что мы с тобой чудесно проведём здесь время, пока прибудет следующий автобус, — вежливо обратился Хоттабыч к оцепеневшему кондуктору.

Но тут кондуктор опомнился и с пронзительными воплями ринулся вслед за своей осиротевшей машиной.

— Остановите! — кричал он, проворно семеня ногами и придерживая обеими руками брэнчавшую серебром и медяками тяжёлую сумку. — Остановите автобус, граждане!..

Хоттабыч, поражённый странным поведением кондук-

тора, с интересом посмотрел ему вслед, а потом, когда тот скрылся за поворотом, где стоял задержанный Волькой автобус, легко нагнал его и даже успел взобраться в машину раньше кондуктора.

Вскоре автобус тронулся в дальнейший путь, и Хоттабыч, наклонившись к своим друзьям, зашептал им, неодобрительно поглядывая на всё ещё не пришедшего в себя кондуктора:

— Странный, очень странный человек этот кондуктор! Я его не тянул за язык. Он сам, по собственной воле, предложил мне: «Давайте останемся». Меня порадовали и поразили сердечность и доброта человека, предложившего мне своё общество, чтобы мне легче было скоротать время до следующего автобуса. Но стоило лишь машине отправиться, а ему очутиться рядом со мной на мостовой, как он уже передумал, оставил меня в одиночестве и побежал догонять автобус. Странный, очень странный человек! — закончил Хоттабыч и не без сожаления посмотрел на кондуктора.

— Он вовсе и не собирался оставаться с тобой на мостовой, — попытался Волька разъяснить старику. — Он сказал тебе «Давайте останемся» в том смысле, что останешься только ты, а он уедет.

Однако Хоттабыч понял объяснения Вольки очень своеобразно.

Он недружелюбно посмотрел в сторону кондуктора и жёстко сказал:

— Теперь для меня окончательно стало ясно, что это не только странный, но и очень неискренний человек.

**XLII. РАССКАЗ ПРОВОДНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ВАГОНА
СКОРОГО ПÓЕЗДА МОСКВА — ОДЕССА О ТОМ,
ЧТО ПРОИЗОШЛО НА ПЕРЕГОНЕ НАРА — МАЛЫЙ ЯРОСЛАВЕЦ**

(Рассказан проводником его смэнщику, спавшему
во время этого происшества)

«Я тебя, Кузьма Егóрыч, потому разбудил, что то́лько что произошёл в нашем вагоне удивительный, совершенно непонятный слúчай.

Понимаешь, постелил я, как полагаётся, всем постели, и в седьмом купе постелил. Стелю и обращаю внимáние, что едут в этом купе один старичок, такой бородатый, в дореволюционной соломенной шляпе, и при нём двое парнишек. Скорее всего, я так дýмаю, однолётки. И, понимаешь, ни капли багажа. То есть ну ни-ни!

А тут ещё один из мальчишек, такой белобрысенький, весь в веснушках, спрашивает:

«Товарищ проводник, как пройти в вагон-ресторан?»

Я отвечаю:

«К сожалению, нет у нас в поезде вагона-ресторана, но можно будет úтречком предложить вам чаю с сухарями».

Тут мальчик смотрит на старика, старик ему глазом моргает. Мальчик и говорит: «Ну ладно, мы и без вашего чаю обойдёмся, раз нет вагона-ресторана».

Интересно, дýмаю, как это вы до самой Одессы обойдётесь без моего чаю. И ухожу в наше купе, но дверь то́лько прикрываю, чтобы оставалась щёлочка.

А уже в вагоне все давно спать улеглись, и уже во всех

купé пассажиры трéтьи сны видят, и то́лько в седьмо́м купé всё шу-шу́, шу-шу́ — разгово́ривают. Что и́менно гово́рят, мне не слы́шно, но то́лько мне определённó слы́шно, что о чём-то разгово́ривают.

Потóм вдруг открывáется дверь, и из неё высóбывается тот сáмый старичóк; не замеча́ет, что я за ним слеж́у, сдвига́ет на заты́лок свою́ дореволюциóнную шляпу... И что бы ты, Кузьма́ Егóрыч, подумал, что э́тот старичóк дéлает? Сло́во даю́, не вру! Рвёт из сво́ей боро́ды клок во́лос! Пропад́и я на э́том мéсте, ёжели вру!

Ба́тюшки, дума́ю, сумасше́дший! Вот уж, что назывáется, повезло́! Привали́ло сумасше́дшего акку́рат в моё де́журство. Молчу́ и жду, что бу́дет да́льше.

А да́льше, оказыва́ется, стари́к рвёт э́тот сáмый клок во́лос на мно́гие ча́сти, кидáет э́тот мýсор на́ пол и что́-то про себя́ бормóчет. Тут я всё бо́льше убежда́юсь, что э́тот пожило́й пассажир — не-нормáльный и не миновáть того́, что́бы в Бря́нске его́ сса́живать. Ух, дума́ю, сканда́лу с ним не оберёшь-ся! Мо́жет быть, он да́же сио́ мину́ту начнёт кидáться на люде́й, стéкла бить...

Смотрю́ — нет, ни на что не кидáется, стои́т сми́рно, бормóчет. Побор-мотáв ма́лость уходи́т в своё купé.

И вдруг слы́шу — кто́-то по кори-до́ру босы́ми нога́ми ша́ркает. То́лько не впереди́, а позади́ меня́. Тогда́ я понима́ю, что кто́-то с та́мбура про-шёл в ваго́н, и о́пять-таки стра́шно удивля́юсь, потому́ что та́мбур-то у меня́ во вре́мя движе́ния всегда́ за-перт.

Посмотрéл я наза́д и... че́стное тебе́, Кузьма́ Егóрыч, благо́рдное

слово — не вру... вй-
жу — идёт с площадки
четыре молодца, заго-
релые, что твой курорт-
ники, и совершенно
голые. Только и есть
на них одежонки, что
тряпочки на бедрах.
Босые. Поджарые-пре-
поджарые! Каждое
рёбрышко просвечи-
вает.

Я выхожу из на-
шего купе и обра-
щаюсь к ним: «Гражд-
дане, вы, вероятно,
вагоны перепутали.
Это, граждане, между-
народный, и у нас тут
все купе заняты».

А они хором:

«Молчи, невер-
ный! Мы знаем, куда
мы идём. Нам как
раз сюда и нужно,
куда мы идём».

Тогда я говорю:

«В таком случае,
граждане, попрошу
ваши билетики».

Они мне опять хо-
ром:

«Не морочь нам
голову, чужеземец,
ибо мы спешим к
нашему повелителю и
господину!»

Я говорю:

«Меня поражает, что вы меня называете чужеземцем. Я — советский гражданин и нахожусь в своей родной стране. Это раз. А во-вторых, у нас господ нет с самой Октябрьской революции. Это, говорю, два».

Их старший говорит:

«Тебе должно быть стыдно, неверный! Ты пользуешься тем, что у нас руки заняты и что мы не можем вследствие этого убить тебя за твою безумную наглость. Это, говорят, нечестно, что ты этим пользуешься».

Тут я замечаю, что все четыре голых гражданина сверх всякой меры нагружены разной едой. Один держит тяжелое блюдо, а на блюде — жареный барашек с рисом. У другого — громадная корзина с яблоками, грушами, абрикосами и виноградом, хотя — обращаю твоё внимание, Кузьма Егорыч! — ещё до фруктового сезона не меньше месяца осталось. Третий на голове держит посудину в виде кувшина, и в этом кувшине что-то плещется. По запаху чувствую — какое-то вино. Типа рислинг. У четвертого в обеих руках по блюду с пирогами и пирожными. Я, признаюсь, даже рот разинул.

А их старший говорит:

«Лучше бы ты, неверный, показал нам, где тут седьмое купе, потому что мы должны поскорее выполнить наше задание».

Я тогда начинаю догадываться и спрашиваю:

«Как он выглядит, ваш хозяин? Старичок такой с бородкой?»

Они говорят:

«Он самый. Это тот, кому мы служим».

Я их веду к седьмому купе, а по дороге говорю:

«Придётся с вашего хозяина взыскать штраф за то, что вы без билета ездите. Давно вы у него служите?»

Старший отвечает:

«Мы ему служим три тысячи пятьсот лет».

Я, признаюсь, думал, что ослышался. Переспрашиваю: «Сколько, говорите, лет?»

Он отвечает:

«Сколько я сказал, столько и служим. Три тысячи пятьсот лет».

Остальные трое головами кивают: дескать, правильно старший говорит.

«Батюшки, — думаю, — не хватало мне одного сумасшедшего — ещё четверых подвалило!»

Но я разговор продолжаю, как с нормальными пассажирами. Я говорю:

«Что за безобразие! Столько лет служите, а хозяин вам даже спецовки простой не справил. Ходите, простите, нагишом!»

Старший отвечает:

«Мы в спецовке не нуждаемся. Мы даже не знаем, что это такое».

Я тогда говорю:

«Странно слышать подобное от человека с таким личным производственным стажем. Вы, вероятно, не здешние? Вы где постоянно проживаете?»

Тот отвечает:

«Мы сейчас из древней Аравии».

Я говорю:

«Тогда мне всё понятно. Вот седьмое купе. Постучите».

Сразу выходит тот самый старичок, и тут все его сотрудники падают на колени и протягивают ему свой кушанья и напитки. А я отзываю старичка в сторону и говорю:

«Гражданин пассажир, это ваши сотрудники?»

Старик отвечает:

«Да, мой».

Тогда я ему говорю:

«Они без билетов едут, за это с них полагается штраф. Вы как, согласны уплатить?»

Старик говорит:

«Согласен хоть сейчас. Ты только скажи, что это такое — штраф?»

Я вижу, старичок довольно благоразумный, и шепотом ему объясняю:

«Тут у вас один служащий ума лишился. Он говорит, что служит у вас три с половиной тысячи лет. Согласитесь, что он сошёл с ума».

Старик отвечает:

«Не могу согласиться, поскольку он не врёт. Да, верно, три тысячи пятьсот лет. Даже немножко больше, поскольку мне, — говорит, — было лет двести — двести тридцать, когда я стал повелевать ими».

Я тогда старику заявляю:

«Перестаньте надо мной смеяться! Это неприлично в вашем возрасте. Платите немедленно штраф, или я их ссажу на ближайшей станции! И вообще вы мне подозрительны, что ездите без багажа в такой дальний путь».

Старик спрашивает:

«Это что такое — багаж?»

Я отвечаю:

«Ну, узлы, чемоданы и так далее».

Старик смеётся:

«Что же ты, — говорит, — о проводник, выдумываешь, что у меня нет багажа? Посмотри на полки!»

Смотрю, а на полках полным-полно багажа. Только что смотрел — ничего не было. И вдруг — на тебе! — масса чемоданов, уйма узлов.

Я тогда говорю:

«Тут, гражданин пассажир, что-то неладно. Платите поскорей штраф, а на следующей остановке я приведу сюда главного кондуктора — пускай разбирается. Я что-то перестаяю понимать, в чём дело».

Старик опять смеётся:

«Какой штраф? За кого платить штраф?»

Я тогда стал совсем злой: поворачиваюсь, пальцем показываю на коридор. А там никого нет! Я весь вагон обегал, всюду смотрел. Даже след моих «зайцев» простыл.

Старик говорит:

«Иди, о проводник, к себе в купе!»

Я и ушёл.

Теперь ты понимаешь, Кузьма Егóрыч, почему я тебя разбудил? Не веришь? Хочешь, я тебе дыхну́, чтобы ты понял, что я совершенно трезвый? Нет, уж я обязательно... Что? Пахнет вином? Да ну тебя, Кузьма Егóрыч! Чтобы я когда-нибудь в пути себе такое позволил! Я и рюмочки со вчерашнего дня не выкушал! Что говоришь: рюмочки не выкушал, а стаканчика два выпил? Ай-яй-яй, Кузьма Егóрыч! Ха-ха! Ух, уморил! Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Знаешь что, Кузьма Егóрыч? Давай споем песню. Что? Пассажи́ров разбудим? А мы тихо.

Бывали дни весёлые,
Гулял я, молодец...

Ладно, ладно, лягу спать. Я, брат Кузьма Егóрыч, человек сми́рный. Лечь спать? Пожа́луйста, с удовольствием лягу. Спокойной но́чи, Кузьма Егóрыч...»

За час до прибы́тия поезда в Оде́ссу проводник пришёл в седьмо́е купе убирать постели. Хоттабыч его угостил яблоками.

— В Москвё, навёрно, покупали, в гастроно́ме? — с уваже́нием сказа́л проводник и спря́тал яблоки в карма́н для своего сыни́шки. — Редкая в это время го́да вещь — яблоки, — продолжа́л он. — Большо́е вам спасибо, гражда́нин!

Было очеви́дно, что он ничегóшеньки не по́мнил о том, что произошло́ с ним на перего́не На́ра — Ма́лый Яросла́вец.

Когда́ он покинул купе́, Же́ня восхищённо крякнул:

— А молодец всё-таки Во́лька!

— За́чем это сло́во «всё-таки»? — сказа́л Хоттабыч. — Оно́ совершенно изли́шне. Во́лька ибн Алёша — я́вный молодец, и его́ предложéние, вне всяких сомне́ний, досто́йно похва́л.

Так как чита́телям на́шей по́вести, возмо́жно, не совсе́м понятен смысл приведе́нной то́лько что кра́ткой бесе́ды, спешим разъя́снить.

Когда ночью сбитый с толку проводник покинул седьмое купе, Волька обратился к Хоттабычу:

— Можно ли так сделать, чтобы проводник всё забыл?

— Это сущий пустяк для меня, о Волька ибн Алёша.

— Так сделай это, и как можно скорее. Он тогда ляжет спать, а утром проснётся и ничего не будет помнить.

— Превосходно, о сокровищница благоразумия! — восхитился Хоттабыч, махнул рукой и сделал так, что проводник вдруг стал пьяным.

Это произошло как раз в тот момент, когда проводник дыхнул в лицо своему сменщику, Кузьме Егорычу.

XLIII. НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАРУСНИК

На прогулочной палубе теплохода «Колхида», совершавшего очередную рейс из Одессы в Батуми, стояли, опершись о перила и неторопливо беседуя, несколько пассажиров. Тихо громыхали где-то глубоко, в самой середине судна, мощные машины, мечтательно шелестела вода, плескавшаяся о высокие борты теплохода, навверху, высоко-высоко над спардеком,¹ озабоченно попискивала судовая рация.

— Очень обидно, знаете ли, — сказал один из пассажиров, — что исчезли большие парусные суда, эти белокрылые красавцы. С какой радостью я очутился бы сейчас на настоящем парусном судне, на фрегате, что ли... Наслаждаться видом тугих белоснежных парусов, слушать поскрипывание могучих и в то же время изящных и стройных мачт, восхищённо следить за тем, как по приказу шкипера команда молниеносно разбегается по разным мачтам, реям... и как их ещё там называют! Хоть бы раз удалось мне видеть настоящий парусник! Только чтоб был настоящий парусник. А то в нынешние времена даже какой-нибудь «дубок» — и тот, видите ли, заводит себе мо-

¹ Спардек — палуба средней надстройки на судах.

торчик, хотя — обращаю ваше внимание! — считается парусным судном.

— Парусно-моторным, — поправил его гражданин в форме торгового моряка.

Наступило молчание. Все, кроме моряка, перешли на левый борт смотреть, как совсем неподалёку плещется и кувыркается в ласковом полуденном море весёлая стайка неустойчивых дельфинов. А для нашего моряка дельфины уже много лет не были новостью. Он поудобнее расположился в шезлонге и попробовал перелистывать какой-то журнал. Но вскоре солнце его разморило, он закрыл журнал и стал им обмахиваться вместо веера.

И вдруг что-то так завладело его вниманием, что он перестал обмахиваться журналом, вскочил на ноги и кинулся к перилам.

Далеко, почти у самого горизонта, он увидел быстро, очень быстро мчащееся красивое, но страшно старомодное парусное судно. Оно казалось видением из старинной волшебной сказки.

— Товарищи! — закричал моряк своим недавним собеседникам. — Товарищи, сюда, поскорее! Посмотрите, какой-то интересный парусник!.. Ну и старина!.. Ого, да у него что-то случилось с грот-мачтой!.. Нету грот-мачты! Точно корова языком слизнула! Батюшки-и-и! Да вы только посмотрите, да ведь у него же паруса не в ту сторону надуты!.. По всем законам, фок-мачта должна была уже давно улететь за борт!.. Форменные чудеса в решетё!..

Но пока вняли его словам и вернулись на правый борт, неизвестное судно уже пропало из виду. Мы говорим «неизвестное» потому, что моряк готов был поклясться, что этот прекрасный парусник не был приписан ни к одному из советских портов Чёрного моря. И действительно, судно, замеченное с борта теплохода, не было приписано ни к одному из советских портов Чёрного моря. Не было оно приписано и ни к одному из иностранных портов. Оно вообще нигде и ни к чему не было приписано по той

простой причине, что появилось на свет и было спущено на воду всего несколько часов назад.

Парусник этот назывался «Любёзный Омáр», в честь несчастного брата нашего старого знакомого — Гассана Абдуррахмана ибн Хотáба.

XLIV. НА «ЛЮБЭЗНОМ ОМА́РЕ»

Если бы уже известный нам проводник междуна́родного вагона скорого поезда Москва — Одéсса каким-нибудь чудом попал на борт двухмáчтового парусника «Любёзный Омáр», то больше всего его поразило бы не то, что он ни с того ни с сего вдруг очутился на морском корабле, и даже не то, что этот корабль совсем не похож на обычные суда, бороздившие просторы наших морей и рек. Больше всего его поразило бы, что он знаком со всеми пассажирами и всей командой «Любёзного Омáра».

Старик и два его юных спутника только сегодня утром покинули купе номер семь междуна́родного вагона, а экипаж корабля состоял как раз из тех четырёх темнокожих граждан, у которых производственный стаж восходил к XVI веку до нашей эры.

Надо полагать, что вторая встреча с ними надолго уложила бы нашего впечатлительного проводника в постель.

Уж на что и Волька и Жéня привыкли за последние дни ко всяким неожиданностям, но и те были порядком огорóшены, встретив на корабле своих недавних знакомцев, оказавшихся к тому же очень ловкими и опытными матросами.

Вдóволь налюбовáвшись бы́стрыми и то́чными движениями малочíсленной команды «Любёзного Омáра», беспéчно шныря́вшей по снастям высоко́ над пáлубой, как е́сли бы это был гла́дкий паркéтный пол, ребята пошли осмáтривать корабль. Он был о́чень краси́в, но мал — не больше речного трамвая.

Впрóчем, Хоттабыч уверял, что да́же у Сулейма́на ибн Да́уда не́ было тако́го грома́дного корабля́, как «Любе́зный Ома́р».

Все́ на «Любе́зном Ома́ре» блиста́ло порази́тельной чистото́й и бога́тством. Его́ борта́, высо́кий резной нос и корма́ бы́ли инкрусти́рованы зóлотом и слонóвой кóстью. Па́луба из бесце́нного ро́зового де́рева была́ покры́та ковра́ми, почти́ не уступа́вшими по своéй ро́коши тем, что украша́ли собóй каю́ты Хотта́быча и его́ друзе́й.

Тем удиви́тельнее показáлось Во́лке, когда́ в носовóй ча́сти корабля́ он вдруг обнару́жил те́мную, грязную кону́ру с на́рами. На на́рах валя́лись гру́ды вся́ческого тряпья́.

Пока́ он, поборóв брезгли́вость, знако́мился с убо́гим убра́нством э́того кро́хотного помеще́нница, подоспел Же́ня. Же́ня по́сле тща́тельного осмóтра пришёл к вы́воду, что э́та неприглядная кону́ра предназна́чена для тех пирáтов, кото́рых они́, возмо́жно, изло́вят в пути́.

— Ничего́ подобно́го, — настаивал на своéй то́чке зрени́я Во́лка. — Э́то прóсто оста́лось по́сле капита́льного ремо́нта. По́сле ремо́нта ино́гда остаётся како́й-нибудь забро́шенный уголо́к, где и тря́пки валя́ются, и разный друго́й му́сор.

— Какáя мо́жет быть речь о капита́льном ремо́нте, раз ещё сегóдня у́тром э́того корабля́ и в приро́де не существова́ло? — сказа́л Же́ня.

На э́тот вопро́с Во́лка не мог дать удовлетвори́тельного отве́та, и ребя́та пошли́ к Хотта́бычу, что́бы тот помо́г разрешить их спор.

Но оказа́лось, что старик спит, так что уви́делись с ним ребя́та то́лько часа́ че́рез полтора́, за обе́дом.

Неумело́ поджа́в под себя́ но́ги, они́ расселись на пуши́стом ковре́, игра́вшем изуми́тельно я́ркими кра́сками. Ни сту́льев, ни столо́в не́ было ни в э́тих покóях, ни вооб́ще где бы то ни́ было на э́том корабле́.

Оди́н член экипа́жа оста́лся наверху́ у штурва́ла,

остальны́е внесли́ и расста́вили на ковре́ мно́жество раз-
ных блюд, заку́сок, фрукто́в и напíтков.

Когда́ они́ поверну́лись, что́бы поки́нуть помеще́ние,
Бо́лька и Же́ня окли́кнули их:

— Куда́ вы, това́рищи?

А Бо́лька учти́во осведомился:

— А вы что, разве не бу́дете обе́дать?

Слу́ги в отве́т то́лько отрица́тельно замаха́ли рука́ми.

Хотта́быч растеря́лся:

— Я, веро́ятно, недоста́точно внима́тельно слу́шал вас,
о ю́ные мои́ друзья́. Мне показа́лось, бу́дто вы пригласи́ли
на на́шу тра́пезу тех, кто нас обслужи́вает...

— Ну да, пригласи́ли,— сказа́л Бо́лька.— Что же тут
осо́бленного?

— Но ведь это́ просты́е матро́сы,— возра́ил Хотта́быч
таки́м то́ном, то́чно э́тими слова́ми вопро́с был исче́рпан.

Одна́ко, к его́ удивле́нию, ребята́ все́ же оста́лись при
своём.

— Тем бо́лее, что матро́сы,— сказа́л Бо́лька,— не ка-
кие-нибудь капита́листы, а са́мые настоя́щие трудя́щиеся,
свои́ лю́ди.

А Же́ня доба́вил:

— На́до ещё́ уче́сть, что они́, ка́жется, не́гры, угнетён-
ная на́ция. К ним на́до осо́бенно чу́тко отно́ситься.

— Тут како́е-то приско́рбное недоразуме́ние,— завол-
новале́ся Хотта́быч, смущённы́ дру́жным на́тиском со сто-
роны́ ребят.— Я второ́ично прошу́ вас приня́ть во внима́-
ние, что это́ просты́е морехо́ды. Нам не приста́ло сиде́ть с
ними́ за одной́ тра́пезой. Это́ уни́зит нас в их глаза́х и в
на́ших со́бственных.

— Меня́ ниско́лько не уни́зит,— бы́стро возра́ил
Бо́лька.

— И меня́ не уни́зит. Наобо́рот, бу́дет о́чень интере́с-
но,— сказа́л, в свою́ о́чередь, Же́ня, с вожде́лением погля-
дывая на дымя́щуюся жа́реную инде́йку.— Зови́ скорее́
матро́сов, а то инде́йка осты́нет.

— Мне что́-то не хо́чется есть, о ю́ные мои́ друзья́.

Я буду обедать позже, — хмуро промолвил Хоттабыч и три раза громко хлопнул в ладоши: — Эй, слуги!

Матросы явились в то же мгновение.

— Эти молодые господá мѣлостиво изъявили желáние отобедать вмѣсте с вами, недостóйными моими слугами.

— О великий и могучий повелитель! — промолвил старший из матросов, падая ниц перед Хоттабычем и коснувшись лбом драгоценного пушистого ковра. — Нам совсем не хочется есть. Мы очень сыты. Мы настолько сыты, что от одной лишь цыплячьей ножки наши желудки разорвутся на части, и мы умрём в страшных мучениях.

— Врут! — убежденно прошептал Волька на ухо Жёне. — Голову отдаю на отсечение — врут. Они не прочь пообедать, но боятся Хоттабыча... Вот вы говорите, что сыты, — обратился он к матросам, — а скажите, пожалуйста, когда вы успели пообедать?

— Да будет тебе известно, о юный и благородный мой господин, что мы можем по году и больше воздерживаться от пищи, не испытывая голода, — уклончиво ответил за всех старший из матросов.

— Они ни за что не согласятся, — разочарованно заявил Жёня. — Они его боятся.

Матросы попятились к выходу и скрылись.

— Что-то у меня, к моему удовольствию, вдруг снова разыгрался аппетит, — бодро промолвил Хоттабыч. — Приступим же поскорее к трапезе.

— Нет уж, пообедай-ка ты, Хоттабыч, один, а мы тебе не компания! — сердито пробурчал Жёня и решительно поднялся с ковра. — Пошли, Волька!

— Пошли. Эх! Воспитываешь человека, перевоспитываешь, а толку ни на грош...

И старик остался наедине с собой и нетронутым обедом. Он сидел, поджав под себя ноги, прямой, надменный и торжественный, как восточный божок. Но лишь мальчики скрылись за пологом, отделявшим каюту от палубы, Хоттабыч стал изо всей силы колотить себя по голове своими сухонькими, но крепкими, как железо, кулачками. Горе,

го́ре бедному Гассáну Абду́ррахма́ну ибн Хотта́бу! Опя́ть что́-то получи́лось совсе́м не так, как ему́ хоте́лось. А ведь как хоро́шо нача́лось путеше́ствие на «Любе́зном Ома́ре»! С ка́ким и́скренним восторго́м хвали́ли ребя́та его́ убра́нство, его́ паруса́, игра́вшие на со́лнце все́ми цвета́ми ра́дуги, его́ мягча́йшие коври́, в кото́рых боса́я нога́ блаже́нно утопа́ла по са́мые щико́лотки, его́ драгоценные по́ручни из че́рного де́рева и слоно́вой ко́сти, его́ могу́чие стрóйные ма́чты, отде́ланные моза́икой из прекра́снейших и редча́йших каме́й!

Почему́ же вдруг пришла́ им в го́лову така́я стра́ная причу́да? А вдруг э́то не причу́да, не капри́з, а совсе́м-совсе́м друго́е? Сколь удиви́тельны э́ти о́троки, отка́зывающиеся, несмотря́ на го́лод, от пи́ршества то́лько по́тому, что его́ слуга́м не позво́лено отобе́дать с ни́ми, как ра́вным с ра́вными! Ах, как непоня́тно, оби́дно и го́лодно, оче́нь го́лодно бы́ло Хотта́бычу!

Пока́ чу́вство приви́занности к Во́лке и Же́не боро́лось в груди́ старика́ с предрассу́дками тысяче́лétней да́вности, на́ши ю́ные путеше́ственники горячо́ обсужда́ли созда́вшееся положéние. Слу́ги Хотта́быча стара́лись не показыва́ться им на глаза́, но оди́н из них — не то по рассе́янности, не то по неосторо́жности — вдруг показáлся из той са́мой кону́ры, кото́рая, по первонача́льным предположе́ниям Во́лки, предназна́чалась для плéнных пирáтов. Знача́ит, э́та убо́гая кону́ра служи́ла на роско́шном «Любе́зном Ома́ре» кúбриком для матро́сов.

— Не-ет! — возму́щенно заклю́чил Во́лка. — На тако́м корабле́ мы ни за что не оста́немся! Или Хотта́быч немедленно, сию́ же мину́ту, изме́нит поря́дки на нём, и́ли пу́скай стариќ возвра́щает нас домóй, а на́шей дру́жбе с ним коне́ц.

И вдруг они́ услы́шали позади́ себя́ го́лос Хотта́быча.

— О парусá моего сёрдца, — обратился к ним лукавый старик так, слóвно ничего о́собенного не произошлó, — зачём вы теряете время здесь, на пáлубе, когда вас ждёт изысканнейший и сытнэйший обéд? Индэйка ещё дымит-ся, но она ведь мóжет осты́нуть, и вкус её тогда немину́емо ухúдшится. Поспешим же обратнó в каю́ту, ибо и возлюбленные моё матрóсы и я, покорнейший ваш раб, изны-ваем от гóлода и жа́жды.

Ребáта загляну́ли в тóлько что оста́вленную ими каю́ту и уви́дели матрóсов, чинно восседа́ющих на коврё в ожи-дании их возвра́щения.

— Ладно, — сухо промолвил Волька. — Нам ещё придётся, Хоттабыч, очень серьёзно с тобой потолковать. А пока приступим к обеду.

Не успела закончиться трапеза, как на море поднялось сильное волнение; маленькое судно то взлетало на гребень большой волны, то оказывалось в глубоком ущелье между двумя громадными водяными стенами. Волны, гремя и свирепо шипя, перекачивались через палубу и уже давно смыли в море покрывавшие её ковры. Водяные потоки то и дело врывались во внутренние покои. Стало холодно, но жаровню с горячими угольями так швыряло из угла в угол, что во избежание пожара её выбросили за борт. Посеревшие от холода слуги-матросы, единственную одежду которых составляли повязки вокруг бёдер, ожесточённо хлопотали у зловеще хлюпавших парусов.

Ещё полчаса — и от «Любезного Омара» осталось бы только печальное воспоминание. Однако волнение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Выглянуло солнце. Снова стало тепло. Наступил полнейший штиль. Паруса безжизненно повисли, и корабль стал покачиваться на затихавшей волне, несколько не подвигаясь вперёд.

Хоттабыч решил, что ему представился удобный случай поправить пошатнувшиеся отношения со своими спутниками. Радостно потирая руки, он сказал:

— Штиль? Да будет вам известно, о великодушные и справедливые отроки, что штиль для нас — сущая чепуха. Мы прекрасно обойдёмся и без ветра. Сейчас «Любезный Омар» помчится ещё быстрее прежнего... Да будет так!

И он щёлкнул пальцами левой руки.

Тотчас же «Любезный Омар» с бешеной быстротой рванулся вперёд, причём паруса, встретив сопротивление воздуха, естественно, надулись в направлении, обратном ходу корабля.

За всё существование парусного судоходства никому не приходилось быть свидетелем столь удивительного зрелища. Однако ни Волька, ни Жёня, ни Хоттабыч, стоявшие в это время на корме, не успели им насладиться, потому что

си́лой ине́рции их сбросило с кормы в воду. А сразу вслед за тем грот-мачта, не выдержав чудовищного сопротивления воздуха, со страшным треском рухнула на то место, где только что стояли наши путешественники.

«Любэзный Омар» мгновенно скрылся из виду.

«Сейчас бы очень пригодилась шляпка или, на худой конец, спасательный круг,— подумал Волька, барахтаясь в воде и отфыркиваясь, как лошадь.— Берегов не видать».

Действительно, куда ни кинь взор, всюду видно было только спокойное и безбрежное море.

XLV. КОВЕР-ГИДРОСАМОЛЕТ «ВК-1»

— Куда ты? — окликнул Волька Жёню, быстро поплывшего куда-то в сторону.— Всё равно до берега не доплыть. Не трать силы, ложись на спину.

Жёня послушался. Лёг на спину и Хоттабыч, бережно приподняв в правой руке свою шляпу.

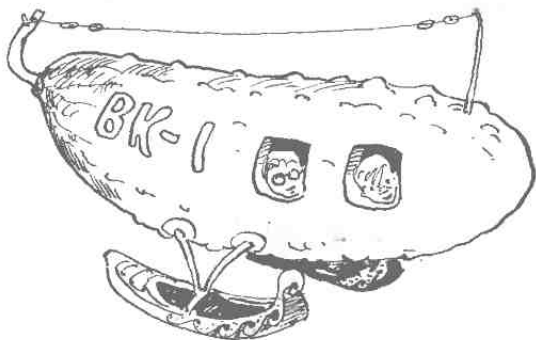
Так началось единственное в истории мореходства сошествие потерпевших кораблекрушение, на котором ораторы высказывались лёжа на спине.

— Вот мы и потерпели кораблекрушение! — чуть ли не с удовлетворением произнёс Волька, самочинно взявший на себя обязанности председателя.— Что ты там задумал? — спросил он, увидев, что Хоттабыч стал выдёргивать свободной левой рукой волоски из своей бороды.

— Я хочу вернуть назад наш корабль. К великому счастью нашему, моя борода почти не промокла.

— Успеешь,— сухо остановил его Волька.— Ещё вопрос, захотим ли мы на него возвращаться. Мне, например, не хочется. Прямо скажем: на нём не человеческие, не советские порядки! Даже вспомнить противно.

— По-моему, тоже. «Любэзный Омар» отпадает,— поддержал его Жёня.— Только вот что, Хоттабыч: надо поскорее позаботиться о спасении матросов. А то как бы они не погибли вместе с судном.

Хоттабыч насупил-ся:

— Меньше всего пусть беспокоит вас судьба моих недостойных слуг. Вот уж пять минут, не менее, как они в Аравии. Там они проживают постоянно, там они и сейчас ждут моих дальнейших приказаний.

Но объясните мне, о мачты моего сердца, почему бы нам не продлить наше путешествие на «Любёзном Омаре»?

— Кажется, тебе ясно сказано, — отвечал Волька.

— И вообще, — заметил Жёня, — парусник — слишком неверный и медленный тип судна. Зависит от всякой перемены погоды... Не-е-ет, «Любёзный Омар» окончательно отпадает.

— О якоря моего счастья! — жалостно захныкал Хоттабыч. — Я сделаю всё, чтобы...

— Бесспорно отпадает, — снова перебил его Волька, поживаясь. Было очень неприятно лежать в воде одетым и обутым. — Остаётся выяснить, что ещё может нам предложить Хоттабыч.

— Я могу вас взять под мышки и полететь.

— Отпадает! — отрезал Волька. — Слуга покорный — летать у кого-то под мышками!

— Не у кого-то, а у меня! — обиделся Хоттабыч.

— Даже у тебя.

— Тогда я осмелюсь предложить вашему просвещён-

ному внимáнию ковёр-самолёт. Превосхóднейшее срéдство передвижения, о разборчивые друзья моё!

— Вот уж не сказа́л бы, что превосхóднейшее! Замерз-нешь на нём, да и летíшь ме́дленно и без всяких удо́бств,— задумчиво промóлвил Во́лька и вдруг воскликнул: — Идея́! Чёстное пионе́рское, идея́!

Он тут же ка́мнем ушёл под во́ду, так как в припа́дке востóрга не придумал ничего́ лу́чшего, как нача́ть самому́ себе аплоди́ровать. Он вынырнул, сопя́ и отплёвываясь, снова улёгся поудóбней на́ спину и как ни в чём не быва́ло продолжа́л:

— Ну́жно усовершенствовать ковёр-самолёт: сде́лать его́ обтека́емой фо́рмы, утепли́ть, оборудова́ть койками́ и поста́вить на попла́вки.

Труднее́ всего́ бы́ло объясни́ть Во́лькино предложе́ние Хоттабычу. Во-пе́рвых, старик не знал, что такое́ «обтека́емая фо́рма», во-второ́ых, понятия́ не имёл о попла́вках.

Такая́, каза́лось бы, проста́я вещь,— «обтека́емая фо́рма», а объясни́ть пришло́сь о́чень до́лго, пока́ не догада́лись сказа́ть, что обтека́емый ковёр-самолёт до́лжен быть похо́жим на огу́рец, у кото́рого, понятнó, выдолблена́ сердцеви́на.

Ко́е-как, то́же с превели́кими трудо́стями, растолко́вали старику́ и насчёт попла́вко́в.

И вот наконéц взмы́л в во́здух и лёг кúрсом на зюйд-зюйд-вэ́ст обтека́емый ковёр-гидросамолёт «ВК-1». В перево́де с авиацио́нно-констру́кторского языка́ на обыкнове́нный, житёйский, «ВК-1» означа́ло: «Влади́мир Костылько́в. Пе́рвая моде́ль».

Похо́жий на о́громный огу́рец с небольшо́м хвóстиком позади́, какие́ быва́ют у огу́рцо́в, то́лько что со́рванных с гря́дки, э́тот крýтый ковёр-гидросамолёт имёл три спáльных ме́ста и в ка́ждом из борто́в по два око́шка, прорéзанных в то́лстой мохна́той ковро́вой тка́ни.

Лётные ка́чества Во́лькиной констру́кции оказа́лись не в приме́р вы́ше, неже́ли у обы́чного ковра́-самолёта.

Бы́стро промелькну́ли под на́шими путеше́ственниками

Чёрное море, Босфор, Дарданеллы, Малая Азия, иссушенные палящим зноем плоскогорья Аравийского полуострова. Затем глубоко внизу показались жёлтые пески Синайской пустыни. Узкая полоска Суэцкого канала отделяла её от точно таких же жёлтых песков Аравийской пустыни, и это уже была Африка, Египет.

Отсюда Хоттабыч собирался начать свои поиски Омара Юсуфа в Средиземном море: с самой восточной его точки до самой западной. Но ещё не успел «ВК-1» снизиться до двухсот метров, как Хоттабыч в великой досаде назвал себя старым дурнем, а ковер-гидросамолёт снова стал набирать высоту и лёг курсом на запад. За время, проведенное в сосуде, Хоттабыч позабыл, что в этих местах впадает в Средиземное море Нил и вода здесь вечно мутна от ила и песка, которые эта могучая и полноводная река выносит далеко в море. Какие же поиски могут быть в этой густой жёлтой мути? Только глаза засорить.

Хоттабыч решил отложить обследование этого неудобного района на тот случай, если не удастся обнаружить Омара Юсуфа в остальной части Средиземного моря.

Прошло ещё немного времени, и они снизились в тихой голубой бухточке, неподалёку от итальянского города Генуи.

XLVI. ИНТЕРВЬЮ С ЮНЫМ ГЕНУЭЗЦЕМ

— Прежде всего осторожность! И не болтать! — командовал Волька, когда все трое выбрались на берег, а ковер-гидросамолёт исчез по мановению руки Хоттабыча. — Ещё неизвестно, куда мы попали.

— Определимся по самолёту, — сказал Жёня. — Вон по тому.

Откуда-то с запада летел большой самолёт. А надо вам сказать, что во всей двести сорок пятой школе не было большего знатока авиации, нежели Жёня Богорад. Ему ничего не стоило с первого взгляда определить государ-

ственную принадлежность самолёта. Он знал штук соток опознавательных знаков.

Самолёт низко прогудел над нашими путешественниками и скрылся за ближайшим холмом.

— Американский! — заключил Жёня. — Белая пятиконечная звезда — опознавательный знак американской авиации.

Пролетел и скрылся за тем же холмом ещё один самолёт. И этот тоже имел на своём фюзеляже американскую белую звезду.

— Одно из двух, — сказал Волька, — мы попали или в Грецию, или в Италию.

— Синьоре Умберто-о-о! — донёсся издали высокий мальчишеский голос. — Синьоре Умберто-о-о! Вас хозяин зовёт!

— Раз «синьоре», — сказа́л Во́лька, — значит, мы в Ита́лии.

— Удивительное де́ло, как э́ти амери́канцы лета́ют себё над Ита́лией, сло́вно над како́й-нибудь амери́канской террито́рией! Просто́ исклю́чительное наха́льство! — заду́мчиво проговори́л Же́ня. — Будь я ита́льянцем, я бы...

Но как удиви́лись бы на́ши геро́и, узна́в, кто прилете́л то́лько что в Ита́лию на том, пе́рвом самолёте! В то вре́мя, когда́ о́ни выража́ли своё недоуме́ние и возму́щение по по́воду амери́канского хозя́йничанья в э́той прекра́сной стране́, на аэродро́ме за холмо́м подката́ли к приземли́вшемуся самолёту́ дюрале́вую вы́сокую ле́стницу, и по ней спусти́лся, надме́нно вы́пучив ма́ленькие, сви́ные гла́зки, ми́стер Га́рри Ванденда́ллес со́бственной персо́ной.

Но ма́льчики и Хотта́быч э́того ещё́ не зна́ли.

— Ита́лия! Мы в Ита́лии! Вот э́то здо́рово! — не удержале́ся и кри́кнул Же́ня. — Утром — в Оде́ссе, час наза́д — над Суэ́цким кана́лом, а сейча́с — уже́ в Ита́лии! Пра́вда, здо́рово?

Во́лька замаха́л на него́ рука́ми, что́бы он ве́л себя́ поти́ше.

— Ох и во́стрó же нам на́до у́хо держа́ть! — сказа́л он. — И гла́вное, поме́ньше болта́ть.

— Да кто нас здесь пойме́т? Мы же по-ита́льянски ни бум-бум! — фы́ркнул Же́ня.

— Ничего́ не значит, что не пойму́т. Э́то да́же, мо́жет быть, ху́же, что не пойму́т.

— Почему́ же, о ю́ные мо́и друзья́, вас не пойму́т? оби́делся Хотта́быч. — Раз я с ва́ми, то и вас пойму́т, и вы бу́дете понима́ть язы́к здешних мест, как понима́ю его́ я.

— Тем бо́лее на́до держа́ть у́хо во́стрó! — снова́ подчеркну́л Во́лька.

Хотта́быч хоте́л сразу́ пуститься́ в по́иски Ома́ра Юсу́фа, но ма́льчики уговори́ли его́ пойти́ с ни́ми посмотре́ть го́род. По краси́вой широ́кой доро́ге, тяну́щейся вдоль́ бе́рега, то́лько изредка́ с ти́хим шёлестом проно́сились ма-

шины да, мягко ступая копытами, брели нагруженные ослики.

Вскоре показался большой пляж. Кроме нескольких американских офицеров и солдат, на нём никого не было.

Наши путешественники, не останавливаясь, прошли дальше и спустя некоторое время вошли в город.

Высокие, многэтажные старинные дома перемежались с не менее древними одноэтажными лачугами. Было жарко и душно. По узким и грязным улицам ходило множество людей, бедно одетых, изможденных, но веселых. Они что-то горячо обсуждали, оживленно размахивали руками, пели песни, останавливались у раскрытых окон и, опершись о подоконник, о чём-то с жаром рассказывали высывавшимся из окон жильцам.

— Очевидно, сегодня у них выходной день, — сообразил Волька и обратился к мальчику, сидевшему на щербатом пороге у распахнутых дверей мрачного и сырого трёхэтажного дома и мастерившему из старой-престарой сигарной коробки паровоз.

— Скажи-ка, мальчик, у вас сегодня выходной день?

Юный генуэзец недоумённо посмотрел на Вольку и его спутников:

— Как ты сказал? Выходной день? Что это такое — выходной день?

— У вас сегодня воскресенье? — поправился Волька.

— Будто ты сам не знаешь, что сегодня пятница! — насмешливо ответил мальчик.

— Тогда сегодня, вероятно, какой-то праздник? — продолжал свой расспрос Волька.

— С чего это ты решил? — удивился мальчик. — Был бы праздник, звонили бы в колокола.

— Почему же, в таком случае, так много людей бродит по улицам в рабочее время?

— Ты, наверно, нездешний, — сурово ответил мальчик. — Одно из двух: или ты нездешний, или ты ненормальный.

— Я нездешний, — быстро проговорил Волька. —

Я вполне нормальный, но я нездешний. Я из.. я из Неаполя.

— А разве у вас в Неаполе рабочие не бастуют против правительства и американских крыс? — рассердился юный генуэзец. — Знаешь что, иди-ка ты подобру-поздорову! У нас в Генуе мальчики не любят, когда к ним пристают с глупыми вопросами!.. Постой, постой! А может быть, тебе нравятся наши правители и их американские хозяева? — крикнул он вдогонку уходившему Вольке. — Ты говори прямо! Нравятся?

— Что ты! — возмущился Волька. — Как тебе не стыдно так оскорблять незнакомых мальчиков! Да я их попросту ненавижу!

— И я их тоже ненавижу, — сказал Жёня. — Мы, если хочешь знать, только что удивлялись, как это вы их терпите...

— Кто это — мы? Генуэзцы?

— Нет, итальянцы! Такой прекрасный, боевой народ...

— То есть как это — итальянцы?! А ты кто — вавилонянин, что ли?.. Ребята-а-а! — закричал вдруг свирепо юный генуэзец, обращаясь к соседским мальчикам. — Ребята, сюда-а-а-а!

— Пусть мы поскорее исчезнем, Хоттабыч! — быстро прошептал Волька. — Скорее же!..

Они исчезли, к величайшему изумлению юного генуэзца, который из-за этого непредвиденного и никак не объяснимого обстоятельства оказался в чрезвычайно неудобном положении перед созванными им друзьями...

— Я говорил тебе: держи язык за зубами! — с досадой выговаривал Волька Жёне, который чувствовал себя виноватым и не знал, куда деваться от стыда. — Чёрт знает, что может наделать человек, который брякает первое, что ему подвернётся на язык!.. Вот теперь из-за тебя так и не осмотрели город. И какой город: Геную!..

— Я лью себя надеждой, о рассудительнейший из учащихся двести сорок пятой школы (это был увесистый камень в Жёнин огород), что мы ещё будем иметь возмож-

ность осмотреть все его улицы, площади и дома, — успокоительно заметил Хоттабыч. — А если тебя смущает возможность встретиться с тем строптивым мальчиком, который вас так напугал, то тебе стоит только сказать слово, и я его перенесу куда-нибудь подальше от здешних мест.

— Только попробуй! — вспыхнул Волька. — Это совершенно замечательный мальчик! Я бы на его месте поступил точно так же.

— И я тоже, — сказал Жёня, виновато глядя в сторону. — Давай, Волька, мириться, а? Я виноват, но больше не буду. Ладно?

— Ладно, — великодушно ответил Волька и пожал робко протянутую руку Жёни Богорада. — Мир так мир!..

— Пойдёмте же на берег моря, — нетерпеливо предложил Хоттабыч, — дабы я смог без промедления приступить к поискам моего несчастного брата.

Этот разговор происходил на шоссе, по которому они ещё несколько минут назад, полные туристских планов, шагали в Геную. Теперь они пошли в обратном направлении, выискивая укромное местечко подальше от дороги и строений.

XLVII. ПОТЕРЯННЫЙ И ВОЗВРАЩЕННЫЙ ХОТТАБЫЧ

— Пожелайте мне скорой удачи! — воскликнул Хоттабыч, превратился в рыбу и нырнул в воду.

Вода была прозрачная, совсем не то, что у дельты Нила, и было хорошо видно, как, быстро работая плавниками, старик устремился в открытое море.

В ожидании его возвращения наши друзья раз десять выкупались, вдоволь наныряться, до одурения нажарились на солнце и наконец, сильно проголодавшись, начали беспокоиться. Хоттабыч подозрительно долго не возвращался, хотя обещал больше часа не задерживаться. Уже давно село солнце, озарив горизонт и тихое море красками поразительной красоты, уже вдали замерцали тысячи городских огней, а старика всё ещё не было.

— Неужели пропал? — хмуро промолвил Жёня.

— Не может он пропасть, — отозвался Волька. — Такие старики, брат, не пропадают.

— Его могла проглотить акула.

— В этих местах акулы не водятся, — возразил Волька, хотя твёрдо он в своих словах убеждён не был.

— А мне что-то есть захотелось, — чистосердечно признался Жёня после короткого молчания.

В это время неподалёку с тихим плёском причалила лодка. Из неё вылезли трое рыбаков. Один из них принялся раскладывать из сухих сучьев костёр, а остальные стали отбирать рыбёшку помельче, чистить её и кидать в котелок с водой.

— Пойдём попросим у них чего-нибудь поесть, — предложил Жёня. — Свои ведь люди — трудящиеся. Они не откажут.

Волька согласился.

— Добрый вечер, синьоры! — вежливо поклонился Жёня, обращаясь к рыбакам.

— Подумать только, как много развелось в нашей бедной Италии бездомных детей! — произнёс простуженным голосом один из рыбаков, седой и тощий. — Джованни, дай-ка им чего-нибудь покушать.

— Хлеба в обрѣз, но луковиц хватит, а соли имеется даже больше чем надо! — весело откликнулся курчавый коренастый парень лет девятнадцати, чистивший рыбу для ужина. — Присаживайтесь, ребята, скоро будет готова вкуснейшая из похлёбок, когда-либо сваренных в Генуе и её окрестностях.

То ли веселый Джованни действительно был поваром-самородком, то ли очень уж ребята проголодались, но им показалось, что они сразу не пробовали более вкусного блюда. Они ели с таким аппетитом, то и дело причмокивая от удовольствия языком, что рыбаки, наблюдая за ними, только посмеивались.

— Если хотите ещё, — сказал, потягиваясь, Джованни, — варите сами — наука нехитрая. А мы пока приля-

жем отдохнѹть. Тѳлько крупную рыбу не берите. Крупная пойдѣт ѹтром на продажу, чтѳбы нам бѳло чем уплатитѣ налоги синѳору министру финансов. Вы, навѣрно, слыхали про ѣтого синѳора: он всѣ время заботится, чтѳбы у нас в кошелькѣ не завалѣлись лишние денѣжки, а то у синѳора военного министра не бѳдет на что покупать американское оружіе...

Жѣня тотчас же начал хлопотать у костра, а Вѳлька, засучив штаны, пробрался по водѣ к лѳдке, заваленной уснѹвшей рыбой.

Набрав сколько надо, он хотѣл ужѣ возвращаться на бѣрег, когда взор егѳ случайно упал на сложенныѣ возле мачты рыболовные сѣти. Одинокая рыба бѳлась в них, то замирая, то с новой силой возобновляя свои бесплодные попытки освободиться.

«Пригодится для ухи», — подумал Вѳлька и извлѣк еѣ из ячѣйки сѣтей. Но в егѳ руках она забѳлась с такой силой, что Вѳльке вдруг стало еѣ очень жалко, и он бросил рыбку за борт.

Рыбка ѣле слышно шлѣпнулась о тѣмную воду бѹхты и превратилась в сияющего Хоттабыча.

— Да бѳдет благословѣн день твоегѳ рождѣния, о добросердѣчный сын Алѣши! — растроганно провозгласил он, стоя по пояс в водѣ. — Ты снова спас мне жизнь. Ещѣ несколько мгновѣний — и я задохнѹлся бы в сѣтях, в котѳрые столь беспѣчно попал в поисках моего несчастного брата.

— Хоттабыч, дорогѳй, ну какой же ты молодец, что ты живѳй! — сказал счастливый Вѳлька. — Мы тут так за тебѣ волновались!

— А меня терзала мысль, что ты, о двукратный мой спаситель, и наш юный друг остались без меня голодные и одинокие в чужѳй странѣ.

— Мы совсем не голодные, нас тут рыбаки здорово накормили.

— Да бѳдут благословѣнны ѣти добрые люди! — с жаром произнес Хоттабыч. — Они богаты?

— По-мóему, óчень бédные.

— Пойдём же скорée, и я их достóйно отблагодарю.

— Я дúмаю, что так дéлать не годíтся,— сказа́л, не-
мно́жко подúмав, Во́лька.— Поста́вь себя на их мéсто:
вдруг нóчью из воды вылезáет како́й-то мо́крый старик...
Нет, так не годíтся.

— Ты прав, как всегда́,— согласи́лся Хотта́быч.— Воз-
вращáйся же на бе́рег, а я не замéдлю прийти́ к вам.

Спустя́ короткое вре́мя вздремну́вших бы́ло рыбако́в
разбуди́л приближа́ющийся ко́нский то́пот. Вскóре у дого-
ра́вшего костра́ остано́вился необы́чный вса́дник.

Э́то был старик в дешёвом паруси́новом костю́ме и
жёсткой соло́менной шля́пе канотье́. Его́ вели́чественная
борода́ развева́лась по ве́тру, открывáя для всеобщего
обозре́ния вы́шитую украинскую сорóчку. Но́ги его́ в вы-
чурных, расши́тых зóлотом и серебромъ ро́зовых ту́флях с
причу́дливо за́гнутыми кве́рху носка́ми упира́лись в золо-
ты́е стремена́, усы́панные алма́зами и изумру́дами. Седло́,
на кото́ром он восседа́л, бы́ло столь вели́колéпно, что само́

по себе составляло целое состояние. Под седлом играла лошадь неописуемой красоты. В обеих руках старик держал по большому кожаному чемодану.

— Могу ли я увидеть благородных рыбаков, столь великодушно приютивших и накормивших двоих голодных и одиноких отроков? — обратился он к Джованни, шедшему ему навстречу.

Не дожидаясь ответа, Хоттабыч слез с лошади и с облегчением поставил чемоданы на песок.

— А в чём дело? — отозвался осторожный Джованни. — Вы их разве знаете?

— Мне ли не знать моих юных друзей! — воскликнул Хоттабыч, по очереди обнимая подбежавших к нему Вольку и Жёню.

Потом он обратился к растерянно взиравшим на него рыбакам:

— Поверьте, о достойнейшие из рыбаков, я не знаю, как отблагодарить вас за ваше драгоценное гостеприимство и добросердечие!

— А за что нас благодарить? — удивился седой рыбак. — За ушницу, что ли? Она нам недоброго стала, поверьте мне, синьор.

— Я слышу слова поистине бескорыстного мужа, и тем глубже чувство моей благодарности. Позвольте же мне отплатить вам хотя бы этими скромными дарами, — сказал Хоттабыч, протянув оторопевшему Джованни оба чемодана.

— Тут, видимо, какая-то ошибка, уважаемый синьор, — промолвил Джованни, обменявшись недоумённым взглядом со своими товарищами. — За эти два чемодана можно купить по крайней мере тысячу таких похлёбок, какой мы накормили мальчиков. Вы не думайте, что она была какая-то особенная. Мы люди бедные...

— Это ты ошибаешься, о бескорыстнейший из великодушных! В этих превосходных ящиках, именуемых высокоучёным словом «че-мо-дан», заключены богатства, в тысячи тысяч раз превышающие стоимость вашей похлёбки, и всё же они, на мой взгляд, не окупят её, ибо нет на свете более дорогого, чем бескорыстное гостеприимство.

Он раскрыл чемоданы, и все увидели, что они доверху заполнены великолепной, отливающей серебряной и золотистой чешуёй живой рыбой.

Ещё рыбаки не успели как следует разобраться, какой смысл дарить рыбакам рыбу, как Хоттабыч деловито высыпал на траву трепещущее содержимое чемоданов. И вот тут-то рыбаки и ахнули от восторга и удивления: неизвестно каким путём оба чемодана оказались по-прежнему полны. Хоттабыч снова опорожнил их, и они снова наполнились прекрасными дарами Средиземного моря. И так было и в третий, и в четвёртый, и в пятый раз.

— А теперь, — сказал Хоттабыч, наслаждаясь произведённым впечатлением, — если хотите, можете сами проверить чудесные свойства этих че-мо-данов. Вам уже больше не надо будет дрогнуть в непогоду и в предрассветный туман на борту вашего углого челна. Вам не надо будет больше молить аллаха об удаче. Вам не нужно будет та-

скáться по ры́нку с тяжёлыми корзинами, напóлненными ры́бой. Достáточно б́удет захватить с собо́й оди́н тако́й чемо-дан, и вы вы́ложите из него́ покупáтелю рóвно стóлько ры́бы, скóлько ему́ потрѣбуется... Тóлько, прош́у вас, не возража́йте, — сказа́л Хотта́быч, ви́дя, что рыбаки́ собира́ются что́-то сказа́ть. — Уверя́ю вас, тут нет никако́го недоразуме́ния. Да б́удет безмяте́жна ва́ша жизнь, о благо́роднейшие из рыба́рей! Прощáйте!.. Друзья́ мой, за мной!

Реба́та при по́мощи Джова́нни взгромо́здились на ло́шадь и уселись за спиной Хотта́быча.

— Прощáйте, синьор! Прощáйте, ребя́тишки! — расте́рянно промóлвили рыбаки́, глядя́ вслед б́ыстро удаля́вшимся удивите́льным незнако́мцам.

— Если бы да́же э́то б́ыли обыкнове́нные, не волшебные чемо́даны, — задумчи́во промóлвил Джова́нни, — и то за них мо́жно б́ыло бы получи́ть нема́ло лир...

— Тепе́рь мы, ка́жется, смо́жем попра́вить свои́ дела́, — сказа́л Пьѐтро, ста́рший из рыбако́в, седо́й челове́к лет под ше́стьдесят, с морщи́нистым кори́чневым ли́цом и сухи́ми, жи́листыми рука́ми. — Упла́тим синьору́ министр́у финан́сов (пусть он два́дцать пять раз в день да́вится ры́бьими костью́ми!) все на́ши недо́йки, подлечи́м мой прокля́тый ревматиз́м, а тебе́, Джова́нни, спра́вим костю́м, шля́пу, боти́нки, пальто́. Как-ника́к ты молодóй челове́к, жени́х, и тебе́ ну́жно быть при́лично одѣтым... Вооб́ще все прио́дѣнемся немно́жко... Пра́вильно я говорю́, ребя́та?

— «Прио́дѣнемся!»! — серди́то передразни́л его́ Джова́нни. — Вокру́г нас стóлько нищеты́ и го́ря! На́до б́удет пре́жде всего́ помо́чь вдове́ Джа́комо, того́, кото́рый в про́шлом году́ утону́л. После́ него́ оста́лись трое́ дете́й и ста́руха ма́ть.

— Ты прав, Джова́нни, — согласи́лся Пьѐтро. — Ну́жно б́удет помо́чь вдове́ Джа́комо. Э́то был до́брый и ве́рный това́рищ.

Тогда́ вмешáлся второ́й рыба́к. Ему́ б́ыло лет три́дцать. Зва́ли его́ Христофо́ро.

— А Луиджи? Луиджи тоже надо было бы подбросить деньжонок. Бедняга умирает от чахотки.

— Правильно, — сказал Джованни. — И ещё Сибилле Капелли. Её сына второй год держат в тюрьме за то, что он организовал забастовку.

— И старикú Гульемо Гаджеро. Его сына убили карабинеры во время демонстрации. Он не хотел отдать им знамя, и они его застрелили на месте. Вы его должны помнить: весёлый такой, механик с электрической станции... — добавил Пётро.

— Подумать только, сколько людям мы сможем теперь помочь! — восхищённо промолвил Джованни.

И три добрых рыбака до поздней ночи обсуждали, кому ещё нужно помочь теперь, когда у них оказались такие замечательные чемоданы.

Это были честные и великодушные люди труда, и никто из них и в мыслях не имел воспользоваться подарком Хоттабыча для того, чтобы разбогатеть, стать крупным торговцем рыбой, капиталистом. Мне приятно сообщить это читателям, чтобы они вместе со мной пораздавались, что подарок старика попал в хорошие руки.

Я уверен, что ни один из моих читателей, окажись он на месте этих трёх генуэзских рыбаков, не поступил бы иначе.

XLVIII. РОКОВОЙ ЧЕМОДАН

В это очаровательное летнее утро в Генуе в такой ранний час проснулись по крайней мере пять человек, которых никак не беспокоила забота о хлебе насущном.

Одним из них был Хоттабыч. Он бодро вскочил с постели и разбудил своих юных друзей (вот вам ещё два человека), спавших на просторных деревянных кроватях. Сам он, по обычаю своему, переночевал на полу у порога, хотя номеров и свободных коек в гостинице было сколько угодно.

— Друзья мой,— обратился он к сладко позёвывавшим мальчикам,— простите меня, что я нарушил ваш крепкий отроческий сон, но я вторично отправляюсь в море на розыски моего любимого и несчастного брата Омара Юсуфа. Не беспокойтесь за меня. Я буду осторожен и, уверяю вас, ни в какие сети больше не попадусь. Через два-три часа я вернусь. За этот срок я вполне успею обследовать всё это море, которое вы называете Средиземным. Спите, друзья мой, я разбужу вас, когда ноги мои снова ступят на тёплые ковры этой комнаты.

— Не-е-ет! — сказал Волька.— Мы не согласны прохладяться в такой серьёзный момент. Мы будем ждать тебя на берегу. Правильно я говорю, Жёня?

— Угу́м,— подтвердил Жёня, потягиваясь.— В крайнем случае, мы вздремнём на берегу моря. На песочке...

На том наши путешественники и порешили. Быстро одевшись, умывшись и позавтракав, они отправились в знакомую бухточку, которую незадолго до этого покинули гостеприимные рыбаки.

Четвёртым человеком, проснувшимся в такую рань, был мистер Гарри Вандендаллес. Ему не терпелось приступить к покупкам. С каким бы официальным заданием он ни приезжал в ту или иную страну, в тот или иной город, он первым делом думал: «А нельзя ли тут по случаю купить что-нибудь подходящее, что можно будет выгодно перепродать у себя в Америке?» Как человек исключительной жадности, он собрался до того часа, когда открывают в Генуе магазины, пройтись на всякий случай разок-другой и по местному рынку.

Но мистер Вандендаллес отлично знал, что честные итальянцы не особенно жалуют американских военных и дипломатов, и поэтому захватил с собой на рынок своего телохранителя. Этот рыжий детина с рябым и в высшей степени неприятным лицом был «проверенным» человеком — он служил в тайной полиции ещё во времена Муссолини, и начальник генуэзской полиции сказал вчера Вандендаллесу, что на Чезаре Санторетти мистер Ванден-

дэллес мѳжет положиться, как на собственнаго брата. Это было не совсем удачно сказано, потому что братья Вандендэллеса, как истинные бизнесмены, готовы были за лишний доллар утопить друг друга в ложке воды. Но у начальника генуэзской полиции, очевидно, не было братьев. Чезаре Санторетти и был пятым человеком из тех пяти, о которых мы говорили в начале этой главы.

Не успел еще Вандендэллес сделать по рынку и десяти шагов, как убедился, что не зря поднялся в такую рань. Прямо на него шел молодой курчавый парень, весьма бедно одетый, и держал в руке роскошный кожаный чемодан. Уж можете поверить, мистер Гарри Вандендэллес знал толк в чемоданах! Это был в высшей степени красивый и оригинальный чемодан. Просто незаурядное произведение кустарного искусства: кожа изумительной выделки, с тончайшим цветным тиснением. Великолепная ручка была прикреплена гвоздиками со шляпками, которые нельзя было отличить от золотых, потому что они на самом деле были золотыми. Угольники радовали глаз превосходной гравировкой — на них были выгравированы рыбки, птицы и какие-то арабские письмена.

Не надо только думать, что Джованни (этот курчавый парень и был, как вы уже догадались, именно он) отправился на рынок, не предприняв необходимых мер предосторожности. Чемодан был в чехле из какой-то старой дерюги. Но такому человеку, как Гарри Вандендэллес, достаточно приметить один уголок чего-нибудь, чтобы сразу раскусить, нельзя ли это «что-нибудь» выгодно купить и еще выгодней продать.

— Спроси его, — быстро приказал он своему телохранителю, — спроси, сколько он хочет за его чемодан.

— Эй ты, пентюх! — окликнул Чезаре молодого рыбака. — Мой американец спрашивает, сколько ты хочешь за твой драный ящик.

— Сам ты пентюх, — ответил Джованни. — А чемодан я не продаю. Он мне самому нужен.

— Уж не собираешься ли ты ехать с ним в Ниццу? —

насмѣшливо осведомился Чезаре.— Там по таким, как ты, соскучились все князья и графы Европы.

— Скажи им, чтобы не скучали. Как только представится первая возможность, я обязательно съезжу в Ниццу,— пробурчал в ответ Джованни и прибавил шагу.— Будет время — мы все туда приедем, и им придется немнóжко потесниться.

— Эге, да ты, кажется, красный!

— Я? Синий в горошинку и зелёный в крапинку... А ну, не трóгай чемодан! — крикнул Джованни, ударяя по руке Чезаре Санторетти.— Не трóгай, слышишь!..

— Ах, ты драться?! — прошипел Санторетти, потирая ушибленную руку.— Говори скорее, сколько ты хочешь за свой облезлый сундук, или тебе не поздоровится... Ты знаешь, кто этот американец? Это гость его преосвященства епископа генуэзского и нашего синьора префекта.

— Вот пусть они ему и продают свой чемоданы. Италию они уже американцам продали.

— Значит, вот какой разговор! — вскричал Чезаре Санторетти.— Карабинёр!

Подбежали два карабинёра, трусливо озираясь на собравшуюся толпу. В толпе уже раздавались негодующие возгласы. Многие знали Джованни как доброго и честного малюго; ещё больше генуэзцы знали Чезаре как старого муссолиниевского шпика, и никому не внушал добрых чувств этот краснорóжий американец, из-за которого сейчас весь сыр-бор и загорелся.

— Возьмите его в полицию! — приказал Чезаре.— Этот прохвост украл чемодан синьора американца!

Он выхватил чемодан из рук побелёвшего от возмущения Джованни и сорвал с него убогий, самодельный чехол.

— Пусть он скажет, откуда у него такой роскошный чемодан! — крикнул Чезаре, обращаясь к сгрудившемуся вокруг них люду.

— Мне его подарили, синьоры!.. Честное слово, пода-

ри́ли! — сказа́л Джова́нни и уви́дел, что никто́ ему́ не по-
ве́рил. — Клянусь че́стью!..

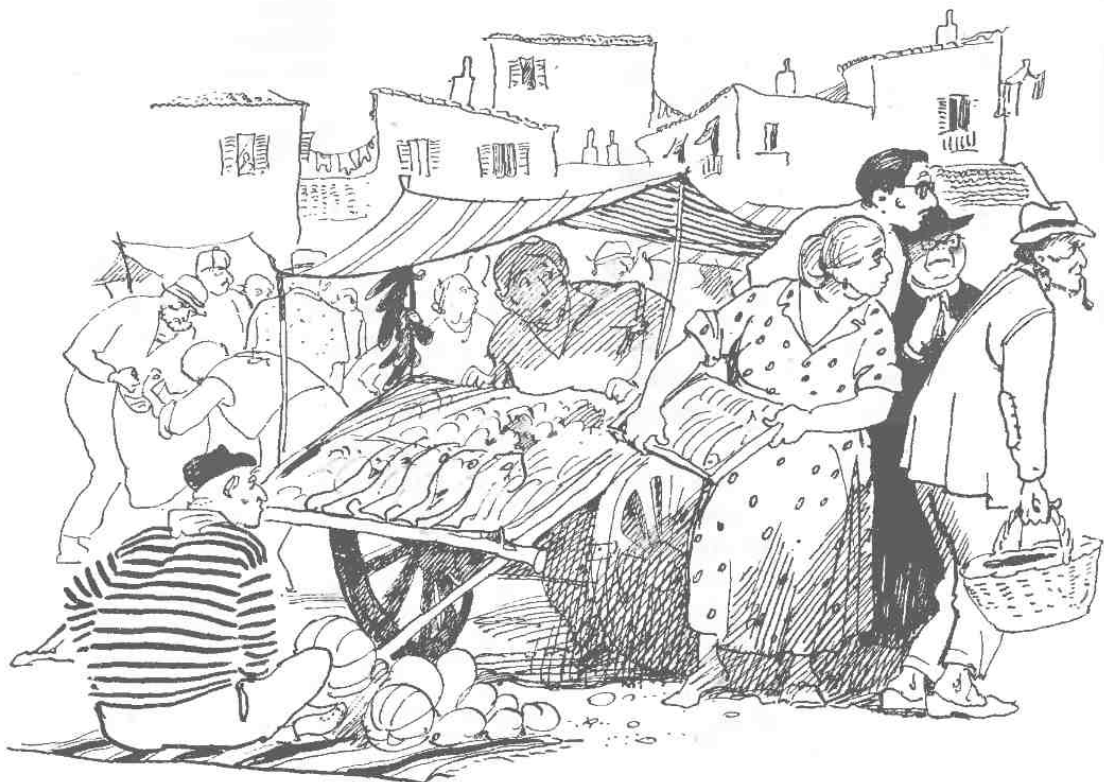
Бы́ло очень оби́дно, но, ка́жется, э́тот прокля́тый шпик
на э́тот раз говори́л пра́вду. Да-а-а! Зна́чит, совсе́м плохи́е
времена́ наступи́ли, е́сли бедня́га Джова́нни — чести́ней-
ший па́рень — поше́л на воровство́.

Толпа́ ме́дленно разош́лась, а караби́неры повели́ Джо-
ва́нни в управле́ние генуэ́зской поли́ции.

В не́скольких шага́х позади́ шли ми́стер Ванденда́ллес
и его́ преда́нный телохраните́ль. В руке́ своёй Чезаре́ не́с
злосча́стный чемода́н...

— Отку́да у тебя́ э́тот чемода́н? — спроси́л инспе́ктор
поли́ции молодого́ рыбака́.

Он раскры́л чемода́н, что́бы посмотре́ть, как он ви́гля-
дит внутри́.

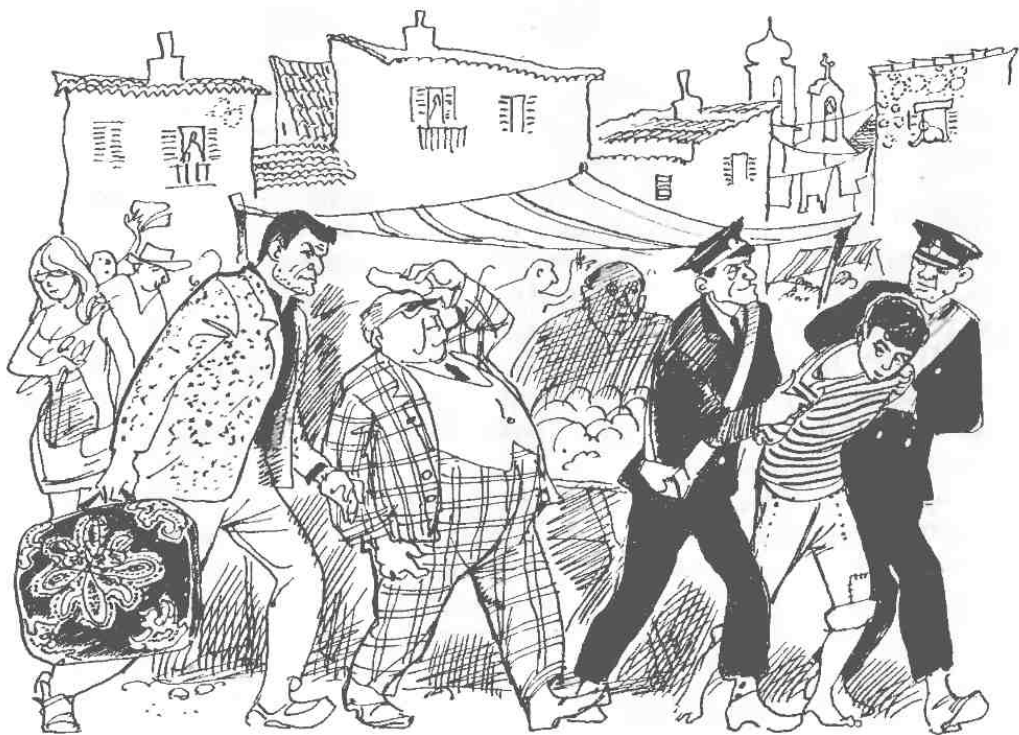
Джованни обомлел: вот сейчас на паркет вывалится полсотни килограммов рыбы! А потом ещё и ещё!.. Пропал тогда ни за что ни про что чудесный подарок вчерашнего старика!

Но, сверх всякого ожидания, чемодан оказался пуст. Читатели уже, вероятно, догадались, что рыба в нём появлялась лишь тогда, когда его раскрывали Джованни, Пьетро или Христофоро. Для остальных он был обыкновенным чемоданом — правда, совершенно исключительной работы.

— Мне его подарили, — сказал Джованни, облегчённо вздохнув.

— Ах, подарили? — издевательски подхватил инспектор. — Так-таки прямо и подарили?

— Ну да, — простодушно подтвердил Джованни.

— Когда подар́ли?
— Вчера́ в́ечером.
— Кто?
— Оди́н стары́к подарыл.
— Ах, стары́к! Как его́ зову́т, твоего́ ще́дрого старика́?
— Не зна́ю.
— А где он прожива́ет, ты то́же не зна́ешь?
— Нет, не зна́ю.
— И чем он занима́ется, то́же тебе́ неизв́естно?
— Нет, неизв́естно.
— И давно́ ты с ним знако́м, с э́тим зага́дочным стари́ком?

— Мы с ним познако́мились вчера́ в́ечером, синьор инспектор.

— И он тебе́ сразу́ подарыл э́тот драгоценный чемодан, э́то чу́до человеческих рук?

— Сразу́, синьор инспектор. То́лько он мне не оди́н подарыл, а...

Тут Джованни смекну́л, что сболтну́л лишнее, и замолча́л. И ско́лько инспектор ни би́лся, он не смог бо́льше заста́вить Джованни говори́ть.

— Мне всё я́сно,— сказа́л тогда́ инспектор, вытира́я пот со своего́ по́лногo лица́ (оно́ бы́ло у него́ нездорóвого, жёлтого цвета́; густые седые брови торча́ли на нём, как усы).— Никто́ тебе́ чемодана не дарыл. Ты его́ просто укра́л у нашего́ уважа́емого гóстя.

И он почтительно кивну́л головой в сто́рону мистера Вандендаллеса, кото́рый сидел на ба́рхатном дива́не, шумно отдува́лся и опроки́дывал в себя́ стака́н за стака́ном во́ду из большо́го графи́на.

— Как вы сме́ете называ́ть меня́ во́ром! — полёз на инспектора с кулака́ми Джованни.— Я никогда́ в жи́зни и па́льцем не трону́л чужо́го добра́!

— Ах, ты, оказы́вается, не то́лько вор, но и хулига́н! — с удовольствием отме́тил инспектор.

Он распоряди́лся, что́бы Джованни отвели́ пока́ в тюрму́, и сел писа́ть протоко́л.

XLIX. СОСУД С ГЕРКУЛЕСОВЫХ СТОЛБОВ¹

На этот раз Хоттабыч оказался точным. Он обещал вернуться через два-три часа, и действительно — без четверти девять его сияющая физиономия вынырнула из воды.

Старик был счастлив. Он быстро выбежал на берег и, размахивая высоко над головой каким-то очень большим, в полчеловеческого роста, металлическим сосудом, обросшим водорослями, орал:

— Я нашёл его, о друзья мой! Я нашёл сосуд, в котором столько веков томится мой несчастный брат Омар Юсуф ибн Хоттаб, да не померкнет никогда солнце над его головой! Я обшарил всё море и уже начал отчаиваться, когда у Геркулесовых столбов заметил в зеленоватой бездне этот волшебный сосуд.

— Чего же ты медлишь? Открывай поскорее! — азартно крикнул Жёня, первым подбежавший к изнемогавшему от счастья Хоттабычу.

— Я не смею открывать его, ибо он запечатан Сулеймановой печатью. Пусть Волька ибн Алёша, освободивший меня, выпустит из заточения и моего многострадального братика. Вот он, сосуд, в мечтах о котором я провёл столько бессонных ночей! — продолжал Хоттабыч, потрясая своей находкой. — Возьми его, о Волька, и открывай на радость мне и брату моему Омáру!

Прильнув ухом к стенке сосуда, он радостно захохотал:

— Ого-го, друзья мой! Омар подаёт мне знаки изнутри.

Жёня не без зависти смотрел, как старик передал сосуд явно польщённому Вольке, вернее — положил его перед ним на песок, потому что сосуд оказался очень тяжёлым.

— Что же ты, Хоттабыч, говорил, что Омара заточили в медном сосуде, когда сосуд, оказывается, железный? Да ладно уж... Где тут печать? Ах, вот она где! — сказал Волька, осматривая сосуд со всех сторон.

¹ Геркулесовы столбы — древнее название Гибралтарского пролива.

Вдруг он побелел и изо всех сил крикнул:

— Ложись!.. Жёненька, ложись!.. Хоттабыч, сию же минуту кидай сосуд обратно в море и тоже ложись!..

— Ты с ума сошёл! — возмутился Хоттабыч. — Столько лет мечтать о встрече с Омаром и найти его только для того, чтобы снова предать морским волнам!

— Швырни его подальше!.. Нету там твоего Омара!.. Швыряй скорей, или мы все погибнем! — молил между тем Волька, и, так как старик всё ещё колебался, он отчаянно завопил: — Я приказываю тебе! Слышишь?!

Недоуменно пожав плечами, Хоттабыч поднял тяжёлый сосуд, размахнулся и забросил его метров за двести от берега.

Не успел он после этого обернуться к стоявшему рядом с ним Вольке, как на месте падения сосуда раздался страшный грохот, большой водяной столб поднялся над спокойной гладью бухты и с шумом рассыпался. Тысячи оглушённых и убитых рыбёшек всплыли животами кверху на поверхность воды.

Откуда-то уже бежали к берегу люди, привлечённые взрывом.

— Скорей удирать отсюда! — скомандовал Волька.

Наши друзья спешно выбрались на дорогу и зашагали к городу.

Позади всех шёл, то и дело оглядываясь назад, расстроненный Хоттабыч. Он всё ещё сомневался, не зря ли он послушался Волькиного приказа...

— Что ты там такое прочитал на этой штуке? — спросил Жёня, догоняя далеко ушедшего вперёд Вольку.

— «Made in USA»¹ — вот что я прочитал!

— Американская бомба, значит, эта штука была?

— Мина, а не бомба, — поправил его Волька. — Это понимать надо! Подводная мина.

Хоттабыч печально вздохнул.

¹ «Изготовлено в США».

Л. «ВОТ ОН, ЭТОТ СТАРЫЙ СИНЬОР!»

— Будем считать, что всё в порядке,— подвёл итоги Бóлька.— С одной стороны, Омара не нашли. Это, конечно, жалко. Зато, с другой стороны, чуть не погибли, но спаслись. Это уже хорошо.

— Теперь в самый раз пойти позавтракать,— сказал запыхавшийся от быстрой ходьбы Жёня.

Жёнино предложение было признано в высшей степени разумным.

Проходя мимо мрачного здания полиции, они увидели, как оттуда вышел под конвоем двух карабинёров их вчерашний знакомец, весёлый рыбак Джованни.

Джованни тоже узнал их и крикнул, указывая на Хоттабыча:

— Вот он, этот старый синьор, который подарил мне чемодан! Он кому угодно подтвердит, что я не вор, а честный рыбак!

— В чём дело, Джованни? — осведомился Хоттабыч, когда рыбак, которого крепко держали за руки полицейские, поравнялся с нашими друзьями.

— О синьор,— чуть не плача, отвечал бедный рыбак,— мне не верят, что вы подарили нам чемодан! И вот у меня отобрали чемодан и сказали, что я вор. Сейчас меня ведут в тюрьму. Помогите, синьор, объясните синьору инспектору, что я ничего не украл!

— Кто смел обвинить этого благородного рыбака в воровстве? Кто этот негодяй, который посмел забрать у него вещь, подаренную мною, Гассаном Абдуррахманом ибн Хоттабом!.. Идём к этому недостойному человеку, и я ему всё скажу прямо в его подслеповатые глаза!..

И вот инспектор, не успевший ещё составить протокол допроса, удивлённо поднял голову, услышав, что кто-то вошёл в его кабинет. Он не любил, когда ему мешали. Он даже мистера Вандендаллеса, которого бесконечно и преданно уважал, попросил пройти на время, пока он покончит с протоколом, в соседнюю комнату, где в его рас-

поражение были предоставлены мягкое кресло и чашка кофе.

— Это ещё что такое?! — проскрипел он, увидев, что арестованный рыбак в сопровождении конвоиров снова очутился перед его столом. — Вы должны были уже к этому времени доставить арестованного в тюрьму!

— Синьор инспектор! Вот он, этот старик, который подарил мне вчера чемодан! — победоносно воскликнул Джованни, указывая на вошедшего вслед за ним Хоттабыча. — Он вам подтвердит мои слова.

— Интересно, очень интересно! — протянул инспектор, окинул Хоттабыча испытующим взглядом, и коварная улыбка зазмеялась на его жёлтом, плохо выбритом лице. — Значит, этот... как его... Джованни Сапенье не врёт? Вы действительно подарили ему этот чемодан? Судя по вашему скромному одеянию, вы не так богаты, чтобы швыряться такими дорогими вещами.

— Мудрость учит, что тот, кто судит о людях по одежде, часто ошибается! Да, это я подарил вчера этому благо-

рѳдному рыбаку чемодан, который ты у него без всяких оснований отобрал, и ещё один, который тебе не удалось и никогда не удастся отобрать. И я подарил бы ему десять, двадцать, сто, десять тысяч таких и даже во много раз более дорогих чемоданов, если бы он только согласился принять их от меня! — горделиво заявил Хоттабыч, не замечая предостерегающих знаков, которые делал ему Джованни.

Но было уже поздно. Инспектор радостно потирал руки.

— Прошу прощения, дорогой синьор, — произнес он, не сводя глаз со своего престарелого собеседника, — прошу прощения, но, при всём моём уважении к вам, я не могу поверить вашим словам.

— Не хочешь ли ты сказать, о лукавый инспектор, что я лгун? — побагровел Хоттабыч.

— Посудите сами, синьор: вы более чем скромно одеты и заявляете, что вы так просто, за здорово живёшь, подарили почти незнакомому рыбаку чемодан, который стоит по крайней мере тысячу долларов, если перевести его на более или менее твёрдую валюту.

— Два чемодана! И не за здорово живёшь, а за то, что он накормил моих юных друзей! — сварливо поправил его Хоттабыч.

— Две тысячи долларов за один обед!

— За ужин! — снова поправил его Хоттабыч.

— В данном слўчае ёто безразлїчно. Две тўсячы дўларов за ўжин! Не кўжеться ли ёто вам нёсколько дорогўй плўтой? — хихїкнул инспектор.

— Нет, не кўжеться! — запўльчиво отвечўл Хоттўбыч. — За хорўшее дёло, за бескорўстную услўгу я всегда плачў щёдро.

Инспектор пўнял послёдные слўва, как намёк на возмўжную взўтку, и у него от жўдности заблестёли глазў.

— У вас мнўго такїх чемодўнов?

— У меня их нет ни одного, но я могу их дарїть скўлько угўдно.

— Мўжет быть, у вас и дёнег имёется скўлько угўдно? — коварно освёдомился инспектор.

Хоттўбыч презрїтельно улыбнўлся.

— Мўжет быть, у вас и драгоцённости имёются, зўлото?

— У меня нет ни зёрнышка, но достўть его я могу скўлько мне заблагорассўдится.

— У вас собствённые золотўе прїиски? Где онї находяться? В Южной Африке?.. В Калифорнии?..

— У меня в кармўнах. Стўит мне тўлько захотёть — и я запўлню зўлотом весь ётот дом, в котўром мы сейчўс находимся, и ещё тўсячу такїх домўв, — отвечўл Хоттўбыч, пощїпывая бўроду.

— Не могу повёрить, — сказўл инспектор.

— А ёто что? — спросїл Хоттўбыч и прїнялся извлёкать из кармўнов своїх парусїновых брюк цёлые прїгоршни золотўх монёт.

Ужё на столё ошеломлённого инспектора вўсилась солїдная гўрка зўлота, когда старїк замётїл наконёц знўки, котўрые подавўл ему Джовўнни.

Тогда он перестўл выклўдывать зўлото и простодўшно обратїлся к инспектору:

— Тепёрь ты, надёюсь, убедїлся, что ётот благородный рыцарь не лгун и тем бўлее не вор? Отпустї же его немёдленно, дабы он мог насладїться свобўдой и покўем.

— Увў, синьўр, тепёрь я убедїлся, что Джовўнни Са-

пéньо — не вор,— промóлвил инспéктор с лицемёрной грустью,— и íменно по́тому я не могу́ его́ отпустить.

— Что такое?! — грóзно спросил Хоттабыч.

— Прошу́ прощéния, но одiн синьóр, íмени которóго я не имéю прáва оглашать, но порядочность которóго вне всяких подозрéний, предъявил свой прáва на чемодán, который — я охóтно верю! — вы вчера́ подарили́ éтому... э-э-э... Джовáнни Сапéньо. Значит, предстоит суд, а до судá — слéдствие. Чемодán мы вьнуждены́ остави́ть в качéстве вещéственного доказáтельства, а синьóра Джовáнни в качéстве... э-э-э... свидéтеля, а мóжет быть, и обвиняемого. Всё скажет слéдствие, синьóр...

— И скóлько оно́ бóдет продолжáться, это слéдствие?

— Мы бóдем вести́ его́ сáмым ускóренным порядком, синьóр. Значит, гóда чéрез два — два с полови́ной, я полагаю, оно́ ужé бóдет закончено. А там ещё полгóдика — и суд.

— Ты что же, хочешь три гóда морить́ этого́ слáвного рыбака́ в тюрьмé, а потóм ещё бóдешь решáть, виновен он или нет?!

— Закон есть закон! У нас сейчáс так мнóго дел в производстве, что рáньше прóсто боюсь́ обеща́ть... Впрóчем... — Тут инспéктор на мину́ту замýлся, кивком́ головы́ приказáл конвóйным удалиться́ из кабинéта и продолжáл тiхим, но твёрдым гóлосом: — Впрóчем, есть и другóй, бóлее приятный вы́ход из создавшегося крáйне неприятного́ положéния...

— Какóй? — спросили́ в одiн гóлос и Хоттабыч и рыба́к.

— Пожéртвование, мой уважа́емые синьóры. Если хотите́, назови́те это́ безвозвратной дáчей взаимы́. Семья́ моя́ столь велика́, а жáлованье столь незначительно...

— Ни слóва бóльше, о нiзкий лихоiмец! Мне протiвно слы́шать такие́ рéчи! Сейчáс я пойду́ и сообщу́ об этом́ твоему́ глáвному начальнику! — вскричáл Хоттабыч с передаваемым презрéнием.

— Вы́ этого́ не сдéлаете по двум причíнам, уважа́е-

мый синьор, — возразил ему инспектор, ничуть не повышая голоса. — Во-первых, вам в таком случае придётся дать взятку и ему, а во-вторых — и это самое главное, — вы не выйдете из моего кабинета иначе как под конвоем.

— Почему?

— Потому что я обязан арестовать и вас.

— Меня?! Арестовать?! За что? Не ослышался ли я?

— За то, что вы не выполнили предписания правительства и не сдали итальянскому казначейству всё золото, которое вы имеете. Вы должны были бы понимать, что без золота Италия не может с успехом бороться за западную цивилизацию.

— С какой стати я должен сдавать золото в казначейство чужой страны?

— Должен ли я вас понять, синьор, что вы не итальянец?

— Должен, и ты не ошибёшься.

— Вы иностранец?

— Конечно.

— И вы не американец?

— Ты не ошибся.

— Давно ли вы прибыли в Италию?

— Вчера под вечер.

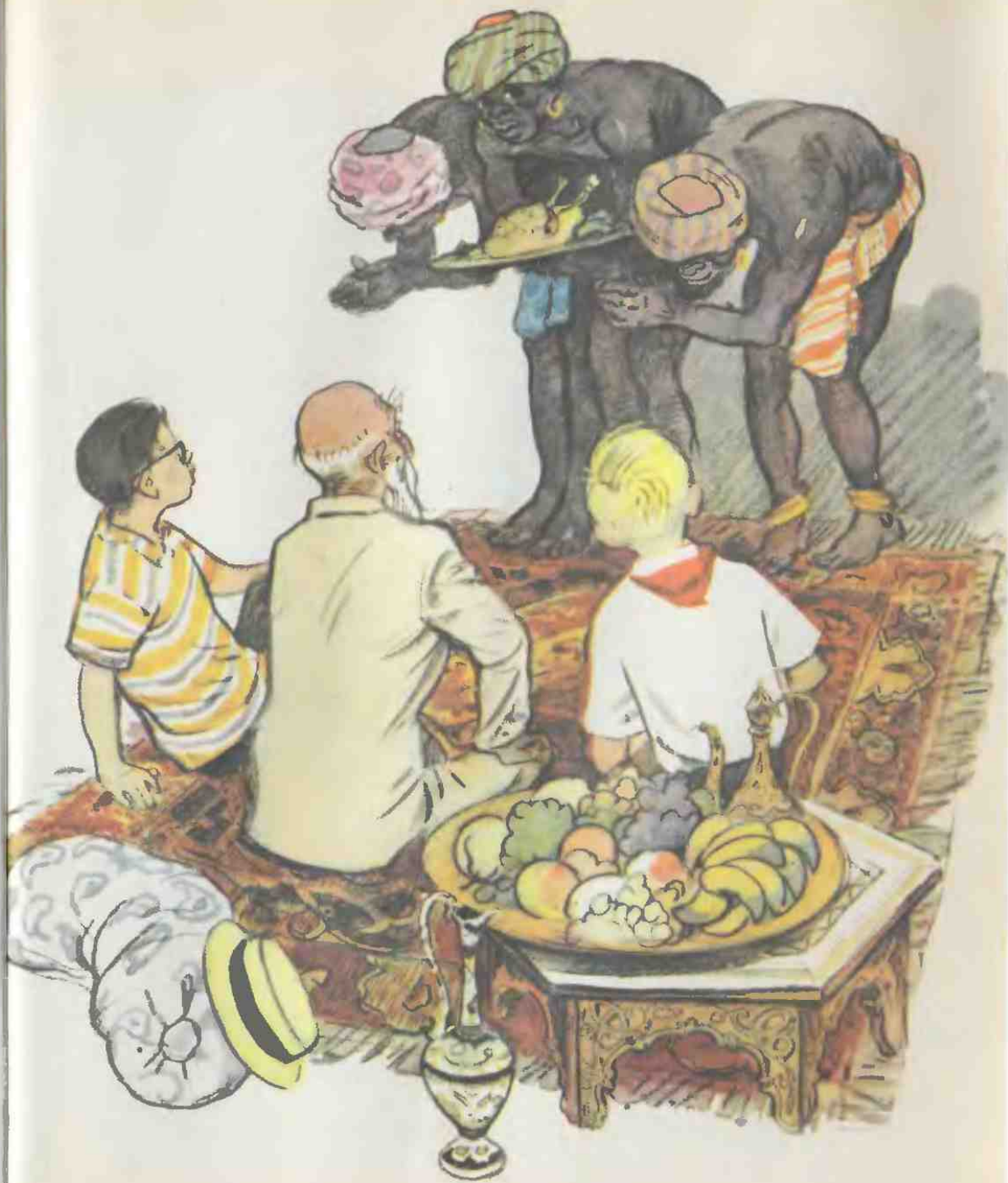
— А где ваш заграничный паспорт, дорогой синьор?

— Что ты подразумеваешь под неизвестными мне словами «заграничный паспорт», о трижды презренный лихоймец?

— Заграничный паспорт — это тот документ, без которого никто, кроме американцев, не имеет права въезжать в Италию и покидать её пределы.

— Могучий джинн Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб не нуждается в чьих бы то ни было разрешениях. Он посещает те страны, которые ему угодно посетить, не унижаясь до испрашивания соизволения властей как земных, так и небесных, конечно не считая аллаха.

— Значит, вы прибыли в Италию без визы нашего министерства иностранных дел и привезли с собой какое-то,

и довольно значительное, количество золота? Вот за это я, дорогой синьор, и должен вас арестовать. Впрочем, есть и другой, более приятный выход.

— Взятка? — догадался Хоттабыч.

Инспектор утвердительно кивнул головой, не замечая, что старик выдернул из своей бороды несколько волосков.

— Мне хотелось бы вам указать, — прервал инспектор наступившую тишину, — что в тюрьме вам придётся очень туго. Вас будут кормить солёным, но пить давать не будут. Каждый день я буду навещать вас вот с этим графином, наполненным прохладной, вкусной водой, и вы будете испытывать такую жажду, что в конце концов отдадите мне всё ваше золото и все ваши чемоданы и будете ещё благодарны, если мы вас оставим в живых.

— А почему ты украл чемодан, который отобрал у Джованни? — спросил Хоттабыч, бросив при этом на пол несколько разбруанных волосков.

— Я никогда не ворую вещественных доказательств, — обиделся инспектор, — вот он...

Только что чемодан лежал на стуле справа от инспектора, и вдруг он словно сквозь землю провалился. Пропахла вдруг и груда золотых монет, так приятно волновавшая воображение инспектора, и, что самое удивительное, прямо из-под его рук неизвестно куда и каким путём пропал протокол допроса Джованни.

— Это ты украл, проклятый старик! Ты и этот тихоня Джованни! Но ничего, я вас живо заставлю понять, где вы находитесь! — взвизгнул инспектор.

Он нажал кнопку, и вошли четыре жандарма с необыкновенно тупыми и свирепыми физиономиями.

— Обыщите их! — приказал инспектор.

Но обыск ничего не дал.

— Куда девалось золото? Где чемодан и протокол? — завопил инспектор.

Хоттабыч молчал. Джованни беспомощно развёл руками:

— Не знаю, синьор инспектор.

В это время открылась дверь, и в кабинет заглянул мистер Вандендаллес. У него было озабоченное лицо.

Из-за его спины выглянул Чезаре. Как переводчик Вандендаллеса он сделал официальное заявление:

— Синьор инспектор, мой американец просит передать, что он очень спешит, потому что сейчас должны открыться магазины. Нельзя ли поскорее поговорить с ним?

В такт этим словам Вандендаллес величественно качал головой. И вдруг он заметил Хоттабыча, который скромно стоял в сторонке.

— О-о-о! — воскликнул американец. — Мистер инспектор, задержите, пожалуйста, этого старика!..

— Синьор американец просит, синьор инспектор, чтобы вы задержали этого старика, — быстро затараторил, переводя его слова, Чезаре Санторетти. — Синьор американец обвиняет этого старика в том, что он несколько дней назад похитил у него сто миллионов сто тысяч долларов наличными деньгами в пачках по сто десятидолларовых бумажек, а также десять тысяч золотых часов, усыпанных бриллиантами, двадцать тысяч золотых портсигаров, пятьдесят тысяч жемчужных ожерелий, пятнадцать тысяч старинных фарфоровых сервизов и одно совершенно бесценное серебряное кольцо, оставленное синьору Вандендаллесу в наследство его величеством покойным царём Соломоном, сыном Давида...

— Вот оно!.. Вот оно, это кольцо! — взревел мистер Вандендаллес, заметив на руке Хоттабыча колечко «Носи, Катя, на здоровье». — Отдай кольцо!..

— А ну-ка, заставьте старика заговорить! — приказал инспектор и в предвкушении приятного зрелища поудобней устроился в кресле.

Жандармы молча козырнули и неожиданно для инспектора и самих себя с силой вышибли из-под него кресло, повалили на ковер и принялись избивать.

— Что вы делаете, негодяи?! — вопил инспектор. — Ведь я вам приказал потолковать с этим стариком!

— Так точно, синьор инспектор! — молодева́то отве́тили жандармы и продолжа́ли наносить ему́ удáры.

— Чего́ ты стои́шь, как дуби́на? — крикнул инспектор окамене́вшему от удивле́ния Чезаре. — На по́мощь, Чезаре, на по́мощь!..

Телохрани́тель Ванденда́ллеса каки́ми-то страна́ными, деревя́нными шага́ми прибли́зился к избивáемому инспектору и нанёс ему́ не́сколько удáров, от кото́рых тот сразу́ затих, потеря́в созна́ние.

Убеди́вшись, что инспектор «гото́в», жандармы и Чезаре, как по кома́нде, тяжело́ вздохну́ли и приня́лись тузи́ть друг дру́га, пока́ один за дру́гим не попада́ли на пол в полне́йшем изнеможе́нии. После́дним упáл Чезаре Санторетти. Но, уже́ па́дая, он из после́дних сил так сту́кнул Ванденда́ллеса, что тот гро́хнулся на кове́р, сло́вно мешо́к с карто́шкой.

— Вы его́ зна́ете, э́того америкáнца? — спроси́л Джовáнни Хотта́быча. — Э́то как раз он сказа́л, что я у него́ укра́л чемода́н...

— Знаю́ ли я э́того ме́рзкого челове́ка?! — усмехну́лся Хотта́быч. — Да, мы с ним ка́к-то встреча́лись... Ну, до́брый мой Джовáнни, всё как бу́дто в до́лжном поря́дке. Поки́нем же скорée э́тот негостеприимный дом.

С э́тими слова́ми он взял Джовáнни за́ руку и споко́йно, сло́вно сквозь двéри, провёл его́ на у́лицу пра́мо сквозь то́лстую ка́менную сте́ну, за кото́рой волнова́лись обеспоко́енные их до́лгим отсутствием Во́лька и Же́ня.

— Возьми́, Джовáнни, обра́тно свой чемода́н, — сказа́л старик молодóму рыбаку́, вруча́я ему́ невзра́чный чемода́н, кото́рый впло́ру бы́ло бы вы́бросить на сва́лку.

Джовáнни гото́в был покля́сться, что ещё́ секун́ду наза́д в руках Хотта́быча не́ было ника́кого чемода́на. А тот, кото́рый ему́ сейча́с передал Хотта́быч, не имёл ниче́го обще́го с драгоценным чемода́ном, чуть́ бы́ло не сто́ившим молодóму рыбаку́ свобóды.

— Пусть тебя́ не смущáет его́ вне́шний вид, — сказа́л Хотта́быч, поня́в удивле́ние Джовáнни. — Согла́сь, что

при его чудесных свойствах нарядная внешность не только излишня, но вредна...

Они сердечно распрощались. Джованни побежал домой, чтобы успокоить своих товарищей, которые не знали, что и подумать по поводу его затянувшегося отсутствия. Слухи о его аресте до них уже успели докатиться, и они, конечно, не чаяли, что он скоро вырвется из цепких лап продажной генуэзской полиции. Можете поэтому себе представить, как они были рады обнять живого, здорового и свободного Джованни и выслушать из его уст историю его необычайных походов.

А Хоттабыч тем временем вернулся к своим юным друзьям и, как вы сами понимаете, первым делом рассказал им со всеми подробностями о том, что только что произошло в кабинете инспектора полиции.

— Эх,— сказал Волька в сердцах,— я бы этому подлецу ещё так же на прощание устроил, чтобы он на всю жизнь запомнил!

— Ты прав, как всегда, о Волька ибн Алёша,— глубокомысленно согласился Хоттабыч.

В ту же минуту за четыре километра от наших дружно шагнувших друзей, в уже известном нам кабинете, произошло нечто, от чего жандарм, первым пришедший в себя, тут же снова упал без сознания: инспектор, только что ввалившийся на пол, вдруг сильно сократился в своих размерах и неизвестно каким путём очутился в стеклянном графине, том самом, из которого всю воду выпил мистер Вандендаллес...

Так он по сей день и томится в стеклянном графине. Все попытки освободить его оттуда ни к чему не привели, потому что графин этот вдруг стал тверже алмаза и разбить его или распилить не представляется никакой возможности.

Пришлось, конечно, уволить инспектора из полиции. Семья его оказалась бы совсем без средств к существованию, если бы супруга отставного инспектора не догадалась выставить на улицу тумбочку, а на ней — графин с

отставным инспектором. За право посмотреть на своего супруга предприимчивая синьора берёт всего одну лиру и сравнительно неплохо живёт. Каждый честный итальянец с удовольствием заплатит лиру, чтобы насладиться лицемерием прожжённого взяточника и верного капиталистического холоуя, заточённого в графин.

Не менее достойна внимания и судьба мистера Гарри Вандендаллеса. Мы забыли сказать, что одновременно с инспектором был наказан и он. Хоттабыч превратил его в собаку. Чезаре Санторетти в одну минуту поседёл, следя за тем, как этот алчный американец быстро превращался в облезлую рыжую шавку. Так он по сей день и проживает в своей нью-йоркской квартире в собачьем виде. Богатейшие владыки Уолл-стрита постоянно шлют ему отборные кости с собственного стола. Раз в неделю он выступает за это с двадцатиминутным лаем в радиопередаче «Голос Америки».

Что же касается наших друзей, то Хоттабыч, убедившись, что в Средиземном море Омара ему не найти, предложил отправиться на берега Атлантического океана. Само по себе предложение было в высшей степени заманчивым. Однако неожиданно против этого возразил Волька. Он сказал, что ему нужно завтра же обязательно быть в Москве, по причине, которую он не может сообщить. Но причина, мол, очень важная.

Тогда Хоттабыч с тяжёлым сердцем временно отложил дальнейшие поиски Омара Юсуфа.

Ещё не все избитые жандармы пришли в себя, когда взвился в воздух и мгновенно скрылся за горами ковёр-гидросамолёт «ВК-1», имея на своём борту Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, Владимира Костылькова и Евгения Богорада.

Спустя десять часов с минутами «ВК-1» благополучно снизился у полового берега Москвы-реки.

LI. САМАЯ КОРОТКАЯ ГЛАВА

В жаркий июльский полдень от Красной пристани Архангельского порта отвалил ледокольный пароход «Лядога», имея на своём борту большую группу экскурсантов. Духовой оркестр на пристани играл марш. Провожáющие махали платками, кричали: «Счастливого плаванья!»

Пароход осторожно выбрался на середину Северной Двини и, оставляя за собой белоснежные облачка пара, поплыл мимо множества советских и иностранных пароходов, держа курс на горло Белого моря. Бесчисленные катера, моторные лодки, карбасы¹, шхуны, траулеры, гички² и нескладные, громоздкие плоты бороздили спокойную гладь великой северной русской реки.

Толпившиеся на верхней палубе экскурсанты на целый месяц прощались с Архангельском и Большой землёй.

— Волька! — крикнул один из экскурсантов другому, озабоченно шнырявшему у капитанской рубки. — Куда девался Хоттабыч?

Из этих слов читатели могут сделать безошибочный вывод, что среди экскурсантов находились и наши старые знакомые.

LI. МЕЧТА О «ЛЯДОГЕ»

Тут нам необходимо сделать некоторое отступление и рассказать, как они очутились на «Лядоге».

Читатели, конечно, не забыли, что Волька в значительной степени по собственной вине (не надо было рассчитывать на подсказку!) позорно провалился на экзамене по географии. Такое событие трудно забыть. Помнил, конечно, и Волька, помнил и тщательно готовился к пересдаче экзамена. Он решил обязательно сдать на «пять».

¹ Карбас (и карбас) — большая лодка для рыбного промысла, перевозки грузов.

² Гичка — узкая быстроходная гребная шлюпка с низким бортом.

Но, несмотря на самое искреннее желание Вольки как можно лучше подготовиться к экзамену, это оказалось совсем не так просто. Мешал Хоттабыч. Ведь Волька так и не решился повѣдать старику истинные послѣдствия его роковой подсказки. Приходилось поэтому также скрывать и то, что Вольке нужно готовиться к переэкзаменовке. Он опасался, как бы Хоттабыч не решил наказать учителей и в первую очередь Варвару Степановну за Волькин провал на экзамене.

Особенно обидно получилось в тот день, когда так обыкновенно закончилась игра между «Шайбой» и «Зубилом».

Преисполненный раскаяния за огорчения, доставленные им Вольке на стадионе, Хоттабыч в этот день не отступал от Вольки ни на шаг, всячески к нему подлизывался, расточал комплименты и всё время навязывался с самыми соблазнительными предложениями. Только часов в одиннадцать вечера Волька получил возможность взяться за учебник.

— С твоего позволения, о Волька, я лягу спать, ибо меня что-то клонит ко сну, — промолвил наконец Хоттабыч, позевывая, и полѣз на своё обычное место — под кровать.

— Спокойной ночи, Хоттабыч! Приятных снов! — ответил Волька, усаживаясь поудобнее за столом и с искренним сожалением поглядывая на свою постель.

Он устал и был весьма не прочь соснуть, как он выражался, минут пятьсот — шестьсот. Но надо было заниматься, и Волька крепя сердце углубился в учебник.

Увы! Шелест страниц возбудил внимание засыпавшего джинна. Он высунул из-под кровати свою всклокоченную бороду и сонным голосом осведомился:

— Почему ты не в постели в столь поздний час, о стадион моей души?

— Что-то мне не спится. Бессонница, — соврал Волька.

— Тс-тс-тс! — сочувственно прищелкнул Хоттабыч языком. — Это весьма прискорбно. Бессонница губительна

в твоём нежном возрасте. Но не печалься, ибо для меня нет ничего невозможного.

Он выдернул из бороды несколько волосков, дунул на них, прошептал какое-то слово, и Волька, не успевший возразить против несвоевременной и ненужной помощи Хоттабыча, тут же заснул, склонив голову на стол.

— Ну вот, слава аллаху, всё в порядке, — пробормотал Хоттабыч, выбираясь из-под кровати. — Да будешь ты в

объятиях сна до самого завтрака.

Он легко поднял на руки спящего Вольку, бережно уложил его на постель, прикрыл одеялом и, удовлетворённо бормоча и кряхтя, забрался к себе под кровать.

А свет настольной электрической лампочки всю ночь бесполезно падал на учебник географии, сиротливо раскрытый на одиннадцатой странице...

Можете себе представить, каких трудов и скольких хитростей и уловок стоило Вольке подготовиться как следует к переэкзаменовке! Именно она и была той важной причиной, из-за которой Волька, а вместе с ним и Хоттабыч и Жёня должны были полететь из Гёнуи не на побережье Атлантического океана, а обратно в Москву.

Но оказалось, что хорошо подготовиться к переэкзаменовке — это только половина дела. Надо было ещё придумать, как отвязаться от Хоттабыча на время, которое требовалось для того, чтобы пойти сдать переэкзаменовку.

Тут автор этой правдивой повести считает необходимым отметить для сведения читателей, что как раз накануне вечером телефон из кабинета Костылькова-старшего был перенесён для всеобщего удобства в прихожую.

Это незначительное, на первый взгляд, событие, как

сейчас убедятся наши читатели, неожиданно привелó к серьёзному перелóму в настроениях и мечтаниях старика Хоттабыча.

Итак, Вольку не на шутку волновал вопрос, как ему незаметно для Хоттабыча вырваться из квартиры, когда в прихожей раздалась трель телефонного звонка. Звонил Жёня.

— Слушаю! — сказал Волька. — Здравствуй... Ну да, сегодня. Ровно в двенадцать... Ещё спит. Что?.. Ну да, совсем здоров. Он вообще очень здоровый старик... Что? Нет, ещё не придумал... Что? Ты с ума сошёл! Он ужасно огорчится, обидится и такого натворит, что и в триста лет не расхлебáешь... Значит, ты будешь у меня в пол-одиннадцатого? Добро!

Из дверей Волькиной комнаты высунулся Хоттабыч. Он укоризненно зашептал:

— Почему ты, о Волька, беседуешь с твоим и моим лучшим другом Жёней ибн Кóлей в прихожей? Это неучтиво. Не лучше ли было бы, если бы ты пригласил его к себе в комнату?

— Да как он войдёт сюда, если он сейчас у себя дома? Хоттабыч обиделся:

— Не понимаю, что побуждает тебя насмеяться над старым и любящим тебя джи́нном! Мои уши никогда ещё меня не обманывали. Я только что слышал, как ты беседовал с Жёней.

— Да я с ним по телефону разговаривал, понимаешь ты или нет? По теле-фо-ну! Ох и беда мне с тобой! Нашёл на что обижаться! Идём, я тебе сейчас всё покажу.

Они вышли в прихожую.

Волька снял телефонную трубку с рычажка, быстро набрал знакомый номер и сказал:

— Будьте любезны, позовите, пожалуйста, Жёню.

Затем он передал трубку Хоттабычу:

— На, можешь поговорить с Жёнью.

Хоттабыч осторожно прижал трубку к уху, и лицо его расплылось в растерянной улыбке:

— Ты ли это, о благословенный Жёня ибн Кóля?.. Где ты сейчас находишься?.. Дóма? А я думал, ты сидишь в этой чёрной трубочке, которую я держу у своего уха... Да, ты не ошибся, это я, твой преданный друг Гассан Абдурахман ибн Хоттаб... Ты скоро приедешь? Да будет, в таком случае, благословен твой путь!..

Сияя от восторга, он возвратил трубку ухмыляющемуся Вóльке.

— Поразительно! — воскликнул он. — Я беседовал, даже не повышая голоса, с отроком, находящимся от меня в двух часах ходьбы!

Вернувшись в Вóлькину комнату, Хоттабыч хитро оглянулся, щёлкнул пальцами левой руки, и на стене, над аквариумом, тотчас же появилось точное подобие телефона, висевшего в прихожей.

— Теперь ты сможешь сколько угодно беседовать с друзьями, не покидая своей комнаты.

— Вот за это спасибо! — с чувством промолвил Вóлька, снял трубку, прижал её к уху и долго и тщетно прислушивался.

Никаких гудков не было слышно.

— Алло! Алло! — крикнул он.

Он встряхнул трубку, потом стал в неё дуть. Гудков всё равно не было.

— Аппарат испорчен, — объяснил он Хоттабычу. — Сейчас я открою крышку. Посмотрим, в чём там дело.

Но коробка аппарата, несмотря на все усилия Вóльки, никак не открывалась.

— Он сделан из цельного куса самого отборного чёрного мрамора! — похвастался Хоттабыч.

— Значит, внутри там ничего нет? — разочарованно спросил Вóлька.

— А разве внутри этого аппарата тоже должно что-нибудь быть? — забеспокоился Хоттабыч. — Как в тех часах?

— Ну да, в таком случае понятно, почему этот телефон не действует, — сказал Вóлька. — Ты сделал только

макёт телефона, без всего, что полагается внутри. А внутри аппарата как раз самое главное.

— А что там должно быть, внутри? Особая начинка? Такая, как в часах? Колёсики всякие? Объясни, и я тотчас же сделаю всё, что необходимо.

— Не как в часах, а совсем другая. Но это так просто не объяснишь,— важно ответил Волька.— Для этого нужно сначала пройти всё электричество.

— Так научи же меня тому, что ты называешь электричеством!

— Для этого...— вдохновился Волька,— для этого нужно ещё раньше пройти всю арифметику, всю алгебру, всю геометрию, всю тригонометрию, всё черчение и ещё много разных других наук.

— Тогда обучи меня и этим наукам.

— Я... я... я сам ещё не всё это знаю,— признался Волька.

— Тогда обучи меня тому, что ты уже знаешь.

— Для этого потребуется много времени.

— Всё равно я согласен,— решительно ответил Хоттабыч.— Так отвечай же, не томи меня: будешь ли обучать меня наукам, которые дадут каждому человеку такую чудесную силу?

— Только чтоб аккуратно готовить уроки! — строго ответил Волька.— На, покуда почитай газету, а я сбегая по одному дельцу.

Он сунул в руки Хоттабычу свежий номер «Пионерской правды» и уехал в школу.

Светло-серое здание школы было непривычно тихо и пустынно. Только в кабинете на первом этаже директор, заведующий учебной частью и Варвара Степановна о чём-то толковали, да двумя этажами выше гулло раздавались весёлые голоса маляров и штукатуров: начинался ремонт.

— Ну, дорогая Варвара Степановна, что же вам сказать,— улыбнулся директор,— такому отпуску можно только позавидовать. И надолго это?

— Кажется, на месяц или что-то около этого.

Волька обрадовался, что Варваре Степановне хоть месяц не будет грозить опасность попасться на глаза Хоттабычу. Фу, хоть бы скорее она уезжала!

— А-а-а, хрустальный купол небес! — шуточно приветствовал директор Вольку. — Ну как, выздоровел?

— Выздоровел, Павел Васильевич. Я совсем здоров.

— Ну вот и отлично! Подготовился?

— Подготовился, Павел Васильевич.

— Ну что ж, давай, в таком случае, потолкуем.

Они толковали по всему курсу географии за шестой класс. Если бы Волька догадался засесть время, он убедился бы с удивлением, что беседа продолжалась почти двадцать минут. Но он не имел времени смотреть на часы. Ему казалось, что директор недостаточно подробно его спрашивает, ему хотелось на каждый вопрос отвечать пять, десять минут. Он испытывал томительное и в то же время блаженное чувство ученика, который знает предмет назубок и больше всего боится, как бы это не осталось незамеченным теми, кто его экзаменует. По лицу Варвары Степановны он давно уже видел, что та довольна его ответами, и всё же, когда Павел Васильевич наконец сказал: «Молодец! Теперь видно, что тебя не зря учили», Волька почувствовал, как по его телу пробежал приятный холодок, а его веснушчатая физиономия, помимо его желаний, расплылась в такую широкую улыбку, что и директор, и завуч, и учительница географии тоже заулыбались.

— Да, — сказал завуч, — сразу видно, что Костыльков серьёзно поработал, по-пионерски.

О, если бы директор, Варвара Степановна и завуч знали, в каких неслыханно трудных условиях пришлось Вольке готовиться к этой беседе! Как он хитрил, прятался, бегал от Хоттабыча, чтобы иметь возможность спокойно засесть за учебник географии, какие необыкновенные трудные преграды, сам того не ведая, ставил ему Хоттабыч всё это время! Насколько возросло бы тогда их уважение к успехам, достигнутым Костыльковым!

Волька хотел было похвастать и своими педагогиче-

скими успехами (не всякий может похвастать, что выучил грамоте джінна), но вовремя удержался.

— Ну, Костыльков, — торжественно промолвил Павел Васильевич, — поздравляю тебя с переходом в седьмой класс! Отдыхай до сентября! Набирайся сил! Будь здоров!

— Спасибо, Павел Васильевич, — ответил Волька солидно, как и надлежит отвечать ученику седьмого класса. — До свидания, Варвара Степановна! До свидания, Сергей Семёнович!..

К тому времени, когда он вернулся на речку, Хоттабыч, удобно устроившись в тени могучего дуба, бойко читал Жёне «Пионерскую правду».

— Сдал! На «пять»! — шепотом сообщил Волька своему приятелю и прилёг возле Хоттабыча, испытывая одновременно по крайней мере три удовольствия: первое — оттого, что он лежал в холодке, второе — оттого, что он отлично сдал испытания, и третье, не менее важное, а пожалуй, и самое главное удовольствие, — гордость учителя, наслаждающегося успехами своего ученика.

Между тем старик, читавший всё подряд, перешёл к отделу «Спортивные новости». Первая же заметка заставила приятелей грустно и завистливо вздохнуть.

— «В средних числах июля,— читал Хоттабыч,— из Архангельска отправляется в Арктику зафрахтованный¹ Центральным экскурсионным бюро ледокольный пароход «Ладога», на котором проведут свой отпуск шестьдесят восемь лучших производственников Москвы и Ленинграда. Рейс обещает быть очень интересным».

— Вот это да! — мечтательно произнёс Волька. — Вот это поездочка! Всё отдай — не жалко!

— Только прикажите, о превосходнейшие мои друзья, и вы поедете, куда только захотите! — пылко сказал Хоттабыч, горевший желанием отблагодарить чем-нибудь своих юных учителей.

Но Волька вместо ответа только снова вздохнул. А Жёня печально пояснил старику:

— Нет, Хоттабыч, нам на «Ладогу» не попасть: на неё, брат, только знатные люди могут рассчитывать.

III. ПЕРЕПОЛОХ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЭКСКУРСИОННОМ БЮРО

В тот же день в канцелярию Центрального экскурсионного бюро явился старичок в белом костюме, шляпе канотье и причудливо расшитых золотом и серебром розовых туфлях с загнутыми кверху носками. Он вежливо справился, имеет ли он счастье находиться в покоях высшего учреждения, дарующего людям благоуханную радость путешествий. Получив от удивлённой таким витиеватым вопросом секретарши утвердительный ответ, старичок так же изысканно осведомился, где сидит тот достойный всяческого уважения муж, от которого зависит поездка на ледокольном пароходе «Ладога».

Ему указали на толстенького лысого сотрудника, сиде-

¹ Зафрахтовать — нанять судно для перевозки груза.

вшего за обширным письменным столом, заваленным грудами писем.

— Только, гражданин, учтите: мест на «Ладого» уже нет,— добавили ему при этом.

Старик, ничего не ответив, поблагодарил кивком головы, молча подошёл к толстенькому сотруднику, молча отвёсил ему глубокий, но полный достоинства поклон, молча вручил ему упакованный в газетную бумагу свернутый трубочкой пакет, снова поклонился, так же молча повернулся и ушёл, провожаемый недоумёнными взглядами всех, кто был свидетелем этой забавной сцены.

Сотрудник развернул газетную бумагу, и перед его глазами предстало самое необычное письмо, поступавшее когда-либо не только в Центральное экскурсионное бюро, но и в какое-либо другое советское учреждение. Это был желтоватый пергаментный свиток с болтавшейся на золотистом шелковом шнурке большой зелёной восковой печатью.

— Видали ли вы когда-нибудь что-либо подобное?— громко спросил сотрудник и побежал немедленно докладывать своему непосредственному начальнику — заведующему сектором особо дальних экскурсий.

Тот, сразу бросив все текущие дела, помчался вместе со своим сотрудником к самому директору.

— В чём дело? — встретил их директор.— Разве вы не видите — я занят.

Вместо ответа заведующий сектором молча развернул перед ним свиток.

— Что это? — спросил директор.— Из музея?

— Нет, из текущей почты, Матвёй Касьяныч,— ответил заведующий сектором.

— Из почты?! А что в нём написано?.. Ну, знаете ли,— сказал он, ознакомившись с содержанием пергамента,— всяко со мной бывало, а такого письма я в жизни не получал! Это, наверно, писал сумасшедший.

— Если и сумасшедший, Матвёй Касьяныч, то, во всяком случае, из любителей редкостей,— отозвался заведую-

щий сектором особо дальних экскурсий.— Попробуйте-ка достать пергамент!..

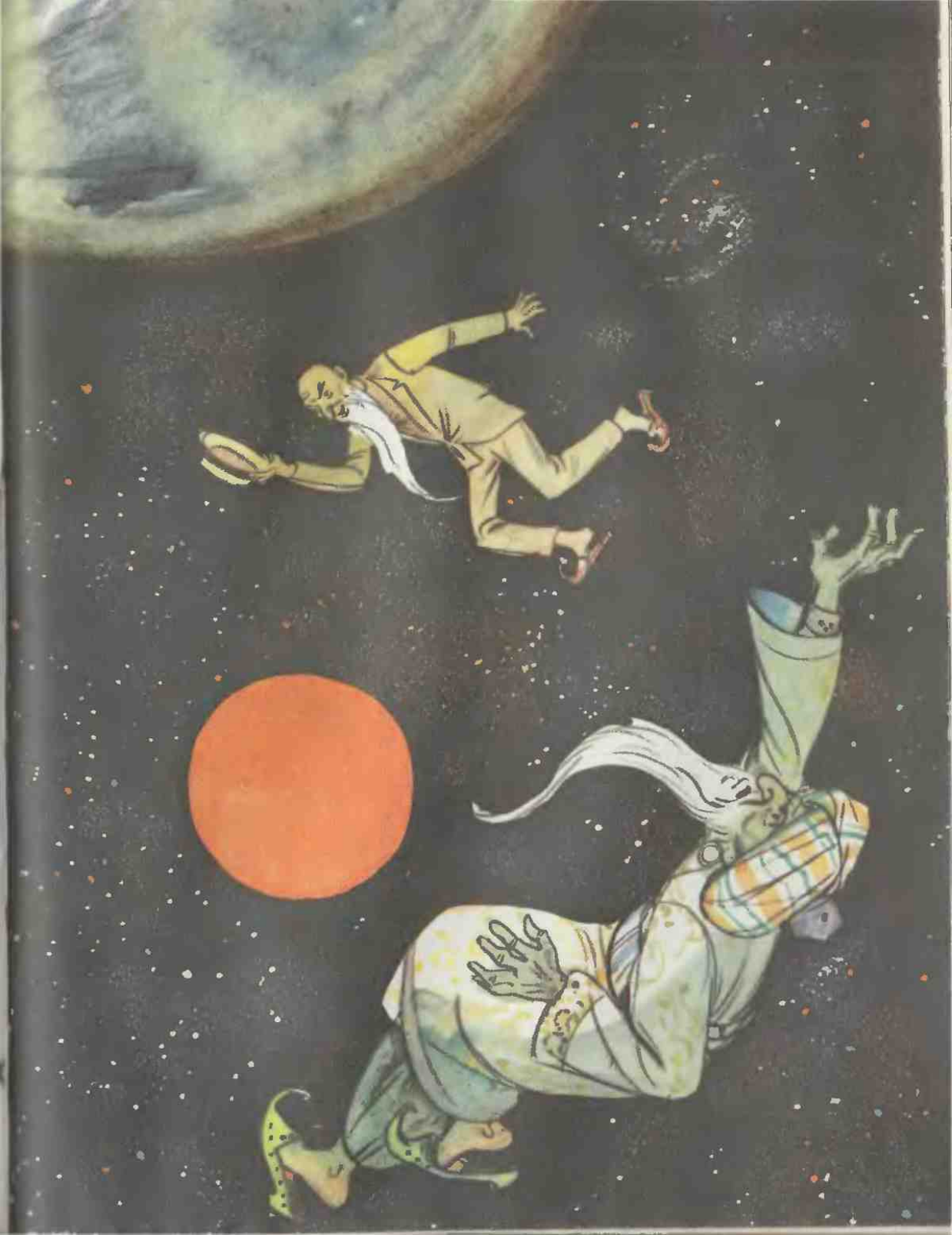
— Нет, вы послушайте только, что здесь написано!— продолжал Матвѣй Касьяныч, забыв, что его собеседники раньше его ознакомились с содержанием этого послания.— Это ведь типичный бред! «Досточтѣмому начальнику удовольствий, неподкупному и высокопросвещенному заведующему сектором особо дальних путешествий, да славится имя его среди почтеннейших и благороднейших заведующих секторами!» — прочитал Матвѣй Касьяныч и подмигнул заведующему сектором: — Это вам, Иван Иванович!

Иван Иванович смущенно хмыкнул.

— «Я, Гассан Абдуррахман,— продолжал между тем читать Матвѣй Касьяныч,— могучий джинн, великий джинн, прославленный своей силой и могуществом в Багдаде и Дамаске, в Вавилоне и Сумире, сын Хоттаба, великого царя злых духов, отрасли вечного царства, которого династия любезна Сулейману ибн Дауду (мир с ними обоими!), которого владычество приятно их сердцу. Моим благословенным деяниям возрадовался аллах и благословил меня, Гассана Абдуррахмана, джинна, чтущего его. Все цари, сидящие во дворцах всех четырех стран света, от Верхнего моря до Нижнего, и в шатрах живущие цари Запада — все вместе принесли мне свою тяжелую дань и целовали в Багдаде мои ноги.

Проведал я, о достойнейший из заведующих секторами, что вскорости имеет отплыть из города Архангельска без парусов идущий корабль, именуемый «Ладога», на котором совершат увеселительное путешествие знатные люди разных городов. И вот желательнее мне, чтобы среди них были и два юных моих друга, коих достоинства столь многочисленны, что даже краткий их перечень не может уместиться на этом свитке.

Я, увѣ, не осведомлен, как велика должна быть знатность человека, дабы он мог удостоиться этого прекрасного путешествия. Но, сколь бы высоки ни были эти

требования, мои друзья всё равно полностью и даже с лихвёй им удовлетворят. Ибо в моих силах сделать их принцами или шейхами, царями или султанами, знатнейшими из знатных, богатейшими из богатых, могущественнейшими из могущественных.

Семь и семь раз к стопам твоим припадая, шлю я тебе привёт, о мудрый заведующий сектором, и прошу сообщить, когда явиться мне со своими юными друзьями на борт упомянутого корабля, да минуют его бури и бедствия в его далёком и опасном пути!

К сему подписался Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, могучий джинн».

В самом низу был дан для ответа адрес Вольки Костылькова.

— Бред! — заключил Матвей Касьяныч, сворачивая свиток. — Бред сумасшедшего. В архив — и делу конец.

— Всё-таки лучше ответить. А то этот свихнувшийся старичок будет к нам ходить по пять раз в день — справляться, как обстоят дела насчёт его ходатайства. Работать нельзя будет, уверяю вас, — возразил Иван Иванович и через несколько минут лично продиктовал машинистке ответ.

LIV. КТО САМЫЙ ЗНАТНЫЙ?

Конечно, Хоттабыч поступил неосмотрительно, дав для ответа Волькин адрес. Это ведь была чистая случайность, что Волька встретил почтальона на лестнице. А что, если бы этой счастливой встречи не произошло? Письмо Центрального экскурсионного бюро попало бы тогда в руки Волькиных родителей, и начались бы расспросы, и заварилась бы такая каша, что даже подумать о ней неприятно.

Костыльков-младший не так уж часто получал письма на своё имя. Не то три, не то четыре раза за всю свою жизнь. Поэтому он, узнав от почтальона, что на его имя есть письмо, очень удивился. А увидев на конверте штамп

Центрального экскурсионного бюро, и вóвсе оторопел. Тщательно осмотрел его со всех сторóн, да́же неизвестно зачём поню́хал его, но почувствовал то́лько сладковатый за́пах гуммиара́бика¹. За́тем он дрожа́щими рука́ми вскрыл конве́рт и не́сколько раз, ничего́ не понима́я, пере́читал коро́ткий, но ве́жливый отве́т Ива́на Ива́ныча:

Многоуважаемый гражданин Г. Абдуррахманов!

К великому нашему сожалению, Вы несколько запоздали со своим ходатайством. Все места на «Лядоге» уже проданы.

Привет вашим принцам и шейхам.

Зав. сектором особо дальних путешествий

Ив. Домосёдов.

«Неужели старик хлопотал, чтобы нас взяли на «Лядогу»? — догадался наконец Волька и растрогался: — Какой чудесный старик! Вот только непонятно, каким это принцам и шейхам товарищ Домосёдов передаёт привет. Впрочем, сейчас узнаем».

— Хоттабыч, а Хоттабыч! — крикнул он, очутившись на берегу реки. — Можно тебя на минутку?

Старик, дремавший в тени под раскидистым дубом, услышав Волькин голос, встрепенулся, вскочил на ноги и мелкой, стариковской рысцой подбежал к Вольке.

— Я здесь, о вратарь моей души, — сказал он, чуть задыхаясь. — Я жду твоих приказаний.

— Признавайся: писал в Центральное экскурсионное бюро?

— Писал. Я хотел сделать это для тебя сюрпризом, — смутился Хоттабыч. — А что, разве уже пришёл ответ?

— Конечно, пришёл. Вот он, — ответил Волька и показал старику письмо.

Хоттабыч выхватил из Волькиных рук бумажку, медленно, по складам, прочитал дипломатичный ответ Ива́на Ива́ныча, мгновенно побагровел, задрожал мелкой дрожью,

¹ Гуммиара́бик — здесь: клей.

глаза́ его́ налились кро́вью, и он в бе́шенстве с трэском рвану́л вы́шитый во́рот своёй сорочки.

— Прошу́ прощёнья,— прохрипел он,— прощу́ прощёнья! Я вы́нужден поки́нуть тебя́ на не́сколько мину́т, что́бы досто́йно наказа́ть э́того презре́нного Домосе́дова. О, я зна́ю, что я с ним сде́лаю! Я его́ уничто́жу! Или нет, я его́ не уничто́жу, и́бо он не заслу́живает столь милосе́рдной ка́зни. Я его́ лу́чше превра́щу в гря́зную тря́пку, и об него́ бу́дут в осе́нние, нена́стные дни вытира́ть свою́ гря́зную о́бувь пе́ред тем, как войти́ в помеще́ние. Или нет! Нет, и э́то сли́шком ма́ло, что́бы отплати́ть ему́ за его́ де́рзкий отка́з...

С э́тими слова́ми стари́к взметну́лся в во́здух. Но Во́лька крикнул:

— Наза́д! Немедленно наза́д!

Стари́к послу́шно верну́лся, оби́женно насупив дрему́чие се́дые бро́ви.

— Фу́-ты, в са́мом де́ле! — набро́сился на него́ Во́лька, не на шу́тку перепуга́вшийся за заве́дующего се́ктором осбо́о да́льных путеше́ствий.— С ума́ ты соше́л, что ли? Ра́зве он виноват, что мест бо́льше нет? Ведь кора́бль не рези́новый!.. И кста́ти, о ка́ких э́то ше́йхах и прин́цах идёт речь в отве́те това́рища Домосе́дова?

— О тебе́, о Во́лька ибн Алёша, о тебе́ и о на́шем дру́ге Же́не ибн Ко́ле, да продли́т алла́х ва́ши го́ды! Я написа́л э́тому ху́дшему из заве́дующих се́кторами, что за знатно́стью ва́шей де́ло не ста́нет, и́бо, сколь бы знатны ни бы́ли про́чие пасса́жиры «Ла́доги», я могу́ сде́лать вас, друзья́ моё, ещё́ знатне́й. Я написа́л э́тому ску́дному умом Домосе́дову — да забу́дет о нём алла́х! — что он мо́жет вас уже́ за глаза́ счита́ть ше́йхами, и́ли ца́рями, и́ли прин́цами.

Несмотря́ на напряже́нность обста́новки, Во́лька не мог удержа́ться от сме́ха. Он расхохота́лся так гро́мко, что с ближа́йшего де́рева с шу́мом сня́лись и, возму́щённо огля́дываясь, улетели́ не́сколько о́чень почте́нных га́лок.

— Позволь, позволь... значит, выходит, что я принц? — помира́л со́ смеху Во́лька.

— Я не понимаю, сознаюсь, причин твоего смеха, — уязвлено отвечал Хоттабыч. — Но если говорить по существу, то я звание принца намечал для Жёни. Ты заслуживаешь, на мой взгляд, султанского звания.

— Ой, уморил! Ей-бо́гу, уморил! Значит, Жёнька был бы принцем, а я султаном? Нет, подумать только, какая политическая безграмотность! — ужаснулся Во́лька, переста́в наконец смеяться. — Нечего сказа́ть, зна́тые люди́ — принц да коро́ль! Это же са́мые что ни на е́сть нукуды́шные люди́!

— Увы́, ты, ка́жется, соше́л с ума́! — забеспокоился Хоттабыч, с трево́гой поглядывая на своего́ юного собеседника. — Наско́лько я тебя́ по́нял, да́же султа́ны для тебя́ недоста́точно зна́тны. Кто же тогда́, по-тво́ему, зна́тный челове́к? Назови́ мне хоть о́дно́ и́мя.

— Да взять хотя́ бы Чу́тких, и́ли Лу́нина, и́ли Кожедуба́, и́ли Па́шу Ангели́ну...

— Кто же это́ твой Чу́тких? Султа́н?

— Подыма́й, брат, вы́ше! Чу́тких — о́дин из лу́чших в стране́ масте́ров суконной промышле́нности!

— А Лу́нин?

— Лу́нин — лу́чший парово́зный маши́нист!

— А Кожедуб?

— О́дин из са́мых-са́мых лу́чших ле́тчиков!

— А чья́ жена́ Па́ша Ангели́на, что ты её счита́ешь знатне́е ше́йхов и короле́й?

— Она́ сама́ по себе́ зна́тная, а не по му́жу. Она́ знаменита́я трактори́стка!

— Ну, зна́ешь ли, о драгоце́нный Во́лька, я сли́шком стар, что́бы позволя́ть тебе́ так надо мно́й смеяться. Ты хочешь убе́дить меня́, что просто́й суконщик и́ли погонщик парово́зов знатне́е ца́ря!

— Во-пе́рвых, Чу́тких не просто́й суконщик, а изве́стный нова́тор всей тексти́льной промышле́нности, а Лу́нин — знамени́тый маши́нист. А во-второ́ых, да́же са́мый

обыкновенный трудящийся у нас пользуется большим počётом, чем самый зайдлый царь. Не веришь? На, прочитай в газете.

Волька протянул Хоттабычу газету, и тот удостоверился собственными глазами: над десятком фотографий слесарей, агрономов, лётчиков, колхозников, ткачей, учителей и плотников большими буквами было напечатано: «Знатные люди нашей Родины».

— Никогда не поверил бы твоим словам,— произнёс тогда со вздохом Хоттабыч,— никогда не поверил бы, если бы не нашёл подтверждения им на страницах столь уважаемой мною газеты. Умоляю тебя, о Волька, объясни мне: почему здесь, в твоей прекрасной стране, всё не так, как в других государствах?

— Вот это пожалуйста, хоть сейчас! — с готовностью ответил ему Волька и, удобно усевшись на берегу реки, долго и с гордостью объяснял Хоттабычу сущность советского строя.

Излагать содержание этой надолго затянувшейся беседы, пожалуй, не стоит, ибо нет сомнений, что любой из читателей нашей повести рассказал бы Хоттабычу на месте Вольки то же, что и он.

— Всё сказанное тобою столь же мудро, сколь и благородно. И всякому, кто честен и имеет справедливое сердце, после твоих слов есть над чем подумать,— чистосердечно промолвил Хоттабыч, когда закончился первый в его жизни урок политграмоты.

Подумав немножко, он горячо добавил:

— Тем более я объят желанием устроить и тебе и твоему другу поездку на «Ладого»! И, поверь мне, я это сделаю.

— Только, пожалуйста, без буянства,— предусмотрительно подчеркнул Волька.— И без очковтирательства. То есть без обмана. Не вздумай, например, выдавать меня за отличника учёбы. У меня по трём предметам четвёрки.

— Твои пожелания для меня закон,— сказал в ответ Хоттабыч и низко поклонился.

Старик честно выполнил своё обещание. Он даже пальцем не тронул кого-нибудь из работников Центрального экскурсионного бюро.

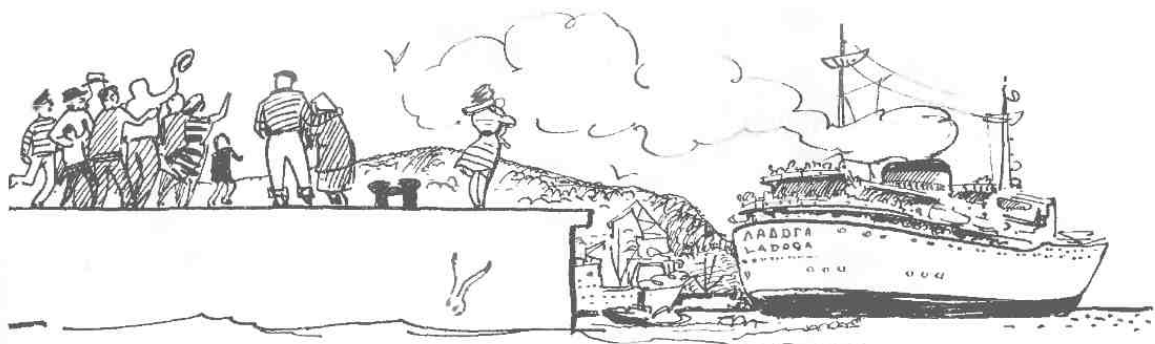
Он просто устроил так, что когда все три наших героя явились на борт «Ладого», их очень хорошо встретили, предоставили им превосходную каюту и ни разу не поинтересовались, по какому, собственно говоря, праву они попали в состав экспедиции. Хоттабыч уж так устроил, что этот вопрос просто ни разу не возникал ни у кого из веселых и дружных пассажиров «Ладого».

Зато за двадцать минут до отплытия на пароход совершенно неожиданно для капитана были погружены сто пятьдесят ящиков апельсинов, столько же ящиков чудесного винограда, двести ящиков фиников и полторы тонны самых изысканных восточных сладостей.

На каждом ящике было написано: «Для всех участников экспедиции и всех членов неустрашимой команды «Ладого» от гражданина, пожелавшего остаться неизвестным».

Не нужно быть особенно проницательным, чтобы догадаться, что это были дары Хоттабыча, который не хотел, чтобы он и его друзья даром участвовали в путешествии на «Ладоге».

И действительно, спросите любого участника экспедиции на «Ладоге» — все до сих пор с большим удовольствием вспоминают о «гражданине, пожелавшем остаться неизвестным». Его дары пришлись всем по вкусу.

Вот теперь, когда читатели более или менее подробно ознакомились с обстоятельствами, при которых наши друзья очутились на «Лядоге», мы можем со спокойной совестью продолжать наше повествование.

LV. ГЛАВА, В КОТОРОЙ СООБЩАЕТСЯ ОБ УДИВИТЕЛЬНОЙ ВСТРЕЧЕ, С КОТОРОЙ НАЧАЛОСЬ ПУТЕШЕСТВИЕ НА «ЛЯДОГЕ»

Так вот, если вы помните, дорогие читатели, в жаркий июльский полдень от Красной пристани Архангельского порта отвалил ледокольный пароход «Лядога», имея на своём борту большую группу экскурсантов. Среди них были и наши друзья — Хоттабыч, Волька и Жёня. Хоттабыч сидел на прогулочной палубе, вёл степенную беседу с пожилым слесарем из Свердловска насчёт преимуществ текстильной обуви перед кожаной и напирал при этом на удобства, обеспечиваемые текстильной для лиц, страдающих застарелыми мозолями.

Волька и Жёня, опершись на поручни верхней палубы, были счастливы, как могут быть счастливы только мальчики, которые впервые в жизни очутились на самом настоящем ледоколе да ещё ко всему прочему отправятся на нём на целый месяц в путешествие, и не куда-нибудь, а в Арктику. Обменявшись мнениями насчёт пароходов, теплоходов, ледоколов, буксиров, карбасов, шхун, траулеров, катеров и прочих видов плавучих средств, бороздив-

ших просторы Сѣверной Двинѣ, ребята притѣхли, зачарованные красотой могучей рекѣ.

— Здорово? — спросил Волька таким тоном, словно эта красота была делом его рук.

— Ага! — согласился немногословный Жѣня.

— Расскажешь — не повѣрят.

— Ага! — сказал Жѣня.

— А ещё я очень рад, — заявил Волька после многозначительной паузы, — что мы... — он опасливо оглянулся — нет ли где поблизости Хоттабыча — и продолжал на всякий случай вполголоса, — что мы хоть на месяц увезли старика подальше от Варвары Степановны.

— Факт, — сказал Жѣня.

— Помощник капитана! — прошептал Волька, кивнув на проходившего мимо молодого моряка с рыжеватыми бачками на веснушчатом лицѣ. — Пассажирский помощник!

Онѣ благоговѣйно посмотрѣли на человека, который так равнодушно нес своё овѣянное романтикой высокое званіе. А тот, пренебрежительно скользнув взором по юным пассажирам, остановил его на матросѣ, задумчиво облокотившемся по соседству с ними на поручни:

— Скудѣешь, Евстигнѣев?

— Так ведь опять на целый месяц чѣрт знает в какую даль.

Ребята удивились: человеку не хочется ѣхать в Арктику! Какой-то ненормальный!

— Настоящий моряк на берегу — в гостях, а в море — дома! — веско заметил пассажирский помощник. — Известно тебе это?

— Ну, я не так чтоб уж очень моряк. Поскольку я — официант. К тому же ведь пятая только недѣля, как женился.

— Итѣк, — сказал пассажирский помощник, считая по этой линіи разговор исчерпанным, — возмѣшь на камбузе обѣд и отнесѣшь в четырнадцатую каюту, гражданке Кольцовоѣ...

— Фамíлия, как у Варв́ары Степа́новны,— безмятежно заметил Волька Жéне.

— Ага! — сказа́л Жéня.

— Эскурса́нтка пожила́я,— поясни́л помо́щник капита́на,— простудíлась в пути́. Ничего́ страшно́го,— успоко́бил он офици́анта, хотя́ тот не проявил ника́ких при́знаков беспокóйства за здоро́вье гражда́нки Ко́льцо́вой,— отлежи́тся денёк, и всё бу́дет в по́рядке... Знача́ит, давай́ исполня́й. И прояви́ к ней о́собое внима́ние — заслуженная учи́тельница респуб́лики, не кто́-нибудь...

— Заслуженная!.. И фами́лия Ко́льцо́ва! — прошепта́л Волька.— Быва́ют совпаде́ния!

— Ага! — согласи́лся Жéня внеза́пно охри́пшим го́лосом.— Распростра́ненная фами́лия... Вро́де как Ива́нов...

— Так что велича́й ты её, брат Евсти́гнеев, по и́мени, по о́тчеству,— заверши́л свои́ наставле́ния пасса́жирский помо́щник и свéрился с записочкой, кото́рую извлёк из боково́го карма́на белосне́жного ките́ля.— А и́мя её, о́тчество — Варва́ра Степа́новна...

У ребя́т потемне́ло в глаза́х.

— Ма́ло что — Варва́ра Степа́новна,— попрóбовал бы́ло успоко́бить и себя́ и Вольку Жéня,— ещё не факт, что это́ и́менно на́ша.

Но Волька вспо́мнил разгово́р в кабинéте дире́ктора, когда́ он туда́ пришёл на экза́мен по геогра́фии, и то́лько безнаде́жно махну́л руко́й:

— Она́. И́менно на́ша... И что с не́ю сейча́с бу́дет, подума́ть страшно́... Не могла́ поеха́ть куда́-нибудь в Со́чи!..

— А мы её всё равно спасём,— мрачно заявил Жёня после короткой, но тягостной паузы.— Тóлько давай думать — как.

Посидели они на лавочке, подумали, побряхтели по поводу невесёлой их судьбы: другим людям путешествие — удовольствие, радость, а им такая морóка. Но раз уж получилось такое дело, надо спасать учительницу. А как? А очень просто: отвлекать.

Сегодня ещё можно было не беспокоиться — сутки она пролежит у себя в каюте, а потом надо будет так делать: один гуляет с Варварой Степановной или сидит с нею и беседует, а другой будет в это время отвлекать Хоттабыча. Например, Вóлька с Хоттабычем играет в шахматы, а Жёня тем часом прогуливается с Варварой Степановной по палубе. Вóлька с Хоттабычем на палубе — Жёня с Варварой Степановной беседует где-нибудь подальше, в каюте, что ли... Неясно оставалось только, что делать, когда экскурсанты будут сходить на берег и когда все будут собираться кушать в кают-компаний.

— А если заgrimировать Варвару Степановну? — предложил было Вóлька.

— Что, бороду ей привешивать, что ли? — съязвил Жёня.— Глупости! Тут гримом не спасёшь человека. Надо будет ещё подумать.

— О юные мои друзья! — окликнул их снизу Хоттабыч.— Где вы?

— Мы здесь. Мы сейчас,— ответили ребята.

Они спустились к Хоттабычу на прогулочную палубу.

— У нас тут спор с почтеннейшим Александром Яковлевичем,— сказал Хоттабыч, познакомив их со своим собеседником,— насчёт Индии...

Час от часу становилось не легче: если старик начнёт направо и налево выкладывать перед экскурсантами свои представления по географии, его высмеют, а он, того и гляди, обидится, и такая подымется катавасия, что самой большой ложкой не расхлебáешь.

— Рассудите нас, о юные мои друзья, разве не Дели — столица Индии?

— Конечно, Дели, — подтвердили ребята. — Факт, что Дели.

Вот это да! Они были поражены. Откуда это у старика вдруг появились правильные географические сведения? Разве что из газет?.. Ну конечно, из газет.

— А почтеннейший Александр Яковлевич утверждает, что не Дели, а Бомбей, — торжествовал Хоттабыч. — И ещё мы с ним поспорили насчёт того, сколь высоко возвышается над нашими головами стратосфера, и я сказал, что точную грань между тропосферой и стратосферой установить нельзя и что в разных местах земли она то выше, то ниже... И что линия горизонта, которая, как это доподлинно известно из науки географии, есть только плод нашего воображения..

— Хоттабыч, — строго перебил его Волька, — можно тебя на одну минуточку? — Они отошли в сторонку. — Признайся, это ты у меня зачитал учебник по географии?

— Да будет разрешено мне узнать, что ты подразумеваешь под этим странным словом «зачитал»? Если ты под этим словом подразумеваешь, о Волька, что я... Что с тобой, о якорь моего сердца? На тебе лица нет!..

У Вольки вдруг отвисла нижняя челюсть, а взор его застыл, обращённый на что-то, замеченное им здесь же, на прогулочной палубе, за спиной старого джинна.

Хоттабыч хотел обернуться, чтобы узнать, в чём дело, но Волька возопил:

— Не надо оборачиваться! Умоляю тебя, не оборачивайся!.. Хоттабыч! Миленький!.. Дорогой!..

И всё же старик обернулся...

К ним приближалась под руку с какой-то другой пожилой женщиной Варвара Степановна Кольцова, заслуженная учительница республики, преподавательница географии и классная руководительница седьмого класса «Б» 245-й московской средней школы.

Хоттабыч медленно двинулся ей навстрéчу. Привычным жестом он выдернул из бороды один волосок, другой.

— Не надо! — крикнул страшным голосом Волька и схватил его за руку. — Она ни в чём не виновата!.. Ты не имеешь права!..

Сзади на Хоттабыча молча набросился Жёня, схватил его в объятия и сжал что было силы.

Александр Яковлевич смотрел на эту странную сцену, оцепенев от удивления.

— Ребята! — властно промолвила Варвара Степановна, несколько, по-видимому, не удивившись встрече со своими учениками здесь, на ледоколе. — Не хулиганьте! Оставьте этого гражданина в покое! Ну! Кому я говорю?! Костыльков! Богорад! Вы слышите?

— Он вас тогда превратит в жабу! — отчаянно воскликнул Волька, чувствуя, что ему не совладать с Хоттабычем.

— Или в колоду, на которой мясники разделяют бараны туши! — подхватил Жёня. — Бегите, Варвара Степановна! Прячьтесь поскорее, куда он не вырвался из наших рук!.. Волька вам правду говорит!..

— Что за глупая болтовня! — чуть повисила голос Варвара Степановна. — Дети! Вы слышали, что я вам сказала?!

Но Хоттабыч уже и сам освободился из цепких объятий своих юных друзей и быстро порвал оба волоска.

Ребята в ужасе закрыли глаза.

Они раскрыли глаза, только услышав, что Варвара Степановна кого-то благодарит. В её руках были букет цветов и связка превосходных, благоухающих бананов.

Хоттабыч отвечал ей, согнувшись в изысканном поклоне и прижав руку сначала ко лбу, а потом к сердцу...

Наши три друга окончательно уточнили обстановку, собравшись внизу, в их каюте.

— А почему ты мне, о Волька, не сказал ещё тогда, сразу после экзамена, в первый день нашего счастливого

знакомства, что я подвёл тебя своей самонадеянной и невежественной подкачкой? Ты меня очень обидел этим. Сказал бы мне, и я бы не мешал тебе столько дней своей назойливой благодарностью, и ты смог бы спокойно подготовиться к переэкзаменовке так, как это подобает такому просвещённому отроку, как ты.

Так сказал Хоттабыч, и в голосе его звучала самая неподдельная обида.

— А ещё раньше ты превратил бы Варвару Степановну в колоду, на которой разделявают бараньи туши? Я, брат Хоттабыч, тебя уже очень даже хорошо изучил. Все эти дни мы с Жёней провели в диком страхе за Варвару Степановну. Ведь ты её обязательно превратил бы в колоду?

Хоттабыч покорно вздохнул:

— Превратил бы, не буду скрывать. В колоду или мерзкую жабу.

— Ну вот! А разве она этого заслужила?

— Пусть только кто-нибудь попробует превратить эту достойную женщину в колоду или жабу! Он будет иметь дело со мной! — запальчиво воскликнул старик и добавил: — Я благословляю тот день, когда вы вразумили меня изучить азбуку и приучили к чтению газет, ибо теперь я всегда в курсе, где какое море строится. И ещё я благословляю тот день, когда аллах умудрил меня «зачитывать» — я, кажется, так выразился, о Волька? — твой учебник географии. Ибо эта поистине мудрая и увлекательная книга раскрыла передо мной благословенные просторы истинной науки и уберегла меня от того, что я в ослеплении своём склонен был считать наказанием вашей высокочтимой наставницы. Я имею в виду Варвару Степановну.

— То-то же! — сказал Волька. — С этим вопросом всё!

— Ага! — подтвердил Жёня.

LVI. ЧТО МЕШАЕТ СПАТЬ?

Погода благоприятствовала «Лáдоге». Три дня пароход шёл чистой водой. Только к концу третьих суток он вошёл в полосу однолетних и разреженных льдов.

Ребята как раз играли в шашки в кают-компании, когда туда вбежал, придерживая правой рукой свою неизменную соломенную шляпу, взбудораженный Хоттабыч.

— Друзья мой, — сказал он, широко улыбаясь, — удостоверьтесь, прошу вас: всё море, насколько можно охватить его взором, покрыто сахаром и алмазами!

Для Хоттабыча эти слова были вполне простительны: никогда за свою почти четырёхтысячелетнюю жизнь он не видел ни единой стоящей глыбы льда.

Все находившиеся в кают-компании бросились на палубу и увидели, как навстречу «Лáдоге» бесшумно приближались мириады белоснежных льдин, ослепительно блестящих под яркими лучами полуденного солнца. Вскоре под закругленным стальным форштевнем парохода заскрежетали и загремели первые льдины.

Поздно ночью (но светло было и солнечно, как в ясный полдень) экскурсанты заметили в отдалении группу островов. В первый раз они увидели величественную и угрюмую панораму архипелага Земли Франца-Иосифа. Впервые они увидели голые, мрачные скалы и горы, покрытые сверкающими ледниками. Ледники были похожи на светлые острогрудые облака, крепко прижатые к суровой земле.

— Пора на боковую! — сказал Волька, когда все уже вдоволь насладились необычным видом далёких остро-

вóв.— И дéлать, сòбственно говоря, нéчего, а спать никак не хóчется. Вот что знáчит не привыкли спать при сòлнечном свéте!

— А мне, о благословéннойшй, представляется, что спать мешáет не сòлнце, а совсём другóе,— смирённо вы́сказал своё мнéние Хоттáбыч.

Но никто́ не обрати́л на его́ слова́ никакóго внимáния.

Нéкоторое врéмя пóсле этóго разговóра ребя́та ещё бесцéльно слоня́лись по сýдну. На пáлубах становилось всё мéньше и мéньше наро́ду. Наконéц отпра́вились в свои каю́ты и на́ши друзья́. Вскóре на всей «Лáдоге» оста́лись бо́дрствовать то́лько те, кто был зáнят на ва́хте.

Тишина́ и поко́й воцари́лись на «Лáдоге». Из всех каю́т доноси́лись ми́рный храп и сóнное поса́пывание, как бóдто дéло происходи́ло не на парохо́де, затеря́вшемся в двух с полови́ной ты́сячах киломе́тров от Большо́й земли́, в сурóвом и кова́рном Ба́ренцевом мо́ре, а гдé-нибудь под Москвóй, в т́хом и ую́тном до́ме о́тдыха, во врéмя мёртвого ча́са. Здесь да́же бы́ли, так же как и в пала́тах домо́в о́тдыха, задёрнуты што́ры на иллюмина́торах, чтóбы не мешáл усну́ть яркий сòлнечный свет.

LVII. РИФ ЁЛИ НЕ РИФ

Впрóчем, о́чень скóро вы́яснилось, что ме́жду «Лáдогой» и до́мом о́тдыха всё же существу́ет весьма́ о́щутимая ра́зница. В са́мом дéле, ёсли не счита́ть крýмского земле́трясёния, старожи́лы домо́в о́тдыха не запо́мят слóчая, когда́ их сбросило бы с кровáти во врéмя сна.

Между тем не успели ещё экскурсанты по-настоящему уснуть, как раздался сильный толчок, и люди посыпались с коек на пол, как спелые плоды. В то же мгновение прекратился ровный гул машин. В наступившей тишине послышалось хлопанье дверей, топот ног экскурсантов, выбегавших из кают, чтобы узнать, что случилось. С палубы доносились громкие слова команды.

Волька свалился с верхней койки очень удачно. Он тотчас же вскочил на ноги, потирая рукой ушибленные места. Не разобравшись спросонок, в чём дело, он решил, что свалился по собственной неосторожности, и собрался снова залезть к себе навёрх, но донёсшийся из коридора гомон встревоженных голосов убедил Вольку, что причина его падения значительно серьёзнее, чем он предполагал.

«Неужели мы наскочили на подводную скалу?» — подумал он, поспешно натягивая штаны, и тут же поймал себя на том, что эта мысль не только не испугала его, но даже доставила какое-то странное, жгучее чувство тревожного удовлетворения.

«Как это здорово! — пронеслось у него в мозгу, пока он лихорадочно зашнуровывал ботинки. — Вот я и попал в настоящее приключение. Красота! На тысячи километров кругом ни одного парохода. А у нас, может быть, и радиостанция не работает!..»

Вмиг перед ним вырисовалась увлекательнейшая картина: корабль терпит бедствие, запасы пресной воды и продовольствия иссякают, но все экскурсанты и команда «Лядоги» держат себя мужественно и спокойно, как и надлежит советским людям. А лучше всех ведёт себя, конечно, он — Волька Костыльков. О, Владимир Костыльков умеет смотреть в глаза опасности! Он всегда весел, он всегда внешне беззаботен, он подбадривает унывающих. А когда от нечеловеческого напряжения и лишений заболевает капитан «Лядоги» — Степан Тимофеевич, он, Волька, по

пра́ву берёт руково́дство экспеди́цией в свои стальные ру́ки...

— Како́ва причи́на, нару́шившая сон, столь необходи́мый твоему́ неокре́пшему ор-гани́зму? — прерва́л его́ сла́достные мечты́ позёвывавший со сна Хотта́быч.

— Сейча́с, стари́к, узнаю... Ты то́лько не беспоко́йся, — подбодрил Во́лька Хотта́быча и побежа́л навёрх.

На спарде́ке, у капита́нской рубки, толпи́лись челове́к два́дцать полуоде́тых экскурса́н-тов и о чём-то ти́хо разгова́ривали. Что́бы подня́ть их настро́ение, Во́лька сде́лал ве-се́лое, беззабо́тное ли́цо и му́жественно произне́с:

— Споко́йствие, това́рищи, пре́жде всего́ споко́йствие! Для па́ники нет ника́ких основáний!

— Ве́рно сказа́но насче́т па́ники. Золоты́е слова́, моло-дой челове́к! Вот ты и возвра́щайся к себе́ в каю́ту и спо-ко́йно ложись спать, — улы́бнулся ему́ в отве́т оди́н из экскурса́нтов. — А мы тут, кста́ти, как раз и не панику́ем.

Все рассмея́лись, и то́лько Во́лька почувствова́л себя́ как-то неловко. Кро́ме того́, на во́здухе бы́ло доста́точно свежо́, и он реши́л сбегать в каю́ту, что́бы накинуть на себя́ пальти́шко.

— Пре́жде всего́ споко́йствие, — сказа́л он дожида́в-шемуся его́ внизу́ Хотта́бычу. — Ника́ких основáний для па́ники нет. Не пройде́т и двух дней, как за на́ми придут на како́м-нибудь мо́щном ледоко́ле и преспоко́йно сниму́т нас с ме́ли. Мо́жно бы́ло бы сня́ться и самы́м, но слы́шишь: маши́ны не шумя́т, что́-то в них испортилось, а что́ имен́но, никто́ разобра́ть не мо́жет. Конече́но, нам придет-ся испыты́ть кое-ка́кие лишэ́ния, но бу́дем наде́яться, что́ никто́ из нас не заболее́т и не умре́т.

Во́лька с го́рдостью слу́шал само́го себя́. Он и не пред-полага́л, что уме́ет так легко́ и убедите́льно успока́ивать люде́й.

— О го́ре мне! — неожидáнно засуети́лся стари́к, бес-

толково засобывая босые ноги в свои знаменитые туфли.— Если вы погйбнете, я этого не переживу. Неужели мы напоролись на мель? Увы мне! Уж лучше бы шумели машины. А я хорош! Вместо того чтобы использовать своё могущество на более важные дела, я...

— Хоттабыч,— строго перебил его Волька,— докладывай немедленно, что ты там такое натворил!

— Да ничего особенного. Просто, забываясь о твоём спокойном сне, я позволил себе приказать машинам не шуметь.

— Ты это серьёзно?! — ужаснулся Волька.— Теперь я понимаю, что случилось. Ты приказал машинам не шуметь, а работать без шума они не могут. Поэтому ледокол так внезапно и остановился. Сейчас же отменяй свой приказ, а то ещё, того и гляди, котлы взорвутся!

— Слушаю и повинуюсь,— отвечал дрожащим голосом изрядно струхнувший Хоттабыч.

В ту же минуту машины вновь зашумели, и «Ладоба» как ни в чём не бывало тронулась в путь. А капитан, судовый механик и всё остальное население парохода терялись в догадках о причине внезапной и необъяснимой остановки машин и столь же загадочного возобновления их работы.

Только Хоттабыч и Волька знали, в чём дело, но по вполне понятным соображениям никому об этом не рассказали. Даже Жёне.

Жёня, впрочем, так и не просыпался.

Волька по этому поводу даже сострил:

— Если бы устроили международный конкурс — у кого самый крепкий сон, то Жёня получил бы первую премию чемпиона мира по сну.

Хоттабыч льстиво захихикал, хотя он тогда и понятия ещё не имел, что такое конкурс, да ещё международный, и что такое чемпион. Но он рассчитывал этим хихиканьем задобрить Вольку.

Однако это несколько не помогло старому джинну избежать неприятного разговора.

Присёв на краёшек Хоттабычевой койки, Волька решительно промóлвил:

— Знаёшь что, давай поговорим, как мужчина с женщиной.

— Я весь внимáние, о Волька! — отвечáл Хоттабыч с преувеличенной жизнерадóстностью.

— Ты никогда не пробóвал подсчитáть, на сколько лет ты меня старше?

— Как-то не приходило в голову. Но ёсли ты мне позволишь, я с радóстью подсчитаю.

— Не нáдо. Я ужé подсчитáл. На три ты́сячи семьсóт девятна́дцать лет, или рóвно в двести вóсемьдесят семь раз! И когда нас видят люди вместе на пáлубе или в каю́т-компáнии, они́, навёрно, думают так: хорошó, что за этими мальчи́ками всё время присмáтривает такой уважа́емый, му́дрый и ужé не молодóй гражда́нин. Правильно я говорю?.. Ну, чего ты молчи́шь?..

Но Хоттабыч, понуро опусти́в свою́ буйную седую́ голу́ушку, слóвно полон воды́ набрал.

— А на са́мом деле́ что получа́ется? На са́мом деле́ вдруг получи́лось, что я отвечаю́ и за твою́ жизнь, и за жизнь всех остальных пассажи́ров, потому́ что раз я тебя́ выпустил из бутылки, а ты чуть не погуби́л ледоко́л со все́ми пассажи́рами и кома́ндой, то мне за это́ голову́ оторва́ть ма́ло.

— Пусть то́лько кто́-нибудь попрóбует оторва́ть голову́ тако́му досто́йному óтроку, как ты! — переби́л его́ Хоттабыч.

— Ла́дно, ла́дно! Ты мне не меша́й... Так вот, мне твой чудеса́ ужé поперёк го́рла сто́ят. Джинн ты, коне́чно, о́чень да́же могу́щественный (Хоттабыч гордели́во приоса́нился), но и в современно́й жи́зни и в современно́й те́хнике ты разбира́ешься чуть побóльше, чем новорождённы́й младе́нец. Поня́тно?

— Увы́, поня́тно.

— Зна́чит, давай так догово́рима: хо́чешь сотвори́ть ка́кое-нибудь чу́до, посоветуйся с людьми́.

— Я буду советоваться с тобой, о Волька. А если ты будешь отсутствовать или готовиться к переэкзаменовке (Волька поморщился), то с другом нашим, Жёней.

— Клянёшься?

— Клянусь! — горячо воскликнул старик и что есть силы стукнул себя кулаком в грудь.

— А теперь спать! — командовал Волька.

— Есть спать! — браво ответил Хоттабыч, который успел уже набраться всяких морских словечек и выражений.

LVIII. ОБИДА ХОТТАБЫЧА

К утру «Лядога» вошла в полосу густых туманов. Она медленно продвигалась вперёд, каждые пять минут оглашая пустынные просторы мощным рёвом своей сирены. Так полагалось по законам кораблевождения. В туманную погоду корабли должны подавать звуковые сигналы — всё равно, находятся ли они на самых бейких морских путях или в пустынейших местах Северного Ледовитого океана, — чтобы не было столкновений.

Сирена «Лядоги» нагоняла на пассажиров тоску и уныние.

На палубе было неинтересно, сыро, а в каютах скучно. Поэтому все кресла и диваны в кают-компании были заняты экскурсантами. Одни играли в шахматы, другие — в шашки, третьи читали. Потом и это всё надоело. Решили попеть.

Пропели хором и в одиночку уйму песен, плясали под гитару, под баян. Один узбек — знатный хлопковод — сплясал под Жёнин аккомпанемент. Надо бы под бубен, но бубна не было, и Жёня довольно лихо выстукивал пальцами ритм на эмалированном подносе. Всем понравилось, кроме узбека. Но и тот из вежливости похвалил.

Потом молодой заготовщик с московской фабрики «Парижская коммуна» стал показывать карточные фокусы.

На этот раз очень понравилось всем, кроме Хоттабыча. Он отозвал Вольку в коридор:

— Разрешь мне, о Волька, развлечь этих добрых людей несколькими простенькими чудесами.

Волька вспомнил, к чему эти «простенькие» чудеса чуть не привели в цирке, и замахал руками:

— И не думай!

Но в конце концов он всё же согласился. Уж очень жалостливо смотрел ему в глаза Хоттабыч.

— Хорошо. Но только карточные чудеса. Ну, и ещё с шариками от пинг-понга, что ли.

— Я никогда не забуду твоего мудрого великодушия! — воскликнул благодарный Хоттабыч, и они вернулись в кают-компанию.

Как раз в это время молодой заготовщик показывал действительно превосходный карточный фокус. Он предлагал выбрать, не показывая ему, карту, всунуть её обратно в колоду и перетасовать. Затем он сам тасовал, и первой сверху обязательно оказывалась та самая, выбранная карта.

Когда он получил сполна причитающиеся ему аплодисменты и вернулся на место, Хоттабыч попросил у собравшихся разрешить и ему позабавить их несколькими немудрящими чудесами.

Он так и сказал: «немудрящими», этот хвастливый старик.

Конечно, ему разрешили и наперёд, авансом, наградили рукоплесканиями.

Учтиво раскланявшись, как самый заправский артист эстрады, Хоттабыч взял оба имевшихся в наличии целлюлоидных шарика для игры в пинг-понг, подбросил их вверх, и шариков стало четыре; ещё раз подбросил, и их стало восемь, потом — тридцать два. А когда он стал жонглировать сразу всеми тридцатью двумя шариками, они вдруг исчезли и оказались в тридцати двух карманах тридцати двух зрителей, а потом один за другим из этих карманов выскочили и, собравшись в хоровод, стали вер-

тётся, что твой спутники, вокруг раскланивавшегося Хоттабыча, пока не слились в одно сплошное белое кольцо. Это большое кольцо Хоттабыч с глубоким поклоном положил на колени Варваре Степановне. Кольцо стало быстро сплющиваться, куда не превратилось в штуку великолепного тончайшего шёлка. Потом Хоттабыч взял эту штуку шёлка и искромсал Волькиным перочинным ножиком на множество лоскутков. Лоскутки взвились в воздух, как птицы, и обернулись вокруг голов восхищённых зрителей тюрбанами изумительной красоты.

Выслушав со счастливым лицом аплодисменты, Хоттабыч щёлкнул пальцами, тюрбаны превратились в голубей, вылетели сквозь открытый иллюминатор и пропали.

Теперь все были уверены, что этот старик в смешных восточных туфлях — не иначе, как один из крупнейших иллюзионистов современности.

Хоттабыч буквально плескался в аплодисментах. Наши юные друзья уже достаточно хорошо изучили характер Хоттабыча, чтобы знать, как опасно ему столь волнующее единодушное одобрение.

— Вот сейчас он ке-э-эк распалится да ке-э-эк накроет дров! — тревожно прошептал Жёня на ухо Вольке. — Ох, чуёт моё сердце!..

— Всё будет в порядке, — успокоил его Волька. — У нас с ним на этот счёт строгий уговор.

— Одно мгновение, о друзья мой! — обратился Хоттабыч к аплодировавшим зрителям. — Да позволено будет на этот раз мне...

Он выдернул из бороды один-единственный волос...

И вдруг снаружи, через открытые иллюминаторы, донёсся резкий свисток, громкое топанье бегущих матросов.

Жёня сострил:

— Сейчас штраф! Кто-то на ходу вскочил на ледокор!

Но рассмеяться никто не успел, потому что «Лядога» вдруг сильно содрогнулась, что-то злоёще заскрежетало под её дном, и она второй раз за эти сутки остановилась.

— Ну! Что я говорѣл?! — прошипѣл Жѣня на ухо Вольке и с отвращѣнием посмотрѣл на Хоттабыча. — Не удержи́лся-таки! Разбушева́лся, расфорси́лся!.. Тьфу!.. Никогда́ в жи́зни я не встреча́л бо́лее самовлюблённого, хвастли́вого и несдержанного джи́нна!..

— Опя́ть твой штучки, Хоттабыч? — В каю́т-компани́и подня́лся такой галде́ж, что Волька не счѣл ну́жным понижа́ть го́лос. — Ты же мне то́лько сего́дня кля́лся...

— Что ты, что ты, о змий среди́ ма́льчиков! Не оскорбля́й меня́ подобны́ми подозре́ниями, ибо я никогда́ не наруша́л не то́лько клятв своѣх, но и ме́льком бро́шенных обеща́ний. Клянусь тебе́, я зна́ю о причи́нах столь неожѣданной остано́вки корабля́ не бо́льше твоего́...

— Змей?! — вконе́ц рассвирепѣл Волька. — Ах, значит, выхо́дит, что я ещё ко все́му про́чему и змей? Спасѣбо, Хоттабыч, пла́менное тебе́ мерси́!..

— Не змей ты, а змий. Ибо змий, да бу́дет это́ тебе́ изве́стно, это́ живо́е воплоще́ние му́дрости...

На это́ раз старѣ́к и в са́мом де́ле был ни при чём. Заблуди́вшись в тумáne, «Ла́дога» наскочи́ла на ба́нку.

Высы́павшие на па́лубу пассажи́ры с трудо́м могли́ различѣ́ть в тумáne бортовы́е поручни. Свесившись над кормо́й, мо́жно бы́ло все́-таки заме́тить, как от бе́шеной рабо́ты винта́ пѣнится те́мно-зеле́ная непривѣтливая вода́.

Прошло́ полчасá, а все попы́тки сня́ть «Ла́догу» с ба́нки, пусти́в её обратным хо́дом, ко́нчились ничѣ́м. Тогда́ капита́н су́дна Степа́н Тимофе́евич приказа́л су́хонькому бо́цману Панкра́тычу свиста́ть всех на́вѣрх.

— Товари́щи, — сказа́л Степа́н Тимофе́евич, когда́ все обита́тели «Ла́доги», крѣ́ме за́нятых на ва́хте, собрали́сь на спарде́ке, — объя́вляется авра́л. Для того́ что́бы сня́ться с ба́нки без посторѣ́нней по́мощи, у нас остаѣ́тся то́лько одно́ сре́дство — перебункерова́ть уго́ль с носово́й ча́сти су́дна на корму́. Тогда́ корма́ перетя́нет, и все́ бу́дет в по́рядке. Если потруди́ться на со́весть, тут рабо́ты часѣ́в на де́сять — двена́дцать, не бо́лее. Бо́цман разо́бьѣт вас сейча́с на брига́ды, бы́стренько переодѣ́ньтесь в оде́жду, кото́рая

похуже, чтобы не жалко было запачкать, — и за работу... Вам, ребята, и вам, Гассан Хоттабыч, можно не беспокоиться. Эта работа не по вашим силам: ребятам ещё рано, а Гассану Хоттабычу уже поздновато возиться с тяжестями.

— Мне не по силам возиться с тяжестями?! — свирепо отозвался Хоттабыч. — Да знаешь ли ты, что никто из присутствующих здесь не может сравниться со мной в поднимании тяжестей, о высокочтимый Степан Тимофеевич!

Услышав эти слова, все невольно заулыбались:

— Ну и старичок! Здоров хвастать!..

— Ишь ты, чемпион какой нашёлся!

— Ничего смешного: человеку обидно. Старость — не радость.

— Сейчас вы удостоверитесь! — вскричал Хоттабыч.

Он схватил обоих своих юных друзей и стал, ко всеобщему удивлению, жонглировать ими, словно это были не хорошо упитанные тринадцатилетние мальчики, а пластмассовые шарикоманного бильярда.

Раздались такие оглушительные аплодисменты, будто дело происходило не на палубе судна, терпящего бедствие далеко от земли, а где-нибудь на конкурсе силачей.

— В отношении старика беру свои слова обратно! — торжественно заявил Степан Тимофеевич, когда рукоплескания наконец утихли. — А теперь за работу, товарищи! Время не терпит!

— Хоттабыч, — сказал Волька, отведя старика в сторону, — это не дело — перетаскивать двенадцать часов подряд уголь из одной ямы в другую. Надо тебе постараться самому стащить пароход с банки.

— Это выше моих сил, — печально отвечал старик. — Я уже думал об этом. Можно, конечно, стащить его с камней, но тогда продерётся днище корабля, а починить его я не сумею, ибо никогда не видел, как оно выглядит. И все мы утонем, как слепые котята в бочке с водой.

— Подумай лучше, Хоттабыч! Может быть, тебе всё-таки что-нибудь придёт в голову.

— Постараюсь, о Kompas моей души, — ответил старик и, немного помолчав, спросил: — А что, если уничтожить саму мель?

— Хоттабыч, дорогой, какой ты умница! — воскликнул Волька и бросился пожимать старику руку. — Действуй!

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Хоттабыч.

Уже первая авральная бригада спустилась в угольный трюм и стала с грохотом загружать антрацитом большие железные ящики, когда «Ладога» вдруг вздрогнула и быстро завертелась в глубоком водовороте, образовавшемся на месте провалившейся банки. Ещё минута — и пароход разнесло бы в щепки, если бы Волька не догадался приказать Хоттабычу прекратить водоворот. Море успоко-

илось, и «Лáдога», повертévшись ещё немно́жко в сáлу инерции, благополúчно продолжала свой путь.

И снова никто, крóме Хоттабыча, Вóльки и Жéни, не мог понять, что, собственно, произошло.

Опять потяну́лись увлекáтельные и оди́н на друго́й не похожие дни путешéствия по малоизвédанным моря́м и проли́вам, ми́мо сурóвых островóв, на котóрые не ступáла и́ли почти́ никогда́ не ступáла человéческая ногá. Экскурса́нты высáживались и на острова́, где их торжéственно встречáли ружейными салю́тами зимóвщики, и на совершéнно необита́емые, оди́нкие ска́лы. Вме́сте со все́ми остальными́ экскурса́нтами на́ши друзья́ лазили на ледни́ки, броди́ли по го́лым, как ка́мни в ба́нной пéчи, базáльтовым плато́, скака́ли со льди́ны на льди́ну че́рез мра́чные, чёрные полы́ни, охóтились на бéлых медвéдей. Одно́го из них бесстра́шный Хоттабыч собственнорúчно привёл за хóлку на «Лáдогу». Медвéдь под влия́нием Хоттабыча бы́стро сде́лался ручным и ла́сковым, как телёнок, и впо́слéдствии доста́вил немáло весёлых мину́т экскурса́нтам и кома́нде парохода́. Этого́ медвéдя сейча́с показываю́т в цирка́х, и мно́гие из на́ших чита́телей его́, веро́ятно, ви́дели. Его́ зову́т Ку́зя.

LIX. «СЕЛЯ́М АЛЕЙКУМ, ОМА́РЧИК!»

Пóсле посещéния острова́ Рудóльфа «Лáдога» поверну́ла в обратный путь. Экскурса́нты уже́ порядком уста́ли от оби́лия впечатлénий, от не заходя́щего крúглые сýтки со́лнца, от частых тумáнов и почти́ непрестáнного грóхота льдин, ударя́ющихся о форштéвень¹ и борта́ сýдна. Все́ меньше и меньше находи́лось охóтников высáживаться на пусты́нные острова́, и под конéц то́лько на́ши друзья́ да ещё́ два-три неутомимых экскурса́нта не упуска́ли ни од-

¹ Форштéвень — массивная часть сýдна, явля́ющаяся продол́жением кiля и образу́ющая носову́ю оконéчность сýдна.

ной возможности посетить скалистые негостеприимные берега.

— Ну что ж, — сказал как-то утром Степан Тимофеевич, — в последний раз высажу вас — и basta. Никакого нет расчёта останавливать пароход из-за каких-нибудь шести-семи человек.

Поэтому Волька сговорился со всеми отправившимися вместе с ним на берег: по-настоящему проститься с архипелагом и не спешить с возвращением на «Ладугу». Тем более, что Хоттабыча, торопившегося обычно с возвращением, с ними в этот раз не было — он остался играть в шахматы с капитаном.

— Волька, — тайнственно проговорил Жёня, когда они спустя часа три, усталые, вернулись на борт «Ладоги», — айда в каюту! Я тебе покажу кое-что интересное... Ну вот, смотри, — продолжал он, плотно притворив за собой дверь каюты, и извлёк из-под пола своего пальтишка какой-то продолговатый предмет. — Что ты на это скажешь? Я нашёл эту посудину на противоположной стороне острова, у самого берега.

В руках у Жёни Волька увидел позеленевший от морской воды небольшой, размером со столовый графин, медный сосуд.

— Его нужно сейчас же сдать Степану Тимофеевичу! — возбуждённо сказал Волька. — Это, наверно, какая-нибудь экспедиция вложила в него письмо и бросила в воду, чтобы узнали о её бедственном положении.

— Я тоже сначала так решил, — отвечал Жёня, — но потом сообразил, что ничего страшного не случится, если мы раньше сами вскрыём эту посудину и первые посмотрим, что там у неё внутри положено. Это же очень интересно! Правильно я говорю?

— Правильно! Конечно, правильно! — горячо согласился Волька.

Жёня, побледнев от волнения, довольно быстро соскрёб с горлышка сосуда смолистую массу, которой оно было наглухо замазано. Под смолой оказалась массивная сви-

цовая крышка, покрытая какими-то значками. Жёня с трудом отвинтил её.

— А теперь,— сказал он, опрокидывая сосуд над своей койкой,— посмотрим, что там...

Он не успел закончить фразу, как из сосуда валом повалил густой чёрный дым, заполнивший всю каюту так, что совсем потемнело и нечем стало дышать. Однако спустя несколько секунд дым собрался, сжался и превратился в малопривлекательного старика со злым лицом и глазами, горящими, как раскалённые угли.

Первым делом он упал на колени и, истошно колотясь лбом об пол, возопил:

— О, Сулейман ибн Дауд, прости меня, недостойного твоего раба!..

После этих слов он ещё несколько раз молча стукнулся лбом об пол с такой силой, что вещи, висевшие на стенах каюты, закачались, как во время сильной качки. Потом он снова вскрикнул:

— О, пророк аллаха, не убивай меня!

— Разрешите справку,— прервал его стенания перепуганный и в то же время заинтересованный Волька.— Если не ошибаюсь, речь идёт о царё Соломоне?

— Именно о нём, о презренный отрок! О Сулеймане ибн Дауде, да продлятся дни его на земле!

— Это ещё большой вопрос, кто из нас презренный,— спокойно возразил Волька.— А что касается вашего Сулеймана, то дни его ни в каком случае продлиться не могут. Это совершенно исключено: он, извините, помер.

— Ты лжёшь, несчастный, и дорого за это заплатишь!

— Напрасно злитесь, гражданин. Этот восточный король умер две тысячи девятьсот девятнадцать лет назад. Об этом даже в энциклопедии написано.

— Кто открыл сосуд? — деловито осведомился старик, приняв, очевидно, к сведению Волькину справку и не очень огорчившись.

— Я,— скромно отозвался Жёня.— Я... но не стоит благодарности.

— Нет бога, кроме аллаха! — воскликнул незнакомец. — Радуйся, о недостойный мальчишка!

— А чего мне, собственно, радоваться? — удивился Жёня. — Это вас спасли из заточения, вы и радуйтесь. А мне-то чему радоваться?

— А тому, что я убью тебя сию же минуту злейшей смертью!

— Ну, знаете ли, — возмущился Жёня, — это просто свинство! Ведь я вас освободил из этой медной посуды. Если бы не я, кто знает, сколько бы ещё тысяч лет вы в ней проторчали, в дыму и копоти.

— Не утомляй меня своей болтовней! — сердито крикнул незнакомец. — Пожелай, какой смертью умрёшь и какой казнью будешь казнён. У-у-у!..

— Попрошу без запугиваний! И вообще, в чём, собственно говоря, дело? — вконец рассердился Жёня.

— Знай же, о недостойный юнец, что я один из джиннов, послушавшихся Сулеймана ибн Дауда (мир с ними обоими!). И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и тот привёл меня насильно, ведя меня в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, приказал принести этот кувшин и заточил меня в нём.

— Правильно сделал, — пробормотал Жёня.

— Что ты там шепчешь? — подозрительно спросил старик.

— Ничего, просто так, — поспешно отвечал Жёня.

— Тó-то! — мрачно сказал старик. — А то со мной шутки плохи.. Итáк, заточил он меня в этом сосуде и отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили в море. И я провёл там сто лет и сказал в своём сердце: «Всякого, кто освободит меня, я обогащу навёки». Но прошло сто лет, никто меня не освободил. И прошло ещё сто лет, и я сказал: «Всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли». Но и на этот раз никто не освободил меня. И надо мною прошло ещё четыреста лет, и я сказал: «Всякому, кто освободит меня, я исполню три же-

лания». Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: «Всякого, кто освободит меня сейчас, я убью, но предложу выбрать, какой смертью умереть». И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какую смертью тебе желательней было бы умереть.

— Но ведь это просто нелогично — убивать своего спасителя! — горячо возразил Жёня. — Нелогично и неблагодарно!

— Логика здесь совершенно ни при чём! — жёстко отрезал джинн. — Выбирай себе наиболее удобный вид смерти и не задерживай меня, ибо я ужасен в гневе.

— Можно задать вопрос? — поднял руку Волька.

Но джинн в ответ так цыкнул на него, что у Вольки от страха чуть не подкосились ноги.

— Ну, а мне, мне-то вы разрешите один только единственный вопрос? — взмолился Жёня с таким отчаянием в голосе, что джинн ответил ему:

— Хорошо, тебе можно. Но смотри будь краток.

— Вот вы утверждаете, что провели несколько тысяч лет в этой медной посуде, — произнёс Жёня дрожащим голосом, — а между тем она настолько мала, что не вместит даже одной вашей руки. Как же вы в ней умещались целиком?

— Так ты что же, не веришь, что я был в этом сосуде? — вскричал джинн.

— Никогда не поверю, пока не увижу собственными глазами, — твёрдо отвечал Жёня.

— Так смотри же и убеждайся! — заревел джинн, встряхнулся, стал дымом и начал постепенно вползать в кувшин под тихие аплодисменты обрадованных ребят.

Уже больше половины дыма скрылось в сосуде, и Жёня, затаив дыхание, приготовил крышку, чтобы снова запечатать в нём джинна, когда тот, видимо раздумав, снова вылез наружу и опять принял человеческий образ.

— Но-но-но! — сказал он, хитро прищурившись и вну-

шительно пома́хивая крючковатым, да́вно не мы́тым па́льцем пе́ред ли́цом Жéни, кото́рый спéшно спря́тал крýшку в карма́н.— Но-но-но! Не дýмаешь ли ты перехитрить меня́, о презрénный молокосóс?.. Прокля́тая па́мять! Чуть не забы́л: ты́сячу сто со́рок два го́да тому́ наза́д меня́ то́чно таким спосо́бом обма́нул оди́н рыба́к. Он за́дал мне тогда́ тот же вопро́с, и я легковéрно захотéл доказáть ему́, что находíлся в кувши́не, и преврати́лся в дым и вошёл в кувши́н, и э́тот рыба́к поспéшно схвати́л тогда́ про́бку с печа́тью и закры́л ёю кувши́н и брóсил его́ в мо́ре. Не-ег, бо́льше э́тот фо́кус не пройде́т!

— Да я и не дýмал вас обма́нывать,— совра́л дрожа́щим го́лосом Жéня, чу́ствуя, что тепе́рь-то он оконча́тельно пропа́л.

— Выбира́й же поскорéе, како́й сме́ртью тебе́ хотéлось бы умерéть, и не заде́рживай меня́ бо́льше, и́бо я уста́л с тобо́й разговáривать.

— Хорошо́,— сказа́л Жéня, подúмáв,— но обеща́йте мне, что я умру́ и́менно той сме́ртью, кото́рую я сейча́с вы́беру.

— Клянúсь тебе́ в э́том! — торжéственно обеща́л джинн, и глаза́ его́ загорéлись дя́вольским огнём.

— Так вот...— сказа́л Жéня и сýдорожно глотну́л во́дух.— Так вот.. я хочú умерéть от ста́рости.

— Вот э́то здо́рово! — обра́довался Во́лька.

А джинн, побагровéв от злóбы, воскликнул:

— Но ведь ста́рость тво́я о́чень далека́! Ты ведь ещё так юн!

— Ничего́,— му́жественно отве́тил Жéня,— я могу́ подождáть.

Услы́шав Жéнин отве́т, Во́лька ра́достно засмея́лся, а джинн, беспреста́нно выкри́кивая какие́-то ругáтельства, стал метáться взад и впе́рёд по каю́те, расшвы́ривая в бесси́льной злóбе всё, что ему́ попада́лось на пу́ти.

Так продолжа́лось по кра́йней ме́ре пять мину́т, пока́ он не пришёл наконéц к како́му-то решéнию. Он захохотáл тогда́ таким стра́шным сме́хом, что у ребя́т морóз по

кóже прошёл, остановился пѣред Жѣней и злорадно произнёс:

— Спóру нет, ты хитѣр, и я не могу тебѣ в ѣтом отка-
зать. Но Омáр Юсúф ибн Хоттаб хитрее тебá, о презрѣн-
ный...

— Омáр Юсúф ибн Хоттаб?! — в оди́н гóлос восклик-
нули ребáта.

Но джинн, дрожа́ от злóбы, заорáл:

— Молчáть, и́ли я вас немѣдленно уничтожу! Да, я —
Омáр Юсúф ибн Хоттаб, и я хитрее ѣтого мальчишки!
Я вь́полню егó прóсьбу, и он действительно умрёт от стá-
рости. Но, — он окíнул ребáт побѣдным взглядом, — но
стáрость у негó настúпит рáньше, чем вы успеете сосчи-
тать до ста!

— Ой! воскликнул Жѣня звóнким мальчишеским гó-
лосом. — Ой! — простона́л он чѣрез нѣсколько секúнд ба-
сом. — Ой! — прохрипѣл он ещѣ чѣрез нѣсколько секúнд
дребезжа́щим, стариковским гóлосом. — Ой, умираю!..

Вóлька с тоскóй смотре́л, как Жѣня с непостижимой
быстротóй превратился сначала в юношу, потóм в зрѣлого
мужчину с большóй чѣрной бородóй; как затѣм егó борода́
бь́стро поседе́ла, а сам он стал пожилым челове́ком, а по-
тóм дряхлым, костлявым, лысым старикóм. Ещѣ нѣсколь-
ко секúнд — и всё бь́ло бы кóнчено, е́сли бы Омáр Юсúф,
злорадно наблюда́вший за бь́стрым угасáнием Жѣни, не
вь́крикнул при ѣтом:

— О, е́сли бы со мной был сейча́с мой несча́стный
брат! Как бы он пора́довался моему́ торжествú!

— Постóйте! — закрича́л тогда́ изо всѣх сил Вóлька. —
Скажи́те то́лько: ва́шего брата́ зва́ли Гассáн Абдурах-
ма́н?

— Откúда ты дозна́лся об ѣтом? — порази́лся Омáр
Юсúф. — Не напомина́й мне о нём, и́бо се́рдце у меня́
разрыва́ется на ча́сти при однóм лишь воспомина́нии о
несча́тном Гассáne! Да, у меня́ был брат, котóрого так
зва́ли, но тем хúже бúдет тебѣ, что ты разбереди́л мою́
крово́точа́щую рáну!

— А ёсли я вам скажу, что ваш брат жив? А ёсли я вам покажу его живым и здоровым, тогда вы пощадите Жёню?

— Если бы я уви́дел моего́ дорого́го Гассана? О, тогда твой приятель оста́лся бы жить до тех пор, пока́ он не соста́рится по-настоящему, а это случится ещё́ очень не скоро. Но ёсли ты обма́нываешь меня... клянусь, тогда́ оба вы не спасётесь от моего́ справедливого гнёва!

— Подождите, в таком слúчае, одну́, то́лько одну́ минуточку! — воскликнул Во́лька.

Че́рез не́сколько секунд он влетёл в каю́т-компанию, где Хоттабыч беззаветно сража́лся в шахматы со Степа́ном Тимофе́евичем.

— Хоттабыч, ми́ленький, — взволнованно залепета́л Во́лька, — беги́ скорее со мной в каю́ту, там ждёт тебя́ очень больша́я ра́дость...

— Для меня́ нет большо́шей ра́дости, чем сде́лать мат сладча́йшему моему́ дру́гу Степа́ну Тимофе́евичу, — степе́нно отве́тил Хоттабыч, задумчиво изуча́я положёние на доске́.

— Хоттабыч, не заде́рживайся здесь ни на мину́ту! Я тебя́ очень и очень прошу́ неме́дленно пойти́ со мно́ю вниз!

— Хорошо́, — отве́чал Хоттабыч и сде́лал ход лады́ей. — Шах! Иди́, о Во́лька! Я приду́, как то́лько вы́играю, а это, по мо́им расчётам, произойдёт не по́зже как че́рез три хода́.

— Это мы ещё́ посмо́трим! — бо́дро возрази́л Степа́н Тимофе́евич. — Это ещё́ ба́бушка на́двое сказа́ла. Вот я сейча́с немно́жко подума́ю и...

— Ду́май, ду́май, Степа́н Тимофе́евич! — ухмыльну́лся старик. — Все́ равно́ ниче́го не придума́ешь. Почему́ не подождать? Пожа́луйста.

— Некогда́ ждать! — воскликнул с отча́янием Во́лька и смахну́л фигу́ры с доски́. — Если ты сейча́с со мной не спу́стишься бего́м вниз, то и я и Жёня поги́бнем мучительной и стра́шной сме́ртью! Бежи́м!

— Ты себе слишком много позволяешь! — недовольно пробурчал Хоттабыч, но побежал за Волькой вниз.

— Значит, «ничья»! — крикнул им вслед Степан Тимофеевич, очень довольный, что так счастливо выскочил из совершенно безнадёжной партии.

— Ну нет, какая там «ничья»! — возразил Хоттабыч, порываясь вернуться назад.

Но Волька сердито воскликнул:

— Конечно, «ничья», типичная «ничья»! — и изо всех сил втолкнул старика в каюту, где Омар Юсуф уже собирался привести в исполнение свою угрозу.

— Что это за старик? — осведомился Хоттабыч, увидев лежащего на койке, жалобно стонущего старика, бывшего ещё несколько минут назад тринадцатилетним мальчиком Жёней. — И это что за старик? — продолжал он, заметив Омара Юсуфа, но тут же побледнел и, не веря своему счастью, сделал несколько неуверенных шагов вперёд и тихо прошептал: — Селям алейкум, Омарчик!

— Это ты, о дорогóй мой Гассан Абдурахман? — вскричал в свою очередь Омар Юсуф.

И оба брата заключили друг друга в столь долгие объятия, что для людей со стороны это показало бы попросту невероятным, если не знать, что братья были в разлуке без máлого три тысячи лет.

В первые секунды Волька был так растроган этой необыкновенной встречей двух братьев среди льдов Арктики и настолько доволен за Хоттабыча, что совсем забыл про несчастного Жёню. Но еле слышный хрип, донёсшийся с койки, напомнил Вольке о необходимости срóчных мер.

— Стойте! — закричал он и бросился разнимать обоих сынов Хоттаба. — Тут человек погибает, а они...

— Ой, помираю! — как бы в подтверждение Волькиных слов прохрипел дряхлый старец Жёня.

Хоттабыч с удивлением осведомился:

— Кто этот убелённый сединами старик и как он попал сюда, на постель нашего друга Жёни?

— Да это и есть Жёня! — с отчаянием воскликнул Волька. — Спаси его, Хоттабыч!

— Прошу прощения, о дражайший мой Гассанчик! — не без раздражения промолвил Омар Юсуф, обращаясь к своему вновь обрётённому брату. — Мне придётся прервать столь приятные мгновения нашей встречи, чтобы выполнить данное мною обещание.

С этими словами он подошёл к койке, дотронулся ладонью до Жёниного плеча и прошепел:

— Проси прощения, пока ещё не поздно!

— Прощения? У кого? — удивлённо прохрипел старец Жёня.

— У меня, о презренный отрок!

— За что?

— За то, что ты пытался провести меня.

— Это ты у меня должен просить прощения! — запальчиво возразил Жэня. — Я тебя спас, а ты меня за это собирался убить. Не буду просить прощения!

— Ну и не надо! — ехидно согласился Омár Юсуф. — Не настаиваю. Но учти, что в таком случае ты через несколько мгновений умрешь.

— И умру! И прекрасно! — гордо прошептал обессилевший Жэня, хотя, конечно, ничего прекрасного в этом не видел.

— Омáрчик! — ласково, но твердо вмешался в их страшную беседу Хоттабыч. — Не омрачай нашей долгожданной встречи нечестным поступком. Ты должен немедленно и без всяких предварительных условий выполнить обещание, данное моему драгоценному другу Бóльке ибн Алёше. Учти к тому же, что и достойнейший Жэня — мой лучший друг.

Омáр Юсуф в бессильной злобе заскрежетал зубами, но всё же взял себя в руки и промолвил:

— Встань, о дерзкий отрок, и будь таким, каким ты был раньше!

— Вот это совсем другое дело! — прохрипел Жэня.

И все в каюте насладились невиданным зрелищем — превращением умирающего старца в тринадцатилетнего мальчишку.

Сперва на его морщинистых, впалых щеках появился румянец, потом его лысый череп стал быстро покрываться белыми волосами, которые вскорости почернели так же, как и его густая борода. Окрепший Жэня молодецкато вскочил с койки, весело мигнув при этом своим друзьям. Перед ними был полный сил коренастый мужчина, на вид казавшийся лет сорока, но отличавшийся от своих ровесников тем, что его борода сама по себе становилась всё короче и короче, пока наконец не превратилась в еле заметный пушок, который затем тоже пропал. Сам же он становился всё меньше ростом и всё уже в плечах, пока не приобрёл обычный вид и рост Жэни Богорада.

Так Жэня стал единственным в мире человеком, кото-

рый может сказать: «Когда я ещё был стариком», с таким же правом, с каким многие миллионы пожилых людей говорят: «Когда я ещё был юным сорванцом».

LX. ОМА́Р ЮСУ́Ф ПОКА́ЗЫВАЕТ СВОЙ КОГОТКИ́

— Одно мне непонятно,— задумчиво произнёс Омар Юсу́ф, поёживаясь от холода,— я ведь собственными уша́ми слышал, как Сулейма́новы дж́инны сказа́ли: «Дава́йте сбросим его́, то есть меня́, в во́лны За́падно-Эфио́пского мо́ря». Вот я и ду́мал, что е́сли мне когда-нибудь посча́стливится снова уви́деть зе́млю и со́лнечный свет, то э́то бу́дет у знóйных берего́в Африки. Но э́то,— он показáл на видне́вшийся в иллюмина́торе бы́стро удаля́вшийся о́стров,— э́то ведь совсе́м не похо́же на Африку. Не пра́вда ли, о бра́тик мой Гасса́н?

— Ты прав, любезный моему́ се́рдцу Ома́р Юсу́ф: мы нахо́димся совсе́м у ины́х и весе́ма́ отдалённых от Африки берего́в,— отвеча́л ему́ Хотта́быч.— Мы сейча́с...

— По́нял! Че́стное пионе́рское, по́нял! — прерва́л Во́лка бесе́ду бра́тьев и от полно́ты чувств да́же запляса́л по каю́те.— Вот э́то здо́рово! По́нял!.. По́нял!..

— Что ты по́нял? — брюзгливо осведомился Ома́р Юсу́ф.

— Я по́нял, как э́то вы очути́лись в Арктике.

— О де́рзкий и хвастли́вый о́трок, сколь неприятна́ мне тво́я непоме́рная горды́ня! — произнёс с отвраще́нием Ома́р Юсу́ф.— Как ты мо́жешь по́нять то, что остаётся та́йной да́же для меня́ — мудре́йшего и могу́щественнейшего из дж́иннов!.. Ну что ж, говори́ своё мнэ́ние, дабы́ мы с мо́им доро́гим бра́том вдóволь могли́ над тобо́ю посмея́ться.

— Э́то как вам уго́дно. Хотите́ — сме́йтесь, хотите́ — нет. Но то́лько всё де́ло здесь в Го́льфстри́ме.

— В че́м, ты говори́шь, де́ло? — язвительно переспро́сил Ома́р Юсу́ф.

— В Гольфстриме, в тёплом течении, которое и принесло вас из южных морей сюда в Арктику.

— Какая чепуха! — презрительно хмыкнул Омár Юсúф, обращаясь за поддержкой к своему брату.

Однако тот промолчал.

— И совсем не ерунда... — начал Вóлька.

Но Омár Юсúф поправил его:

— Я сказал не «ерунда», а «чепуха».

— И совсем это не ерунда и не чепуха! — раздражённо продолжал Вóлька. — Я как раз за Гольфстрим получил пятёрку по географии.

Так как Жéня поддержал Вóлькину научную догадку, то к ней присоединился и Хоттабыч. Омár Юсúф, оставшись в единственном числе, сделал вид, что согласился насчёт Гольфстрима, но затаил против Вóльки и его приятеля злобу.

— Я устал от спора с тобой, о самонадеянный отрок, — произнёс он, деланно зевая. — Я устал и хочу спать. Достань же поскорее опахало и обмахивай меня от мух, куда я буду предаваться сну.

— Во-первых, тут нет мух, а во-вторых, какое право вы имеете отдавать мне приказания? — возмутился Вóлька.

— Сейчас будут мухи, — процедил сквозь зубы Омár Юсúф.

И действительно, в ту же минуту в каюте загудело великое множество мух.

— Здесь можно прекрасно обойтись без опахала, — примирительно заявил Вóлька, делая вид, что не понимает издевательского характера требований Омара Юсúфа.

Он раскрыл сначала дверь, а потом иллюминатор. Сильный сквозняк вынес жужжащие рои мух из каюты в коридор.

— Всё равно ты будешь обмахивать меня опахалом! — капризно проговорил Омár Юсúф, не обращая внимания на все попытки Хоттабыча успокоить его.

— Нет, не буду! — запальчиво ответил Вóлька. — Ещё

не было человека, который заставил бы меня выполнять издевательские требования.

— Значит, я буду первым.

— Нет, не будете!

— Омáрчик! — попытáлся вмешáться в разгорáвшийся скáндáл Хоттáбыч.

Но Омáр Юсúф тóлько свирéпо отмахнúлся.

— Я лúчнее погíбну, но ни за что не бúду выполнять вáши прíхоти! — мрáчно вýкрикнул Вóлька.

— Значит, ты óчень скóро погíбнешь. Не пóзже закáта сóлнца, — заявúл, отвратítельно улыбáясь, Омáр Юсúф.

И в ту же сáмую секúнду Вóльке пришлá в гóлову прекрáсная мысль.

— В тáком слúчае, трепещú, презрénный джинн! — вскричáл он сáмым стрáшным гóлосом, какúм тóлько мог. — Ты меня вúвел из себя, и я вúнужден останóвить сóлнце. Оно не закáтится ни сегоднá, ни зáвтра, ни послезáвтра! Тепéрь пеняй на себя!

Это был óчень рискóванный шаг со сторóны Вóльки. Если Хоттáбыч успел рассказáть брáту, что в Арктике сóлнце в это врéмя гóда свéтит крúглые сúтки, то всё пропáло.

Но Омáр Юсúф в отвéт на Вóлькины словá тóлько глумлúво возразúл:

— Бахвáл из бахвáлов, хвастúн из хвастунóв! Я сам люблю инóгдá похвáстать, но дáже в минúты сáмой большóй запáльчивости я не обещаю останóвить ход великóго светúла. Этого не мог сдéлать дáже Сулеймáн ибн Дáуд — мир с нúми обóими!

Вóлька пóнял, что он спасён. И не тóлько спасён, но и мóжет прибрáть к рукáм неприятного брáтца старикá Хоттáбыча. Кстáти, Хоттáбыч одобритéльно подмигнул Вóльке, а о Жéне и говорúть не приходúлось. Он догадúлся о Вóлкином зáмысле и сейчáс тáял от востóрга, предвúшая неминуемое посрамлénие Омáра Юсúфа.

— Не беспоко́йтесь, Омáр Юсúф. Раз я сказаю, что

остановлю́ со́лнце, то мо́жете быть уве́рены: оно́ се́годня не за́катится.

— Мальчи́шка! — презри́тельно бро́сил Ома́р Юсу́ф.

— Са́ми вы мальчи́шка! — столь же презри́тельно возразил ему́ Во́лька. — За со́лнце я отве́чаю.

— А е́сли оно́ всё же за́катится? — спросил Ома́р Юсу́ф, дава́сь от сме́ха.

— Если за́катится, то я бу́ду всегда́ выполня́ть са́мые идиотские ва́ши приказа́ния.

— Не-ет,— торжествующе протяну́л Ома́р Юсу́ф,— нет, е́сли со́лнце, вопреки́ твоему́ самоуве́ренному обеща́нию, всё же за́катится — а э́то, конечно́, бу́дет так,— то я тебя́ по́просту съем! Съем вме́сте с ко́стями.

— Хоть вме́сте с та́почками,— му́жественно отве́чал Во́лька. — Зато́, е́сли со́лнце се́годня не уйде́т за го́ризонт, бу́дете ли вы тогда́ во всём меня́ слу́шаться?

— Если со́лнце не за́катится? Пожа́луйста, с превели́ким удово́льствием, о са́мый хвастли́вый и са́мый ничто́жный из ма́гов! То́лько э́тому — хи-хи-хи! — увы́, не сужде́но осу́ществиться.

— Э́то ещё о́чень большо́й вопро́с, кому́ че́рез не́сколько часо́в бу́дет «увы́», — суро́во отве́тил Во́лька.

— Смотри́ же! — предостерега́юще помахал па́льцем Ома́р Юсу́ф. — Су́дя по положению́ со́лнца, оно́ должно́ за́катиться часо́в че́рез во́семь-де́вять. Мне да́же чуть-чу́ть жаль тебя́, о бессты́жий молокосо́с, ибо тебе́ оста́лось жить ме́ньше полусу́ток.

— Пожа́луйста, оста́вьте ва́шу жа́лость при себе́! Вы лу́чше себя́ пожалейте.

Ома́р Юсу́ф пренебрежи́тельно хихи́кнул, открыв при э́том два ря́да ме́лких же́лтых зу́бов.

— Ка́кие у тебя́ некраси́вые зу́бы, — пожалел его́ Хотта́быч. — Почему́ бы тебе́, Ома́р, не заве́сти золо́тые, как у меня́?

Ома́р Юсу́ф то́лько сейча́с замети́л необы́чные зу́бы Хотта́быча, и его́ ду́шу напо́лнила са́мая че́рная за́висть.

— По со́вести говоря́, бра́тец, я не ви́жу о́собенного бо-

гата в золотых зубах, — сказал он как можно пренебрежительнее. — Уж лучше я заведу себе брильянтовые.

И точно, в ту же секунду тридцать два прозрачных алмаза чистойшей воды засверкали в его ехидно улыбающемся рту. Посмотревшись в маленькое бронзовое зеркальце, которое этот франтоватый старик, оказывается, хранил у себя за поясом, Омар Юсуф остался очень доволен.

Только три обстоятельства несколько омрачали его торжество. Во-первых, Хоттабыч не высказал никаких признаков зависти. Во-вторых, его брильянтовые зубы сверкали, только если на них падал свет. Если же свет на них не падал, то рот производил впечатление беззубого. В-третьих, брильянтовые зубы в первую же минуту до крови расцарапали ему язык и губы. В глубине души он даже пожалел о том, что так пожадничал, но не подал и виду, чтобы не уронить своего достоинства.

— Нет, нет! — хихикнул он, заметив, что Волька собирается покинуть каюту. — Тебе не удастся покинуть помещение до самого заката. Я тебя прекрасно понимаю: ты хочешь скрыться, чтобы избежать заслуженной гибели. Я не намерен рыскать потом по всему судну в поисках тебя.

— Пожалуйста, — сказал Волька, — я могу остаться в каюте сколько вам угодно. Это даже будет лучше. А то разыскивай вас по всему ледоколу, когда солнце не закатится! Сколько мне, по-вашему, придётся ждать?

— Не больше девяти часов, о юный бахвал, — ответил Омар Юсуф, отвесив издевательский поклон, щёлкнул большим и указательным пальцами левой руки, и на столике, стоявшем под самым иллюминатором, возникли громоздкие водяные часы. — Не успеет вода дойти до этого вот деления, — добавил он, постучав кривым коричневым ногтем по стенке часов, — как солнце зайдёт, и это будет часом твоей смерти.

— Хорошо, — сказал Волька, — я подожду.

— И мы подождём, — сказали Жёня и Хоттабыч.

Восемь часов прошли почти незамѣтно, так как Жѣня не смог отказать себѣ в удовольствии и предложил самоуверенному Омáру Юсúфу научиться играть в шáшки, вернѣе, в весѣлую и хитрую игру — поддавки.

— Тóлько я тебя всё равно обыграю,— предупредил его Омáр Юсúф.

Жѣня обыграл сварливого старика несметное число раз. Омáр Юсúф страшно злился, пробовал мошенничать, но его кáждый раз хóром изобличали, и он начинал новую пáртику, котóрая так же печально для него заканчивалась.

— Ну, вот и прошлó ужé назначенное время, Омáр Хоттабович,— сказал наконец Вóлька.

— Не мóжет быть! — отозвался, отрываясь от игры, Омáр Юсúф.

Бросив взгляд на водяные часы, он изменился в лице, взволнованно вскочил с кóйки, на котóрой сражался с Жѣней в шáшки, подбежал к иллюминатору, высунул из него голову наружу и застонáл от úжаса и бессильной злобы: солнце, как и восемь часов назад, высоко стояло над горизóнтом.

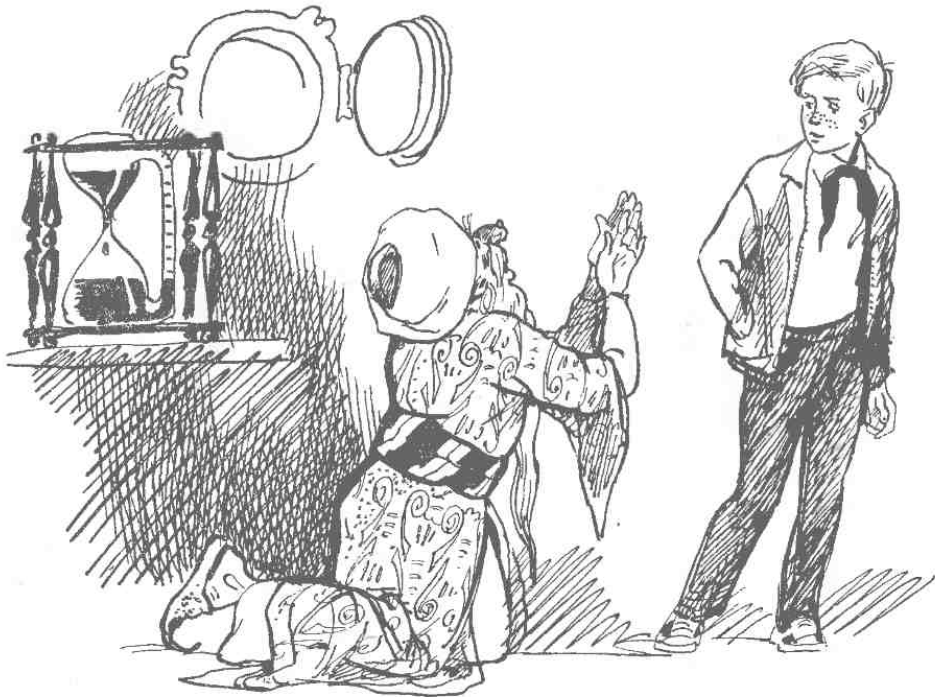
Тогда он повернулся к Вóлке и скучным гóлосом произнес:

— Я, навѣрно, ошибся немного в своих расчѣтах. Пождём ещё часóчка два.

— Хоть три! — отвечал Вóлька.— Тóлько это тебе всё равно не помóжет. Как я сказал, так и бóдет. Солнце не закáтится ни сего́дня, ни зáвтра, ни послезáвтра.

Через четыре с половиной часá Омáр Юсúф в двадцáтый раз вы́глянул в иллюминатор, в двадцáтый раз убедился, что солнце и не думает уходить за горизóнт, побледнѣл, задрожал трусливой дрóжью и тяжело бóхнулся на колѣни.

— Пощади́ меня, о могúчий óтрок! — воскликнул он жалостливым гóлосом.— Не гнѣвайся на меня, недостóйного твоего́ слугú, íбо, кричá на тебя, я не знал, что ты сильнѣе меня!

— А ёсли я слабее, тогда можно на меня кричать? — спросил Волька.

— Конечно, можно, — убеждённо ответил Омар Юсуф, и всем стало противно.

— Ну и братец же у тебя! — шепнул Жёня на ухо Хоттабычу. — Ты меня, пожалуйста, извини, но он пренеприятный, завистливый и злобный старикашка.

— Да, — печально отозвался Хоттабыч, — братец у меня не сахар.

— Да встаньте вы наконец! — брезгливо обратился Волька к Омару Юсуфу, продолжавшему стоять на коленях и всё порывавшемуся поцеловать Волькину руку.

— Каковы будут твои приказания, о мой юный, но могучий господин? — угодливо спросил Омар Юсуф, потирая свои потные ладони и поднимаясь на ноги.

— Пока что только одно: не смей без моего разрешения покидать ни на секунду эту каюту.

— С огромным наслаждением, о мудрейший и могущественнейший из отроков! — льстиво ответил Омар Юсуф, со страхом и благоговением глядя на Вольку...

Как Волька сказал, так и было. Ни в тот день, ни на другой, ни на третий солнце не скрывалось за горизонт. Придравшись к какому-то мелкому проступку Омара Юсуфа, Волька продлил круглосуточное пребывание дневного светила на небе вплоть до особого распоряжения. Только узнав от Степана Тимофеевича, что «Лядога» наконец вступила в широты, где день на короткое, правда, время, но всё же уступит место ночи, Волька сообщил об этом Омару Юсуфу, как об особой его милости к недостойному и сварливому джинну.

Омар Юсуф вёл себя тише воды, ниже травы, ни разу и ни на минуту не покинул каюту и покорно влез в медный сосуд, когда «Лядога» под звуки оркестра и крики «ура» пришвартовалась наконец к той самой пристани Архангельского порта, от которой она отчалила ровно тридцать дней назад.

Конечно, Омару Юсуфу безумно не хотелось возвращаться даже на время в медный сосуд, где он провёл в одиночестве столько безрадостных веков. Но Волька торжественно обещал выпустить его, как только они вернутся домой.

Не скроем: у Вольки, покидавшего с медным сосудом подмышкой гостеприимную «Лядогу», было очень большое искушение швырнуть его в воду. Но не давши слова — крепись, а давши — держись. И Волька сошёл на пристань, подавив в себе минутное искушение...

Если никто на «Лядоге» ни разу не заинтересовался, по какому праву Хоттабыч и его друзья участвуют в экспедиции, то ясно, что Хоттабычу не стоило никакого труда проделать примерно такую же комбинацию и с родителями и знакомыми наших юных героев.

Во всяком случае, и родители и знакомые восприняли

как должное факт отъезда ребят в Арктику, совершенно не задаваясь вопросом, какими таинственными путями они устроились на «Лядогу».

Отлично пообедав, ребята долго рассказывали своим близким, почти не привирая, о различных своих приключениях в Арктике, но благоразумно не упоминали о Хоттабыче. Только Жёня, увлекшись, чуть не проболтался. Описывая вечера самодеятельности, происходившие в кают-компаниях во время туманов, он сболтнул:

— А тут, понимаешь, вылезает вперёд Хоттабыч и говорит...

— Что за странное такое имя — «Хоттабыч»? — удивилась Татьяна Ивановна.

— Это тебе, мама, показалось. Я не говорил «Хоттабыч», я сказал «Потапыч». Это нашего бочмана так звали, — не растерялся Жёня, хотя и очень покраснел.

Впрочем, на последнее обстоятельство никто не обратил никакого внимания. Все с завистью смотрели на Жёню, который ежедневно и запросто встречался с настоящим, живым бочманом.

Зато у Вольки едва не произошло несчастье с медным сосудом.

Он сидел в столовой на диване, с большим знанием дела объяснял родителям разницу между ледоколом и ледокольным пароходом и не заметил, как из комнаты исчезла бабушка. Она пропадала минут пять и вернулась, держа в руках... сосуд с Омаром Юсуфом.

— Это что такое? — с любопытством осведомился Алексей Алексеевич. — Откуда ты это, мама, достала?

— Представь себе, Алёша, у Вольки в чемодане. Я стала разбирать вещи, вижу — лежит вполне приличный кувшин. Пригодится для наливок. Его только почистить надо, уж больно он позеленел.

— Это совсем не для наливок! — побледнел Волька и выхватил сосуд из бабушкиных рук. — Это меня просил помощник капитана передать его знакомому. Я обещал сегодня же снести.

— Очень занятный сосуд! — одобрительно отозвался Алексѣй Алексѣевич, большой любитель старинных предметов. — Дай-ка, Воля, посмотреть. Эгэ, да он, оказывается, со свинцовой крышкой! Интересно, очень интересно...

Он попытался открыть сосуд, но Волька ухватился за кувшин обеими руками и залепетал:

— Его нельзя открывать! Он даже вовсе не открывается... Он совсем, совсем пустой... Я обещал помощнику капитана не открывать... чтобы винтовая нарезка не испортилась...

— Скажите пожалуйста, как он разволновался! Ладно, бери эту посудину на здоровье, — сказал Алексѣй Алексѣевич, возвращая сыну сосуд.

Волька в изнеможении уселся на диван, крепко прижимая к себе страшный сосуд. Но разговор уже больше не клеился, и вскоре Костыльков-младший встал со своего места и, сказав как можно непринужденнее, что он пойдет отдавать кувшин, почти бегом покинул комнату.

— Только смотри не задерживайся долго! — крикнула ему вдогонку Светлана Александровна, но его уже и след простыл.

LXI. К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ ИНОГДА УСПЕХИ ОПТИКИ

На берегу Вольку давно уже ждали Жёня и Хоттабыч. Кругом было тихо. Необъятное ночное небо простиралось над головами наших друзей. Полная луна лила с высоты неживой, голубоватый свет.

Жёня догадался захватить с собой бинокль и сейчас с наслаждением изучал в него Луну.

— А ну, товарищи, прекращайте занятия астрономией! — сказал, приближаясь, Волька. — Следующим номером нашей обширной программы — торжественный выпуск на волю всем нам хорошо знакомого Омара Юсуфа! Музыка, туш!

— Эта злочка и без туша не заболает! — сурово отозвался Жёня.

Чтобы подчеркнуть своё презрение к ненавистному джинну, он повернулся к кувшину спиной и изучал в бинокль Луну так долго, пока не услышал скрипучий голос Омара Юсуфа:

— Да дозволено будет твоему покорнейшему слуге, о могучий Волька, осведомиться, чему служат чёрные трубки, в которые впёрл свой благородные очи мой горячо любимый господин, а твой друг Жёня?

— Кому Жёня, а вам — Евгений Николаевич! — задорно подал голос Жёня, не оборачиваясь.

— Это бинокль. Это... чтобы ближе видно было, — попытался объяснить Волька. — Жёня смотрит на Луну в бинокль, чтобы лучше видеть. Чтобы она крупнее выглядела.

— О, сколь приятно, я полагаю, это времяпрепровождение! — подхалимски заметил Омар Юсуф.

Он вертелся вокруг Жёни, норовя хоть краешком глаза заглянуть в бинокль, но Жёня нарочно отворачивался от него, и самовлюблённый джинн был уязвлён этой непочтительностью до глубины души. О, если бы здесь не было могущественнейшего Вольки, одним словом своим остановившего на несколько дней движение солнца! Тогда Омар Юсуф знал бы, как рассчитаться с непокорным мальчишкой! Но Волька стоял рядом, и взбешённому джинну не оставалось ничего другого, как обратиться к Жёне с униженной просьбой дать ему возможность посмотреть на великое ночное светило через столь заинтересовавший его бинокль.

— И я прошу тебя оказать моему брату эту милость, — поддержал его просьбу Хоттабыч, хранивший до сих пор полное молчание.

Жёня нехотя протянул Омару Юсуфу бинокль.

— Презренный отрок заколдовал магические трубки! — вскричал через несколько мгновений Омар Юсуф, со злобой швырнув бинокль на землю. — Они уже сейчас не увеличивают, а, наоборот, во много раз уменьшают лик Луны! О, когда-нибудь я доберусь до этого юнца!

— Вечно ты зря кидаешься на людей! — сказал Воль-

ка с отвращением.— При чём тут Жёня? Ты смотришь в бинокль не с той стороны.— Он поднял бинокль с травы и подал его злобствовавшему джінну.— Надо смотреть через маленькие стёклышки.

Омар Юсуф недоверчиво последовал Волькиному совету и вскоре произнёс с сожалением:

— Увы, я был лучшего мнения об этом свети́ле. Оказывается, оно щербатое, с изъеденными краями, как поднос самого последнего подёнщика. Уж куда лучше звёзды! Они хоть и во много крат меньше Луны, но зато, по крайней мере, без видимых изъянов.

— Дай-ка мне, о брат мой, удостовериться в правильности твоих слов,— сказал заинтересовавшийся Хоттабыч, посмотрел в бинокль и с удивлением согласился: — На этот раз мой брат как будто бы прав...

По словам Хоттабыча нетрудно было заключить, что авторитет Омара Юсуфа уже давно был в его глазах очень сильно поколѣблен.

— Какая дикость! — возмутился Жёня.— Пора бы вам знать, что Лунá во много тысяч раз меньше любой из звѣзд.

— Не-ет, я больше не в состоянии выдерживать постоянные издевательства этого мальчишки! — взревел Омар Юсуф и схватил Жёню за шиворот.— Уж не будешь ли ты меня уверять, что песчинка больше горы? С тебя это станет. Не-ет, сейчас-то уж я с тобой окончательно покончу!

— Остановись! — крикнул ему Волька.— Остановись, или я на тебя немедленно обрушу Луну, и от тебя даже мокрого места не останется. Мне это, брат, раз плюнуть. Ты ведь меня знаешь.

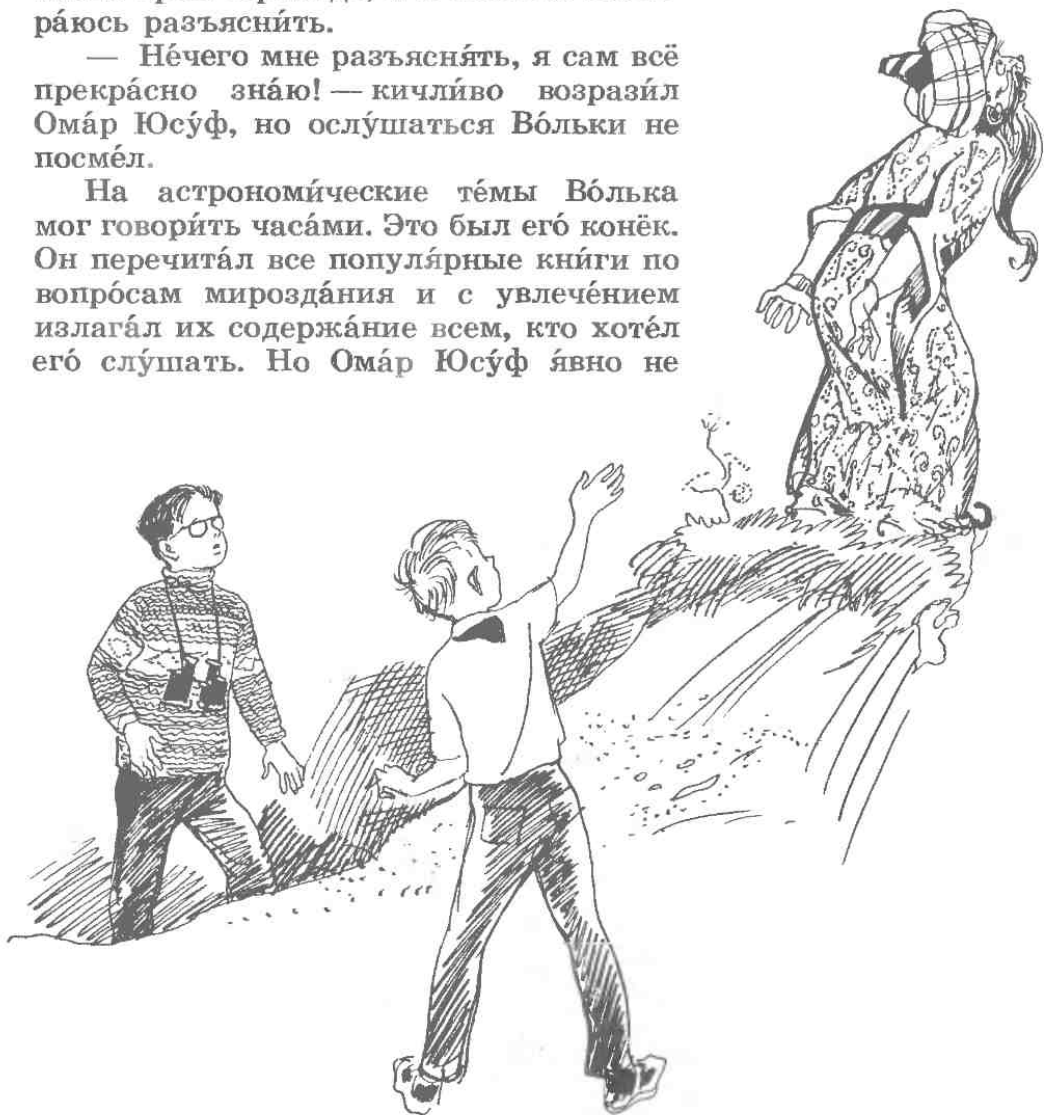

Разъярённый Омáр Юсу́ф не́хотя отпустил не на шутку перепугавшегося Жéню.

— Ты и на э́тот раз совершенно напράсно взбеленился,— сказа́л Во́лька.— Жéня прав. Присядь, и я тебе всё постараюсь разъяснить.

— Не́чего мне разъяснять, я сам всё прекра́сно знаю! — кичли́во возра́зил Омáр Юсу́ф, но ослу́шаться Во́льки не посме́л.

На астроно́мические те́мы Во́лька мог говори́ть часáми. Э́то был его́ конёк. Он пере́читал все популярны́е кни́ги по вопро́сам мирозда́ния и с увлече́нием излага́л их содер́жание всем, кто хоте́л его́ слу́шать. Но Омáр Юсу́ф я́вно не

хотёл его слúшать. Он всё время презрительно хмыкал и, наконец не выдержав, проворчал:

— Никогда не повéрю твоим словам, пока не удостоверюсь в них на дéле.

— То есть как это «на дéле»? — удивился Вóлька. — Уж не собираешься ли ты на Луну, чтобы убедиться, что это не маленький диск, а огромный шар?

— А почему бы и не слетать? — занóсчиво спросил Омáр Юсúф. — Вот возьму и сегодня же слетаю.

— Но ведь Лунá невероятно далеко.

— Омáра Юсúфа не пугают большие расстояния. Тем более, что я си́льно, прости меня, сомневаюсь в справедливости твоих слов.

— Но ведь путь к ней лежит в безвоздушном пространстве, — добросóвестно возражал Вóлька.

— Я могу прекрасно обходиться без вóздуха.

— Пускай летит! — свирéпо шепнул Жéня Вóлке. — А то мы ещё с ним хлебнём гóря.

— Конечно, пускай летит, — тихо согласился Вóлька. — Но всё-таки я считаю, что мой долг предупредить его о том, что его ждёт в пути... Учти, Омáр Юсúф, — продолжал он, обращаясь к чванливому джинну, — учти, что там страшно холодно.

— Я не боюсь холода. До скорого свиданья! Улетаю.

— В таком слúчае, — сказал Вóлька, — если уж ты во что бы то ни стало решил слетать на Луну, то хоть в одном послушайся меня. Обещаешь ли ты беспрекословно подчиниться моим словам?

— Так и быть, обещаю, — снисходительно отвечал джинн, замéтно выходявший из-под Вóлькиного влияния.

— Ты должен вылететь с Земли со скоростью не меньше чем одиннадцать киломéтров в секунду. В противном слúчае ты, уверяю тебя, никогда не доберёшься до Луны.

— С радостью и удовольствием! — Омáр Юсúф поджал свой тонкие синие губы. — А сколь велик киломéтр? Скажите, ибо я не знаю такой мéры длины.

— Ну, как тебе объяснить...— призадумался Волька.— Ну вот: километр — это примерно тысяча четыреста шагов.

— Твоих шагов? — спросил джинн.— Значит, моих шагов в километре не больше тысячи двухсот, даже немного меньше.

Омар Юсуф был преувеличенного мнения о своём росте. Он был не выше Вольки, но переубедить его так и не удалось.

— Смотри не разбейся о небесную твердь, — заботливо напутствовал брата Хоттабыч, сам не очень-то поверивший Волькиным рассказам о строении Вселенной.

— Ладно, не учи учёного! — холодно отозвался Омар Юсуф, со страшной быстротой взвился в воздух, мгновенно раскалёлся добела и исчез из виду, оставив за собой длинный огненный след.

— Подождём его, друзья мои, — робко предложил Хоттабыч, чувствовавший себя виноватым за неприятности, доставленные Омаром Юсуфом.

— Нет, теперь уж жди его не жди, всё равно не дождёшься, — возразил Волька.— Он не послушался моего совета, основанного на научных данных, и никогда уже не вернётся на Землю. Раз твой Омар вылетел со скоростью меньше чем одиннадцать километров в секунду, он теперь будет всё время вращаться вокруг Земли. Он сейчас, если хочешь знать, превратился в спутника Земли.

— Я всё-таки, с вашего позволения, немножко подожду, — прошептал опечаленный Хоттабыч.

Поздно ночью он незаметно проскользнул в Волькину комнату и, превратившись в золотую рыбку, тихо плёпнулся в аквариум. Всегда, когда Хоттабыч бывал чем-нибудь расстроен, он устраивался на ночь не под кроватью, а в аквариуме. На этот раз он был особенно расстроен. Он прождал Омара Юсуфа больше пяти часов, но так и не дождался...

Когда-нибудь учёные изобретут такие точные приборы, которые позволят учитывать самое ничтожное притяже-

ние, испытываемое Землёй от прохождения около неё самых крохотных небесных тел. И какой-нибудь астроном, бывший, возможно, в детстве читателем нашей повести, установит в результате долгих и кропотливых расчётов, что где-то, сравнительно недалеко от Земли, вращается небесное тело весом в шестьдесят три с половиной килограмма. Тогда в объёмистый астрономический каталог будет занесён под каким-нибудь многозначным номером Омár Юсúф, сварливый и недалёкий джинн, превратившийся в спутника Земли исключительно вследствие своего несносного характера и невежественного пренебрежения к данным науки.

Кто-то, узнав из наших уст о поучительной истории, приключившейся с братом Хоттабыча, серьёзно уверял, что однажды ночью он якобы видел на небе быстро промелькнувшее светило, по форме своей напоминавшее старика с развевающейся длинной бородой. Что касается автора этой повести, то он приведённому выше заявлению не верит: слишком уж мелким существом был Омár Юсúф.

LXII. РОКОВАЯ СТРАСТЬ ХОТТАБЫЧА

Несколько дней Хоттабыч тосковал по брату, отсиживаясь в аквариуме, а потом привык, и всё пошло своим чередом. Как-то раз наши друзья тихо беседовали с Хоттабычем, который по случаю раннего часа ещё продолжал нежиться под кроватью.

— Возможны осадки, — сказал Жёня, взглянув из окна на улицу.

Вскоре действительно всё небо покрылось тучами и заморосил противный дождик.

— Может быть, послушаем? — спросил Волька, с деланно небрежным видом кивнув на новенький радиоприёмник — подарок родителей за успешный переход в седьмой класс, и включил радио.

Мощные звуки симфонического оркестра заполнили комнату.

Удивлённый Хоттабыч высунил голову из-под кровати:

— Где находится это множество людей, столь сладостно играющих на различных музыкальных инструментах?

— Ах да! — воскликнул Жёня. — Ведь Хоттабыч не знает радио!

(Как ни странно, на «Лэдого» из-за спешки упустили из виду приобрести приёмник для кают-компании.)

Часа два ребята наслаждались, наблюдая за Хоттабычем. Старик был совершенно потрясён достижениями радиотехники. Волька ловил для него Владивосток, Тбилиси, Киев, Ленинград, Минск, Ташкент. Из приёмника послушно вылетали звуки песен, гремели марши, доносились речи на самых разнообразных языках. Потом ребятам надоело радио. На улице проглянуло солнышко, и они вышли проветриться, оставив очарованного Хоттабыча у приёмника.

Именно к этому времени относится таинственная история, по сей день не разгаданная Волькиной бабушкой.

Вскоре после ухода ребят она пришла выключить приёмник и услышала в совершенно пустой комнате чьё-то стариковское покашливание.

Затем она увидела, как сама по себе передвигается по шкале приёмника воронёная стрелка вариометра.

Перепуганная старушка решила сама не дотрагиваться до приёмника, а бежать за Волькой. Она поймала его у автобусной остановки.

Волька всполошился, сказал, что он совершенствует приёмник, автоматизирует его и очень просит бабушку

не рассказывать об этом родителям, потому что он-де готовит для них сюрприз.

Отнюдь не успокоенная его словами, бабушка всё же обещала хранить тайну.

До вечера она с трепетом прислушивалась к музыке и загадочному бормотанию в совершенно пустой комнате.

В этот день приёмник не отдыхал ни минуты. Около двух часов ночи он, правда, замолк. Но оказалось, что старик просто забыл, как принимать Ташкент. Он разбудил Вольку, спросил его и снова приблизился к приёмнику...

Случилось непоправимое: старик до самозабвения увлёкся радио.

ЛXIII. НОВОГОДНИЙ ВИЗИТ ХОТТАБЫЧА

На зимние каникулы Жёня уехал к родным в Звенигород. Четвёртого января на его имя пришло письмо, представлявшее незаурядный интерес по крайней мере в трёх отношениях. Во-первых, это было первое в его жизни письмо, адресованное не Жёне или Евгению, а Евгению Николаевичу Богораду. Во-вторых, это было первое письмо, написанное Хоттабычем своему юному другу. Но ещё больший интерес представляло самое содержание этого в высшей степени примечательного послания.

Вот оно с некоторыми сокращениями:

«О любезнейший и драгоценнейший друг мой, прелестное и неповторимое украшение школ и спортивных площадок, упоительная надежда отечественных наук и искусств, радость и гордость родителей и друзей своих, Евгений ибн Николай из знаменитого и благородного рода Богорадов, да будет твой жизненный путь усыян розами без шипов и да будет он столь долгоден, сколь желает тебе этого твой ученик Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб!

Ты помнишь, надеюсь, как велика была моя радость и благодарность, когда полгода назад ты, о юный друг мой и друг моего юного спасителя, освободил из ужасного за-

точения в медном сосуде моего несчастного брата Омара Юсуфа ибн Хоттаба, с которым мы были так жестоко разлучены в течение долгих тысячелетий.

Но сразу вслед за радостью долгожданной встречи пришло и тягостное разочарование, ибо брат мой оказался существом неблагодарным, недалёким, сварливым и завистливым. И он, как ты, конечно, помнишь, задался целью слетать на Луну, чтобы самолётно удостовериться, действительно ли её поверхность покрыта горами, как об этом, на основании науки, именуемой «астрономия», заявил наш высокообразованный друг Волька ибн Алёша.

Увы! Не бескорыстная жажда знаний руководила моим неразумным братом, не благородное и похвальное стремление познать мир, а суетное и невежественное желание унижить и посрамить человека, пытавшегося удержать его от непоправимого поступка.

Он не посчитался и с данными другой науки, по названию «механика», и тем самым обрек себя на вечное и бесполезное вращение вокруг Земли, которая, как мне удалось недавно узнать (кто бы мог подумать!), в свою очередь, вращается вокруг Солнца.

Четвёртого дня получил я от тебя, о Жёня ибн Кёля, послание, именуемое научным словом «телеграмма», в котором ты столь великодушно и приятно поздравил меня с Новым годом.

И тогда я вспомнил, что день и ночь мотается по небу мой неприятный, но глубоко несчастный брат и что некому поздравить его с наступающим Новым годом.

И тогда я собрался и вылетел ровно в полдень в далёкие небесные просторы, чтобы навестить Омара Юсуфа, поздравить его и, если это окажется возможным, помочь ему вернуться на Землю.

Я не буду, о Жёня ибн Кёля, утруждать твоё благосклонное внимание описанием того, как мне удалось справиться с законом всемирного тяготения, ибо не в этом заключается цель моего повествования. Достаточно ска-

зать, что поначалу и я вьллетел с тою примёрно скоростью, что и Омár Юсúф, и, так же, как и он, превратился в спúтника Земли, но превратился только временно и рóвно на стóлько, скóлько трéбовалось мне для свидáния с Омáром. А потóм, когда я увидел, что мне порá возвращáться на Зёмлю, я обратился лицóм в её стóрону и придáл своему тóлу как раз такую скоростъ, какáя трéбовалась для преодоленiя сiлы, котóрая вращáла меня вокрúг земнóго шáра, как напóлненное водóй ведёрко вращáется на тóго натянóтой бечёвке в руках инóго мальчишки. Какóва этá скоростъ, здесь писать не мéсто. Когда мы увидимся, я покажú тебе все расчёты, предварiтельно продéланные мною благодарá знáниям матемáтики, астрономii и мехáники, котóрыми я обáзан тебе и Вóлке ибн Алёше, великодúшию вáшему и высóкому терпéнию. Но не об этóм сейчáс речъ. Я хотёл навестить своего брáтика...»

Тут Хотáбыч, очевiдно, прослезился, потому что на письме в этóм мéсте расплылись черни́ла. Нам поневоле приходится пропуститъ нéсколько строк.

«Остáвив Зёмлю, зáлитую весёлым полúденным солнцем, я вскóре оказалсá в кромéшной тьме, ужасáющей и невыносiмо холóдной. И блистáли в этóм ледяном мрáке ярким, но мёртвым, немерцáющим блéском по-прéжнему далёкие тóчки звёзд да слепил глазá чуть желтовáтый диск пылáющего Сóлнца.

И дóлго я летáл среди хóлода, мрáка и тишины и уж совсём бýло отчáялся в своём предпрiiятии, когда вдруг на чёрном бáрхате нéба появилсá ярко освещённое Сóлнцем долговязое и тóщее тóло. Онó приближáлось ко мне с огрóмной быстротóй, и по длiнной борóде, развевáющейся подобно хвосту комéты, и по непрестáнному злóбному бормотáнию я без труда узнал своего брáта.

«Селáм алéйкум, Омáрчик! — воскликнул я, когда мы с ним поравнялись. — В дóбром ли ты находишься здорóвье?»

«Да так, ничегó, — неохóтно и непривётливо отвечáл мне Омáр Юсúф. — Как видишь, вращáюсь себе помалень-

ку вокруг Земли. — Он пожевал губами и сухо добавил: — Ну, а теперь говори, чего тебе нужно. Не забывай, что ты прилетел к занятому джинну. Конец дело — и улетай».

«Чем же это ты так занят, о любезный брат мой?» — осведомился я.

И он мне ответил:

«То есть как это чем? Я же сказал тебе, что работаю спутником Земли. Врацуюсь, как проклятый, день и ночь без минуты отдыха...»

«О горе мне! — воскликнул я тогда в великой скорби. — Сколь печальна и неинтересна твоя жизнь среди вечного холода и тьмы, в беспрестанном и бессмысленном вращении вдаль от всего живого!»

И я залился слезами, ибо мне было бесконечно жаль моего брата.

Но Омар Юсуф в ответ на мой сердечные слова только холодно и снисходительно промолвил:

«Не жалей меня, ибо меньше кого бы то ни было я нуждаюсь в жалости. Посмотри — и ты увидишь: я самое большое из всех небесных тел. Правда, Солнце и Луна светят, и даже довольно ярко, а я не свечусь, но зато я несравненно крупнее их. Я уж не говорю о звездах, которые столь малы, что множество их спокойно уместится на моем ногте. — Тут на его лице появилось некое подобие благожелательной улыбки. — Если хочешь, — промолвил он, — присоединись ко мне, стань моим спутником — будем вращаться вместе. И тогда, если не считать меня, ты будешь крупнейшим из небесных тел».

Но напрасно я обрадовался этому хоть и необычному, но всё же проявлению братских чувств, ибо Омар Юсуф так обосновал своё предложение:

«А то у всех светил имеются спутники, а у меня нет. Даже как-то неудобно перед другими светилами».

Я поразился невежественности и глупой самовлюбленности моего брата.

Я понял, что он не желает возвращаться на Землю, и я с тяжёлым сердцем сказал ему:

«Прощай, ибо я спешу: мне ещё нужно успеть поздравить кое-кого из моих юных друзей».

Но Омár, которому, видимо, пришлась по сердцу его идея, взревёл:

«А спутником моим кто будет? Оставайся лучше добром, или я разорву тебя на куски!»

С этими словами он вцепился в мою левую ногу, но я не растерялся, резко свернул в сторону и вырвался из рук Омáра, оставив в них одну из моих туфель. Он, конечно, пожелал догнать меня, но не мог этого сделать, ибо должен был продолжать свой бесконечный путь по замкнутой кривой, именуемой научным словом «орбита».

Но, отлетев на приличное расстояние, я всё же почувствовал некоторую жалость к моему неприятному и себялюбивому брату и крикнул ему:

«Если тебе так уж требуются спутники, о Омár Юсуф, то за этим дело не станет!»

Я вырвал из своей бороды пять волосков, разорвал их на мелкие кусочки и развеял во все стороны. И тогда вокруг Омáра Юсуфа стало вращаться много разноцветных, красивых шариков размером от горошины до очень большой тыквы. И это были вполне приличествующие ему спутники и по размеру и по красоте.

Брату моему, как существу недалёкому, до этого мгновения, видимо, просто не приходило в голову, что он сам может изготовить себе спутников. Сейчас же он, в великой своей гордыне, пожелал себе спутника величиной с гору. И такой спутник у него действительно тотчас же появился. Но так как масса вещества, заключённого в этой горе, во многие тысячи раз превышала вес взбалмошного и бестолкового брата моего Омáра Юсуфа, то Омár Юсуф тотчас же шлёпнулся о созданное им новое небесное тело, упруго, как футбольный мяч, отскочил от него и с воплями стал быстро-быстро вокруг него вращаться.

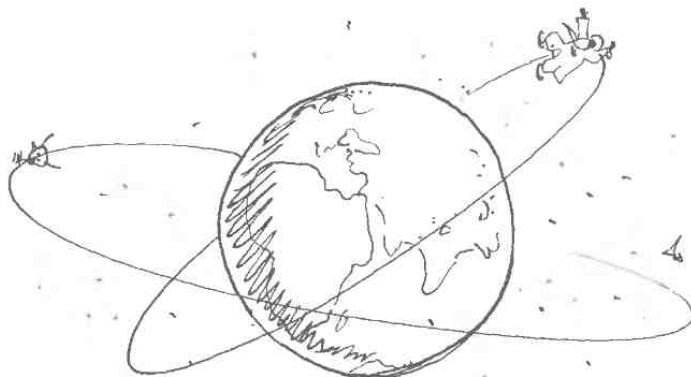
Так Омár Юсуф пал жертвой своего непомерного тщеславия, превратившись в спутника своего собственного спутника.

А я верну́лся на Зе́млю и сел писа́ть тебе́ э́то писа́мó, о вме́стѣлице всех до́стоинств, да́бы ты не остава́лся в неизвѣстности о случѣившемся.

А та́кже спешу́ тебе́ сообщѣть, что привелóсь мне уви́деть в магази́не радиоприѣмников на у́лице Го́рького одѣн отличнейший приѣмник о девяти́ ла́мпах, и до́стоинства его́ неисчисли́мы, и ви́дом своим он ласка́ет са́мый прихотли́вый взор, и пришлó мне в го́лову, что е́сли бы к э́тому приѣмнику прила́дить...»

Но да́льше начина́лось уже́ типичное писа́мó завзя́того радиолюбѣтеля, и приводѣть его́ не представля́ет ни ма́лѣйшего смы́сла, ибо те, кто увлека́ется э́тим де́лом, не найдут в нём ниче́го но́вого для себя́, а не увлека́ющиеся э́той о́траслью промы́шленности средств свѣзи не найдут в нём ниче́го до́сто́йного их внима́ния.

LXIV. ЭПИЛОГ

Если кто-нибудь из читателей этой глубоко правдивой повести, проходя в Москве по улице Разина, заглянет в приёмную Главсевморпути, то среди многих десятков граждан, мечтающих о работе в Арктике, он увидит старичка в твёрдой соломенной шляпе канотье и вышитых золотом и серебром розовых туфлях. Это Хоттабыч, который, несмотря на все свои старания, никак не может устроиться радистом на какую-нибудь полярную станцию.

Уж один его внешний вид — длинная седая борода по пояс, а следовательно, и бесспорно почтенный возраст — является серьёзным препятствием для посылки на работу в суровых условиях Арктики. Но ещё безнадежней становится его положение, когда он начинает заполнять анкету.

На вопрос о своём занятии до 1917 года он правдиво пишет: «Джинн-профессионал». На вопрос о возрасте — «3732 года и 5 месяцев». На вопрос о семейном положении Хоттабыч простодушно отвечает: «Круглый сирота. Холост. Имею брата, по имени Омар Юсуф, который до июля прошлого года проживал на дне Северного Ледовитого океана в медном сосуде, а сейчас работает в качестве спутника Земли», и так далее и тому подобное.

Прочитав анкету, все решают, что Хоттабыч не в своём уме, хотя читатели нашей повести прекрасно знают, что старик пишет сущую правду.

Конечно, ему ничего не стоило бы превратить себя в молодого человека, написать себе любую приличную биографию или, на худой конец, продумать ту же комбинацию, что и перед поездкой на «Ладог». Но в том-то и дело, что старик твёрдо решил устроиться на работу в Арктике честно, без малейшего обмана.

Впрочем, в последнее время он всё реже и реже навдывается в приёмную Главсевморпути. Он задумал подзаняться теорией радиотехники, чтобы научиться самостоятельно конструировать радиоаппаратуру. При его способностях и трудолюбии это не такое уж безнадежное дело. Вся остановка за учителями.

Хоттабыч хочет, чтобы его преподавателями были оба его юных друга, и единственное, что, как мы уже знаем, они могли ему обещать, — это проходить с ним изо дня в день то, чему их самих обучают в школе. Хоттабыч пораскинул мозгами и решил, что, в конце концов, это не так уж плохо.

Таким образом, и Волька и Жёня учатся сейчас очень старательно, на круглые пятёрки, чтобы не ударить лицом в грязь перед своим престарелым учеником. У них уже решено с Хоттабычем, что он при их помощи и одновременно с ними закончит курс средней школы.

Но тут их пути разойдутся. Жёня, если вы помните, давно уже выбрал для себя медицинскую карьеру, а вот у Вольки те же замыслы, что и у Хоттабыча. Он мечтает стать радиоконструктором и, уверяю вас, будет не последним человеком в этом трудном, но увлекательном деле...

Нам остаётся только проститься с героями этой смешной и трогательной истории, пожелать им здоровья и успехов в учёбе и дальнейшей жизни. Если вы когда-нибудь встретите кого-либо из них, передайте им, пожалуйста, привет от автора, который выдумывал их с любовью и нежностью.

<i>От автора</i>	3
I. Необыкновенное утро	5
II. Тайственный сосуд	7
III. Старик Хоттабыч	11
IV. Экзамен по географии	15
V. Вторая услуга Хоттабыча	33
VI. Необыкновенное происшествие в кино	35
VII. Беспокойный вечер	46
VIII. Глава, служащая прямым продолжением предыдущей	56
IX. Беспокойная ночь	61
X. Необыкновенное событие в тридцать седьмой квартире	63
XI. Не менее беспокойное утро	67
XII. Почему С. С. Пивораки переменял фа- милию	69
XIII. Интервью с легким водолазом	77
XIV. Намечается полёт	80
XV. В полёте	83
XVI. О том, что приключилось с Жёней Бого- радом далеко на Востоке	88
XVII. Тра-ля-ля, о иби Алёша!	93
XVIII. Будьте знакомы!	98

XIX. Помилуй нас, о могущественный владыка!	100
XX. Волька Костыльков — племянник аллаха	110
XXI. Кто самый богатый	114
XXII. Один верблюд идёт...	119
XXIII. Тайственная история в отделении Гос- банка	127
XXIV. Старик Хоттабыч и Сидорелли	133
XXV. Больница под кроватью	147
XXVI. Глава, в которой мы на некоторое время возвращаемся к лающему мальчику	150
XXVII. Старик Хоттабыч и мистер Гарри Ван- дендаллес	160
XXVIII. Рассказ Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба о том, что с ним произошло после выхода из магазина	163
XXIX. Те же и Гарри Вандендаллес	166
XXX. Долог путь до стадиона...	179
XXXI. Второе приключение в метро	180
XXXII. Третье приключение в метро	183
XXXIII. Лишние билетки	185
XXXIV. Опять эскимо	187
XXXV. Сколько надо мячей?	188
XXXVI. Хоттабыч вступает в игру	191
XXXVII. Обстановка накаляется	195
XXXVIII. Примирение	203
XXXIX. Чудо в милиции	205
XL. Где искать Омара?	207
XLI. «Давайте останемся»	209
XLII. Рассказ проводника международного ва- гона скорого поезда Москва — Одесса о том, что произошло на перегоне Нара — Малый Ярославец (Рассказан проводни- ком его сменщику, спавшему во время этого происшествия)	211
XLIII. Незвестный парусник	218
XLIV. На «Любёзном Омаре»	220
XLV. Копёр-гидросамолёт «ВК-1»	227

XLVI. Интервью с юным гонуэзцем	230
XLVII. Потерянный и возвращённый Хоттабыч	235
XLVIII. Роковой чемодан	242
XLIX. Сосуд с Геркулесовых столбов	249
L. «Вот он, этот старый синьор!»	25
LI. Самая короткая глава	26
LII. Мечта о «Лáдоге»	27
LIII. Переполóх в Центральном экскурсионном бюро	2
LIV. Кто самый знáтный?	2
LV. Глава, в которой сообщáется об удивитель- ной встрече, с которой началóсь путешést- вие на «Лáдоге»	27
LVI. Что мешáет спать?	28
LVII. Риф или не риф	28
LVIII. Обída Хоттабыча	29
LIX. «Селýм алéйкум, Омáрчик!»	29
LX. Омáр Юсúф показывáет свои коготки	30
LXI. К чему привóдят иногда успéхи óптики	3
LXII. Роковáя страсть Хоттабыча	3
LXIII. Новогóдний визит Хоттабыча	32
LXIV. Эпилóг	32

Для восьмилетней школы

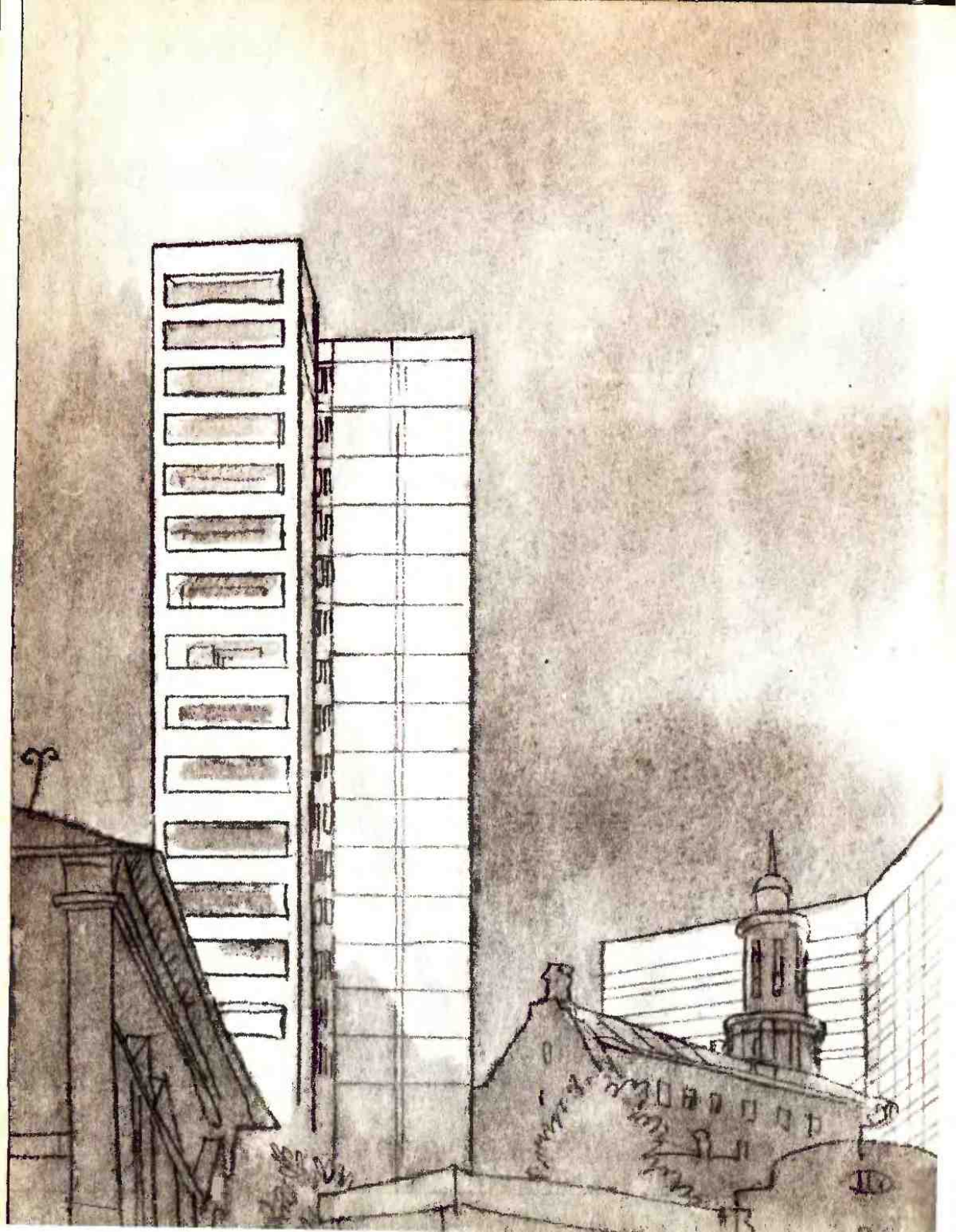
Лагин Лазарь Иосифович

СТАРИК ХОТТАБЫЧ

Повесть-сказка

ИБ № 6723

Ответственный редактор Г. В. Кузнецова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Н. Ю. Крапоткина. Корректоры Ю. В. Дубовицкая и М. Ю. Спирникова. Сдано в набор 22.11.82. Подписано к печати 27.10.83. Формат 70×90^{1/16}. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,74. Усл. кр.-отт. 30,42. Уч.-изд. л. 18,63+8 вкл.=17,45. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1942. Цена 1 р. 20 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Методика преподавания
русского языка

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

SHEVA.SPB.RU/BIB